

Лейля Ауэзова

История Казахстана в творчестве М. Ауэзова



*«Я мог бы явиться человеком-справкой,
у которого между отрочеством и сегодняшним
днем лежат буквально века...»*

Мухтар Ауэзов



Лейла Ауэзова



История Казахстана в творчестве М. Ауэзова

(на материалах эпопеи «Путь Абая»
и «Лихая година»)



АЛМАТЫ «САНАТ» 1997

ББК 83 (5 каз) я 73
А 93

НАЦИОНАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ
И МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Книга подготовлена к изданию сыном Л. Ауэзовой
Диаром Аскарвичем Кунаевым

Ауэзова Л.

А 93 История Казахстана в творчестве М. Ауэзова.
Учебное пособие.— Алматы, «Санат», 1997 — 320
стр.

ISBN 5-7090-0303-4

В книге Л. Ауэзовой (1929—1993) освещены проблемы изучения и публикации литературного и научного наследия отца — великого писателя — Мухтара Ауэзова. В процессе анализа его творчества Л. Ауэзова привлекает большой исторический материал из личного архива писателя, где изображение жизни и быта казахского народа, внутреннего мира своих героев Мухтар Ауэзов органически связывает с поступательным развитием истории, зарождением прогрессивных тенденций, многие из которых не утратили своей актуальности и по сей день.

Книга Л. Ауэзовой познавательна для современного читателя как в понимании творчества Мухтара Ауэзова, так и осмыслении важных проблем истории Казахстана. Предназначена для студентов, филологов, историков.

А $\frac{4603010000-012}{416(05)-97}$ 22—97

ББК 83(5 каз) я 73

ISBN 5-7090-0303-4

© Ауэзова Лейля, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Л. М. Ауэзовой «История Казахстана в творчестве М. Ауэзова» привлекает внимание прежде всего обилием использованных в ней исторических, архивных материалов, что дает возможность автору глубоко, творчески осветить поставленную тему, благодаря чему наше представление о романе-эпопее «Путь Абая» Мухтара Ауэзова — произведения, получившем мировую известность, становится полнее и богаче.

Следует подчеркнуть, что в книге по ходу изложения приводятся также материалы из личного архива писателя, хранящиеся в Мемориальном доме-музее Мухтара Ауэзова, умелое использование которых помогает высветить существенные особенности работы художника над историческими источниками.

Важное значение для понимания богатства содержания и жанрового своеобразия романа-эпопеи имеет поставленная в книге проблема о соотношении исторической и художественной правды в произведении. обстоятельному освещению этой проблемы способствует то, что в книге сочетаются литературоведческий и исторический подход к изучению темы. Хотя исторический аспект исследования в работе преобладает, но, поскольку объектом исследования является художественное произведение, литературоведческим проблемам придается столь же важное значение.

В процессе анализа романа-эпопеи Л. М. Ауэзова привлекает большой исторический материал, широко освещает социально-исторические условия общественной жизни Казахстана прошлого века. Именно многоплановостью романа-эпопеи, многообразием выведенных в нем человеческих образов и судеб, сложностью и глубиной описанных явлений общественной жизни и обуславливается широта охвата в этой книге проблем истории:

социального строя современного Абаю общества, феодальных междоусобиц, усиления протеста со стороны неимущих, бедняцких масс, борьбы, крестьян за пахотные земли и пастбища, деятельности русских политических ссыльных и т.д.

Многопроблемность работы Л. М. Ауэзовой характеризуется не большим числом рассмотренных в ней вопросов, а исследованием поставленной проблемы одновременно в нескольких аспектах, то есть углубленным изучением ее.

Исследователь справедливо подчеркивает, что использование обширного исторического материала обогащает содержание романа «Путь Абая», служит богатой базой для художественного повествования. Воссозданные писателем художественными средствами картины жизни казахов в XIX веке позволяют читателю лучше понять историю Казахстана и его народа. Книга дает наглядное представление о связи исторической художественной литературы и исторической науки, о влиянии истории на развитие литературы, с одной стороны, и о роли литературы в более полном постижении явлений общественной жизни — с другой. Автор книги на основе сопоставления описанных в романе реальных событий и фактов с запечатленными в первоначальных опросных записях писателя показано, как Мухтар Ауэзов, не нарушая самого существа исторической правды, порою подходит совершенно по-своему к изображению жизненных явлений.

В книге убедительно раскрываются особенности присущего роману-эпопее «Путь Абая» социального историзма. Изображение жизни и быта народа, внутреннего мира своих героев Мухтар Ауэзов органически связывает с поступательным развитием истории, обострением социальных противоречий, зарождением прогрессивных тенденций, многие из которых не утратили актуальности по сей день. Несомненно, что книга Л. М. Ауэзовой окажется полезной современному читателю как в понимании творчества Мухтара Ауэзова, так и осмысления важных проблем истории Казахстана.

З. АХМЕТОВ,
академик Академии
Наук Республики Казахстан

ВВЕДЕНИЕ

Исторический роман, как своеобразная историческая форма отражения познания истории и взаимодействия истории и литературы в поисках исторической истины, выявил глубокое внимание художников слова к вопросам изучения духовных ценностей в национальной культуре прошлого, к выдающимся деятелям, стремление осмыслить их место в истории культуры.

«Исторический роман есть как бы точка, в которой история как наука, сливается с искусством, есть дополнение истории, ее другая сторона»¹. — писал В. Г. Белинский, раскрывая основную особенность исторического романа, художественно отражающего историческую правду.

Следовательно, и одним из важных критериев при анализе исторического романа является ее историзм. Сущностью историзма лучших советских исторических романов является образное конкретно-историческое воспроизведение эпохи, на основе осмысления важнейших закономерностей развития общественных отношений и исторического процесса в целом, характерных для данного исторического этапа, осмысления обеспеченного умением раскрыть прошлое с подлинно научной обоснованностью, достоверностью и объективностью. Причем это конкретно-историческое содержание эпохи в литературе может быть раскрыто лишь подлинно-художественными средствами, т.е. путем реалистического отображения в характерах типичных представителей эпохи, их сознания и действий.

Воссоздавая неповторимый облик и колорит прошедшей эпохи с помощью ее внешних атрибутов, исторический романист стремится показать не только ведущие

¹ В.Белинский. Полное собрание сочинений, т. V., М., 1954, стр.4.

закономерности исторического процесса развития данного общества, и но и конкретное его отображение на индивидуальных судьбах людей и положении народа в целом.

Точность и объективность в изображении исторической действительности, раскрытие ее внутренних противоречий, является главным условием идейно-эстетического воссоздания исторической правды — высшего критерия исторического романа.

Правильная оценка ведущих тенденций эпохи в их исторической перспективе и создает основу для особой соотнесенности прошлого, настоящего и будущего — их триединства — одного из основных отличительных свойств историзма литературы.

Вместе с тем следует отметить, что истинный историзм сближает произведения о прошлом с произведениями о современности, т.к. является общим для всех произведений литературы принципом художественного осмысления исторической действительности. В этом процессе становления исторических знаний важное значение обрело творчество писателей, в своих произведениях порой предвосхищавших научное освещение фактов, явлений или событий истории. К числу таких художников, по общему признанию, принадлежал М. О. Ауэзов, в романах, повестях, драмах, рассказах которого находили свое многогранное отражение история и современная жизнь народа, такие события, как национально-освободительное восстание 1916 года, классовые, антифеодальные выступления трудящихся, рождение демократической культуры. По мнению историков, социальные оценки многих явлений прошлого, отражение в творчестве писателя, подтверждались дальнейшими разработками важных проблем истории Казахстана.

Поскольку история составляет основу эпического повествования, то отображение прошлого в художественной литературе наиболее полно и многосторонне можно проследить на примере жанра романа-эпопеи.

Охватывая широкий круг явлений во времени и пространстве воссоздавая через живые художественные образы все сферы народной жизни, роман-эпопея дает цельное представление об эпохе в процессе исторического развития на протяжении многих десятилетий. Причем это широкое воссоздание исторической жизни и борьбы народа строится у писателей на научном пони-

мании и выявлении законов развития общества, объективного хода истории.

Следовательно, ни одному жанру литературы не под силу так широко, многогранно и всеобъемлюще отразить процесс общественной жизни во всех ее сферах сверху донизу, выдвинув на первый план важнейшие проблемы исторического развития народа, как в романе-эпопее.

Недаром говоря о романе-эпопее как жанре зрелого реализма, А.В. Чичерин отмечал, что «первый признак этого жанра — полнота и огромный объем настоящего знания человека и общества»¹

Объектом настоящего исследования является роман-эпопея М.О. Ауэзова «Путь Абая», удостоенный Ленинской премии (1959 г.), ставший вершиной творческого пути писателя.

Начав свою творческую деятельность в 1917 г., М. Ауэзов еще до рождения первой книги эпопеи (1942 г.) создал многие произведения в разных жанрах: Рассказы, повести, пьесы, литературоведческие исследования, критические и публицистические статьи.

Образы, идеи, художественные приемы, весь творческий опыт, накопленный писателем в этих трудах, в той или иной форме вобрала в себя эпопея об Абае. Справедливо отмечал лауреат Ленинской премии Ч. Айтматов: «Разве есть великие реки без притоков. И до «Абая» Ауэзов был заметным мастером. «Лихая година» свидетельствует о том, что задолго до «Абая» Ауэзовым была уже освоена форма широкого эпического повествования. В этом смысле «Лихая година» — один из первых мощных притоков, породивших впоследствии половодье ауэзовской эпопеи»².

Большинство произведений М. Ауэзова 20-х годов посвящено разоблачению недавнего патриархально-феодалного прошлого казахского народа, и наряду с другими историческими свидетельствами они могут быть использованы как реальные источники для истории, быта, нравов народа.

Рассказы «Судьба беззащитных», «Сирота», «Барымта», «Кто виноват?» и другие характеризуют глубокое

¹ А. Чичерин. Возникновение романа-эпопеи. М., 1958, стр. 14.

² Ч. Айтматов. Предисловие к публикации «Лихой години» М. Ауэзова. Ч. Айтматов «Новый мир», 1972, №, 6, стр. 17.

проникновение в сущность социально-экономических отношений дореволюционного казахского аула, изобличение произвола угнетателей, опиравшихся на патриархально-феодалные пережитки в идеологии и экономическое господство, страдание, забитость представителей аульной бедноты.

В пьесе «Енлик-Кебек», повествующий о трагической любви двух молодых людей из враждебных родов, осмелившихся соединить свои судьбы вопреки установленным шариатом законам и казненных по решению суда биев, с большой художественной силой произносится приговор жестоким и в то же время крайне отсталым нормам патриархально-феодалного строя в области семейно-брачных отношений. Этой же проблеме посвящены пьесы «Карагоз» и «Байбише-токал».

В повести «Выстрел на перевале» автором впервые в его творчестве создан образ активного борца с произволом, насилием бая. Прозрение Бахтыгула и его справедливая месть жестоко предавшего его баю, передается через реалистическое воспроизведение исторической действительности.

Названная выше повесть «Лихая година» посвящена участию в национально-освободительном восстании 1916 г. части казахского населения в наиболее отсталой окраине России — Семиречье... в «той самой бездне социальной отсталости, которая порождала лишь стихийный порыв, ибо в основе была вопиющая политическая наивность... патриархальная темнота и беспомощность...»¹

Созданная в конце 20-х годов повесть «Лихая година» говорит о зрелости исторического мышления автора.

В связи с этим Чингиз Айтматов отмечал: «Мало я встречал в восточных литературах произведений, где бы с такой силой художественной убедительности, как это сделал молодой Ауэзов, была бы выражена ненависть к царизму, к его аппарату насилия, где так страстно обличались бы бесчеловечность и цинизм царской колониальной политики, где так глубоко, на фоне большой массы была бы раскрыта природа неприятия кочевым народом чуждой ему царской административной системы,

¹ М. Ауэзов. «Лихая година». «Новый мир», 1972, № 6, стр. 104 (Послесловие).

где с такой болью и состраданием было бы сказано о трагедии простого люда, посмеявшего, на беду свою, восстать и жестокого поплатившегося за бунт своей кровью и изгнанием с родных земель»¹.

В пьесе «Зарницы» (1934 г.) М. Ауэзовым на фоне широкого воспроизведения социально-экономической и политической обстановки глубоко раскрыта сущность национально-освободительного восстания 1916 г.

Однако изучению художественного осмысления М. Ауэзовым проблем истории Казахстана второй половины XIX— начала XX в. наиболее глубоко и основательно можно проследить на материалах романа-эпопеи «Путь Абая», явившегося воплощением всестороннего постижения автором истории казахского народа.

М. О. Ауэзов, подобно большинству писателей, образовавшихся к историческому жанру, изучая изображаемую эпоху как художник стремился с самой высокой научной тщательностью, собирать и исследовать исторические документы и материалы.

Изучение эпопеи «Путь Абая» в историческом аспекте показывает, что автором была проделана огромная работа, определившая безусловное научно-познавательное значение этого произведения, явившегося серьезным источником прошлого Казахстана, воссозданного при всей исторической достоверности в ярких художественных образах.

Литературная критика, многократно обращавшаяся к анализу эпопеи М. Ауэзова, единодушно отмечала наличие и творческое развитие автором названных выше важнейших черт, присущих лучшим историческим романам. Поэтому представляет особый интерес изучение самого характера исследовательской работы, проведенной М. О. Ауэзовым в период сбора опросных сведений, тщательного ознакомления с историческими архивными и литературными источниками, их критический отбор и осмысления в образах. Путь каждого художника в этом отношении сугубо индивидуален, и заглянуть в творческую лабораторию писателя хотя бы в одном аспекте, с позиций историка, означает раскрыть сущность проблем истории Казахстана, отраженных в эпопее, ее исторические основы.

¹ М. Ауэзов. «Лихая година». «Новый мир», 1972, № 6, стр. 104.

Анализ эпопеи с этих позиций делает правомерным исследование проблем истории и историзма в этом произведении, творчества решенных писателем. Закономерность такого подхода к теме подтверждает известное высказывание выдающегося казахского ученого, академика К. И. Сатпаева, отметившего, что эпопея «Путь Абая», не говоря о ее художественных достоинствах, представляет собой «подлинную энциклопедию всех многогранных сторон жизни и быта казахского народа во второй половине XIX века»¹

Отсюда цель исследования — детально рассмотреть вопрос об историзме «Путь Абая» в сопоставлении с документальными источниками, дать его обоснование, подтверждающее, что этот основной труд жизни М. О. Ауэзова содержит богатейший материал по истории Казахстана.

Решая вопрос об историзме эпопеи, необходимо прежде всего определить, насколько глубоко и правильно раскрыты в ней закономерности и движущие силы исторического процесса. Исключительно важно и интересно, на наш взгляд, проследить, насколько полно и верно в сопоставлении с данными исторической науки М. О. Ауэзов сумел отразить в эпопее основные проблемы истории Казахстана второй половины XIX века.

Как известно, генеральное направление развития всей современной науки связано с тесным взаимодействием различных ее областей и потому исследования, проведенные на стыке наук, дают возможность по-новому взглянуть на то или иное явление, рассмотреть его в новом аспекте, позволяющем открыть иные грани, пласты, особенности, которое до тех пор не изучались. Такой тип исследования позволяет дать наиболее полное представление о нем, ибо использует принципы двух родственных наук.

Общеизвестно, что историю и литературу издавна связывают тесные узы родства; не даром по древнегреческой мифологии они представляются как родные сестры. Эпопея «Путь Абая» разносторонне рассматривалась до сих пор литературоведами, в трудах которых, естественно, не ставился вопрос о том, насколько полно и достоверно это

¹ К. Сатпаев. Выдающееся произведение казахской советской литературы. С сб.: М. Ауэзову. Сборник статей к его шестидесятилетию. Алма-Ата, 1959, стр. 28-29.

эпическое полотно отражает реальную историю народа, представленную во всех сферах на протяжении полувека.

С позиции же историка эпопея «Путь Абая» также не изучалась. Подобный анализ эпопеи в историческом аспекте проводится нами впервые.

Тема настоящего исследования находится, таким образом, на стыке двух наук — истории и литературоведения и для решения ее необходимо оперировать данными обеих наук.

Эпопея «Путь Абая» вызвала появление большой критической литературы¹

Однако вопросы соотношения реальной истории и художественного вымысла, источники, использованные М. О. Ауэзовым при создании эпопеи, ее исторические основы, характер творческого освоения автором этих материалов до сих пор не были в ней предметом детального, конкретного изучения. Поэтому нами впервые рассматривается не только работа М. О. Ауэзова над историческими материалами, на которых строился сюжет романа, но и творческий подход к ним писателя, приемы использования их в художественном произведении, когда историческая истина сливается с искусством.

Задачей настоящего исследования является рассмотрение на примере эпопеи «Путь Абая» сложного и малоизученного вопроса: на каких принципах строится художественное осмысление писателем подлинных исторических фактов и претворение их в художественные образы, соотношение исторической и художественной

¹ Первая казахская эпопея (Сб. статей на каз. яз.). Алма-Ата, 1957; *Е. Исмаилов*. О романе «Абая (на каз. яз.)». «Майдан», 1945, № 2; *В. Иванов*. Роман о песне. Литературная газета, 1948, 10 ноября; *З. Кедрина*. Абай. «Правда», 1948, 20 декабря; Эпопея народной жизни. В кн.: «Из живого источника». М., 1960; *П. Скосырев*. Роман об Абае. «Комсомольская правда», 1949, 14 апреля; *К. Зелинский*. Путь поэта (О романе «Путь Абая»). «Правда», 1958, 3 августа; *В. Смирнова*. «Путь Абая» — путь народа» (О романах «Абай» и «Путь Абая» М. Ауэзова), «Литературная газета», 1958, 16 декабря; *М. Каратаев*. Первая казахская эпопея. «Казахстанская правда», 1956, 8 сентября; его же. Предисловие к эпопее «Путь Абая», Алма-Ата, 1960; его же. *Мухтар Ауэзов* (Заметки о творчестве). Алма-Ата, 1967; *З. Ахметов, И. Дюсенбаев*. Романы Мухтара Ауэзова об Абае. «Коммунист Казахстана», 1956. № 11, *Е. Лизунова*. Мастерство Ауэзова-романиста. В кн.: «Современный казахский роман». Алма-Ата, 1964; ее же. Поэт и народные эпопеи. В кн.: «Мастерство Ауэзова». Алма-Ата, 1968; *А. Нуркатов*. Творчество Мухтара Ауэзова (Сб. статей на каз. яз.). Алма-Ата, 1965; *Р. Бердибаев*. Роман и современность (на каз. яз.). Алма-Ата, 1967, и др.

правды при создании литературного произведения на историческую тему.

Вместе с тем изучение исторических источников, на которых базируется эпопея «Путь Абая», дает возможность исследовать интереснейшую проблему роли художественного вымысла и домысла в историческом романе в их сочетании с документальными свидетельствами описываемой эпохи в свете справедливого положения, что «Изучение фактов былого и проникновение в глубь взором художника — это две стороны творческого процесса, два пути познания истории, вживания в нее»¹

Романы об Абае, на наш взгляд, представляют интересные возможности для изучения диалектического единства исторического и художественного начал, взаимодействия художественного творчества и исторической науки.

Изучение эпопеи в таком аспекте дает также возможность выявить принципы отбора писателем исторических фактов в изображении многогранной жизни народа, постановку важных проблем исторического развития народа.

Эпопея «Путь Абая» принадлежит к тем историческим романам, где в центре стоит образ выдающейся личности, сыгравшей прогрессивную роль в истории духовной культуры народа. Образ Абая как бы организует сюжет романа, построенного в целом на поступательном развитии самой истории, исторической судьбы народа. Изучение эпопеи убедительно свидетельствует о том, что Абай не мог бы быть понят и показан с достаточной глубиной в отрыве от своей эпохи с ее противоречиями, от жизни народа, выразителем интересов которого он выступал, прозорливо определяя дальнейший путь его развития. В этой связи представляется важным исследовать, как М. О. Ауэзов путем тщательного и достоверного показа в романе социально-исторической обстановки подошел к изображению формирования личности и мировоззрения Абая, истоков его творчества.

В. Г. Белинский отмечал: «Чем выше поэт, тем больше принадлежит обществу, среди которого родился, тем теснее связано его развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества»². Рас-

¹ Л. Черепнин. Исторические взгляды русских классиков. М., 1968, стр. 86.

² В. Г. Белинский. Соч., т. I. Спб., 1907, стр. 430.

смотрение особенностей историзма эпохи «Путь Абая» представляет интерес и для изучения проблемы изображения выдающейся личности, ее роли в истории и проблемы изображения выдающейся личности, связанной с ней задачей воссоздания самой эпохи, отраженной также и в судьбе этой личности.

Только так понимая свою задачу, М. О. Ауэзов говорит о противоречиях метода основателя жанра биографического романа в западно-европейской литературе, известного французского писателя А. Моруа, описавшего жизнь Байрона в отрыве от его времени, в зависимости от отдельных случайностей. Историческая почва, определившая революционно-романтический характер творчества Байрона, подменена в его романе воспроизведением второстепенных нехарактерных обстоятельств его интимной жизни.

Изучая опыт советских и зарубежных писателей в создании историко-биографических романов о творческих личностях, М. О. Ауэзов отмечал, что он не только воспринимал положительное в их художественных решениях, но и старался избежать в своей писательской практике допущенных ими просчетов.

Так, например, выступая против «Натуралистического изображения жизни гения прошлого», которым отмечен роман А. Моруа о Байроне, Ауэзов писал: «Нас интересует в их биографиях не случайные подробности и факты. В памяти народа живут те стороны жизни выдающихся деятелей, которые наиболее существенны, с которыми собственно и связана их роль в истории. Думается, именно с этой точки зрения прежде всего и нужно рассматривать биографии замечательных людей»¹

Эту же мысль высказал и другой исторический романист С. Голубов, делясь своими раздумьями над материалом истории в романе о Багратионе: «Герой художественного произведения есть сгусток того, как понимает и объясняет писатель изображаемую им эпоху. Собственно говоря, именно эпоха и является настоящим героем исторического романа в образе его литературного героя»²

¹ М. О. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». В кн.: М. О. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 358.

² С. Голубов. Правда и вымысел в советском историческом романе. «Вопросы литературы», 1958, № 1, стр. 84.

В работе преимущественное внимание уделяется рассмотрению общеисторической концепции автора эпопеи, его отношение к наиболее важным конкретным историческим проблемам, их художественному воплощению, влиянию исторической науки на творчество М. Ауэзова.

Как известно, родоначальником исторического романа в западно-европейской литературе является Вальтер Скотт. Русская историческая романистика XIX в., представленная творчеством И. И. Лажечникова, М. Н. Загоскина, а позже А. К. Толстого и др. зачастую носила на себе черты романов «вальтер-скоттовского типа», где история является лишь фоном, а исторические события — лишь поводом для повествования о вымышленных персонажах главнейшими героями романа. Проблема роли личности в истории решалась даже в лучших из них идеалистических позициях, в отрыве от конкретного социально-экономического анализа рассматриваемой эпохи.

В русской литературе начала XX века проблемы крестьянских восстаний, роли выдающихся личностей в истории страны и пр. рассматривались в ряде случаев с реакционно-шовинистических, либо либерально-буржуазных позиций. Оценка событий нередко подвергалась в них тенденциозным искажениям исторической правды как в романах Д. Мордовцева «За чьи грехи», Г. Данилевского «Черный год» (Пугачевщина). Иные же романы служили лишь целям занимательности, как «Пугачевцы» у графа Салиаса, некоторые же авторы (например, М. Мережковский — «Антихрист», «Петр и Алексей») в трактовке образов выдающихся деятелей прошлого исходили из принципов мистифицированного, символического их изображения.

Авторы лучших исторических романов 20-х годов — в своих первых поисках художественного осмысления прошлого стремились к осмыслению и развитию традиций историзма, зачинавшихся в творениях русских классиков XIX в. А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого и др. Историческими романистами был прежде всего освоен и творчески развит принцип конкретно-исторического, правдивого изображения прошлого, получивший наиболее полное выражение в эпопее «Война и мир». Причем новаторские достижения Л. Толстого в эпопее «Война и мир» по широте, глубине и многогранности художественного воспроизведения жизни общества, реа-

листическим принципам типизации и художественного психологизма, пафоса гражданственности, истинного патриотизма, основанного на признании народа творцом истории, до настоящего времени остаются недосягаемой высотой.

В обращении к принципам исторического повествования в произведениях русских классиков XIX в. наиболее важной и определяющей была традиция изображения личных судеб героев в тесной связи с конкретно-историческими событиями, отражающими важнейшие явления эпохи.

Это важное художественное открытие русских классиков, связанное с творческим решением вопроса о взаимосвязи человека и общества, было принято за основу в историческом романе.

М. Ауэзов приступил к работе над эпопеей «Путь Абая» в середине 30-годов.

Наряду с определенными выше задачами исследование имеет целью изучение творческого применения М. Ауэзовым основных принципов осмысления истории, выявление основных особенностей историзма эпопеи «Путь Абая», ее новаторский взгляд в обогащение данного жанра.

В Историографическом обзоре правомерно поставить вопрос и о том, какими источниками и приемами их анализа пользовался М. О. Ауэзов в своей многолетней работе над романом, одновременно изучая биографию, творчество и эпоху Абая Кунанбаева.

М. О. Ауэзов писал, что он начал интересоваться Абаем еще будучи воспитанником учительской семинарии, а затем студентом Ленинградского университета. Уже в эти годы он, будущий автор эпопеи, смог накопить интересные факты из биографии Абая, которые почерпнул из бесед с его близкими, женами Айгерим (умерла в 1918 г.) и Дильдой (дожила до 1924 г.), последней женой его отца Кунанбая — Нурганым, поэтом Кокпаем и др. Современником Абая Кунанбаева был и дед писателя Ауэз, близко знавший поэта а также поведавший внуку много интересных сведений, связанных с биографией казахского классика.

Однако и тот период М. О. Ауэзова еще не рассматривал свое увлечение Абаем как нечто серьезное. Он писал впоследствии: «Вплотную как биограф я занялся соби́ранием материала о жизни Абая уже после 1930

г. К сожалению, в это время из людей лично знавших его, в живых осталось только несколько стариков. И все же мои записи рассказов, услышанных непосредственно из уст современников Абая, начиная с 1933 г. стали появляться в печати»¹

Как известно, дореволюционные письменные источники об Абае сводились главным образом к биографии поэта, написанной К. Исхаковым в предисловии к изданному в 1909 г. стихам Абая, и к ряду публикаций в местной прессе. Ввиду полного отсутствия таких материалов, как дневники, письма, мемуары, на которых обычно строится изучение биографии исторического деятеля, основных, а порой и единственным источником для воссоздания жизненного пути Абая явились воспоминания его современников.

В личном архиве М. О. Ауэзова сохранились уникальные записи рассказов современников Абая Кунанбаева о его жизни и эпохе, собранные писателем в период поездок в 30-е и 40-е годы в Абаевский район Семипалатинской области — на родину Абая.

Наиболее ранними из них, относящимися к 30-м годам, являются записи автора со слов лиц, знавших Абая лично или сохранивших в памяти воспоминания о нем своих отцов, близких и современников поэта. Среди этих сведений есть полученные М. О. Ауэзовым от стариков Мадияра, Ермусы, Тумабая Наданбаева, внука Кулиншака, старейшины рода торгай, Алимбета, Катпы Курамжанова, Сыдыка Махмудова, Касена, Букена, Архама Исхакова, акына Толеу Кобдыкова, внучки Абая Уасили, его невестки Камалии и др.

Ценные сведения были переданы М. О. Ауэзову писателем Сапаргали Бегалиным (собраны последним в эти же годы на родине Абая), которые также были использованы автором «Путь Абая» при работе над романом. Имеющиеся в материалах С. Бегалина записи бесед с Баймагамбетом Айтхожиным, богаты интересными деталями, касающимися характера Абая, заключают в себе отдельные высказывания, шутки, приписываемые поэту, подробные сведения о музыканте Мухе Адильханове и пр.

¹ М. О. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». в кн.: М. О. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Алма-Ата, 1967, стр. 360.

Наряду с фактами биографии поэта все эти записи содержат также народные поговорки, старинные слова и обороты речи, использованные впоследствии М. О. Ауэзовым для верной передачи духа эпохи, ее языка.

Большое количество сведений, записанных М. О. Ауэзовым на родине Абая, связано с казахским обычным правом в области земельного вопроса, брака и пр., этнографическими данными, касающимися похоронных обрядов, свадеб, народных обычаев, сведений о казахском календаре, космогонических понятиях. Опросные данные такого рода, не будучи документально зарегистрированы, тем не менее не становятся по этой причине менее ценными первоисточниками; напротив, они могут быть, наряду с историческими документами, полноценным материалом, необходимым не только для художественного произведения, но и для исторического исследования.

Надо сказать, что эти записи М. О. Ауэзова носят лаконичный и отрывочный характер. Они являются как бы дополнением к тем фактам, которые были ему хорошо известны и ранее, сохранились в его памяти с молодых лет. М. О. Ауэзов образно сравнивал эту свою длительную работу по сбору материалов об Абая, предшествовавшую художественному воссозданию его образа, с «трудом запоздалого путника, который приходит к месту стоянки давно ушедшего каравана, находит последний тлеющий уголек угасшего костра и хочет своим дыханием оживить, раздуть этот уголек в яркое пламя». «Потускневшая память стариков, — говорил Мухтар Омарханович, — служила мне путеводителем по юности Абая, по лицу шестидесятилетней Айгерим я старался восстановить красоту ее пленительной красоты, некогда обворожившей поэта»¹

Подчеркивая решающее значение опросных сведений для воссоздания биографии Абая Кунанбаева, М.О.Ауэзов отмечал, что само поэтическое творчество Абая сохранило мало конкретных фактов его биографии. Он говорил, что многие имена или детали, связанные с отдельными личностями, в свое время вычеркивались самим поэтом или упускались современниками при устном распространении его поэзии. М. Ауэзов в тезисах к лекции об

¹ М.О. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». В кн.: М.О. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Алма-Ата, 1967, стр. 360.

истории своей работы над романом отмечал, что им были собраны некоторые посвящения стихов Абая, восстановлены отдельные личные имена в его стихах.¹

Наряду с источниками мемуарного характера М.О. Ауэзов в работе над воссозданием эпохи Абая широко пользовался, как он сам подчеркивал, исследованиями историков, осветивших прошлое Казахстана. Насколько широк был круг исторических источников, привлекавшихся М. О. Ауэзовым при работе над эпопеей, свидетельствуют обширные выписки из отдельных статей и исследований, пометки в трудах, посвященных эпохе, в которую жил и творил Абай, изучение архивных источников, характеризующих поэта и его время. Конспективные записи М. Ауэзова, сохранившиеся в его архиве говорят и об углубленном изучении им мыслей и положений Белинского в области теории исторического жанра.

Большое познавательное значение эпопеи «Путь Абая» связано, на наш взгляд, также и с тем, что многие стороны народной жизни, так живо и достоверно воспроизведенные в романе, были построены не только на изучении специальной исторической литературы, но и на личных воспоминаниях автора, относящихся к его детству и юности, проведенным до Октябрьской революции в тех местах, где происходит действие его романа. Недаром М. О. Ауэзов, родившийся в 1897 г. и непосредственно наблюдавший дореволюционную жизнь, говорил о себе: «Я мог бы явиться человеком-справкой, у которого между отрочеством и сегодняшним днем лежат буквально века. По всему тому, что я видел, пережил, наблюдал, я пришел к середине XX столетия как бы из далекого, даже не европейского, а азиатского средневековья»². М. Ауэзов воспроизвел близкую ему среду, пережитую им эпоху.

Эта особенность труда М.О. Ауэзова, основанного в значительной мере на личном, непосредственном познании действительности собственной биографии, которая не могла бы восполнить никакая эрудиция в изучении исторического прошлого народа, сближает его творчество и с некоторыми особенностями работы А. Н. Толстого над «Петром I».

¹ Архив Л. А, папка № 395, л. 97.

² М. Ауэзов. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961, стр. 56.

Критика не раз обращала внимание на то, что в роман о петровской эпохе у А. Толстого «входило непосредственное ощущение русской старины, которое поддерживалось в писателе воспоминаниями детства; его глубоким знанием русской патриархальной провинции, деревни»¹ Алексей Толстой и сам подчеркивал эту связь своих личных воспоминаний с зарисовками русского быта в романе о Петре I: «Если бы я родился в городе, а не в деревне, не знал бы с детства тысячи вещей — эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гадания, сказки, лучину, овины, которые особым образом пахнут, я, наверное, не мог бы так описать старую Москву. Картины старой Москвы звучали во мне глубокими детскими воспоминаниями. И отсюда появилось ощущение эпохи, ее вещественности. Этих людей, эти типы я потом проверял по историческим документам. Документы давали мне развитие романа, но вкусовое, зрительное восприятие, идущее от глубоких детских впечатлений, не тонкие, едва уловимые вещи, о которых трудно рассказать, давали вещественность тому, что я описывал»²

В архиве писателя сохранились записи, из которых видно, что изучая взаимоотношения Абая с политическими ссыльными Семипалатинска, М. О. Ауэзов внимательно знакомился с исторической литературой, связанной с различными периодами революционно-демократического движения в России во второй половине XIX века. Судя по его конспектам, датированным еще 1946 г., он делал обширные выписки из специальной литературы, посвященной Н. Г. Чернышевскому, его соратникам Н. В. Шелгунову, М. Л. Михайлову, А. Серно-Соловьевичу, а также Е. П. Михаэлису³ впоследствии политическому ссыльному, оказавшему большое влияние на Абая.

С такой же тщательностью подошел М.О. Ауэзов и к изучению деятельности народовольцев, знакомясь не только с исторической литературой, но и с периодикой того времени. В его архиве содержатся сведения о событиях 1 марта 1881 г., почерпнутые из журналов: «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Русский вестник»,

¹ А.Н. Толстой «Петр I» (Комментарии). М., 1947, стр. 793.

² А.Н. Толстой. О литературе. М., 1956, стр. 332.

³ Архив ЛММА, папка № 395, лл. 55, 56, 61, 62, 63, 64-69 и др.

«Отечественные записки», из провинциальных газет: «Семипалатинские областные ведомости», «Туркестанские областные ведомости», и пр.¹ Касаясь событий, связанных с убийством Александра II, М. О. Ауэзов стремился отразить их в романе, исходя из непосредственных откликов в печати того времени. Наряду с этим М. О. Ауэзовым были сделаны обширные выписки из следственного дела друга Абая — народовольца Н. Долгополова, хранящегося в Центральном государственном архиве Казахстана.

При изучении идейного содержания романа, связанного с авторским толкованием истории, несомненный научный интерес представляют критические замечания к рукописи романа и творческая реализация их автором. Подобного рода плодотворное сотрудничество писателя с критиками его романа можно проследить на примере работы М. О. Ауэзова с редакцией журнала «Знамя», впервые издавшей на русском языке третью и четвертую книги романа. В данном случае нам хотелось подчеркнуть существенное значение критики, направлявшей внимание автора на углубление историзма романа. Подобный же анализ самого характера переработки текста его исправлений, дополнений, работа над стилем, которая ясно видна по оригиналам рукописей М.О. Ауэзова, их вариантам, разночтениям, сосредоточенным в личном архиве писателя, представляют, на наш взгляд, как изучение творческой лаборатории писателя предмет самостоятельного исследования.

Специфика настоящего исследования, связанная с необходимостью изучения источников создания эпопеи «Путь Абая» и всесторонним анализом ее историзма, потребовала внимательного ознакомления с широким кругом литературы по дореволюционной истории Казахстана² Вместе с тем работа базируется на основных трудах по абаеведению*, представляющему, как известно, отрасль казахского литературоведения.

¹ Архив ЛММА, папка № 395, лл. 3-6, 60.

² История Казахской ССР», т. 1. Алма-Ата, 1957; Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; его же. Очерки истории Казахстана XIX в. Алма-Ата, 1966; Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX — начала XX века. Алма-Ата, 1963; С. Тольбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVIII-XIX вв. Алма-Ата, 1959; С. Зиманов. Политический «строй казахов конца XVIII-первой половины XIX века.

Отдельные вопросы становления жанра исторического романа хотя и затрагиваются в трудах исследователей, посвященных национальным литературам, однако монографических работ на эту тему еще недостаточно. В частности, в казахском литературоведении делаются первые попытки обобщения этих вопросов в некоторых трудах¹

Наряду с использованием названных выше литературных материалов, введением в научный оборот уникальных записей М. О. Ауэзова, воспоминаний современников Абая, нами также привлечено большое количество неопубликованных исторических источников, почерпнутых из фондов центральных и местных архивов. Большой интерес представляет в сопоставлении с воспоминаниями современников впервые исследованное и

Алма-Ата, 1958; *его же*. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата. 1960; В. Ф. *Шахматов*. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964; Е. *Дильмухамедов*, Ф. *Маликов*, Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана (вторая половина XIX-начало XX века). Алматы, 1963; И. *Сапарғалиев*. Карательная политика царизма в Казахстане. Алма-Ата, 1966; А. *Еренов*. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961; Т. М. *Культелеев*. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955; П. Г. *Галузо*. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. Алма-Ата, 1965; «Казахстан в канун Октября» Сб. статей, Алма-Ата, 1968, и др.

М. О. *Әуезов*. Абай Құнанбаев. Мақалалар мен зерттеулер. Алматы, 1967. *Мұқанов Сәбит*. Жарқын жұлдыздар. Шоқан Уәлиханов пен Абай Құнанбаевтың өмірі мен творчествосы туралы. Алматы 1964. Х. *Жұмалиев*. Қазақ әдебиеті тарихының мәселелері және Абай поэзиясының тілі: Абайдың өмірі мен творчествосы. Алматы 1960, А. *Нұрқатов*. Абайдың ақындық дәстүрі. Алматы, 1966; Ә. *Жиреншин*. Абай және орыстың ұлы революцияшыл демократтары. Алматы, 1955. *Дербісәлин Әнуар*. Қазақтың Октябрь алдындағы демократияшыл әдебиеті. Алматы 1966. Б. *Кенжебаев*. Қазақ халқының XX ғасыр басындағы демократ жазушылары. Алматы, 1968. Х. *Сүйіншәлиев*. Абайдың қара сөздері. 1956. М. С. *Сильченко*. Абай. Очерки жизни и творчества. Алма-Ата, 1957; З. *Ахметов*. Лермонтов и Абай. Алма-Ата. 1954; «Жизнь и творчество Абая». Сб. статей под ред. М. Ахинжанова и З. Ахметова, Алма-Ата, 1954; К. *Бейсембиев*. Мировоззрение Абая Құнанбаева. Алма-Ата, 1957; И. *Дюсенбаев*. Проблемы изучения истории казахской литературы дореволюционного периода (XVIII, XIX и начало X вв.). Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1966 и др.

¹ Е. *Лизунова*. Развитие исторического романа в Казахской советской литературе. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1950.

опубликованное нами объемное следственное дело отца Абая Кунанбая Ускенбаева,¹ обнаруженное в Омском областном архиве академиком А. Х. Маргуланом.

В центральном государственном историческом архиве² в Ленинграде, Центральном Государственном архиве Октябрьской революции в Москве, в военно-историческом архиве в Москве, Государственном историческом архиве в г. Алма-Аты и Омском областном архиве нами было выделено большое количество новых источников, связанных с эпохой Абая, именами русских политических ссыльных — друзей Абая, участвовавших на различных этапах в революционно-демократическом движении в России, их деятельностью в Казахстане во время административной ссылки.

¹ Л. Ауэзова. Исторические основы эпопеи «Путь Абая». Алма-Ата, 1969.

² Даны в старых названиях.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЭПОПЕЕ «ПУТЬ АБАЯ»

Изучение эпопеи «Путь Абая» в историческом аспекте показывает, что автором была проделана огромная работа, определившая, безусловно, научно-познавательное значение этого произведения, явившегося для самого взыскательного читателя серьезным источником изучения прошлого Казахстана, воссозданного при всей исторической достоверности в ярких художественных образах.

Нам же представляется исключительно интересным и поучительным в первой главе исследования провести подробный анализ эпопеи с точки зрения ее исторической достоверности и научно-познавательного значения истории Казахстана второй половины XIX века, раскрывая тем самым и особенности историзма «Пути Абая».

Вполне закономерно поэтому, что жизнь и деятельность классика казахской литературы Абай Кунанбаева, показанная в связи с жизнью и историей народа, дана в тесной взаимообусловленности со всем социальным строем казахского общества.

Хронологически начало эпопеи относится к середине XIX века, когда в Среднем жузе была ликвидирована ханская власть, а вместе с ней произошло ущемление прав прежней правящей верхушки — султанов, считавшихся потомками Чингисхана.

По новому административному устройству территория Среднего жуза, где происходит действие романа, делилась на округа, во главе их стояли ага-султаны, должность которых была выборной, а не наследственной, как раньше. Избирались они из феодально-родовой знати, поднявшейся в отличие от султанов, принадлежавших к так называемой «белой кости» — чингизидам, из самих кочевых казахских общин.

В рассматриваемое время наиболее влиятельную господствующую верхушку в составе феодально-родовой

знати представляли бии, стоявшие во главе родов и его колен и называемые нередко в русских источниках родовыми старейшинами.

Экономическое господство, судебные функции поставили биев в привилегированное положение в подвластных им родах, которое обеспечивало им возможность распоряжения землей и подняло их политическую роль в делах родовых коллективов.

Эпопея «Путь Абая» дает возможность наглядно представить себе роль и значение господствующей верхушки феодально-родовой знати — наиболее влиятельных биев племени тобыкты: Кунанбая, представлявшего род иргизбай; Божея, влиятельного бия рода жигитек; Байсала, возглавлявшего крупный род котибак; Суюндика, стоявшего во главе рода бокенши, более бедного и малочисленного по сравнению с другими родами тобыкты; Каратая, главы рода кокше; Кулиншака — рода торгай.

В руках этих представителей феодально-родовой знати «судьбы тысяч семей племени тобыкты, вся сложная паутина родовых и племенных дел, вся бесконечная путаница отношений, все узлы, все связи, все ходы...»¹

«Хотя тобыкты состоит из множества родов и колен, ключи всех дел в руках только тех пяти-шести, аксакалы которых собраны здесь. По ним равняются все, и все прислушиваются к их голосу. Они и верховодят в тобыкты»². Поэтому «все, что сделают, скажут или решат сидящие здесь старейшины, будет бесспорно и безоговорочно принято остальными — и старыми, и малыми, и умудренными опытом аксакалами, и зрелыми мужами».³ Это подтверждается с первых страниц эпопеи; на совете старейшин племени тобыкты было внесено и вскоре приведено в исполнение жестокое и несправедливое решение о казни Кодара, хотя у рядовых членов родовых объединений не было уверенности в его виновности.

Небезынтересно отметить, что названные бии родовых тобыкты как, впрочем, и подавляющее большинство других персонажей романа, — подлинные исторические личности. Их борьба с Кунанбаем за

¹ М. Ауэзов. Абай. кн. I. М., 1958, стр. 55.

² Там же.

³ Там же, стр. 56.

власть в племени тобыкты нашла свое отражение в архивных источниках в виде многочисленных жалоб русской администрации на Кунанбая, старшего султана Каркаралинского округа.

Настолько велика была в это время политическая роль отдельных наиболее влиятельных биев, убедительно свидетельствуют следующие размышления: «Алшинбай — самый влиятельный бий во всем Каркаралы. К нему идут целые племена за разрешением тяжб и ссор... А, кроме того, ведь лишился же своего ага-султанства тюре Кусбек, не поладив с ним!».¹

Эпопея дает основание сделать вывод, что биями могли быть лишь представители феодально-родовой знати, зачастую их власть передавалась по наследству в рамках рода. Достаточно сказать, что предком Божея был бий жигитек Кенгирбай, а предком Кунанбая — бий Иргизбай, родоначальник иргизбаев. После смерти Божея «во главе рода (жигитек.—Л. А.) стояло теперь новое поколение; сыновья Божея Жабай и Адиль...».

Вместе с тем уже в середине XIX века наряду с биями важную роль в экономической и политической жизни играют бай, крупные скотовладельцы, нередко включавшиеся в выгодные торгово-ростовщические операции. Так, например, стоявший во главе рода бокенши «Сугир, владелец многочисленных табунов пегих коней, в короткое время сделался одним из влиятельнейших крупных баев. Он сумел разбогатеть на своих косяках, выгодно отдавая их в пользование соседям».

В эпопее «Путь Абая» изображена и другая влиятельная часть эксплуататорской верхушки казахского общества — так называемые аткаминеры.

Автор воспроизводит один из съездов аткаминеров Чингизской волости, происходивший на зимовке Оспана в Жидебае в 1888 г., куда съехалось около сотни представителей казахской плутократии того времени. Аткаминеры представлены здесь М. О. Ауэзовым как новое социальное явление, связанное с колониальным аппаратом управления степью. Это прежде всего волостные управители, судьи, аульные старшины, переводчики, елюбасы (пятидесятники) и прочие родовые воротилы, которые благодаря своему экономическому господству и

¹ М. Ауэзов. Абай. кн. 1. М., 1958, стр. 145.

обладанию административной властью оказывали решающее влияние на политическую жизнь племени.

Особую роль в этом отношении играли, в частности, елюбасы — выборщики от 50 семейств, непосредственно участвовавшие в выборах волостных управителей. Причем в число выборщиков попадали лишь аткаминеры — влиятельные и богатые лица.

В романе нашла верное отражение обстановка подкупа, обещаний и даже угроз, которые применяли различные группы господствующего класса для избрания на должности волостных одних претендентов и провала других. Характерным примером может служить история поражения на выборах Оспана Кунанбаева. Оспану покровительствовал сам уездный начальник Казанцев, однако волостным избрали представителя рода бокенши Кунту, для чего был составлен тайный сговор семи крупных родов, которым удалось на этот раз вырвать власть у иргизбаев, сумев привлечь на свою сторону выборщиков — елюбасов. Заговорщики правильно рассчитывали, что «именно этих людей, и только этих людей, которые буквально держат в своих руках судьбы будущего избранника, следовало привлечь на свою сторону».¹ Подкупленные выборщики опустили шары за Кунту.

Классу феодалов противостояло феодально-зависимое крестьянство — шаруа, которое вело свое хозяйство, основанное на личном труде, в составе аульных общин. Именно середняцкие и бедняцкие хозяйства составили большинство хозяйств рода. В этом можно убедиться, обратившись к описанию в романе бедных родов бокенши борсак, где своим достатком выделялись лишь три аула: Суюндика, Жексена, Сугира — родовых старейшин. Переческа этих родов на зимние пастбища — сразу показывала, что основная масса общинников — бедняки; верховных было совсем мало, на конях ехали лишь погонщики скота. «Все остальные — дети, старики, старухи — сидели на вьючных верблюдах. Было похоже, что эти аулы уже отослали табуны на зимние пастбища, оставив лишь необходимых на зиму лошадей... Но отсутствие коней объяснялось другим — бедностью этих двух родов»².

¹ М. Ауэзов. Абай. кн. 2. М., 1958, стр. 45.

² М. Ауэзов. Абай. кн. 1. М., 1958, стр. 71, 72.

Картина социальной дифференциации казахского общества, особенно обострившейся в последней четверти XIX века, проходят через всю эпопею. Углубление имущественного неравенства вело к резкому разделению членов рода на богатых и бедных. Писатель рядом с изображением хозяйств феодально-родовой знати показывает хозяйства бедняков, владевших ничтожным количеством скота, в лучшем случае достаточным лишь для прожиточного минимума, но часто не отвечающим и ему.

Например, во время длительного снежного бурана, когда у бедняков, не имевших доступа к удобным, богатым кормам пастбищам, скот погибал от бескормицы, Абай поручает Даркембаю перегнать их стада на урочища Иргизбаев Мусакул и Жидебай.

«Он (Даркембай — Л. А.) мчался с поручением Абая ко всей безземельной бедноте родов карпабатыр, торгай, борсак и жуантаяк. Он объезжал тех, кто имел скудное хозяйство, не больше 30-40 голов овец, и не пропустил ни одного бедняка вблизи богатых урочищ Мусакул и Жидебай».¹

Бедственное положение рядовых общинников, которые пытаются вести самостоятельное хозяйство, отражено и в горьких раздумьях Абая: «Ведь большинство хозяйств владеет лишь двумя-тремя десятками овец и тремя, много четырьмя головами крупного рогатого скота. И этот скот должен пропитать своих владельцев в течение круглого года: он служит тягловой силой, его бьют на котел, продают на нужды хозяйства, он дает одежду и покрывает все расходы домашнего очага. Даже когда этот скот и не терпит урона — какое убожество и скудость!».²

Среди многих описаний социальных контрастов в эпопее особенно выделяется картина раскинувшегося на жайляу аула Кунанбая: «Белые просторные юрты большого аула занимают весь правый край широкого луга, в стороне от овечьего загона с его запахами и шумом. На левом, возле загона, раскинуты одни серые юрты, ветхие, рваные шатры, темные, закопченные палатки и маленькие шалаша. Здесь живут соседи-бедняки, обслуживающие огромную семью Кунанбая, старики чабаны, мальчишки-подпаски, доярки, табунщики, пастухи».³

¹ М. Ауэзов. Абай. кн. 1. М., 1958, стр. 304.

² Там же, стр. 305.

³ Там же, стр. 429.

Таким образом, уже с первых страниц романа перед читателем проходят все социальные слои казахского общества, что дает возможность воспроизвести исторический облик народа в целом.

Широкая эрудиция в области этнографии казахов, основанная отчасти и на жизненных наблюдениях, дала возможность автору исторически конкретно отобразить родоплеменную структуру казахского общества, прежде всего на примере племени тобыкты, его общественной, экономической и политической жизни.

По авторским примечаниям к роману, «тобыкты — многочисленное племя казахов Среднего жуза, населявшее юг нынешней Семипалатинской области — всю территорию Чингизского хребта и степи к северу от него. Соседями тобыктинцев были племена — на юге — керей, на западе — каракесек, на севере — уак, на востоке — сыбан.

Племя тобыкты разделялось на несколько родов, из которых в романе действуют иргизбаи, жигитеки, бокенши, торгоаи, топаи, карабатыры, кокше и др. Абай происходил из рода иргизбай»¹

На многих сторонах жизни племени тобыкты, воспроизведенной в эпосе, можно видеть, что каждый род имел обособленные районы сезонных пастбищ, строго определенные районы кочевых путей. Это единство территории помимо представлений о кровнородственной связи (происхождения от одного предка) и служило основой для экономического и политического объединения рода, которое поддерживалось господством патриархально-родовых пережитков в идеологии.

Так, например, род иргизбай происходил от деда Кунанбая Иргизбая, аулы жигитеков были связаны между собой общим предком — Кенгирбаем и т.д. Это давало основание всем членам рода считать себя сородичами, родственниками, создавая тем самым необходимые условия для длительного господства патриархально-фео-

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 36, прим. автора. По принятой советскими этнографами классификации родоплеменной структуры казахов XIX века тобыкты является крупным родом, входящим в племя аргын, и имеет отдельные подроды: иргизбай, жигитек, бокенши, кокше и др. (См.: В. В. Вострой, М. С. Муқанов. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.) Алма-Ата, 1968). В работе для удобства исследования сохраняется классификация, принятая М. О. Ауэзовым.

дальних форм эксплуатации под видом оказания «помощи» обедневшим сородичам.

В целом же родоплеменной строй казахского общества представляется в романе как уже давно сложившееся классовое общество, где отдельные традиции родового быта сохранились лишь как внешняя форма, в корне противоположная внутреннему содержанию производственных отношений общества, строившихся на фактическом монопольном праве феодалов распоряжаться пастбищами, на глубокой имущественной, а следовательно, и социальной дифференциации.

Например, патриархально-родовые устои в идеологии находили свое проявление в почитании родовых старейшин. Так, не только справедливостью и добротой старой Зере — матери Кунанбая, но и этой традицией объединяется уважение, с каким относился народ к мудрой родоначальнице рода иргизбай, Большую юрту которой почитали все тобыктинцы.¹ Недаром Божей после примирения с Кунанбаем, придя в дом к Зере, называет ее «нашей матерью», т.е. матерью племени.

Свой родовой старейшина был в каждом ауле, где всегда выделялась принадлежащая ему большая юрта. «В самом центре аулов поднялась восьмистворчатая Большая юрта Улжан (т.е. Кунанбая — Л. А.). Едва закончилась ее установка, как во всех остальных аулах стали появляться свои Большие юрты».²

Однако такое почитание матери рода или умудренного опытом аксакала в середине XIX века было уже отживающей традицией, уходящей в прошлое, как уходит она из рода иргизбай со смертью Зере.

Традиции былого почитания родовых старейшин в рассматриваемое время старались использовать для усиления своей власти родовые воротилы, назначаемые царской администрацией на должности старших султанов или волостных управителей, и прочие аткаминеры. Это особенно видно на примере Кунанбая, который, возглавляя самый сильный род и обладая властью старшего султана, фактически стал главой всего племени тобыкты.

«Кунанбай — единственный сын своей матери Зере, старшей жены его отца. Большая юрта рода осталась

¹ М. Ауэзов. Абай. кн. 1. М., 1958, стр. 195.

² Там же, стр. 511.

за ним; он владеет огромными богатствами, пользуется неограниченной властью. Он старше своих родных и по возрасту. И поэтому ни один из потомков его деда Ирғизбая не смеет поднять против него голос, во всех 20 аулах не решается даже высказать ему свое недовольство. И если Кунанбаю нужна поддержка, никто не щадит себя; его покоряющая сила, его властный голос и неукротимая воля заставляют всех следовать за ним. Предстоял ли захват чужих земель, или подавление непокорных родов — каждый из старейшин понимал Кунанбая по одному едва заметному движению его век».

Следовательно, внутри своего рода ирғизбай авторитет Кунанбая непререкаем. Он дает указание, чтобы аулы готовились к перекочевке, объясняет «старейшинам 20 аулов, до какого лога они должны следовать, где им остановиться и как ставить юрты. Это не было ни беседой, ни совещанием — слова Кунанбая звучали продуманным приказом».²

Такой пережиток патриархально-родового быта, как порядок родового старшинства, также широко использовался сильными родами в экономических и политических вопросах жизни рода, что находило выражение, например, в безоговорочном принятии решений сильных родов более слабыми. Как уже отмечалось, из многочисленных родов племени тобыкты лишь родовые старейшины пяти-шести наиболее влиятельных родов решают вопросы жизни племени. «По ним равняются все, и все прислушиваются к их голосу. Они и верховодят в тобыкты».³

Порядок родового старшинства особенно наглядно проявлялся в правилах перекочевки. Так, Кунанбай, собрав старейшин родов, дает указание, когда и как начинать кочевку, поскольку все роды, входившие в состав племени тобыкты, будучи связанными определенными территориальными единством, кочевали одновременно. Поэтому, когда Кунанбай, намереваясь захватить зимние пастбища рода бокенши, дает указание 20 аулам ирғизбаев выступить одним, раньше положенного времени и

¹ М. Ауэзов. Абай. кн. 1. М., 1958, стр. 98.

² Там же, стр. 100.

³ Там же, стр. 55.

не известив остальные роды, его распоряжение воспринимается как грубое нарушение правил кочевки близко связанных между собой родов. Старейшина бокенши Суюндик с возмущением говорит о Кунанбае: «Пусть скажет, по каким обычаям, по каким законам бросил всех и ушел один».¹

Не менее сильным пережитком родового строя было сохранение крепких родоплеменных связей в быту и общественной жизни. Так, на межродовых съездах, показанных в романе, строго соблюдалось родовое старшинство. Кроме того, на этих съездах все члены одного рода выступали совместно, так как чаще всего собирались для разрешения конфликтов между родами.

Пережитки патриархально-родового строя и более тесных родоплеменных связей проявлялись в целом ряде семейных и бытовых обрядов: поминках, в которых принимали участие представители рода, свадьбах, праздновании рождения ребенка.

Например, сородичи принимают на себя все хлопоты на похоронах Божея; уславливаются, сколько скота даст каждый аул иргизбаев на поминки младшего брата Абая Оспана.

В силу традиций патриархально-родового строя всех сородичей обязательно приглашали на похороны. На похоронах Божея обойден был лишь Кунанбай, что считалось неслыханным оскорблением. Такое нарушение родовых традиций, вызванное феодально-родовой враждой, было настолько необычно, что запечатлелось в памяти народа.

Беседуя со стариками, младшими современниками Абая, хорошо сохранившими в своей памяти рассказы старшего поколения о событиях прошлого, М. О. Ауэзов записал эпизод, относившийся к посещению Кунанбаем траурной юрты Божея, где он был публично осужден дочерьми покойного в поминальном плаче. Как известно, этот факт писатель художественно воссоздал в первой книге эпопеи.

Приведем отрывок из записей М. О. Ауэзова, в котором говорится, что поводом для обострения новой вражды Кунанбая с Божеем явилась смерть дочери Ку-

¹ М. Ауэзов. Абай. кн. 1. М., 1958, стр. стр. 70, 100.

нанбая Камшат, отданной на воспитание в семью недавнего врага — Божее — в знак примирения.

Бөжей мен Құнанбайға:— Татулас,—
дейді ағайын.— Екеуің кісі алыс,— дейді.
Құнанбай Ысмағұлмен туысқан қызды асырауға
Бөжейге береді. Ол қыз өледі. Жаман
асырап өлтірді деседі екен.¹
«Помиритесь»,— советуют старейшины
Кунанбаю и Божее. Говорят: «Обменяйтесь
детьми». Кунанбай дает на вос-
питание девочку, сестру Смагула. Эта
девочка умирает. «Она погублена
плохим уходом»,— говорили люди.

Далее также следует точное совпадение сути этой записи с соответствующими текстом эпоса, когда Кунанбай после смерти Божее приезжает выразить соболезнование и выслушивает карающий его плач дочерей умершего.

В записи М. О. Ауэзова:

Шұбарлығың жыландай
Жүйріктігің құландай.
Арғы атаң Ырғызбай,
Жаулығың сенің қырғыздай.
Айыпқа бердің бір қызды-ай.²

Подстрочный перевод:

С змеиной пестротой,
Дикой лошади быстротой,
Предок твой Иргизбай,
Враждебность твоя, как у киргиза,
Ты за свою вину дал девочку.

В эпосе «Путь Абая»:

Кунанбай, ты врагом нам стал,
За обиду дитя нам дал,
Кунанбаем зовется враг,

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 171 об.

² Там же.

Как кулана, дик его шаг,
Как змея, он пестр и лукав...

В записи М. О. Ауэзова:

Сонда Сарыапаң деген тоғалақ Сарыбаймен
туысқан қыз Қунанбай кісісі ана жақта
жоқтап қоя береді.¹
Мынау да қарлар не дейді?
Жақсыдан жаман көбейді
Жақсының қалған сарқыты еді
Ұрлапта көмдің Бөжейді».

Подстрочный перевод:

И тогда женщина по имени Сары-апа,
сестра Сарыбая, из рода тоголак, при-
верженная Кунанбая, пропела в ответ:
«Что говорят эти бестыжие?
Плохих людей стало больше, чем хо-
роших. Последнего потомка достойных —
Божея — похоронили тайком».

В эпосе «Путь Абая»:

Сары-апа... с довольным видом вы-
шла на середину юрты... и затянула
громкую песню. Она начала с восхва-
ления Божея и долго оплакивала его
смерть, А в конце добавила:
«Эй, вы, девушки, где ваш стыд?
Мир не добрых, а лишь злых плодит!
Иль Божей не был чтим кругом,
Чтоб его хоронить тайком?»

Таким образом, в первом случае из пяти строк плача три совпадают с текстом эпоса дословно, в ответном слове — три из четырех.

Используя эти строки, относящиеся к исторически достоверному факту, в несколько переработанном виде, автор создал в эпосе яркую сцену оплакивания Божея со всеми присущими ей атрибутами, додумал сложные психологические переживания Абая, Кунанбая и других персонажей, дал в этом эпизоде художественно убедительную мотивировку их поступков, обусловленных при-

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 171 об.

надлежностью к различным враждующим группам феодальной среды.

В романе подробно описан ас¹ Божея, на который приехало несколько тысяч человек, представительствовало все племя тобыкты. Причем юрты со всей утварью и угощением, необходимые для приема гостей, выставлялись представителями нескольких родов, находившихся в близкой родственной связи с умершим.

Родоплеменные связи проявлялись и в праздновании свадьбы, рождения ребенка. Так, на свадьбу Умитей, прибыли гости из родов иргизбай, анет, жигитек, мамы и из рода кокше, сосватавшего ее.

Вместе с тем в эпосе убедительно показано, как легко попирались представления о родственной помощи, когда они были невыгодны феодалам.

Например, народ упрекал Жексена: «Кодар в близком родстве с ним, Кодар болен, потерял сына, осиротел, что стоит Жексену оказать ему посильную помощь?». Однако, чтобы не идти на затраты, связанные с помощью обедневшему сородичу, Жексен оклеветал его. Кодар был казнен.

Во второй книге романа, где показаны обострение классовой борьбы и рост классового самосознания аульной бедноты (последняя четверть XIX века), писатель отобразил и все более усиливающееся разрушение патриархально-родовых представлений. Семь обедневших аулов рода жигитек, поддерживавших свое хозяйство сенокосением (чтобы брать скот на прокорм в зимнее время) жалуются Абаю на притеснения Азимбая, силой отбирающего у них сено: «Разве Азимбай не единоплежник наш! А он хуже самого лютого врага! Живое тело народа клюет, рвет на части клыками! Топчет нас, грабит каждый год, каждый день!».²

Родовые связи играли серьезную роль в случае войны, а чаще — в феодальных междоусобицах. Кунанбай, готовясь совершить нападение на аул Божея, собирает вооруженных людей не только из числа сородичей в 20 аулах, но и из родов, наиболее дружественных иргизбаям.

Во время военных действий или барымты сородичей объединял родовой уран — боевой клич, имя общего

¹ Ас — годовые поминки по умершему.

² М. Ауэзов. Абай, кн.: 2. М., 1958, стр. 18, 19.

предка, с которым, как с лозунгом, они бросались в бой. Так, иргизбаевцы, возглавляемые Кунанбаем, с криком «Иргизбай», «Олжай» (имена предков рода иргизбай) бросаются на противника в Мусакульской битве.

В середине XIX века еще применялась, согласно законам шариата, смертная казнь за преступления, грозившие моральным устоям общества. Этим и воспользовался движимый корыстными побуждениями Кунанбай. Его давно обуревало желание захватить зимовку Кодара. Эксплуатируя пережитки патриархально-родовой идеологии, он подготовил обвинительный акт Кодару: «Если гнусность негодяя Кодара заставила меня краснеть перед другими родами, то в нашем племени этот позор для всех, кто собрался здесь!»

Оклеветанный Кодар был казнен. Сила родовых традиций сослужила службу феодалу.

История Кодара и другие события, введенные М. О. Ауэзовым в роман для того, чтобы в классовых противоречиях эпохи раскрыть ее социальный смысл.

Показана в эпосе и живучесть в сознании народа пережитков патриархально-родовой идеологии. Например, уход из своего рода в другой считается позорным поступком. Даже такой духовно близкий Абаю человек, как Ербол, упрекает Даркенбая в том, что он покинул свой род и поселился в ауле жатаков, выходцев из разных родов. Этим пережитком широко пользовались феодалы в борьбе против перехода обедневших сородичей к земледелию и оседлости.

Из эпоса «Путь Абая» можно почерпнуть сведения о кочевом образе жизни казахов. Казахи-скотоводы кочевали аулами, что было связано с сезонным характером пользования пастбищами при пастбищно-кочевом скотоводстве. В эпосе говорится о кочевании аула Суюндика, 20 аулов рода иргизбай, аула Уразбая, Сутира и др. Кочевой аул представлял собой также пережиток патриархально-родового строя — пастбищно-кочевую общину, основу которой формально составляло общинное землепользование определенными пастбищами, где, как у всякой территориально соседской общины, имела место частная собственность на скот, что уже предполагало неравномерное пользование пастбищами. Собственность на землю формально выступала как собственность общины, фактически же представляла не что иное, как монопольное право феодалов распоряжаться общинной землей.

Таким образом, общины были составной частью рода, его отделений. Летом родственные общины объединялись для кочевки, образуя большой кочевой коллектив. М. О. Ауэзов неоднократно изображает эти караваны аулами, двигавшимися по ущельям и тянувшиеся по степи на сезонные пастбища.

Ко времени Абая уже давно отошло представление, что во главе общины должен стоять один из самых мудрых и старших общинников. Решающим признаком, дававшим право быть главой общины, подотделения рода и пр., были богатство и сила. Глава общины определял сроки и места перекочевок, разбирал внутренние споры, занимался раскладкой податей, представляя свою общину на собраниях старейшин рода.

Основу аульной общины непременно составляла группа семей, находившихся в кровном родстве друг с другом, что, собственно, и дает основание говорить о ее патриархально-родовом строении. Но общины, как правило, обрастали дальними родственниками (родство нередко было фиктивным) выходцами из других родов, которые подвергались различным формам патриархально-феодалной эксплуатации и зависимости.

Таким образом, в общину входили различные в имущественном отношении группы: баи, середняки, бедняки. Это имущественное и социальное неравенство обусловило и неравномерное пользование землей, что практически давало возможность баю, обладавшему огромными табунами, пользоваться по своему усмотрению лучшей частью общинных земель.

Эпопея «Путь Абая» содержит много ценных наблюдений автора из области казахского обычного права. Интересно отметить, что один из видных исследователей дореволюционного казахского права Т. М. Культелеев¹ также обратил внимание на возможность изучения обычного права по материалам эпопеи М. О. Ауэзова, дающей всестороннее освещение правовой жизни казахского общества второй половины XIX века.²

¹ Т. М. Культелеев. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955.

² Т. М. Культелеев. Вопросы казахского обычного права в романе Мухтара Ауэзова «Абай». «Вестник АН КазССР», 1950, № 9.

М. О. Ауэзов раскрывает феодальную природу казахского обычного права и одновременно показывает сохранившиеся в нем пережитки патриархально-родового строя. Достаточно назвать такие его нормы, широко описанные в романе, как барымта, калым, многоженство, похищение невесты, суд биев, межплеменные съезды и пр.

Понятия обычного права включали в себя совокупность юридических обычаев, сложившихся у народа в течение длительного времени, известных в юридической литературе под именем адата, а также судебную практику биев, вносивших свои изменения в судопроизводство.

Кроме того, нормы обычного права время от времени пополнялись эреже,¹ принятыми на тех или иных межплеменных съездах биев для дополнения или изменения отдельных сторон обычного права. Как известно из литературных источников, на Чарском межплеменном съезде биев в 1885 г. в Семипалатинской области присутствовал Абай, также принявший участие в составлении эреже.

Вновь выработанное эреже подписывалось биями, участвовавшими в работе съезда, и было обязательным для данного съезда и последующих судебных разбирательств биев.

В эпоху нашло отражение и такое характерное для второй половины XIX века явление, как сосуществование, хотя и не равноценное, различных правовых норм: адата (обычного права), русского права и отдельных норм шариата, главным образом в области семейного права. В отношении последнего надо упомянуть, что жестокий приговор (смертная казнь через повешение) Кодару и его невестке был вынесен по положению шариата, беспощадно карающего преступления против нравственности.

На это переплетение обычного права с отдельными нормами шариата и влияния последнего обратил внимание Т. Культелев: «Приведенный в романе пример казни невинно осужденного Кодара и Камки якобы за кровосмешение показывает, что ага-султан сразу применил три вида наказания: смерть через повешение, сбрасывание с утеса и разбиение о камни. Для усиления вины Кодара Кунанбай и окружающая его феодальная знать придает

¹ Эреже — правила, положения.

«преступлению» Кодара религиозный характер, обвиняя его в том, «что Кодар из мести к богу сошелся со своей снохой».¹ Даже заставив родовых старейшин бросать камни в казненного Кодара, Кунанбай также ссылается на нормы шариата, по которым это делают те, кому поручается приведение в исполнение приговора о смертной казни. Ловко приспособив положения шариата к данной ситуации, Кунанбай перекладывает ответственность за убийство Кодара на всех родовых старейшин племени. Не случайно один из них, Каратай, говорит с горькой досадой: «Выходит, в законе — простор для уловок и хитростей. И шариат на руку Кунанбаю». Он первый понял, что Кунанбай перехитрил их.

По «Уставу 1822 г.» все государственные преступления в степи карались нормами уголовного права. Так, Базаралы, обвиненный в организации народных волнений, был осужден и сослан на каторгу в Сибирь.

Одновременно уголовные преступления по-прежнему определялись нормами адата. Такое совмещение совершенно чуждых друг другу правовых норм приводило на практике к большим противоречиям. Например, барымта, кровная месть и пр., утверждавшиеся адатом, по русским законам приравнивались к уголовным преступлениям.

О несоответствии, а нередко и прямой противоположности русского законодательства и казахского обычного права образно говорит Абаю один из персонажей романа адвокат Андреев: «Лошадь шарахается от верблюда, а верблюд сторонится лошади... Мы и в самом деле похожи на них... Однако не только мы с тобой такие. Вот стоит свод законов, а там,— он махнул рукой к окну,— киргизская степь с ее обычным правом. И они так же смотрят друг на друга, ничего не понимая»²

С дальнейшим усилением колониального гнета некоторые важнейшие положения казахского обычного права постепенно заменялись нормами царского уголовного законодательства, направленными прежде всего на подавление антифеодалного и антиколониального протеста народных масс. Крутые репрессии, как показано в эпопее, предпринимались в отношении отдельных выразителей стихийного народного возмущения: их арестовывали, заключали в

¹ Т. М. Культелеев. Указ. статья, стр. 106.

² М. Ауэзов. Абай, кн. I, М., 1958, стр. 347

тюрьмы, ссылали на каторгу в Сибирь. Эксплуататорская верхушка казахского общества начинала все шире опираться на царский колониальный аппарат угнетения (карательная деятельность Кунанбая, Такежана и др.).

Из романа видно, что бии, которые, как правило, были старейшинами родов, концентрировали в своих руках и судебную, и административную власть. Лишь тяжбы между крупными родами разбирались ага-султанами при обязательном участии биев-родоначальников. Так, к старшему султану Кунанбаю, находившемуся в Каркаралинске, шли представители разных родов для разрешения спорных вопросов. На обратном пути из города его щедро вознаграждали те, в чью пользу решалось дело.

Должность бия, таким образом, была крупным источником дохода, так как за разбор дел бии получали бийлык — соответствующую плату, не говоря о различных богатых подношениях, имевших, несомненно, характер взятки.

Интересно отметить, что патриархально-феодальные пережитки в обычном праве проявлялись, в частности, и в том, что тяжущиеся стороны заранее объявляли о своем согласии с решением суда. Последнее восходит к устаревшему представлению о справедливости совета старейшин и непререкаемости их авторитета.

В эпосе имеется богатый материал о несправедливом суде биев, его продажности.

Вот «...идет, скажем, тяжба между кереем и тобыкты, спорщики сперва обращаются к волостным, а те, передавая дело бию, обиняками дают понять: «Присудишь в пользу того-то — получишь...» А бии — святые что ли, чтобы выносить решение по справедливости? Ну и делаться»¹

Или на межплеменном Балкыбекском съезде, где решался спор между племенами керей и сыбан (тяжба из-за девушки Салихи), среди представителей господствующей верхушки — аткаминеров, старейшин, биев, волостных управителей — разгорелась борьба за право быть избранным главным бием съезда. Корыстные цели участников этой борьбы раскрываются в помыслах брата Кунанбая Майбасара, который также лелеял надежду стать главным бием: «На этом съезде много запутанных

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I, М., 1958, стр. 696-697.

крупных дел... к тому, кто будет решать их, все кинутся... Тут большим доходом пахнет! Если бог поможет, косяки и отары домой пригоню».¹

Как уже говорилось, спорные вопросы между разными родами разбирались старшим султаном, который также выполнял административные и судебные функции. Например, Кунанбай, будучи старшим султаном, собирает межродовой съезд в аулах жигитеков для разбора жалоб представителей племен керей и уак на взаимные угоны скота.

«Съезд требует больших расходов. На него соберутся истцы, власти и всевозможные сутяги из других племен. Это означает, что в течение целого месяца придется колоть скот и кормить прожорливых толстых биев днем и вечером».²

Интересны описания межплеменных съездов. На одном из них, Балкыбекском, были собраны представители 9 волостей Семипалатинского и Каркаралинского уездов для разбора спорных дел между племенами тобыкты и керей, кереями и сыбаном, сыбаном и тобыкты по барымте, набегам, уводу невест и другим жалобам. Причем, преобладающее число споров было связано с барымтой — самовольным угоном скота или отобранием иного имущества в ответ на обиду, согласно нормам обычного права. Фактически же в рассматриваемое время барымта нередко имела характер и простого грабежа.

Архивные дела Семипалатинского областного правления второй половины XIX века содержат массу жалоб на угон скота. В тех случаях, когда бывали выявлены похитители, дела решались «по разбирательству биев».³

Эпопея «Путь Абая» содержит также интересный материал о скотокрадстве как способе обогащения, распространенном во второй половине XIX века среди казахской феодальной знати. При этом, хотя обычное право карало скотокрадство, писатель показывает, как легко уходили от ответственности богатые и «почетные» лица, содержащие определенное количество конокрадов, которые и умножали их стада. Достаточно вспомнить,

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I, М., 1958, стр. 717.

² Там же, стр. 113.

³ ЦГА РК, ф. 15, I, д. 103, лл. 22-23.

что Такежан, будучи волостным управителем, покровительствует конокрадам, даже выделяет им земли для зимовок.

Насколько широко и безнаказанно родовые воротилы пользовались услугами конокрадов, увеличивавшими их табуны, красноречиво говорит следующий отрывок: «Пользуясь своей властью волостного, он (Оспан,—Л. А.) решил собрать биев, старейшин и елюбасов всей волости на съезд для разбора множества жалоб, поступивших к нему на Уразбая, который, подобно другим богачам и воротилам, создавал свое богатство откровенным грабежом. Конокрады, работавшие на него, за эти годы пригнали ему около тысячи голов от соседних племен: сыбана, уака, керея, буры, каракесека. Все жалобы потерпевших оставались без последствий: ни один волостной не рисковал привлечь Уразбая к ответственности».¹

Скотокрадство использовалось эксплуататорской верхушкой и в борьбе против рядовых шаруа, жатаков. Так, Такежан поручает конокрадам выкрасть у жатаков 30 голов скота, полученного ими с баев за поправу благодаря заступничеству Абая.

Однако феодальный суд биев жестоко карал бедняков, которые занимались конокрадством из-за материальной нужды или выражали таким образом свой протест против произвола феодально-родовой знати. В романе жесточайшим преследованиям подвергаются Балагаз и Абылгазы, которые, потеряв скот после джута, занялись конокрадством. Они крадут у богатых, помогая своим сородичам. Дело кончилось тем, что Такежан, сам покровительствовавший конокрадам, работавшими на него, будучи волостным управителем, вызвал воинский отряд и после поимки Балагаза и Абылгазы и суда над ними в Семипалатинске добился их ссылки на каторгу в Сибирь.²

Таким образом, казахское обычное право, как это видно из эпоеи, полностью было приспособлено для обслуживания и охраны феодального базиса казахского общества и прежде всего феодальной собственности во всех ее видах (пастбища, скот и т.д.).

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 188.

² Там же.

Барымта была и проявлением феодальной межродовой борьбы.

В архивном деле «О противозаконных поступках старшего султана Кунанбая Ускенбаева» последний обвиняется в угоне скота у «приверженцев противной ему партии родов кокчинского, кутебаковского и джигитековского, а они, как слышно, решались делать это из необходимости за сделанные у них прежде тоже кражи скота их противниками, за которые они не получили удовлетворения.»¹

Кун — выкуп за убийство — мог требовать род, отдельная община. Поэтому старик Даркембай осмеливается от имени жигитеков говорить Кунанбаю перед его отъездом в Мекку о куне за незаконное убийство Кодара. Он бросает Кунанбаю: «Кодар ни в чем не виновен... Но тогда никто не осмелился и заикнуться о куне, Кто поднял бы голос? Была твоя пора — суровая пора».²

Как правило, отмечает один из персонажей романа, политический ссыльный Михайлов, недоверие к русскому законодательству, несшему казахскому народу новые формы колониального угнетения, привело к тому, что в степи широкое распространение получили клевета и ложный донос, исходившие обычно от представителей господствующего класса, сумевшего быстро приспособиться к новым условиям.

В романе с жизненной достоверностью (это подтверждается множеством дел из архивов правлений и окружных приказов) показано, как пагубно сказывались на судьбах людей клеветнические обвинения враждующих сторон, конкурентов на выборах волостных управителей, аульных старшин и биев.

Если объектом ложных доносов приходилось быть и представителям господствующего класса, тем более они широко применялись в отношении рядовых общинников. В романе показано, как, стремясь избавиться от Базаралы, волостной управитель Такежан добивается путем ложного доноса властям удаления его из общества и последующей ссылки.

Жертвами продуманной клеветы стали бедняк Кодар и его невестка. Они были опорочены богатыми сороди-

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 333.

² Т.М. *Культелеев*. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, стр. 183.

чами, стремившимися завладеть их землей на урочище Карашоки.

В условиях патриархально-феодалного быта права женщины были ограничены, не говоря уже о том, что совершенно исключалось ее участие в общественной и государственной деятельности.

Нормами казахского обычного права были узаконены такие обычаи, как калым (имущественная сделка между родителями жениха и невесты), аменгерство, многоженство и пр. Глава патриархальной семьи властвовал над женами и детьми. На примере многих женских судеб в романе показано, как девушка, будучи объектом купли-продажи между ее отцом и будущим мужем или его родителями, нередко против воли выдавалась замуж в другой род, становилась жесир (девушкой, за которую уплачен калым) не только мужа, а всего его рода. Эти патриархально-родовые традиции сохранили свою силу и во время Абая. Согласно им, в случае побега девушки жесир, весь род жениха считал себя оскорбленным и принимал участие в ее поиске и возвращении.

Пережитком патриархальщины был также обычай при договорах о мире заключать браки между замиряющими сторонами или передавать детей на воспитание в семью недавнего врага. Жертвой такого обычая явилась маленькая Камшат, дочь Кунанбая, переданная в семью Божея, погубившего ее бесчеловечным обращением.

Отношение к женщине, как к собственности рода, объясняет обычай аменгерства, строго охраняемый адатом, по которому женщина или невестка после смерти мужа (жениха), если за нее уже выплачен калым, переходила к его брату или ближайшему родственнику. Упустить захваченную невесту считалось величайшим позором для всего рода, поэтому в народе говорили: «Невеста, ушедшая от жениха, не может уйти от рода».¹

Любимая жена Абая Айгерим с детства была просватана за жигита из племени мамый. После того, как ее жених умер, права на нее перешли к его старшему брату, пожилому человеку. Абаю удалось

¹ С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII-XIX вв. Алма-Ата, 1959, стр. 419.

предотвратить этот брак Айгерим, лишь заплатив полностью калым ее отцу и удовлетворив все материальные претензии ее жениха.

Казахское обычное право предусматривало исключительно строгие меры наказания за похищение женщины.

«Похищение как без согласия, так и с согласия женщины, но помимо воли ее родителей, мужа или опекуна, считалось одним из самых тяжких преступлений в области семейно-брачных отношений».¹

Похищение женщины так или иначе приравнивалось к похищению части собственности того или иного человека и шире — его рода. Поэтому каждый случай похищения женщины, как это видно на многих примерах романа, сопровождался ответной барымтой, ограблением целых аулов, тяжелыми увечьями, даже убийствами.

Перед читателями эпопеи проходит целая галерея женских образов, искалеченных человеческих судеб, принесенных в жертву патриархально-феодальному семейному обычному праву. Это трагедии юного Абая и Тогжан, Коримбалы и Оралбая, Умитей и Амира и др.

Касаясь семейно-брачного права, М. О. Ауэзов поднимает тему борьбы за равноправие женщины. Эту тему он определяет как одну из сквозных в романе. В рассказах эпопеи о судьбах «казахских Ромео и Джульетт», смело пытавшихся нарушить брачное право шариата, выделяются яркие страницы истории похищения девушки Коримбалы, дочери бая Сугира, бедным жигитом Оралбаем из рода жигитек.

В основе событий, связанных с протестом любящих и их горьким поражением, также лежит подлинный факт, почерпнутый автором эпопеи из разных источников опросного происхождения: от Алимбета, Катпы Курамжанова, Ермусы, сохранивших в своей памяти многие детали крупной вражды жигитек и бокенши, вызванной похищением невесты жигитом из рода жигитек.

«Сүгір қызы Көрімбала, Қаракесекке берген. Бұған Оралбай ғашық болып алып қашқан...».²

«Оралбай дауында жігітек Шалғынбайдың қатынын байлап әкетеді. Бөбек Ақанның шешесін, Әбдінің

¹ Т. М. Культелеев. Указ. работа, стр. 244.

² Архив ЛММА, папка № 29, л. 211.

қатынын байлап алады. Соғыста Сүгір Мерейді найзалап өлтіріп, найзасын Байсембіге ұстатады. Кейін мәтел болған «Мерейді Сүгір сойып, найзасын Бейсембіге ұстатқандай» деген...»¹.

«Зорлықпен қаракесекке апарады. Оралбай ере барады. Көптің көзінше Көрімбала тілімен ет беріп, «барым осы дос» дейді. Базаралы сол тұста ...араз. Бөкенші Көрімбала тұсында жігітпен өшігіп қалады...»².

«Құнанбай Сүгірді жігітке қарсы ұр шоқпар қып ұстады. Оң шақты жігіт Көрімбаланың дауы арқылы айдалды»³.

«Коримбала, дочь Сугира, просватана каракесекам. В нее влюбляется Оралбай и похищает ее...»

Во время тяжбы (спора) из-за Оралбая жигитеки, связав, увозят жену Шалгынбая. Бобек связал мать Ахана, жену Абди. Во время столкновения Сугир, убив Мерей пикой, пику отдаёт Бейсембаю. Это позже превратилось в поговорку: «Как Сугир вонзил свою пику в Мерей и отдал ее в руки Бейсембаю».

«Коримбалу силой увозят к каракесекам. Оралбай сопровождает. Коримбала у всех на глазах с горечью с ним прощается. Базаралы всем этим не доволен. Из-за Коримбалы жигитеки оказались во вражде с бокенши...»

«Құнанбай Сугира держал против жигитеков как шоқпар (т. е. как дубинку). Спор, связанный с Коримбалой, привел к ссылке десяти человек из жигитеков».

За этими краткими сведениями М. О. Ауэзову, умевшему глубоко проникать в описываемую им эпоху, раскрывалась срташная трагедия степной жизни, жестокие феодальные устои которой особенно тяжело отражались на бесправном положении женщины, подавляли стремления молодежи к свободному решению своей личной судьбы. Эти же данные позволяли составить представление о всей сложности между родами, о политических расчетах отдельных родовых воротил в этой борьбе.

В воспоминаниях лишь названы имена главных участников драмы, а в эпосе они превращаются в полнокровные художественные образы, полные жизни, страстей, показанные в борьбе. Поэзией исполнено по-

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 55.

² Там же, л. 132.

³ Там же, л. 149.

вестование о рождении любви жигита из рода жигитек Оралбая к дочери богача Сугира Коримбале. Большое чувство заставляет любящих бежать в надежде отстоять свое счастье.

Опираясь на цитированные выше сведения, М. О. Ауэзов описывает весь ход дальнейшего развития событий, он дополняет фактический материал красочными деталями, глубокими психологическими мотивировками, домысливает исторически допустимые ситуации. Перед читателями предстают картины внезапно вспыхнувшей родовой борьбы, вызванной похищением Коримбалы. «Аулы тобыкты зашумели, словно над ними расколосось небо и молнии низринулись на землю. С самой смерти старейшин родов — Божая и Суюндика — между жигитеками и бокенши не было ни одной распри. Но это дерзкое своеволие вызвало пламя возмущения во всем бокенши: какой-то нищий жигитек оскорбил не кого-нибудь, а самого Сугира, стоявшего во главе рода после смерти Суюндика».¹

Бокенши посылают жигитекам угрожающее требование: либо выдать до ночи связанными жигита и девушку, либо указать место боя.

М. О. Ауэзов описывает бурные советы во враждующих родах, вскрывает отношение к этим событиям в других родах тобыкты, отказавших беглецам в приюте, показывает сочувствие им молодежи и колебание старейшин в роде жигитек.

Автор убедительно рисует обстоятельства, принудившие старейшин рода жигитек первоначально принять сторону беглецов. Немалую роль сыграло здесь понятие о чести рода, попираемой бокенши, угрожающими жигитекам набегом, утоном коней.

Далее разворачиваются эпизоды с похищением женщин из враждующих родов с целью мщения, о которых также упоминается в цитированных выше материалах. Услышав об отказе жигитеков, «Сутир взвыл. Он бил плетью землю у очага, вызывая духа предков рода бокенши, и кричал в ярости:

— Все мои косяки в жертву отдам! Все добро раздам в память твою, только отомсти за меня!

Сутир неистовствовал. С наступлением сумерек он посадил на коней сотню жигитов, которые, вооружившись соилами, только и ждали знака.

¹ М. Ауэзов. Абай. кн. I. М., 1958, стр. 483, 484.

— Жигитеки увели у меня дочь,— сказал он им.— Откупа я не приму. Уведите и вы от них навесту — да такую, чтобы у них сердце заныло!».¹

После этого следуют взаимные похищения молодых женщин, еще не снявших свадебного платка, из-за которых между родами разразилось кровавое побоище. Причем в описании боя М. О. Ауэзов использовал и приведенный выше эпизод, касающийся поведения Сугира во время боя, и когда Сугир с пикой наперевес мчался навстречу одному из видных жигитеков и наперез ему кинулся один из молодых жигитеков. Сугир сбросил его с коня и рванулся дальше. Но, видно, старика мучило, не убил ли он молодого жигита, потому что он все оглядывался на него, пока его не нагнал Бейсемби. Тот и не собирался расправляться со стариком — он хотел только вырвать у него пику, и Сугир, точно догадавшись об этом, сам сунул ему в руки конец ее и безоружный ускакал назад. Бейсемби, не выдержав, расхохотался.

— Видели, что он сделал? Сам пику подсунул!— закричал он подняв пику над головой и показывая Жабаю.— Теперь, если тот жигит помрет, старик скажет: «Не я, мол, его убил, у меня Бейсемби пику выхватил!» Видали хитреца?».²

Такие детали, безусловно, сознательно собирались автором, так как, будучи как бы подсмотренными в жизни той далекой эпохи, они придавали особую убедительность и историческую достоверность повествованию.

Писатель показывает далее сочувственное отношение Абая к Оралбаю и Коримбале, его поддержку и совет бежать в город под защиту русских законов, его бессилие помочь им иным путем в самой степи.

Подобный художественный домысел совершенно закономерен, так как из хорошо известной биографии Абая можно привести ряд примеров поддержки, оказанной им казахским женщинам, боровшимся за свою свободу.

Смута, вызванная родовой враждой, была остановлена решением совета старейшин четырех родов, признавшим виновным род жигитек и обязавшим его возместить ущерб и отказать беглецам в приюте. Преданные сородичами

¹ М. Ауэзов. Абай. кн. I. М., 1958, стр. 493.

² Там же, стр. 494.

влюбленные были схвачены в горах Чингиза. Скупые строки о прощании Коримбалы с Оралбаем, ее покорности судьбе, записанные М. О. Ауэзовым на родине Абая, оживают в романе в волнующих картинах: насильственный увоз Коримбалы к жениху, суровый надзор и угрозы расправы в случае непокорности со стороны родных жениха, опасность мести Оралбаю и страшные сцены народного кровопролития, сломившие Коримбалу, заставившие ее отступить от любимого человека. Она образно сравнивает себя со старухой, для которой кончились все радости жизни.

Основываясь на сухих сведениях исторического источника о девушке Коримбале, нарушивший брачный союз, М. Ауэзов сумел создать глубоко обобщенный образ, отражающий тяжкое положение женщины под гнетом мусульманского права — шариата.

Бесправное положение женщины в патриархально-феодальном казахском обществе проявлялось в том, что даже у господствующего класса жена не имела имущественных прав не только при жизни мужа, но и после его смерти. Все хозяйство после смерти мужа доставалось невыделенному младшему сыну. Это положение обычного права можно проследить и в романе. После смерти Кунанбая его Большая юрта со всем хозяйством перешла к младшему его сыну Оспану. Поэтому такая ожесточенная борьба и разгорелась среди сыновей Кунанбая после смерти Оспана за право жениться на его вдове Еркежан и завладеть Большой юртой с ее богатым имуществом и огромным количеством скота.

Решающее значение в этом случае имело и то обстоятельство, что если родственник умершего не женится на его вдове, то по казахскому обычному праву он не может предъявить свои права и на наследство.

М. О. Ауэзов с большой жизненной достоверностью показал сложную борьбу и интриги вокруг женитьбы на вдовах Оспана, из которых основной интерес представляла Еркежан — старшая жена. Причем в духе времени было пренебрежительное отношение к женщине (даже в среде господствующего класса) — с волей и желаниями остальных вдов Оспана братья, конечно, и не думали считаться.

Художественно выразительно наряду с алчностью братьев умершего (Такежана и Исхака) показаны слож-

ные переживания их жен, обуреваемых противоречивыми чувствами — у каждой наживы и спасением за свою судьбу с приходом новой соперницы в семью.

Тяжелая женская доля в полигамной семье, соответствующей нормам обычного права и шариата, по которому допускалось иметь четырех законных жен, нашла яркое отражение в романе.

Вот обычная картина жизни полигамной семьи феодальной верхушки общества.

«Пять юрт стояло впереди. Это было многолюдное жилище двух младших жен Кунанбая — Улжан и Айгыз. Старшая — Кунке — жила в другом ауле.»¹

Четвертую жену, шестнадцатилетнюю Нурганым, Кунанбай приводит в дом уже глубоким стариком.

Эпопея вводит в мир сложных взаимоотношений жен-соперниц. Так, во время ссоры жен Кунанбая — Улжан и Айгыз «казалось, два враждующих между собой аула готовились к бою».

После ссоры между Айгыз и матерью Абая Улжан последняя с горечью говорит: «Соперницы всегда остаются соперницами. Всю жизнь мы только зализываем свои раны».

Однако наряду с этим в романе, как пережиток патриархально-родовых традиций, нашло отражение и глубоко почтительное отношение к женщине, если она была старшей в феодальной верхушке рода. Таким всеобщим уважением в племени тобыкты, как уже отмечалось, пользовалась мать Кунанбая Зере. Исходя из жизненных наблюдений, автор также создает образы женщин из среды господствующего класса, которым, несмотря на молодость, благодаря сильному, независимому характеру удавалось порой занять видное положение в семье (Манике — жена брата Абая Исхака, Нурганым — младшая жена Кунанбая и др.).

Тяжелые формы принимало соперничество, взаимное недоверие и враждебность среди детей, рожденных разными матерями. Так, например, Такежан со своими единокровными братьями Исхаком и Оспаном с недоверием смотрели на Шубара, их племянника потомка другой жены Кунанбая — Кунке. М. О. Ауэзовым дается много жизненно достоверных картин, характеризующих уклад патриархально-феодальной семьи.

¹ М. Ауэзов. Абай. кн. I. М., 1958, стр. 40.

В тесной связи с пережитками родового строя находилась феодальная межродовая борьба, которая и в середине XIX века была характерна для политической жизни Казахстана. В этой борьбе феодальная верхушка преследовала, как правило, узкокорыстные политические или экономические цели, однако народу междоусобицы представлялись как борьба за интересы рода.

В первой книге эпопеи большое место занимает история феодальных усобиц в самом племени тобыкты, в центре которых стоял Кунанбай Ускенбаев, бывший старшим султаном с 1849 по 1854 годы.

С первых страниц эпопеи автор вводит читателя в напряженную обстановку назревающей родовой вражды, ощутимо проявившейся уже на совете старейшин, проводимом Кунанбаем по делу Кодара. Писатель замечает, что за несколько месяцев до совета произошла размолвка Божея с Кунанбаем из-за власти в волости. Кунанбай назначил волостным управителем Кокше-тобыктинской волости своего брата Майбасара. Сам он, занимавший эту должность прежде, в 1849 г., стал старшим султаном Каркаралинского округа.

О том, что Майбасар занял должность волостного только благодаря Кунанбаю, который потребовал, чтобы волостным был избран близкий ему человек и указал на брата, свидетельствуют показания многих современников, в том числе заявления биев Божея и Байсала на имя генерал-губернатора Западной Сибири. Последние говорили, что Кунанбай, «сделавшись старшим султаном в 1849 г., силою этого звания и должности без общего согласия целой волости сделал волостным Майбасара, тогда как на выбор сего последнего едва только была согласна половина волости, и то одни приверженцы Кунанбая, из боязни, что он старший султан, обойдены родоначальники старшие и более заслуживающие этого звания».¹

Далеко не все воспоминания современников принимались М. О. Ауэзовым на веру. Изучая материалы, он использовал в своей писательской работе лишь те сведения, которые были логически допустимы, более соответствовали взаимоотношениям исторических прототипов его персонажей. Чувство историзма, четкое понимание тесной связи источника с эпохой, к которой он принад-

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 115.

лежит, помогало М. Ауэзову находить правильные ответы из противоречивых свидетельств.

Так, например, М. О. Ауэзов располагал двумя противоречивыми сведениями о взаимоотношениях Кунанбая и Майбасара, записанными им на родине Абая. По одной записи, между братьями не было согласия.

«Менің естуімде, Майбасар мен қажы жақсы болмай жүреді. Бөжей Майбасарды аламын деп болыс сайлатады. Қажы сайлап барып өз бауырына қайта тартып алады».¹

«Как я слышал, у Майбасара и Кажы (Кунанбая,—Л. А.) были плохие взаимоотношения. Божей, желая сделать Майбасара волостным, устраивает выборы. Кажы, приехал на выборы, забирает своего брата».

По данным же Архама Исхакова, Кунанбай и Майбасар были дружны.

«Қажы: мен аға-сұлтан болғанда, сен болыстықты алып қал дейді. Саған берем, бірақ басқаға бермейсің»,— дейді.

«Кажы сказал, что я буду старшим султаном, ты (Майбасар —Л. А.) возьми управление волостью. Тебе дам, но ты другим не отдавай».

Последняя запись, как уже отмечалось, полностью подтверждается и архивным источником, сохранившимся в Омском областном архиве,— делом Кунанбая Ускенбаева. Этот документ не был известен автору романа, М. О. Ауэзов, исходя из логики события, опирается на второй источник, раскрывающий повод для начала острой межродовой борьбы, завязывавшейся между Кунанбаем и Божеем. Кунанбай, естественно, предпочитал передать управление волостью своему брату, нежели такому сильному и опасному сопернику, как Божей. Эта органическая переработка данных источников и художественное повествование требует нередко глубокого и многостороннего осмысления эпохи. «Обыденный факт требует от впечатлительного ума писателя огромной работы, анализа всего строя общества».²

Среди многих свидетельских показаний, содержащихся в деле Кунанбая, действительно, указывается, что несколько биев выдвинули кандидатуру Божоя, но Кунанбай

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 163 и об.

² Г. Успенский. Цитир. по кн.: Е. Добин. Жизненный материал и художественный сюжет. Л., 1958, стр. 138.

грозно сказал: «Божей... хочет записаться в купцы, так и пусть торгует», и он выбирать его не позволит. Между тем народ видел, что тех, кто говорит против Майбасара, султан ругал, и потому, чтобы не навлечь его неудовольствия, выбрали ...Майбасара»¹ Или другое свидетельство такого же рода: старшина Джамантаев так показал, что «многие при том выборе на избрание Майбасара не изъявили согласия, как и он, однако же тамгу к приговору о Майбасаре приложили во избежание мщениа брата его, Кунанбая Ускенбаева».²

Власть Кунанбая была настолько велика, что, как отмечали свидетели, в то время «и в голову никому не приходило противоречить в чем-нибудь Кунанбаю или изъявить свое несогласие на то, что он хочет».³

Пользуясь неограниченной властью старшего султана, Кунанбай не раз составлял подложные свидетельства, доносы и даже самовольно прикладывал печати старшин под нужными ему документами. Как свидетельствуют отдельные старшины, не участвовавший в выборах Кунанбай по своему произволу закрепил тамгами их согласие на избрание Майбасара. Он часто брал печати у аульных старшин будто бы для сохранения, на самом же деле использовал их в своих целях.⁴

Боязнь старшин, опасавшихся преследований со стороны Кунанбая, была вполне оправдана. В этом же источнике много материала о том, как беспощадно расправлялся Кунанбай со своими политическими противниками. Так, бий Качканбай Буранбаев был наказан лозами за то, что посмел пожаловаться на незаконные поступки Кунанбая; у старшин Кенжелы и Юсупа Кунанбай произвел потравы зимних стойбищ; Чинхожу Нуралина, Куванча Утемисова бил по рукам и ногам и говорил, что лишит зимовок.⁵ Эпопея и подлинные исторические документы показывают, что свои угрозы Кунанбай обычно осуществлял: ради мщениа шел на земельные притеснения своих противников, производил

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 156 об.

² Там же, л. 148 об.

³ Там же, л. 157.

⁴ Там же, л. 157 об.

⁵ Там же, лл. 118 об., 119.

потравы их сенокосных угодий, передавал их земли своим приверженцам.¹

Таким образом, страх перед Кунанбаем заставлял мириться с избранием Майбасара волостным управителем. Даже в высказываниях более сдержанных свидетелей отмечалось: «Старший султан Кунанбай Ускенбаев о том, что он будет притеснять ходатайствующих о смене брата его Майбасара, не говорил, но в народе все боялись того».²

В эпопею говорится о жестокостях и беззакониях, творимых Майбасаром в должности волостного. Божей «по просьбе народа, выведенного из себя самоуправством Майбасара, обратился к Кунанбаю с требованием сменить волостного управителя»³ на что Кунанбай ответил отказом.

Став волостным, Майбасар притесняет тех, кто боролся против его избрания.

Насколько типичен для своей эпохи образ этого жестокого и необузданного феодала, созданный М. О. Ауэзовым, убедительно подтверждают и проводимые ниже исторические документы.

Далеко зашедший произвол волостного, чувствовавшего за собой крепкую поддержку в лице Кунанбая, красноречиво проявился в следующем факте. Подозревая, что его противники пишут на него жалобы русской администрации, Майбасар нападает на казака Ворошилова ехавшего с почтой в Семипалатинск. Он требует, чтобы Ворошилов сказал ему, что написано в письмах. Не получив ответа, Майбасар избивает казака и со словами «сами прочитаем» забирает почту.⁴

Прекрасным дополнением и подтверждением безусловной исторической достоверности облика Майбасара, созданного в романе, служит заключение чиновника пограничного управления Гусева, арестовавшего Майбасара за ограбление почты: «Если Майбасар осмеливается колотить русских казаков, которых из 1000 киргиз 999 боятся, то что же он делает с киргизами? Только что не режет».⁵

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 198 об.

² Там же, л. 123 об

³ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 57.

⁴ ГАОО, ф. 3, оп. 3, 3649, л. 201.

⁵ Там же, л. 311.

М. О. Ауэзов убедительно показывает, что у Кунанбая были свои расчеты отказываться в просьбах о смещении Майбасара. «Он решил, что иметь около себя человека, который является как бы отражением его собственной несокрушимой силы и суровой непреклонности, совсем неплохо. Когда удары, наносимые Майбасаром, станут не под силу, все будут вынуждены искать защиты у него, у Кунанбая».¹

Однако не только отрицательные личные качества Майбасара сыграли решающую роль в неприятии его как волостного, немаловажное значение имело и то обстоятельство, что определенная часть феодально-родовой верхушки жигитеков, котибак, бокенши и других, близко связанных с ним, родов активно сопротивлялась переходу власти в руки представителя рода иргизбай.

Как совершенно определенно свидетельствуют источники, Божей, возглавлявший род жигитек в борьбе за смещение Майбасара с должности, «сам рассчитывал стать волостным управителем».²

По подлинным историческим документам, не добившись смещения Майбасара, эта часть феодальной верхушки родов жигитек, котибак и др. стала требовать раздела Кокше-тобыктинской волости, состоявшей из 2000 кибиток и 20 старшинств, на две разные волости, с тем, чтобы в одной оставался волостным Майбасар, а другую возглавил Божей.

Таким образом, Божей, стоявший во главе враждебных Кунанбаю родов, был далеко не бескорыстен в борьбе против злоупотреблений Майбасара: он сам стремился к господствующему положению в племени, претендуя для начала на должность волостного.³

Именно этим стремлением влиятельного бия Божея к большей политической власти в племени и мотивирована в романе неослабевающая борьба с ним Кунанбая. Эта драматическая сюжетная линия, связанная с ожесточенной политической борьбой внутри феодальной верхушки казахского общества, борьбой, выливавшейся нередко в кровавые столкновения, проходит через весь роман и является отражением реальных противоречий в среде феодалов.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 57.

² ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 23 об.

³ Там же, л. 240.

Настойчиво добиваясь разделения волости, Божей и его сторонники прибегали к различным приемам. Так, чтобы сломить сопротивление Кунанбая, Божей приезжает к нему с богатыми дарами, привозит «шесть девяток скота, в том числе одну, начинающуюся со слуги, а другую — с ямбы китайского серебра», под предлогом поминок по умершему отцу Кунанбая, Фактически же это была взятка, так как в это время ставился вопрос о разделении волостей. Очевидно, поэтому Кунанбай даров не принял, и в разделении волости отказал.¹

Не договорившись с Кунанбаем, враждующая с ним партия открыто выступила с требованиями о разделе. Напряженность обстановки в племени, живо воссозданная в эпосе, подтверждает приводимое ниже свидетельство современников. «На поминки по бию Джанкобуле Бокончине в аул его съехалось много народу из разных волостей, в числе коих были джигитековские киргизы с таковыми же котебаковскими, эти последние, отделившись вооруженною толпою, настоятельно требовали от султана Ускенбаева..., чтобы их отделить от волости».² Откочевка, широко применявшаяся в феодальных усобицах, имела место и в этом конфликте. Как следует из дела Кунанбая, «роды котебаковские и джигитековские, в коих состоят Божей и Байсал, своевольно откочевали от волости... к урочищу Баканас, принадлежавшему части Аягузского округа».³

Откочевки обостряли межродовую борьбу. Достаточно вспомнить, к каким кровавым событиям в эпосе привело намерение Кулиншака, старейшины рода торгай, отложиться от Кунанбая и перейти под покровительство и на земли враждебных ему родов жигитек и бокенши.

Родовая борьба принимала особенно острый характер, когда дело касалось земельного вопроса. Так, в эпосе с неопровержимой достоверностью показано, что межродовая борьба стала еще более ожесточенней, когда Кунанбай, устранив Кодара, вероломно занял издавна принадлежавшее роду жигитек урочище Карашоки, на котором находилась могила их предка Кенгирбая. «Это было тяжелым ударом для Божей, и он решил насмерть схватиться с Кунанбаем...».⁴

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 19.

² Там же, л. 8.

³ Там же, л. 11 об.

⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 94.

Автором воспроизводятся сложные взаимоотношения между родами, политика старшего султана, направленная на ущемление враждебных родов и поддержку своих сторонников. Так, Кунанбай назначает межродовой съезд в ауле Уркимбая (род жигитек), что вызвало большое недовольство народа, которому было хорошо известно, что «правитель назначает съезд в тех аулах, против которых имеет зуб», так как на эти аулы ложится вся тяжесть расходов, связанных с проведением съезда.

Народ, обозленный грубым требованием посольных Кунанбая срочно собрать юрты и выдать убойный скот, избивает посланцев. Это и послужило непосредственным поводом для нового усиления феодальной междоусобицы. В ответ на избиение посольных Кунанбай совершает нападение на аул Божея и Токпамбета. Как описано в романе, Кунанбай собрал настоящее войско, вооруженное соилами, копьями и шокпарами, готовое к бою. Кроме иргизбаев здесь собрались люди и из других родов, в том числе и из рода котибак, старейшиной которого был Байсал. Кунанбай поскакал впереди войска. С родовыми кличками «Олжай», «Иргизбай!», «Топай!», «Торгай» отряд ринулся на аул Божея. На каждого жигитека приходилось 40-50 иргизбаев, двести человек Кунанбай послал в обход противника с двух сторон. «Людей у Божея было куда меньше, чем у Кунанбая. Вдобавок жигитеки не успели собраться — их застигли врасплох. По обычаю противник должен предупредить о нападении, указать место боя и лишь тогда высылать всадников. Кунанбай поступил не так — он нагрянул внезапно».¹

На этом же примере так же любопытно проследить, как рушились в середине XIX века патриархально-родовые традиции, М. О. Ауэзов показывает разгром аула Божея, где кунанбаевцы, быстро сломив сопротивление противника, обезоружили всех пленных жигитеков. Их глава, бий Божей, был жестоко избит и унижен на глазах всего рода. Байсал, старейшина рода котибак, оскорбившись за близкий ему род жигитек, порвал с Кунанбаем и перешел на сторону жигитеков, что также соответствует историческим фактам, так как в дальнейшем Байсал выступает совместно с Божеем и Каратаем с жалобами на Кунанбая русским властям.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 120.

Для образного воссоздания событий, связанных с ожесточенной межродовой борьбой в племени, М. О. Ауэзов использовал следующие воспоминания Тумабая Наданбаева, записанные им на родине Абая:

«...Соғыс аттарын қоя беріп, жігітек қаперсіз жатыр екен.

Әуелі (неразборчиво — Л. А.) аттарын қуып алады. Тұрсынбай, балағаз жаяу, балта ұстасып, жүгіріседі. Бұл оқиға Бөжей қыстауының үстінде болады. Тоқпамбет жанында. Қорада тығылғанның бәрін сабайды. Бөжей артынан шығады, оны сабай бастайды. Еті әппақ екен. «Ұрма!»— деп, Пүшербай үстіне жатады. Қажы: «Өзің ұр»,— дейді. Сонда көтібақ Байсал: «Боқты ұрарсың!»— дейді. Ұрып жібереді, сонда көтібақ жігітек боп қосылып кетеді. Торғайдан Құлыншақ, бес батырдың әкесі бірге кетеді. Бесқасқа (бес батыр) Тұрсынбай, Садырбай, Мұңсызбай, Наданбай, Манас».

«...Жигитеки, распутив боевых коней, беспечно расположились. Сначала (неразборчиво — Л. А.) угоняет их лошадей. Турсынбай и Балагаз метались с топорами в руках, оставшись пешими. Это событие произошло на зимовке Божея — Токпамбете. Всех, кто прятался во дворе, (нападающие) избивали. Божей вышел последним, его начали избивать. Тело его отличалось особой белизной. Пушербай, сказав: «Не бейте», ложится на Божея (закрывает его своим телом. — Л. А.). Кажы (Кунанбай. — Л. А.) приказал; «Бей его самого». Тогда котибак Байсал грозно проговорил: «Попробуй бить, не смеешь». Божея ударили. После этого котобаки и жигитеки объединились. Торгай Кулиншақ, отец пяти батыров, ушел с ними. Пять жигитов: Турсынбай, Садырбай, Мунсызбай, Наданбай, Манас».

Следовательно, стремясь к наибольшей исторической достоверности повествования, М. О. Ауэзов в большинстве случаев отталкивался от документальных свидетельств эпохи. Например, эпизод с попыткой Даркембая выстрелить в Кунанбая во время нападения последнего на аул Божея, казалось бы, вымышленным, однако и он имеет под собой реальную почву: только в действительности на жизнь Кунанбая покушался Алжан.

«Бөжейді байлап алам-деп келгенде, Әлжан оқтанып атпақ болады. Бөжей атқызбайды. Артынан қажы

Бөжейді ұстап әкеле жатқанда, мен сені оқтан аяп ем, сен отқа салдың ба?!—дейді».¹

«Когда (Кунанбай.—Л. А.) приехал, чтобы связать и увезти Божея, Алжан, прицелившись, хотел выстрелить. Божей не дал ему выстрелить. Позже, когда Кажы, схватив, вел Божея, последний сказал: «Я тебя от пули спас, а ты меня в огонь бросил». В решении образа Кунанбая и других персонажей эпопеи первостепенное значение имело стремление М. Ауэзова проникнуть в подлинные исторические свидетельства того времени, раскрыть внутреннее содержание отдельных глухих упоминаний, скупых и отрывочных сведений и на основе этого давать свою самостоятельную оценку явлений. С. Злобин прямо отмечал, что такие «сырые» документы, как первооснова играют самую большую роль при изучении истории.»²

Огромное значение историческому документу придавала О. Форш: «Исторический роман я мыслю себе только на основе исторического документа. Лично мне совершенно необходимо «пощупать» документ, осязать его своими руками, видеть своими глазами. Тогда я его чувствую, и он доходит до моего творческого сознания».³

На основе первоисточников строит М. Ауэзов и дальнейшее развитие борьбы между Кунанбаем и Божеем. Оба приезжают в Каркаралинск, где втягивают в этот острый конфликт своих сторонников из влиятельных лиц казахской и русской администрации.

Для того, чтобы с большой художественной выразительностью передать дух эпохи, М. О. Ауэзов смело вводит почти без изменений отдельные примеры острых словесных столкновений враждующих родовых воротил. Например, в народе сохранился такой диалог:

«Қарқаралыда Баймұрын бітім сұрағанда қажы: «көк шекпенді кигізіп, бойын кездетіп айдағанда тоқтайым, одан беріде тоқтамаймын,— дейді. Байсал, Бөжей екеуі Баймұрынға айтады: көк шекпенді біздің мырза пішкен жоқ. Тәңірім пішкен. Кімге бұйырса сол киер... дейді».⁴

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 200.

² С. Злобин. О моей работе над историческим решением. В. кн.: Советская литература и вопросы мастерства, М., 1957, стр. 147.

³ Н. Луговцев. Творчество О. Форш. Л., 1964, стр. 123-124.

⁴ Архив ЛММА, папка № 29, л. 178.

«Когда Баймурын приехал в Каркаралы с предложением помириться, кажы (Кунанбай — Л. А.) сказал: «До тех пор, пока я не одену его (Божея — Л. А.) в серый кафтан (т.е. тюремную одежду.— Л. А.), не остановлюсь. Байсал и Божей оба сказали Баймурыну: «Серый кафтан не наш мирза кроил. Кому суждено, тот и оденет».

В эпопее взаимные колкости враждующих феодалов передаются через Алшинбая и Баймурына, знатных и влиятельных лиц Каркаралинска. Так, Кунанбай говорит о Божее: «Пусть лучше он перестанет подавать на меня жалобы. Иначе не успокоюсь и я, пока не наденут на него серого кафтана и не сошлют подальше». Далее Кунанбаю передают полный ненависти вызывающий ответ Божея: «Серый кафтан кроил не наш мирза: он скроен богом и неизвестно еще, кому придется носить его...».¹

Однако совершенно очевидно, что М. О. Ауэзов отнюдь не занимался только добросовестным пересказом источников. Фактический материал истории был отправной точкой для художественного вымысла автора, он претворял его в образных решениях с глубокой психологической мотивировкой поступков действующих лиц, целостной и яркой передачей духа эпохи, объемно и зримо предстающей перед читателями в каждом ее проявлении.

О подлинности событий, связанных с борьбой Кунанбая с Божеем, можно судить по следственному делу Кунанбая Ускенбаева, где прямо говорится «о нападении хорунжего Кунанбая Ускенбаева с пятисот человек киргиз на таковых же кутебаковского и джигитековского родов, об угоне у киргиз Иралиных 250 лошадей, нанесении ран 9 человекам и захвате 4 человек в свои аулы».²

Впоследствии, как известно из романа, в Каркаралинске, куда Божей приезжает с жалобой на произвол Ускенбаевых, происходит временное примирение сторон, которое закрепляется передачей дочери Кунанбая на воспитание в семью Божея.

Поразительно, что даже этот эпизод, сохранившийся в памяти народа, также нашел отражение в упомянутом выше архивном источнике, что еще раз подтверждает,

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I, М., 1958, стр. 139.

² ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 230 и об.

каким важным средством в собирательской работе по изучению исторического прошлого народа являются опросные данные, нередко не уступающие по своей достоверности подлинным историческим документам. Так, «султан Аягузского округа Барак Солтабаев показал, что примирил ссорившихся... Божея Иралина, Юсупа Котанбулакова и Балагаза Кауменова с султаном Кунанбаем Ускенбаевым, который обещал Иралину отдать свою дочь, что и исполнил, и что Божей получил несколько голов скота».¹

Таким образом, документальная основа эпопеи, проявляющаяся в исторической подлинности событий в большинстве персонажей, воссозданных на основе воспоминаний современников, становится особенно очевидной в сопоставлении с таким важнейшим источником, как объемистое дело Кунанбая Ускенбаева, сохранившееся в Омском областном архиве.

Межродовая борьба, лишь временно приостановленная, неизбежно должна была вспыхнуть с новой силой, так как и после примирения Кунанбай продолжал притеснять жигитеков, требуя, чтобы они разрешили пользоваться их пастбищами. Необходимо отметить массу интересных описаний особенностей межродовой борьбы в условиях кочевого общества, которые можно почерпнуть у М. О. Ауэзова: «Три рода — бокенши, жигитек, кокше — собираются на лето объединиться и кочевать в одно место. Угроза Байдалы, переданная через Абая, была не пустой, — так может говорить тот, кто собирает вокруг себя единомышленников. Кунанбаю нужно было вклинить часть своих аулов в земли жигитеков: тогда все, происходящее у них, каждое их слово, каждая их уловка, каждый тайный шаг будут ему известны».² Или «...обычно враждующие стороны стараются кочевать либо опережая, либо тесня одна другую».

В дальнейшем развитии межродовой борьбы важную роль сыграло известие о смерти дочери Кунанбая Камшат, которую похоронили, не известив иргизбаев. Это обстоятельство было использовано для нового взрыва вражды с Божеем: феодальные группировки срочно объединились для предстоящего кровавого сражения. Аул Кунанбая превратился в вооруженный лагерь; вокруг Зере собра-

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 27 об.

² М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 195.

лось уже не десять, а около 40 аулов. С утра и до поздней ночи целые толпы вооруженных людей наполняли юрты. «И в тот самый вечер, когда Кунанбай благословлял своих союзников на начало новой вражды, в ауле Байсал, Каратай, Суюндик и другие тоже приняли твердое решение бороться и скрепили его клятвой перед Божеем».¹

Между тем в разгар приготовлений к новым кровавым столкновениям неожиданно скончался Божей. «После смерти Божея в течение целого лета противники ни разу не сталкивались открыто, но всеми силами вербовали себе сообщников. Вражда нарастала глухо, скрыто, но неудержимо. Ненависть и озлобление, овладевшие обеими сторонами, достигли предела и в любую минуту могли разразиться нежданной грозой».²

Таким образом, в романе живо изображена раскаленная родовой враждой жизнь племени в ожидании неизбежных столкновений, сохранен подлинный дух этого сурового времени. Напряженность во взаимоотношениях родов, воссозданная М. О. Ауэзовым, нашла отражение и в докладе чиновника Пограничного управления Гусева, писавшего, что родовая борьба осенью 1852 г. в «Кокше-тобыктинской волости настолько обострилась, что она вся как бы в осадном положении, общество разделено на два неприятельских лагеря».³

В этот самый неподходящий момент сын Кунанбая Кудайберды попросил у старейшины рода торгай Кулиншака лучшего коня его сыновей. Будь другое время, Кулиншак, как это показан в романе, не осмелился бы не дать коня Кунанбаю, но теперь, располагая союзниками (котибаками и жигитеками), Кулиншак скакуна не отдал. Майбасар не понял всей сложности обстановки, отказ Кулиншака его взбесил, и он отважился на насилие. Этим Майбасар дал повод роду торгай отложиться от иргизбаев и откочевать к жигитекам и котибакам. В ответ на угрозы Майбасара, запрещающего откочевку, сыновья Кулиншака и другие джигиты избили Майбасара.

В качестве документальных свидетельств для воссоздания этих эпизодов М. О. Ауэзов использовал приво-

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 205.

² Там же, стр. 229.

³ ГАОО, ф. 3, оп. 4, д. 3649, л. 311 об.

димые ниже отрывки из воспоминаний Тумабая, внука старейшины торгоев Кулиншака, о событиях в их роде, вызвавших новый взрыв межродовой борьбы.

«Біздің ауыл қажыға қиғаш жүрді. Кенжеғұл бес қасқырдың бірі, соның Бөрте ат деген аты болады. Соны Құдайберді сұрайды бермейді. Атшабарды жібереді. Майсабар сонда он кісі боп, Манас сабалап айдап шығады. Сүйтеді де көшеді. Қарауылдан өткізіп алып, жігітек, көтібақ тосып тұрады. Артынан қайта көшіріп аламын деп, Майбасар, Құдайберді көшке барады. Болыс тілмаш боп барады. Құлыншақ ауру екен. Көтібақ, жігітек ақылдасып, дайын бол, неде болса бір қалайық дейді. Қонақ қып отырады. Пүшербай кеп: «Үйде кім бар?— дегенде, Майбасар: Мен бар!»— дейді. Сонда сабайды. Құдайберді Құлыншақтың қойынына кіріп кетеді, талқан қып сабап тастайды».¹

«Наш аул к кажы относился недоброжелательно. У Кенжегула, одного из пяти молодцов («волков»), был конь по кличке Борте, его попросил Кудайберды. Он не отдал. Послали атшабаров. Тогда Майбасар с десятью людьми, избив, выгоняет Манаса.

Сделав так, уехали. Котибаки, жигитеки ожидали их, пропустив через Караул. Намереваясь вернуть их (котибаков и жигитеков) Майбасар и Кудайберды вечером приезжают. Волостной едет с переводчиком. Кулиншак болен. Жигитеки и котобаки, посоветовавшись, решили, невзирая на последствия, наказать (Майбасара и Кудайберды). Их приняли как гостей. Пушарбай, войдя, спросил: «Кто дома?» Майбасар сказал: «Я». Его избивали. Кудайберды спрятался у Кулиншака. Его тоже избивали».

Этот эпизод, изображенный в эпосе, по воспоминаниям, жившим в народе, удивительно точно подтверждается архивным источником, в котором также говорится, что избиение Майбасара действительно имело место и произошло в доме Кулиншака: «Человек около сорока вбежали к ним в аул, большая часть из них спешила и с ожесточением ворвалась к ним в юрту, схватили его, Майбасара Ускенбаева и старшину Усерова, начали наносить жестокие побои, наказывать плетьюми. Киргизы, бывшие при нем, Ускенбаев, Байке Мурзатаев,

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 172.

Кудайберды Кунанбаев, Каражан Бурангулов вступившие за них, намерены были бунтовщиков уговорить, но им за то нанесены были жестокие побои».¹

Любопытно совпадение даже отдельных деталей, художественно воспроизведенных в романе, с подлинным историческим документом, где также отмечено, что поводом для этого конфликта явилась просьба сына Кудайберды о передаче ему коня старейшины Кулиншака.²

В ответ на избиение Майбасара разгневанный Кунанбай по ошибке нападает на траурную кочевку Божея. Этот неслыханный акт заставляет обе стороны срочно собирать силы для предстоящей битвы в Мусакульской долине. «Кунанбай собрал не только роды, находившиеся поблизости, он разослал нарочных с заводными конями и к самым дальним родам».³

Байдалы и Байсал в свою очередь послали за помощью в род кокше, к племенам мирза и мамы. Одновременно они составили жалобы, заверили их печатями разных родов и отправили в Каркаралинск. Байдалы и Байсал писали, что «ага-султан — правитель Кунанбай — громит аулы, напал на траурную кочевку. Он вовлекает роды тобыкты в кровопролитные схватки и взаимные убийства».⁴

В описании такой кровопролитной схватки между враждебными родами автор, несомненно, использовал основные факты, сохранившиеся в народе и изложенные Тумабаем Наданбаевым.

«Қажы қол жияды. Жігітек Мұсағұлға, қажы Жидебайға жинайды. Қалың төбелес. Аттың құйрығын сүзіп ап, үш күн төбелеседі.

Байдалы соғысқа Құнанбайға қарсы кісіні ақырып айдап сап тұрады. Сонда бұлардан көп кісі түсе берген соң, Ақадырдан түйе құлата қуады. Қажы қоңыр екен деп қап кісісін тоқтатады. Қажының айдалуы осы соғыстың артынан, көп кісі жаралы болғандықтан ауыл шабысқандықтан туады».⁵

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 36, 49, л. 41 об.

² Там же.

³ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 234.

⁴ Архив ЛММА, папка № 29, л. 172 об.

⁵ Там же.

«Кажы собирает свои силы (своих жигитов)». Жигитеки собираются в Мусакуле. Кажы собирает в Жидебае. Началось сильное побоище. Три дня сражались, подвязав хвосты у коней..

Байдалы во время боя, воодушевляя криком, посылает своих жигитов против Кунанбая. Когда у них (жигитеков) погибло много людей, со стороны Акадыра лавиной погнали верблюдов. Кажы, решив, что это коньрыцы (род коньрокше — Л. А.), останавливает своих воинов. Во время этой битвы очень много людей было ранено, аулы подвергались нападениям и разграблениям — все это послужило причиной ссылки кажы».

Непрестанные жалобы русским колониальным властям на произвол и насилие Кунанбая привело к тому, что его арестовали, доставили в Каркаралинск, и в июне 1853 г. он был снят с должности старшего султана Каркаралинского округа.

По материалам следствия Кунанбай предстает исключительно ловким политиком степи, широко использовавшим в корыстных целях свою власть, свое влияние, ложные свидетельства, составление подложных документов. В этом плане достаточно привести такой пример из архивных источников: еще в 1846 г. Кунанбай совершил нападение на аул Божея и разграбил его. Однако разбирательство этого дела было приостановлено, так как Кунанбай и Божей представили в окружной приказ заявление, что они взаимно рассчитались и претензий друг к другу не имеют. Но позднее, в 1850 г., свидетелем Ивашкевичем было установлено, что печать на заявлении Божея Иралина подложная, «несходственная с подлинной печатью Иралина, очевидно, документ был подделан Кунанбаем для прекращения невыгодного для него дела».¹

Через всю эпопею проходит и такая особенность, характерная для феодальной межродовой борьбы второй половины XIX века, как подача русским властям жалоб и различных, нередко клеветнических, доносов на враждебную партию. Это явление можно проследить и по следственному делу Кунанбая. В ответ на многочисленные заявления биев — Божея, Байсала, Каратая и др. — о злоупотреблениях Кунанбая последовали доносы «почетнейших киргиз Каркаралинского округа о высылке из

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 30.

Кокше-тобыктинской волости упомянутых выше старшин. Доносы такого рода, как это было установлено чиновником Гусевым на месте, пишутся под руководством Кунанбая Ускенбаева».¹

Кроме того, документы Омского областного архива свидетельствуют, что Кунанбай и Майбасар широко прибегали к ложным показаниям, выставляя в качестве свидетелей зависимых от них лиц, которые «если и свидетельствовали в истине происшествия, то единственно из страха к старшему султану Кунанбаю Ускенбаеву и волостному управителю Майбасару Ускенбаеву и по научению их».²

Иначе говоря, Кунанбай страхом или подкупом заставлял зависимых от него лиц давать нужные показания.

Как известно по роману, Кунанбай первоначально содержался в Каркаралинске под надзором окружного приказа, который занимался следствием. С переводом Кунанбая в Омск его политические противники из враждебных родов особенно активизировались, засыпав пограничного начальника сибирских киргизов жалобами на притеснения Кунанбая. По следственному делу Кунанбая также можно видеть, как почетные киргизы Коныр-кокше-тобыктинской и других волостей в своих жалобах просили об удалении Кунанбая из их округа, имея в виду ссылку.³

М. О. Ауэзов нашел в воспоминаниях современников, в передаче Архама Исхакова, упоминание о том, что Кунанбаю удалось сжечь наиболее компрометирующие его бумаги, выхваченные силой у сопровождавшего его чиновника.

«Майрды бас салып, қағаздарды Мырзақанға отқа салғызып өртетіп жіберді».⁴

«(Кунанбай, — Л. А.), схватив майора, приказал Мирзахану бросить бумаги в огонь — и они были сожжены».

В эпосе эта небольшая деталь получает интересное художественное решение. Психологически тонко и убедительно показывает М. О. Ауэзов, как майор, которому Кунанбай дал большую взятку, нагоняет его, а в Пав-

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 343 об.

² Там же, л. 97, 97 об.

³ Там же, лл. 373-374.

⁴ Архив ЛММА, папка № 29, л. 164.

лодаре (по пути следования в Омск) и приглашает в дом, где остановился. Во время беседы майор, ясно разгадав намерения Кунанбая, попросившего его растопить печь, дает ему в руки обвиняющие его бумаги якобы для ознакомления. По приказу Кунанбая слуга бросает их в печь. Майор же, притворившись захмелевшим, позволяет ловкому и сильному Кунанбаю скрутить себе руки, чтобы при расследовании этого дела гарантировать свою непричастность.

По молчаливому соглашению майора Кунанбаем был также подожжен небольшой сарайчик, где стояли сани, на которых приехал майор, в сани положили ворох бумаг. На другой день майор с актом о сгоревших во время пожара документах выезжает в Омск. Как пишет автор, «слабый дымок маленького пожара не впервые окутывал полным мраком ловкие проделки майора».

Сам же ход следственного дела Кунанбая не оставляет сомнения в том, что он, безусловно, как это изобразил М. Ауэзов, давал «бешеные взятки и богатые подарки» представителям царской администрации в Каркаралинске и Омске. Только этим можно объяснить, что Кунанбай, содержащийся под арестом в Омске, сумел получить разрешение¹ быть переданным на поруки его знатным сородичам.

Рассмотрение дела о противозаконных поступках бывшего старшего султана Каркаралинского округа тянулось много лет, вплоть до 1862 г., но так и не получило разрешения.²

Затяжной характер этого следствия — наглядное свидетельство колониальной политики царского правительства в Казахстане, которое лишь в крайних случаях принимало решительные меры для ослабления межродовой борьбы. Обычно же царские власти на местах всячески старались держать казахские роды в состоянии внутренних распрей, чтобы таким образом отвлекать их от антиколониальной борьбы. Очевидно, политикой царизма объясняется исход дела Кунанбая: возвратившись в родные места, он вновь приходит к власти — занимает должность волостного управителя Кокше-тобыктинской волости.

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 370.

² ГАОО, ф. 3, д. 3650, л. 1 и об.

С особой силой проявлялась межродовая рознь в предвыборной борьбе за должности волостных управителей.

Не случайно такой искушенный в межродовой борьбе феодал, как Кунанбай Ускенбаев, стремился даже следствие против него использовать для устранения возможных конкурентов. В своих показаниях он старался «завлечь под следствие ненавистных ему лиц и запятнать их честь прикосновенностью к делу», что могло «служить препятствием при имеющихся быть выборах волостного управителя...».¹

Клевета, ложный донос, как один из наиболее распространенных методов родовой борьбы за первенствующую роль в политической жизни рода и племени в целом, воссоздаются М. О. Ауэзовым художественно выразительно и исторически верно, причем действия каждого персонала в этой борьбе отличает хорошо мотивированная классовая обусловленность.

Кунанбай Ускенбаев, властный старший султан, в течение многих лет державший в своих руках управление многочисленным племенем тобыкты, предстает в романе сильной, незаурядной личностью. Причисляя Кунанбая к глубоко реалистическим, монументальным образам романа, типичность которых делает их как бы живыми символами эпохи, литературовед З. Кедрина говорит о Кунанбае как о фигуре, написанной «во всей противоречивости своих могучих страстей, как бы олицетворяющей собою темные силы феодально-родовой степи».² В образе Кунанбая с предельной художественной убедительностью обобщены и типизированы все отрицательные силы истории казахского общества того времени.

Умный, дальновидный, расчетливый политик в сложнейших перипетиях межродовой борьбы, умело разжигаемой и используемой им в своих интересах, направленных на укрепление личной власти и умножение своих богатств, Кунанбай олицетворяет собой вместе с тем всю алчность, неукротимую жестокость господствующего класса феодалов. Со всей беспощадностью разоблачая классовую сущность Кунанбая и его жестоких деяний, М. О. Ауэзов не умаляет значительность его

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 332.

² З. Кедрина. Мухтар Омарханович Ауэзов. В кн.: «Мухтар Ауэзов». Путь Абая. Роман-эпопея в двух томах, т. I. М., 1965, стр. 16.

исторического характера, тех его качеств, которые представляют его незаурядной личностью. Все это придает образу Кунанбая исключительную художественную убедительность.

Интересно отметить, что Кунанбай сумел стать влиятельным бием главным образом благодаря своим личным качествам человека ловкого, умного, сильного, хотя властного и жестокого. Он выдвинулся из простого народа. На его неаристократическое происхождение указывал А. Янушкевич, посетивший Средний жуз в 1846 г. и близко столкнувшийся с Кунанбаем как с официальным лицом. Кунанбай оказал содействие экспедиции, возглавляемой пограничным начальником генералом Вишневским, имевшей задание помимо переписи населения и скота в Среднем жузе и разбора дел, рассмотреть на месте просьбы пяти племен Старшего жуза о принятии их в российское подданство.

Нам представляется интересным воспроизвести здесь некоторые непосредственные наблюдения Янушкевича, относящиеся к Кунанбаю, произведшему на него наиболее яркое впечатление из всех правителей Среднего жуза. Он пишет: «...Бий Кунанбай, это тоже большая знаменитость в степи..., одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний алькорана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся киргизов, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые».¹

Подобные рассуждения о Кунанбае как защитнике народа, основанные лишь на собственных высказываниях Кунанбая о своей особе и представляющих типичное самовосхваление спесивого феодала, не могут быть приняты, ибо Янушкевич, находясь в ауле Кунанбая проездом, не имел возможности воспринимать увиденное во всей его действительной полноте и сложности. Достаточно вспомнить о незаконных поборах и насилиях, чинимых Кунанбаем, которые несли разорение и страдания

¹ А. Янушкевич. Дневники и письма. Из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966, стр. 62. (Перевод с польского и предисловие Ф. Стекловой).

народу и о которых красноречиво говорят архивные материалы и воспоминания современников, широко цитированные нами, чтобы убедиться, что путевые наблюдения А. Янушкевича при всей остроте и свежести его восприятия не являются глубокими и всесторонними. За кажущейся патриархальностью, он не сумел увидеть подлинной сути жестокой эксплуатации феодалом зависимого от него трудового люда, произвола и насилий главы рода по отношению к враждебным родам.

Интересны высказывания А. Янушкевича о сложной и трудовой борьбе Кунанбая на пути к власти (Кунанбай был тогда лишь волостным управителем). А. Янушкевич говорит, что Кунанбаю «приходилось лавировать между степными феодалами и русскими колониальными властями, добываясь поддержки и расположения тех и других». Он пишет: «Кунанбай ведет некоторым образом двойственную игру: выдал много богатых киргизов, которые поукрывали своих лошадемок и баранов.

Дали бы они ему перцу, если бы узнали, кто нам помог открыть правду, или, точнее, приблизиться к правде».¹

Впрочем, архивные источники отмечали также и отдельные положительные стороны в деятельности Кунанбая. Так, в 1849 г. он, будучи старшим султаном, «склонил бедный класс народа к выгодному для него хлебопашеству»,² в другом документе читаем, что Кунанбай предложил провести в его округе оспопрививание.

М. О. Ауэзов говорил, что ему нелегко было восстановить подлинный облик жизненного прототипа Кунанбая — властного, жестокого феодала, так как последний стремился увековечить свое имя отдельными благодеяниями. В народе его называли не иначе, как кажы, о нем сохранились воспоминания, как о благочестивом старце, совершившем хадж (паломничество) в Мекку, построившем там странноприимный дом, на его средства была воздвигнута мечеть в Каркаралинске и т.д. «Все это делалось за счет народных средств. Однако в условиях степной темноты, когда общественное мнение во многом зависело от фанатиков ислама, ишанов и мулл, эти «до-

¹ А. Янушкевич. Дневники и письма. Из путешествия по казахским степям, Алма-Ата, 1966, стр. 180.

² ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 189.

бродетели» заслоняли в представлении невежественных людей зло, творимое Кунанбаем. А ведь ему принадлежала власть над населением целого уезда, внутри своего приказа он творил бесчинства и насилия вплоть до того, что отнимал земли у целых родов. В некоторых аулах я находил данные о том, что Кунанбай брал взятки...

Немало историй было поведано мне о жестокости Кунанбая... И постепенно жизненный прототип Кунанбая — лютого правителя феодала все отчетливее предстал перед мной».¹

Таким образом, М. О. Ауэзов тщательно изучал исторический материал, относящийся к Кунанбаю, глубоко анализировал отдельные, разрозненные сведения о нем — сложные и противоречивые, вскрывая истинные причины его деяний. В итоге был создан исторически достоверный и художественно-убедительный образ крупного степного феодала, типический характер в типических обстоятельствах своего времени и среды.

Скрупулезное исследование исторических первоисточников, проделанное М. О. Ауэзовым в период работы над романом, составляет отличительную черту творчества советских исторических романистов вообще. Автор эпопеи «Путь Абая» имел возможность опереться в этом отношении на богатый опыт А. Н. Толстого, который в работе над «Петром I» также глубоко изучал исторические источники, связанные с описываемой им эпохой. Весь его роман построен на основе подлинных исторических документов, подчас редких, ранее неизвестных. «Я хочу, помимо всего, быть точным и использовать возможно полнее мемуарный и архивный материал»,² — писал А. Н. Толстой.

Думается, что на образе Кунанбая можно убедиться, насколько плодотворны бывают авторский вымысел и домысел, когда они тесно связаны с документальными свидетельствами, с правдой истории, верно понятой и истолкованной с позиций исторической науки.

Творческая фантазия автора, базировавшаяся на понимании исторической закономерности, классовой сущности деяний и взглядов Кунанбая, внутренней логики

¹ М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 362.

² Цитир. по кн.: В. Щербина. А. Н. Толстой. Творческий путь. М., 1956, стр. 452.

его характера, помогла ему восполнить недостатки и пробелы скупых и противоречивых источников, ярко и всесторонне раскрыть в эпопее образ Кунанбая. Причем в работе над этим образом, как и над образами других невымышленных своих героев, М. О. Ауэзов отнюдь не стремился к полному копированию реальных жизненных прототипов. Каждый из этих образов есть художественное открытие, новый тип, обобщающий черты многих других представителей своего класса, черты, которые придают ему больше выразительности и социальной значимости. Как отметила Анна Зегерс: «Никакой глубокий и многозначительный образ произведения искусства не возникает из одного прототипа».¹

Успех М. О. Ауэзова в создании исторически правдивого и типичного образа Кунанбая был в значительной степени определен критическим отбором опросных сведений, относящихся к рассматриваемому времени, историческая достоверность которых была впоследствии подтверждена документальными свидетельствами, обнаруженными в Омском областном архиве. Художественная интуиция автора выступает здесь в сочетании с его обоснованной исторической концепцией.

Верно оценивая результаты такого рода творческой работы автора над образом Кунанбая, литературовед Мухамеджан Каратаев писал: «По мощи художественного обличия образ Кунанбая не имеет себе равных среди всего, что написали писатели Казахстана о темных антинародных силах, порожденных прошлым социальным устройством нашей страны. Много в этом характере причудливых складок, извилин, тайников. Кунанбай, воплотивший в себе дух жестокости, интриг и коварства, отнюдь не односторонен, не схематизирован и не мелкотравчат. Он по-своему могуч и монолитен в своей классовой сущности и определенности. Его ум изворотлив, его коварство безгранично, его деспотические злодеяния рождены беспредельной жестокостью в преодолении всего, что стоит на пути достижения поставленной им цели».²

¹ А. Зегерс. Заметки о Достоевском. «Вопросы литературы», 1963, № 4, стр. 137.

² М. Каратаев. Предисловие. В кн.: М. Ауэзов. «Путь Абая», т. I. Алма-Ата, 1960, стр. 15.

Такая высокая оценка образа Кунанбая, прежде всего в плане его исторической типичности, безусловно, связана с отсутствием какой-либо модернизации его облика.

А. Н. Толстой писал, что «исторические герои должны мыслить и говорить так, как к тому толкает эпоха и события той эпохи».¹

Следовательно, воссоздавая историческую эпоху и представляя ее через художественные образы, автор сможет передать правду истории, лишь опираясь на правильно понятые закономерности ее развития. И если вымысел автора строится на такой почве, то он приобретает полную художественную убедительность.

В романе не только глубоко обобщены зафиксированные историей деяния Кунанбая, но многое относится и к сфере авторской фантазии. Например, попытка Кунанбая задушить своего внука Амира, осмелившегося нарушить закон шариата. Он остается жив благодаря Абаю, который вырывает юношу из цепких рук святоши. Будучи вымышленным, этот эпизод подготовлен всем внутренним складом Кунанбая, и отнюдь не противоречит логике его исторического прототипа.

Особый интерес представляет межродовая борьба после отхода Кунанбая от мирских дел. Против иргизбаев, так долго сохранявших власть в тобыкты, создалась сильная группировка из представителей родовой верхушки жигитеков, бокенши, котобаков, топай и других родов. Они решили провалить на выборах ставленника иргизбаев Оспана, отстранить от власти иргизбаев и добиться избрания своего кандидата — Кунту. Завоевав большинство голосов на выборах, эта группа празднует победу: «Теперь и печать волостного, и его власть попали в их руки. Все приговоры, жалобы, кляузные письма будут составляться так, как хотят они. А если понадобится отнять у кого-нибудь землю или скот, то дубинкой будет Кунту с печатью волостного в руках и управительским знаком на груди».²

В феодально-родовой борьбе большую роль играли щедрые угощения, которые устраивал феодал для своих сторонников, а также и для предполагаемых, чтобы привлечь последних на свою сторону. Например, после

¹ А. Толстой. О литературе. Сб. статей. М., 1956, стр. 324.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 56.

возвращения из Омска, лишившись ага-султанства, Кунанбай устраивает частые пиршества. Эти «ежедневные щедрые угощения и приемы гостей имели для Кунанбая большое значение, чем простое торжество в честь радостного события: он собирал людей, объединял родичей, успевших разбрестись, вновь крепко стягивая сдерживающий их обруч и поднимался в их глазах на прежнюю высоту».¹

Такого рода детали дают возможность наглядно представить и глубже понять все разнообразие средств и приемов, использовавшихся феодальной верхушкой в борьбе за власть. При этом писатель показывает, как тяжело страдал народ от феодальных междоусобиц, сопровождавшихся взаимным истреблением людей, разрушением хозяйства, угоном скота. В эту вражду феодалов народ бывал постоянно втянут в силу пережитков патриархально-родовой идеологии, согласно которой распри представлялись как борьба за «интересы» рода. Через всю межродовую борьбу, воспроизведенную автором в эпосе, четко проходит мысль, что родовые междоусобицы приносили выгоды лишь представителям господствующей верхушки рода. Эта истина образно высказана Базаралы: «Что такое народ? Сила при раздорах с соперниками, прах, когда сам в нужде. В битвах победа куется его руками, а при дележе в эти руки попадает лишь пыль от прогоняемых мимо награбленных стад...»

Междоусобицы усугубляли тяжелое положение народа еще и тем, что лишали его пастбищ, а это подрывало основы кочевого скотоводческого хозяйства. Приводимый ниже отрывок текста показывает, что народ не выиграл ничего, даже находясь в числе победителей, и первый страдал от штрафов и потери пастбищ, когда оказывался в стане побежденных. После смещения Кунанбая с должности старшего султана последнему пришлось пойти на целый ряд земельных уступок, чтобы прекратить поток жалоб на него русским властям.

В основе повествования об этих событиях также лежит подлинный исторический материал:

«Бөжей өлгеннен кейін, барады Омбыға. Айдалып бара жатқанда: Артынан арыз бергізбе. Сұраса бара беріндер

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 237.

жігітекке», — дейді. Сонда артындағылар 15 қыстау береді. Байдалы ақша бергізбеймін дейді. Бірақ 15 қыстау бер дейді. Малдың есебі жоқ, жігітек ала береді. Қажы мал жағына билік болмасын деп, тапсырған. Қағаз бармайды, қажы қайтып келеді».

«После смерти Божеея отправляется в Омск. Когда его (Кунанбая — Л. А.) провожали, (он поручал): «Сделайте так, чтобы вслед за мной не шли жалобы. Если будут жигитеки что-нибудь просить, отдавайте (удовлетворяйте)».

Тогда оставшиеся после Кунанбая (его близкие — Л. А.) отдают 15 зимовок. Байдалы: «Жалоб не будет посылать, но дай 15 зимовок». Скот жигитеки брали бессчетно. А қажы приказал, чтобы скотом не распоряжались. Жалобы прекратились. Қажы возвращается».

От Кунанбая потребовали возвращения 15 зимовий, «которые в течение 10 лет Кунанбай одно за другим отобрал у своих соседей хитростью или принуждением. Каждый из четырех родов — жигитек, бокенши, котибак и торгай — получил по несколько пастбищ и зимовий. Но земли достались только знатым старейшинам родов и богатым аулам. Говорили о «возмещении за урон, понесенный всем народом», требовали земли «для блага народа», а кончился этот шум тем, что пастбища и зимовья достались Байдалы, Байсалу и Суюндику с их друзьями. Остальным аулам заткнули рот небольшим количеством убойного скота, предоставлением во временное пользование лошадей, уступкой бычков и телок. А тяжесть расплаты легла не только на Кунанбая и его богатых старейшин — ее делил весь род иргизбай».²

Классовая природа феодальных междоусобиц, борьба феодалов за землю прекрасно раскрыты в размышлениях юного Абая, который убедился в том, что «добычу одного Кунанбая поделили между собой пять кунанбайчиков».

Будучи уже зрелым человеком, Абай особенно остро переживает страдания народа, усугубляемые родовой борьбой. Он с болью говорит своим русским друзьям о губительных для народа бесконечных набегах, барымте, грабежах и насилиях, чинимых родовыми воротилами.³

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 172.

² М. Ауэзов. Абай, кн. I, М., 1958, стр. 240.

³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 346-347.

Автор «Пути Абая» сумел художественными средствами воспроизвести всю сложную и многообразную картину общественно-экономического строя Казахстана второй половины XIX века в значительной степени благодаря тому, что ему удалось проникнуть в самую суть феодальных земельных отношений, о которых в эпопее содержится исключительно интересный материал.

В рассматриваемый период, как это верно отображено в «Пути Абая», уже давно сложилось право на пользование землей и распределение ее между различными родами, регулируемое обычным правом, которое строго фиксировало границы не только сезонных пастбищ, но и кочевых путей.

Как известно, специфика экстенсивного скотоводства требовала разделения больших родовых коллективов на отдельные подразделения и общины родов и в соответствии с этим распределения пастбищ между ними. М. О. Ауэзовым даны точные данные, какими пастбищами владели тот иной род, его ветви и отдельные аулы, причем границы их земельных участков были строго обособлены различными водными источниками, урочищами, а то и просто специальными знаками. Автор неоднократно показывает, как, кочуя всю зиму на осенних, зимних, весенних пастбищах, более близкие между собой роды собирались летом на жайлау. Это совместное пользование одними земельными участками и объединяло родственные коллективы, так как иные экономические связи почти отсутствовали при сохранении натурального кочевого хозяйства, слабого развития ремесла и товарно-денежных отношений. Наряду с этим эпопея дает возможность проследить большую неравномерность в пользовании пастбищами различными родами. Внутри племени тобыкты лучшие пастбища сумел захватить иргизбай, возглавляемый Кунанбаем. На протяжении всего произведения видно, как тяжело переживают джут малоземельные роды. Например, джут разорил большую часть рода жигитек, у которого было мало пастбищ.

Малоземелье отдаленных родов Кунанбай ловко использовал в межродовой борьбе. Пуская на свои пастбища стада терпящих бедствие малоземельных родов, он стремился привлечь последние на свою сторону в борьбе с другими родами. «Те аулы, которые он подерживал, перегнали свои отары на урочища рода ир-

гизбай, и, разумеется, уберегут их от падежа. А роды малочисленные, безымянные, слабые мечутся без выхода, стада их блуждают по мертвой степи, гонимые голодом».¹

Таким образом, глубокий историзм эпопеи, выражающийся в умении автора художественными средствами вскрыть суть социальных явлений, позволяет увидеть, например, что родовые междоусобицы в большинстве случаев представляли собой ожесточенную борьбу за землю, когда более сильные роды насильственно захватывали лучшие пастбища у слабых. В связи с этим земельный вопрос стоял настолько остро, что всякое передвижение родов было предметом зоркого внимания соседей. Недаром род жигитек обеспокоился при виде необычайно ранней кочевки Кунанбая на зимние пастбища. «Если бы Кунанбай заторопился весной,— начал Божей,— я бы понял, что он хочет захватить пастбища уаков ...Если бы это было летом,— значит, у него разгорелись глаза на земли киреев... Но зимовья все кругом тобыктинские, до чужих далеко... Как бы он на своих не набросился...».² Опасения Божея, как известно, полностью подтвердились: в дальнейшем показывается, как Кунанбай перешел к открытому захвату земель у слабых родов, владевших, однако, более выгодными пастбищами по сравнению с родом иргизбай, возвысившимся лишь в середине XIX века.

«Карашоки, одна из вершин Чингиза, находится неподалеку от зимовки Кодара... Здесь сочные пастбища, привольные места. Издавна обосновавшиеся здесь бокенши и борсаки никому не уступали их.

У многих из рода иргизбай давно уже глаза разгорались на Карашоки, где находился аул Жексена».³

Воспользовавшись приговором Кодару, Кунанбай захватывает зимовье рода бокенши — Карашоки. Только после этого бокенши открылась «истинная цель убийства Кодара — захват их зимовий».⁴

На вопрос Жексена, владельца Карашоки, как быть его аулам, пришедшим на зимовья, Кунанбай повелительно отвечает: «Твои аулы вернутся обратно!».

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 296, 311.

² Там же, стр. 63, 93.

³ Там же, стр. 68, 75.

⁴ Там же, стр. 78, 106.

Суюндик, старейшина рода бокенши, потрясенный вероломством Кунанбая, образно говорит о бедственном положении рода, лишившегося одного из лучших зимовий: «Жайляу твои — в руках врага, зимовья твои охватило пламя».

Это стремление более могущественного рода к отчуждению земель у слабых соседей наглядно показано в последующих деяниях Кунанбая, силой утвердившего право иргизбаев на захваты лучших земель племени.

Так, например, когда бокенши спрашивает у Кунанбая, зачем нужен ему Чингиз, если у него и так достаточно хорошей земли, он заявляет: «Э, бокенши... Вы — наши старшие братья. Вы возмужали раньше и завладели всем обширным подножьем Чингиза. Иргизбай были малы числом и моложе вас ...Ты говоришь,—«другие зимовья»? Разве это зимовья по сравнению с Чингизом? Теперь я стал на ноги,— сколько же терпеть мне еще?... Иргизбаям тоже нужны удобные зимовья...» Слова Кунанбая были одновременно и жалобой истца, и приговором судьи».

На вопрос Суюндика, сколько зимовий хотят у бокенши, Кунанбай заявляет: «Бокенши уступят все зимовья в этой местности».²

Как уже отмечалось, ловкий степной воротила Кунанбай использовал поддержку одних родов для притеснения других. Так, в борьбе против бокенши, завершившейся насильственным захватом их зимовий у подножия Чингиза, он привлек на свою сторону верхушку родов котибак, торгай и топай. Недаром старейшины этих родов Байсал и Кулиншак поздравляют Кунанбая с новосельем в связи с захватом зимовий у бокенши. Однако позднее Кунанбай попытался отобрать зимовку у Байсала, своего недавнего союзника, но, встретив упорное сопротивление, стал сводить с ним счеты за зимовье на жайляу. Когда их кочевья двинулись на жайляу, «между аулами Кунанбай размещал свои аулы вблизи, в ближайшем соседстве с аулами рода котибак и по всякому поводу притеснял противника, отгоняя с пастбищ его скот. Байсал отвечал тем же... Кунанбай непрерывно прибегал к насилиям и намеренно вызывал соседей на столкновение».³

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр 70, 101.

² Там же, стр. 72-73, 104.

³ Там же, стр. 257-258.

Острая борьба за землю Кунанбая с Божеем, старейшиной рода жигитек, описанная выше, нашла, как известно, отражение и в архивных исторических источниках. Так, например, бий Кокшетобыктинской волости Божей Иралин показал, что старший султан Кунанбай Ускенбаев в бытность еще волостным управителем занял его зимовые места под названием Токпамбет».¹

В романе насильственный захват зимовых пастбищ изображен в ряде эпизодов. «Могила Кенгирбая, их предка, находилась на урочище Ши; богатые кочевья двух колен рода жигитек расположены совсем близко от этого урочища. Наступил день, когда Кунанбай занял и их под свое зимовье».²

Бий Байсал, у которого Кунанбай намеревался отобрать зимовье, говорит о нем: «Из-за земли он, как червь, точил Божея, пока, наконец, не загнал его в могилу. Чем я лучше Божея? Мне терять нечего... От своих я не отступлюсь. Ни на шаг не отойду от зимовья».

Аналогичные факты нашли отражение и в архивном источнике, относящемся к 1851 г., где зафиксировано, что «двое старшин со всеми юртами, а один в 15 юртах, по согласию г. Ускенбаева, желают оставить природные свои места и удалиться на те, где указывает г. Ускенбаев, а остальные 5 старшин с народом от природных мест не желают удалиться и зимовки во владения г. Ускенбаева не отдают... он гонит совершенно от природных ихних мест, которые желает получить в свое владение... А потому просят воспретить старшему султану Ускенбаеву об отнятии зимовок, им принадлежащих...».³

Монополюно распоряжаясь землями племени, Кунанбай поселял аулы, которые он поддерживал, на землях, принадлежащих другим родам, отбирая зимовья последних.

Большой урон скотоводческому хозяйству наносили, как видно из романа, потравы пастбищ, в чем также проявлялась родовая борьба за землю.

Жалобами на потравы зимовых пастбищ полны архивные дела окружных приказов. Вот образец такой жалобы:

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, 3649, л. 13, об., 14.

² М. Ауэзов. Абай, кн. I, М., 1958, стр. 94.

³ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, лл. 186, об., 187.

«Осенью 1850 г. старший султан Ускенбаев табуном своих лошадей вытравил зимовые места его, Иралина, старшины Юсупа Котанбулакова, Байсала Айтеева и проч.»¹

М. О. Ауэзов приводит целый ряд других интересных сведений о межродовой борьбе за землю, основанных на глубоких жизненных наблюдениях автора и дополненных воспоминаниями современников. Эти сведения, не нашедшие отражения в исторической литературе, представляют определенный интерес для историков, исследующих земельные отношения в дореволюционном Казахстане.

Так, например, М. О. Ауэзов показывает, что даже распределение пастбищ между родами нередко использовалось Кунанбаем в целях ослабления союза враждебных ему родов. Действуя в этом направлении, Кунанбай, наделенный административной властью в качестве старшего султана округа, предлагает роду бокенши занять урочища Талшоқы, Караул и Балпан. Умудренный горьким опытом, глава рода жигитек Божей сразу раскрывает замыслы Кунанбая: «Он хочет сомкнуть границы земель жигитеков и бокенши. А если два рода, даже самых дружественных, имеют общую границу, тогда конец согласию и добрососедским связям».² Его соображения оказались совершенно верными: «С тех пор как Кунанбай отнял у жигитеков летние пастбища и отдал их бокенши, оба рода, жившие всегда в дружбе, вступили на путь постоянных взаимных подозрений и обид. Кочевья, выпасы, реки — все стало теперь служить поводом для раздора.

Байдалы и Тусип видели это. Их не покидала тревожная мысль, что посеянная Кунанбаем вражда приведет к полному разрыву с бокенши, и тогда жигитек лишится последнего союзника в борьбе против иргизбаев».³

Поэтому-то Байдалы и уговаривает похоронить Камшат, дочь Кунанбая, втайне от родных, рассчитывая, что оба рода (бокенши и жигитек), содружество которых стремился разрушить Кунанбай, опасаясь гнева последнего, вновь сблизятся.

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 188 об.

² М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 79, 111.

³ Там же, стр. 179, 204.

Произвол Кунанбая был настолько силен, что захваченные у соседей земли он по своему усмотрению передавал отдельным родам, находившимся с ним в союзе. «После захвата земель бокенши осенью к роду торгай перешли западные склоны Карашоки, где раньше находилось зимовье Кодара».¹

В эпопее правдиво, в полном соответствии с действительностью показано, как родовая борьба с ее главным последствием — захватом земель — тяжело отражалась на положении народных масс.

Феодальная же верхушка рода всегда восполняла свои земельные потери как за счет узурпации общинной земли, так и путем сговора с верхушкой рода, захватившего землю.

Так Кунанбай, отобрав зимовья у бокенши, предложил Суюндику и Жексену, стоявшим во главе рода, зимовья на Карауле. Последние поняли, что если они первыми займут зимовья Караул и две реки (Кольденен и Шалкар), то не прогадают.² Если такая острая борьба за землю проходила внутри племени, тем более широко распространены были захваты земель у соседних племен. Эта сторона земельных отношений также раскрывается автором на примере племени тобыкты.

«У аксакалов тобыкты была тайная мысль: кочуя из года в год по рекам маломощного соседнего рода, со временем совсем завладеть их пастбищами».³

Здесь же развернуто показано, как в течение многих лет тобыктинцы ущемляли соседние племя уак, особенно род кокенцев, занимавшихся земледелием. Абай на Аркатском межплеменном съезде, посвященном разбору земельного спора между тобыкты и уаком, во весь голос обвинил свое племя тобыкты в этом многолетнем разбое. Он рассказал о том, как на протяжении полувека тобыкты во главе с Кунанбаем незаконно забирали земли у мирных уаков.

Этот процесс захвата тобыктинцами земель уаков подробно показан в романе. Отец Жиренше самовольно поселился в местности Акжал, отец Абралы занял урочище Обалы и Когалы, отец Уразбая завладел Каракудыком и Торе-Кудыком и т.д.⁴ Так, в течение нескольких

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1. М., 1958, стр. 172.

² Там же, стр. 80.

³ Там же, стр. 610.

⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 613.

десятилетий предки родовых воротил, действующих в романе постепенно захватывали земли уаков.

Внутри рода земля формально считалась коллективной собственностью сородичей. Однако, как это подтверждает материал литературных и архивных источников, фактически сложившиеся уже земельные отношения казахов были таковы, что рядовые общинники уже давно утратили право на владение землей. Это делало неизбежной их зависимость от феодально-родовой верхушки, монополизировавшей распоряжения пастбищами — решающего условия ведения кочевого скотоводческого хозяйства. М.О. Ауэзов рисует картины массовой гибели скота в малоземельных хозяйствах рядовых общинников во время джута, степных буранов. Эта остро ощущаемая неравномерность в пользовании землей внутри рода, общины воспроизведена в эпосе на богатом конкретно-историческом материале и ясно обнаруживает свою социальную суть.

Резкая имущественная дифференциация, сопровождавшаяся концентрацией огромного количества скота в руках феодалов, практически привела не только к узурпации ими лучших, наиболее удобных пастбищ на правах фактически сложившейся частной собственности, но и создала необходимые условия для монопольного распоряжения всей общинной землей. Автор убедительно показывает, что, хотя земля формально признавалась собственностью рода, а рядовые общинники считались юридически свободными, в действительности их зависимость от эксплуататорской верхушки рода была весьма реальной, прежде всего в земельном вопросе, где феодалы выступали единственными распорядителями в пользовании землей.

Эпопея дает основания удостовериться, что рядовые общинники располагали лишь пастбищами, выделенными для них феодалами; последние определяли и время перекочевки, и кочевые пути. С первых страниц романа, когда, приняв решение о казни Кодара, господствующая верхушка племени во главе с Кунанбаем решает вопросы о времени кочевки на жайляу, определяет районы кочевий, писатель раскрывает это право феодалов распоряжаться общинной землей. Рядовым общинникам приходится лишь безоговорочно выполнять их указания.

В романе также показано громадное значение хороших пастбищ в экстенсивном кочевом хозяйстве; недаром

крупные родовые воротилы в период джута самовольно занимали лучшие земли своих менее сильных соседей.

Так, во время одного из джутов «Кунанбай, Байсал и их близкие сделали все, чтобы спасти свой скот: они пользовались землями мелких родов, угоняли табуны из занесенных снегом мест и перегоняли их из урочища в урочище. По сравнению с другими они легко отделались от беды».¹

Подновластное хозяйничанье феодалов на пастбищах ясно прослеживается и по архивным источникам того времени. Например, один из этих документов свидетельствует, что Кунанбай произвольно отобрал 5 зимовок у казахов Буралинской волости и передал урускаржасскому роду. Оставшиеся без земли бывшие владельцы этих зимовок потерпели тяжелые лишения.²

Вместе с тем совершенно очевидно, что право распоряжения лучшими пастбищами рода или общины было неразрывно связано с концентрацией земли в руках феодалов на правах фактической частной собственности на землю, установившейся путем насильственного захвата общинной земли.

Так, Кунанбай, вернувшись после ареста и укрепив свои позиции, вновь потребовал возвращения захваченных им ранее и отданных было обратно владельцам 15 зимовий. Он приказал, «чтобы будущей осенью никто не оставлял там своего имущества и жатаков, потому что зимовья опять переходят в его собственность. Такое извещение получил каждый аул в отдельности. Кунанбай ничего не объяснял, не доказывал — он просто передавал приказ».

Приведенный отрывок говорит о том, что борьба за зимние пастбища и их обособление на правах частной собственности была решающей в земельном вопросе. Недаром Жексен, оклеветав Кодара, стремился заполучить участок земли, принадлежавший последнему и расположенный недалеко от его зимовки.

«Кажется, песня Кодара спета. Если я добыюсь, чтобы род изгнал его, земля достанется мне», — думал он, предвкушая поживу».³

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 331.

² ГАОО, ф. 3, д. 3649, л. 339 об.

³ Там же, стр. 267.

В романе очень четко даны границы земельных владений, встречается множество названий отдельных урочищ, чаще всего обособленных владений богатых семей. Так, Караульная сопка, Тайное ущелье, Колькайнар с его прозрачным родником принадлежат к многочисленным осенним и весенним пастбищам Кунанбая.

О существовании частной собственности на зимовки с окружающими их пастбищами говорят многие исторические документы, связанные с расследованием дела Кунанбая.

Так, например, Божей и Байсал со своими родственниками, не желая подчиняться Майбасару, откочевали из Кокше-тобыктинской волости в Семизнаймановскую волость Аягузского округа, где «стравили зимовые места волостного управителя Юсупбая Баузакова...»¹

В другом месте говорится о зимовых местах в горах Чингиза, принадлежавших Кунанбаю.²

В этой связи очень интересны данные о том, как оберегали хозяева свою землю. Например, в урочище Мусакул поселился брат Абая Такежан, оказавшийся ретивым хозяином, зорко следившим, чтобы чужой скот не зашел на его пастбища. «Чабаны рассказывали, что, когда никто не видел, он отгонял от пастбищ даже скот своих матерей».³

Наемные слуги охраняли землю Кунанбая от посягательств. Особенно усердствовал один из нукеров Такежана Жумагул: «В осеннее и зимнее время он, как цепной пес, сторожил землю».⁴

В ответ на вопросы Абая разрешить беднякам-сородичам пригнать в Мусакул стада, чтобы спасти от гибели во время снежного бурана, грозившего джутом, Такежан заявляет, что не даст ступить чужому стаду на свои земли. Только благодаря решительным действиям Абая «на тех пастбищах, которые Такежан ревниво оберегал от какой-нибудь жалкой коровенки, сегодня разместились свыше тысячи голов овец безземельной бедноты родов карабатыр, торгай, борсак, жуантаяк».⁵

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 4 об.

² Там же, л. 5.

³ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 298, 314.

⁴ Там же, стр. 300.

⁵ Там же, стр. 304, 320.

Исторические источники обычно очень скупо говорят о конкретных размерах земельной собственности того или иного феодала. В этом отношении интересны фактические сведения эпопеи, дающие возможность судить о масштабах земельных богатств Кунанбая.

Так, Божей говорит о пастбищах старшего султана: «Разве может ему не хватать кормов? Никакому стаду не вытоптать его пастбищ.

Тридцать кочевков с севера на юг — все принадлежат ему. Здесь — его весенние пастбища, тут — летнее, там — осеннее. И зимовий достаточно.

Одно его урочище от другого не дальше ягнячьего перегона... У него и луга с богатой землей, и водоемы с цветущими берегами, и многоводные ручьи, и широкие озера...

— У других на жайляу возле одного ручья по несколько родов жмутся, а у него, гляди, для каждого аула не одна хорошая речка,— говорит глава бокенши Суюндик,— И всем этим завладел он в такое короткое время!». ¹

О наличии фактически сложившейся феодальной собственности на землю позволяют судить и другие данные романа. Кунанбай изымает из пользования рода борсак урочище Беткудук, передав его своему племяннику Акберды. Очень характерно далее объяснение Кунанбая с Кулиншаком, старейшиной торгоаев, ранее пользовавшихся этой землей по соглашению с борсаками и претендующих на нее. Кунанбай говорит: «Одно дело собственность, а другое — уговор. Хозяевами этой земли были борсаки. Кулиншак пользовался ею не как хозяин, а по договоренности с владельцами. Если он сумеет договориться с Акберды, может пользоваться ею по-прежнему. Пусть только помнит, что земля теперь принадлежит Акберды». ²

Такие зимовки со строениями, сенокосными местами, включающими в себя нередко осенние и весенние пастбища, в середине XIX века не только находились в фактически сложившейся собственности отдельных лиц, но и передавались по наследству.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958. стр. 63, 94.

² Там же, стр. 145, 174.

Автор в одном из примечаний прямо говорит об этом: «Право на владение на зимовку и земельных угодий передается по наследству; родники, озера, посевы, покосы переходят по наследству».¹

Поэтому не случайно, что в эпосе часто говорится о наследственном владении землей.

«Божей кочевал на прекрасных пастбищах, унаследованных им от своего предка Кенгирбая».²

Такежан унаследовал урочище Мусакул с прекрасным зимним пастбищем от Кунанбая. Впоследствии он передает его своему брату Оспану.

«Право пользования зимовыми стойбищами переходит по наследству от деда к отцу, сыну и находится... как бы в потомственном владении и теперь уже никто другой занять этот участок не может».³

Юридически и рядовые общинники могли передавать землю по наследству. Поэтому Даркембай перед отъездом Кунанбая в Мекку требует возвратить Дармену, потому что Кодара, захваченное им урочище Карашоқы: «Ведь эта земля — наследство Кодара. Она принадлежит мальчику, а на ней — аул твоей старшей жены Кунке множит свои табуны».⁴

Однако права эти для бедняков были номинальны: Даркембай, прося для Дармена долю из захваченной земли Кодара, вызвал лишь гнев Кунанбая и не добился ничего.

Таким образом, эпос «Путь Абая» содержит интересный познавательный материал для более глубокого понимания патриархально-феодалных отношений в Казахстане со специфическими формами присвоения земли, где наряду с формальным признанием права общины на все пастбища в середине XIX века уже явственно выступало фактическое монопольное распоряжение феодальной верхушкой рода лучшей частью общинных земель.

Возможность казахских феодалов монопольно распоряжаться лучшей частью общинных земель фактически, как это видно из приведенных выше примеров, пред-

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 310.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 1. М., 1958, стр. 78, 110.

³ В. Остафьев. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. «Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО», кн. XVIII, 1895, вып. 2, стр. 30.

⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 1. М., 1958, стр. 409.

ставляло собой право собственности на эти земли. Однако фактическая собственность феодалов на землю была прикрыта общинно-родовой оболочкой, так как сохранялось общинное землепользование.

«Именно в этой специфической форме узурпации земли проявлялось своеобразие исторического процесса сложения в Казахстане феодальной собственности на землю».¹

Всестороннее освещение автором порядка пользования землей по нормам казахского обычного права со всей наглядностью обнаруживает глубокую эволюцию последнего, выразившую в фактическом признании права отдельных семей на обособленные земельные владения, принадлежавшие прежде всему роду.

Таким образом, для исследователей истории или экономики дореволюционного Казахстана эпопея представляет возможность глубже вникнуть в отдельные стороны этого сложного вопроса и в сопоставлении с другими документальными свидетельствами, безусловно, может быть использована как надежный исторический источник для изучения земельных отношений казахов второй половины XIX века и связанных с ними правовых норм.

Разработка автором земельной проблемы послужила также основой реалистической убедительности художественного изображения прошлого в романе. Конфликты же, завязывающиеся вокруг земельного вопроса и отражающие жестокость времени, стали почвой, на которой проявились характерные черты героев произведения, порожденные этим временем.

Наряду с раскрытием основных особенностей социально-экономических отношений казахского общества второй половины XIX века, М. О. Ауэзов уделяет большое внимание изображению основной отрасли его производства — пастбищно-кочевому скотоводству.

Вся экономическая жизнь казахов фактически находилась в самой тесной связи с требованиями экстенсивного кочевого скотоводства, так как скот круглый год находился на подножном корму.

Эта специфика пастбищно-кочевой системы хозяйствования пронизывает в «Путь Абая» всю жизнь казахского общества, весь его экономический уклад, правовые нормы и пр.

¹ «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1957, стр. 159.

С первых же страниц четко определяются в авторском примечании основные принципы организации кочевого скотоводческого хозяйства:

«Сыновья и ближайшая родня хозяина аула кочевали вместе с ним до тех пор, пока поголовье аульного стада не превосходило установленного количества, когда общий водопой, пастьба и уход за скотом становились уже неудобными (так, например, нельзя держать в одной отаре более тысячи овец). Тогда члены семьи выделялись из «Большого аула» отца со своим скотом, юртами и «соседями», образуя новый самостоятельный аул, кочующий и зимующий отдельно, но обычно по соседству».¹

Так выделялись и составили самостоятельные аулы хозяева Такежана, Абая, Оспана и других персонажей романа.

Если посмотреть на эпопею в этом плане, то мы увидим, что вся сложная и многообразная жизнь народа, его политическая борьба и производственная деятельность протекают на фоне крайне неустойчивого, примитивного экстенсивного скотоводческого хозяйства, подчиняются его нуждам.

В связи с этим встречается масса интересных наблюдений автора, описаний бытовых деталей, связанных с жизнью кочевника.

Так, весной, еще до перехода на весенние пастбища, на зимовках ставятся юрты, «полные весенней свежести». В эпопее даны яркие картины весенней жизни аула. Автор умело вплетает в ткань художественного повествования подробные сведения о сроках кочевок, их длительности, перечисляет кочевые пути. Очень красочны изображения кочующих аулов, которые нередко собирались и двигали совместно, так как обильные весенние травы могли прокормить скот больших кочевых коллективов.

Широкие, богатые водой и пастбищами джайляу племен тобыкты находились за Чингизским хребтом, кочевка туда занимала около трех недель.

Вместе с аулом Кунанбая с зимовки все родственные аулы и лавиной двигались за Чингиз, перебираясь разными тропами через его перевалы. Причем каждый род имел свои маршруты кочевий, на которые, как правило,

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 39.

никто не посягал, опасаясь военных столкновений или разбирательства суда биев. На летних пастбищах, расположенных чаще всего по берегам рек, пресных озер, родственные аулы собирались вместе и оставались там до сентября, когда начинался перегон скота на осенние пастбища. Особенной яркостью отличается описание жизни аулов на жайляу, когда обыкновенно оживлялось общение родственников аулов, проводящих зиму на далеких друг от друга зимовках.

С летних пастбищ аулы тобыкты перекочевывали по склонам Чингизских гор к своим осенним пастбищам, где проводили сентябрь и октябрь. Род иргизбай имел осенние пастбища в ложбинах Ойкудыка и Акшоки, богатых травами и водными источниками.

На осенних пастбищах уходу за скотом уделялось большое внимание, все хозяйства старались как можно лучше подкормить скот на зиму. Глубоким пониманием экономики кочевого скотоводчества, характеризуются многие описания автора. Приведем для примера некоторые из них.

«Подошел октябрь. Аулы уже закончили стрижку овец. Близилась дни от кочевки с осенних пастбищ, но никто не торопился на зимовки. Хотя вокруг аулов, стоявших на Ойкудыке, густые, как войлок, заросли ковыля и других степных трав были уже догола вытоптаны стадами, более отдаленные места все еще были богаты кормами. Избавившись от жары, скот поправлялся здесь быстро, на глазах, и заботливые хозяева, несмотря на неудобства, осенние дожди и холодный ветер, продолжали оставаться на местах».¹

Интересны и другие детали, знакомящие с особенностями хозяйственной жизни аула на осенних пастбищах: «Юрты не были свободно разбросаны по лугу, как их ставят летом, их придвинули почти вплотную друг к другу и соединили изгородью из переплетенных стеблей чия, образующей ночной загон для овец. Богатый аул, не обращая внимания на холод, все еще не откочевывал с осеннего пастбища, дожидаясь, когда скот использует весь подножный корм в самых дальних уголках».² Или «Такежан, стараясь как можно дольше не трогать зимних

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 612.

² Там же, стр. 79.

кормов, все еще держал свой аул на осенних пастбищах, медленно кочуя к зимовью на Мусакуле».¹

Пастбища и сенокосные угодья вокруг зимовок круглый год оберегались от потрав, чтобы иметь возможность поддержать скот в зимнее время. Поэтому неудивительно возмущение Оспана, заметившего, что возле зимовки, на том пастбище, которые он оберегал для скота, кормившегося еще прошлогодним сеном, пасется около сотни оседланных коней аткаминеров, съехавшихся в его аул в связи с предстоящими выборами.²

М. О. Ауэзов дает конкретные сведения об организации и значении в экономике казахов второй половины XIX века кочевого скотоводства, о различных видах работ в скотоводческом хозяйстве. Художественно воспроизведя жизнь народа, он показывает, как кочевое скотоводство всесторонне обеспечивало натуральное хозяйство казахов пищей, одеждой, жилищем, посудой, топливом и пр.

Народ в эпосе показан, как правило, в процессе трудовой деятельности, направленной на обслуживание кочевого хозяйства: пастьба скота, заготовка на зиму кормов, пищи, топлива, ремонт зимовок и других хозяйственных построек (загонов для скота), занятия домашними ремеслами.

В этом отношении очень интересны сведения, которые можно почерпнуть из эпосеи, о строительстве казахским населением в северо-восточных областях Казахстана (вторая половина XIX века) зимовок с загонами для скота. Строительство последних, не говоря уже о жилищах, подтверждается многочисленными источниками.

«Для сохранения скота от суровых зим и буранов киргизы Семипалатинской области, в особенности в северной и средней половине ее, начали устраивать в течение последнего двадцатилетия сырцовые или же дерновые с плоскими крышами, а иногда даже и деревянными, зимовки. При зимовках устраивают крытые дворы для помещения скота и защиты его от стужи и сильного ветра зимою, но дворы эти недостаточно обширны для вмещения всего скота, принадлежащего владельцам этих зимовок»³

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 89.

² Там же, стр. 44.

³ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 471. лл. 7-70.

В этом же плане глубоко познавательно знакомство с внутренней структурой кочевого аула. Большая юрта главы аула ставилась на краю его, за нею по дуге располагались отау — «молодые юрты» женатых сыновей, затем ближайших родственников, специальные «гостинные юрты» для приезжающих и дальше — юрты «соседей», обслуживающих аул. На этом краю аула устраивались котан — открытый загон для овец, жели — привязь для жеребят, ставились юрты для варки сыра и т.д.

Как уже отмечалось, автор широко показал непосредственных производителей — шаруа, которые пасут скот, производят стрижку овец на осенних пастбищах, клеймят коней перед отправкой их на зимние пастбища, доят овец, коров, кобылиц, разбирают юрты перед кочевкой и выполняют множество других обязанностей в хозяйстве.

В целом вся жизнь трудящихся-скотоводов была подчинена уходу за скотом.

М.О. Ауэзов много внимания уделил описанию тяжелейшего труда табунщиков, которые на пастбищах постоянно следовали за скотом. Особенно страдали табунщики в зимнее время, когда, лишённые крова и теплой одежды, они без отдыха охраняли скот от волков, конокрадов, спасали его во время снежных буранов. На всю ночь у отар устанавливалась конная охрана, табунщики жгли костры и до самой зари не переставали шуметь, чтобы отогнать волков.

Нелегким был труд пастухов и во время кочевок «Но если для кого-нибудь кочевка — удовольствие, то чабанам и табунщикам она доставляет хлопоты, неисчерпаемые заботы, сплошную муку: то расседланные кони забредут в чужой табун, то ягнята одного аула смешаются со стадом другого, то овцы перепутаются так, что не разобрать... В такой неразберихе ягнята и бараны беззащитной бедноты становятся добычей любителей чужого добра... И сколько аткаминеров, оберегая свое стадо, потрошат в ночной темноте живую «прибыль», оказавшуюся в их табуне...»¹

Экстенсивное кочевое скотоводство часто страдало от стихийных бедствий. Особенно пагубно отражались на нем периодически повторяющиеся джуты, гололедицы, во время которых скот уже не мог добывать себе корм

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 84.

из-под толстого слоя снега и льда, что приводило к его массовой гибели.

«Путь Абая» дает возможность представить, какие дальние перегоны скота производили табунщики, спасая скот от надвигающегося джута. Это подтверждается и другими источниками. В 1856 г., по данным Семипалатинской администрации, «по случаю заledenелости снегов киргизы угнали свой скот далеко от обыкновенных стойбищ и сами отчасти откочевали к Балхашу и реке Чу»¹

Таким образом, тяжелый труд скотоводов требовал особенного напряжения во время джута, когда вся семья от мала до велика выходила спасать скот — единственный источник своего существования.

Так, во время бурана, описанного в романе, который бушевал трое суток, заметая пастбища, «ни мужчины, ни женщины, ни дети — никто не раздевался и не знал покоя ни днем, ни ночью; то и дело они обходили и осматривали загон, где стоял их жалкий скот»².

Часто повторяющиеся джуты вели к обнищанию народа. «В этом году на всех джайляу было не так, как все прошлые годы. Невеселое лето, полное уныния, скорей напоминало осень. Старейшины, даже Кунанбай, перестали делать обычные споры родичей... Спорить о стоянках и о выгонах было нечего: кроме рода иргизбай и аулов Байдалы, Байсала, Суюндика и Каратая, везде было мало скота, и не для чего было оберегать пышную зелень предгорий — давнюю и постоянную причину ссор и раздоров. Тем, кто ворочал делами племени, не приходилось проявлять свою силу и власть. Почти весь народ страшно обеднел после джута и подстрекатели предпочитали сидеть смиренно»³

Во время джута прежде всего страдали малоземельные роды (род иргизбай, завладевший лучшими землями тобыкты, не пострадал). «Джут, как и везде, разорил большую часть рода жигитек, у которого было мало пастбищ. Аулы Каумена и Караши оказались разоренными дотла. У таких жигитов, как Базаралы, Балагаз, Абылгазы и Адильхан, осталось по одному коню»⁴.

¹ ГАОО, ф.3, оп. 3, д. 3649, л. 387 и об.

² М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 319.

³ Там же, стр. 350.

⁴ Там же, стр. 359.

Представители же сильных, богатых земель родов и перед лицом разбушевавшейся стихии были в значительно более благоприятном положении, чем родовые шаруа. Об этом с горечью говорит Базаралы, отмечая, что джут менее спасен аулам, имеющим хорошие пастбища: «Земли, добытые Кунекеном (Кунанбаем — Л.А.), выручают иргизбаев»¹

Реалистическое воспроизведение труда народа, отличающееся подлинно научной достоверностью, органически сливается с поэтическим изображением в романе самой степной жизни. Великолепные картины природы, с которой тесно связана вся жизнь кочевника, создает разительные контрасты между величием и красотой родной земли и тяжелой участью человека, трудящегося на ней, придает особую силу исторически верному отражению противоречий этого жестокого века.

Эпопея «Путь Абая», построенная на глубоком изучении автором жизни казахского дореволюционного аула, дает возможность вникнуть в самую суть патриархально-феодальных производственных отношений.

Правда, в целом устои патриархально-родовой идеологии в рассматриваемый период значительно пошатнулись, но наличие родового строя и аульной общины, где все еще члены считались родственниками, происходившими от одного общего предка, и были обязаны помогать друг другу в случае феодальных междоусобиц, оказывать помощь в хозяйстве и т.п., способствовало сохранению патриархально-феодальных отношений в казахском ауле.

В исторической литературе до сих пор детально не изучены формы эксплуатации свободных общинников (шаруа), которое вели самостоятельное хозяйство и не были связаны непосредственной экономической зависимостью от феодалов, не получали от него скота, необходимого для ведения хозяйства, на различных кабальных условиях.

Эпопея «Путь Абая» дает в этом отношении интересный жизненный материал, помогающий дополнить наши представления по этому вопросу, так слабо отраженному в исторических источниках. В этом плане особенно примечательны факты, подтверждающие, что рядовые общинники за право пользования пастбищами,

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 322.

которыми, как уже отмечалось, распоряжались феодалы, выполняли целый ряд отработочных повинностей в хозяйстве феодала, сочетая их с ведением своего личного хозяйства.

К отработочным повинностям относились: перегон и пастьба скота феодала во время кочевки, разборка и сборка юрт, копание колодцев, постройка и ремонт жилых и хозяйственных сооружений, сенокосение, заготовка топлива на зиму. Абай, например, требуя помощи бедноте во время джута, говорил Такежану: «Эти родичи всегда косили вам сено, копали колодцы, пасли скот, работали для вас»¹

Все виды отработок квалифицировались как «родственная помощь» однородцу. Согласно этой традиции, население общины выходило спасать байский скот во время джута, занималось заготовкой сена для байского скота и т.п. Особенно наглядно проявлялась «служба» своему феодалу во время многочисленных феодально-родовых междоусобных стычек, в которые беспрекословно, по первому зову феодала включались родовые общинники. Так, по приказу Кунанбая формировались боевые отряды, происходили кровавые побоища. В последних, защищая корыстные интересы феодала, гибли или получали тяжелые ранения члены общины.

Не находясь в личной зависимости от феодала свободные общинники формально могли уйти из-под его власти, переселиться в другой род. Однако этому препятствовало господство патриархально-феодальной идеологии в сознании кочевников, считавших позорным покидать свой род.

Наряду с этим феодалы широко практиковали в подчиненных им общинах произвольные поборы под видом подарков и подношений.

Например, в романе неоднократно упоминается о богатых подарках (скот и ценности), полученных Кунанбаем от различных аулов. Формально эти подарки носили добровольный характер, но фактически были строго обязательны. Об этом красноречиво говорит и архивное дело Кунанбая Ускенбаева, дающее представление о том, как старший султан рода под предлогом «родственной помощи» изымает скот у своих сородичей.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 322.

Так, Кунанбай в 1850 г., пригласив к себе Божея Иралина и других биев и старшин, объявил, «что у него верблюды хворают, кочевать невозможно, просил пособить, дать ему на время», причем он сам распределил, как об этом свидетельствуют архивные документы, кто должен дать ему верблюдов и по сколько; таким образом ему было передано 70 верблюдов¹

Подобных свидетельств множество.

Совершенно очевидно, что приношения такого рода носили принудительный характер.

Родовая верхушка — султаны, бии, старшины — имели неписанное право облагать население и натуральными повинностями в виде сбора мясных продуктов для семьи феодалов.

Так, в качестве «подарков», «добровольных» подношений широкое распространение имели согым — налог скотом для заготовки продуктов питания феодалу на зиму и сыбага — натуральная повинность в виде подношения феодалу мяса скота весеннего убоя. При господстве патриархально-феодальных отношений эта зависимость представлялась народу в замаскированной форме как почитание старших сородичей. Например, как только Большой аул пришел на жайляу, «в первый же день им со всех сторон стали приносить мясо и кумыс — полагающееся по обычаю приношение Зере и приветствие Большому аулу. Женщины приходили непрерывно, по несколько человек»².

Или другая картина такого рода. «Подъезжая к аулу Улжан, друзья поняли, что ее только что посетили гости с сыбага: женщины всех возрастов, начиная от почтенных ее сверстниц, на нескольких телегах уезжали на восток»³

В основе всех этих форм зависимости, выдававшихся за «родственную помощь», безусловно, кроме патриархально-родовых пережитков лежали глубокие экономические причины. Рассмотрение земельного вопроса со всей очевидностью показывает, что право феодалов держать в своих руках всю организацию пользования пастбищами в системе кочевого хозяйства обеспечивало их господство в земельных отношениях. Выражением по-

¹ ГАОО, ф. 3, д. 3649, лл. 119, об. 120.

² М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 173, 198.

³ Там же, стр. 422-423, 438.

следнего являлись и различные формы продуктовой и отработочной феодальной земельной ренты, верно воспроизведенные в романе.

Эти сложные формы зависимости, связанные с правом феодалов распоряжаться пастбищами, нашли отражение и в «Материалах по киргизскому землепользованию...», относящихся к Семипалатинскому уезду. Так, о роде кокше Мукурской волости в указанном источнике говорится, что «обеспеченные владельцы больших табунов кочуют отдельно друг от друга, иначе им было бы тесно; к каждому из таких богачей и присоединяются бедные родственники, которым было выгодно присоединиться к богачу — своих лошадей и овец они пускают в стадо последнего бесплатно, пользуются вычным скотом его... но, за это делаются полурабами его»¹

Наряду со свободными общинниками — шаруа, выполняющими временные повинности в пользу феодально-родовой знати, существовала значительная часть обедневших кочевников, которые не имели возможности вести самостоятельное хозяйство без помощи феодала, выделявшего им некоторое количество скота. Эта часть аульной бедноты находилась в прямой зависимости от феодала и выполняла постоянную работу в его хозяйстве.

В романе часты описания феодального аула: белые байские юрты и нищенские жилища бедняков-сородичей, работающих на баев.

Например, аул Такежанá. «Он сильно разросся, кругом пестрели табуны, вокруг большой юрты хозяина стояло свыше десятков юрт соседей-прислужников»². Абай, глядя на убогие, закоптелые юрты скотников или сторожей, замечает: «Все тут работают только на них...»³

Эта полностью пауперизированная или имеющая ничтожное количество скота, не обеспечивающего прожиточного минимума, часть казахского крестьянства была объектом особенно жестоких форм патриархально-феодальной эксплуатации.

¹ «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей под руководством Ф.А. Щербина, т.Х. Семипалатинский уезд. Воронеж, 1900, стр. 77. В дальнейшем: Указанные материалы по киргизскому землепользованию».

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 79.

³ Там же, стр. 30.

Под видом родственной помощи феодал представлял консы (беднякам) во временное пользование одну или две дойные коровы, иногда коз или овец, транспортных животных, чтобы семья консы имела возможность кочевать вместе с феодалом и выполнять различные повинности в его хозяйстве.

Складывавшиеся таким образом отношения выступали под видом «родственной помощи» феодала своему обедневшему «сородичу» или соседу, который, вечно кочуя с феодалом, якобы стал «своим» человеком. При этом феодал сохранял право в случае невыполнения его приказа в любое время отобрать свой скот. Институт «сауын», таким образом, являлся типичной формой феодальной отработки»¹

Отрабатывая за скот, полученный от феодала для прокормления семьи, консы попадали в тяжелую бессрочную зависимость от скотовладельца. Это была наиболее удобная форма обеспечения байского хозяйства дешевой рабочей силой.

Все многообразные виды отработочной ренты, которые несли феодально-зависимые крестьяне-скотоводы, отражены в романе.

«Далеко вокруг разбрелись по пастбищам пестрые многочисленные табуны и стада. В одних — сотни голов, в других — тысячи. Все они принадлежат белым юртам, но обитатели черных юрт знают; это живое богатство гораздо лучше, чем его хозяева. Здесь, в дырявых юртах, живут пастухи, доильщики, табунщики, чабаны, сторожа многочисленных стад. Зимой и летом с рассвета до вечерней зари и все ночи напролет бедняки заботятся о скоте»².

За ежедневный тяжелый изнурительный труд беднякам платили жалкими подачками. Так, старый Буркитбай жалуется: «50 кобылиц, и каждую 10 раз³ в день доить надо... к ночи еле до дому доберешься»³

Бедняки, получившие молочный скот от бая, должны были доить байский скот и готовить разнообразные молочные продукты.

¹ Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1958, стр. 52.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 156.

³ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 447.

Скотоводческое хозяйство требовало навыков приема приплода, воспитания молодняка, умения приучить лошадей и верблюдов к хозяйственным работам и т.п. Все это выполнялось зависимой от бая аульной беднотой.

«Затраты труда еще больше увеличивались в холодное время года.

В этот период надо было устраивать передвижные загоны на ночь овцам и верблюдам рядом с юртами кочевников... Большая физическая сила затрачивалась работниками на то, чтобы очистить огромное пространство кона от снега и мерзлоты для того, чтобы устроить место для ночевки стад овец и верблюдов. Это повторялось почти ежедневно в процессе осенне-зимних кочеваний»¹

Особенно тяжелым был труд табунщиков во время многодневных снежных буранов с любой стужей и стаями голодных волков. Трагически гибнет во время одного их таких буранов табунщик Алтыбай. «Двенадцать лет из своей тринадцатилетней жизни табунщик провел с лошадьми. Не видавший ни дня, ни ночи покоя, заботившийся о табунах больше, чем их хозяева, он погиб, до последнего дыхания защищая чужое добро».² Сильное впечатление производит описание невыносимых условий труда табунщиков во время джута или бурана, когда «пасти скот... не легче, чем биться с врагом»³

Баи высылают в стужу раздетых полуголодных людей для охраны стад. Так, например, гибнет от холода пастух Байтуяк из аула Дильды.

Эпопея «Путь Абая» воскрешает и жестокую эксплуатацию женского труда. Женщины из зависимых от феодалов семей бедняков выполняли всевозможные работы по обслуживанию байского хозяйства. Горестно жалуются на свою тяжелую долю женщины, работающие в черной рабочей юрте Айгыз, которая только и кричит: «Дои коров, дои овец, сбивай иркит, вари курт, справишься — беги с мешком за спиной, собирай по степи кизяк». «Встанешь на заре с птицами — так и не присядешь, пока байбише не лягут и ты над ними тундук не закроешь»⁴.

¹ С.Е. Тольбеков. Указ. работа, стр. 137.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 744.

³ Там же, стр. 745.

⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 1. М., 1958, стр. 446.

Женский труд оплачивался нищенски. Мать пастуха Такежана Исы, старуха Ийс, «всю холодную осень дубила кожу, а теперь Каражан заставила ее трепать шерсть, вить веревки, плести арканы и недоуздки. И приходя в сумерки домой после тяжелого, непрерывного труда, старая мать приносила в семью заработанную ею еду: остатки супа, обглоданные кости, испорченный творог, затхлую пшеницу, разные объедки. Но и это праздник для малышей и кое-какая поддержка для взрослых»¹

Подобные картины патриархально-феодальной зависимости, широко представленной в эпосе, позволяет проникнуть в самую суть этого социального института, увидеть безграничную власть феодала над зависимой беднотой.

Вот то время снежного бурана, угрожающего гибелью байскому скоту, Такежан разогнал по отарам и стадам не только мужчин и женщин, но даже и детей. Все зависимое от него население аула беспрекословно выполняло его волю. Сын Такежана Азимбай с побоями и проклятиями обрушивается на пастуха Ису, заставляет его, целый день бывшего со стадом, в дырявых сапогах и чапане догонять овец, угнанных бураном в степь. «Пастухи, доильщики, истопники, служанки, ежась от дикого ветра в своих лохмотьях, забыв о себе, берегли байский скот. Спасать добро Такежана вышли все люди аула...»²

Иса простудился во время бурана, тяжело заболел и умер. Умирая он говорит: «Так и кончается жизнь, как прошла — у чужого порога»³

С большой изобретательной силой отражено в романе бесправное положение аульной бедноты, находившейся в полной зависимости от бая, оплачивавшего ее труд жалкими подачками.

В ауле Азимбая ночной сторож Канбак «третий год не получает никакой платы, его утешают только тем, что платят за него недоимки»⁴

Глубоко достоверны и тонко подмечены М.О. Ауэзовым и многие другие формы патриархально-феодальной эксплуатации.

Так, например, в ауле Такежана работает много лет доильщиком кобылиц Токсан. «Ему уже 35 лет, а он

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 114.

² Там же, стр. 107.

³ Там же, стр. 114.

⁴ Там же, стр. 160.

все никак не может выплатить за свою невесту стоимость пяти верблюдов. Так и живет бобылем, без семьи, без крова, привязанный к байской юрте. Азимбай все обещает ему выплатить за невесту, родители которой тоже живут в батраках такежановского аула, сторожа зимовки. Азимбай подговаривает их не отдавать пока Токсану свою дочь, обещая выколотить из него настоящий калым. А самому Токсану он все не платит за службу, держа его, таким образом, на привязи в своем ауле. Дело в том, что Азимбай узнал намерения Токсана откочевать после женитьбы в другой аул, а лишиться такого старательного и хорошего работника не хочется»¹

Изображая повседневное течение жизни народа в труде, М.О. Ауэзов на протяжении всего романа представляет его как создателя материальных благ общества, творца истории. Народ в эпопее — не безликая масса, его вымышленные образы строго индивидуализированы и в то же время типичны для этой эпохи. Это старик Даркембай, пастух Иса, старуха Ийс, поэт Дармен, воплощающие в себе характерные черты народа.

Автор показывает, как, выжав из зависимых сородичей все силы, баи быстро забывали о прежних «родственных связях» со своими работниками и, когда они становились больными и нетрудоспособными, бросали их, обрекая на голодную смерть. Так возникали аулы бедняков — выходцев из разных родов. Об их горькой доле говорит Даркембай: «Напрасно я всю жизнь работал на Суюндика и Сутира. Никто из них не сказал мне: «Когда у тебя были силы, ты держал мой соил, был моим глазом, оберегал мое добро, зимой стерег мой стада. Теперь ты слаб, но без помощи не останешься»²

В ауле жатаков, о котором говорит Даркембай, собрались все больные, старики, неспособные к труду, в байском хозяйстве люди. «Каковы юрты, такова и жизнь в них: все дырявое, худое, истрепанное, высохшее. Выкинули их баи, как негодные вещи... Раз не в силах идти за стадами Кунанбая, Божея, Байсала, Суюндика, Сутира, Каратая и по кочевьям — значит и не нужны им, как старое седло или дырявое ведро»³

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 160

² М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 529.

³ Там же, стр. 530.

Таким образом, конкретный материал романа подтверждает выводы ученых-историков, что «под видом родовой помощи феодальная знать подвергала бесчеловечной эксплуатации своих бедных сородичей и подвластные им трудовые массы казахов. Старые, патриархально-родовые институты, приспособившись к развивающимся феодальным отношениям, стали орудиями эксплуатации»¹

Глубокое проникновение в социально-экономический строй рассматриваемой эпохи, многостороннее самостоятельное исследование разных сфер общественной жизни как важнейшее условие в создании исторически достоверного произведения о прошлом является характерным для создателей лучших исторических романов. А. Толстой, В. Шишков, Ю. Тынянов, О. Форш, С. Злобин, В. Ян и другие дали глубоко поучительные образы писательского труда, связанного с серьезными самостоятельными поисками в изучении истории рассматриваемого времени, нередко связанными с привлечением неизвестных ранее исторических источников.

Так, С. Злобин, отмечая эту характерную особенность как неперемное условие для серьезного художественного осмысления прошлого, писал: «Я считаю, что работа романиста заключается в самостоятельном исследовании жизни изображаемой эпохи и находит свое выражение в художественной воплощенности заново и самостоятельно постигнутой исторической истины. Художник имеет право спорить с ученым, выдвигая свои гипотезы и утверждения, предлагая свои вариации философского и социального толкования изображаемых событий, ибо художественная литература — это особый способ познания и осмысления действительности, обусловленный своей особой методологией и обладающий особой силой убедительности»².

Эта тесная связь между научным и художественным творчеством особенно показательна на примере Ю. Тынянова, герои исторических романов которого были одновременно и объектом исследования в его

¹ Е. Бекмаханов. К вопросу о социальном строе казахов второй половины XIX в. «Вестник АН КазССР», 1950, № 2, стр. 97.

² С. Злобин. Задачи романа. «Вопросы лит-ры», 1965, № 9, стр. 32.

литературоведческих трудах. Непревзойденным же образцом писательского труда в области исторического жанра до сих пор остается «Петр I» Алексея Толстого. При рассмотрении этого романа с позиций его исторической достоверности исследователями его творчества установлено, что А. Толстой настолько глубоко изучил петровскую эпоху, привлек такой широкий круг литературных и архивных материалов, что «почти каждая страница романа при желании может быть обоснована и подкреплена соответствующими историческими источниками. Однако весь этот собственно исторический материал полностью художественно претворен автором»¹

Хронологически начало эпопеи «Путь Абая» относится к середине XIX века, когда после присоединения Казахстана к России уже прочно вошли в жизнь значительные изменения в политическом устройстве Среднего жуза, где происходили описываемые в романе события. Последний еще по «Уставу о сибирских киргизах», разработанному М. Сперанским в 1822 г., был разделен на административные округа, во главе которых стояли окружные приказы, представлявшие местную власть в колониальном аппарате. Председателем окружного приказа был старший султан (ага-султан), избиравшийся волостными управителями и утверждавшийся царской администрацией, которая имела право отвести неудобную кандидатуру и назначить новые выборы.

Деятельность султанов-правителей была ограничена во многих сферах и находилась под контролем царской администрации.

Будучи тесно связанными с Пограничным управлением, окружные приказы опирались в случае необходимости на чиновничий аппарат и воинские части. Округ составлялся приблизительно из 15-20 волостей, последние делились на административные аулы (10-12), насчитывавшие в среднем 50-70 кибиток каждый. Кроме ага-султана местное управление было представлено волостными управителями и старшинами, стоявшими во главе аулов. В эпопее эта новая система управления не только наглядно представлена на многих сторонах жизни

¹ Д. Благой. Из наблюдений над романом А. Толстого «Петр I». В кн.: Благой Д. Литература и действительность. М., 1959, стр. 694.

казахского общества, но и показана, как она способствовала усилению колониальной эксплуатации края.

Из материалов «Пути Абая» вытекает, что борьба за власть господствующей верхушки казахского общества носила исключительно напряженный характер.

Родовые воротилы иргизбаев, как наиболее сильного рода в тобыкты, в течение длительного времени удерживали власть над племенем в своих руках. Кунанбай, отказавшись от должности волостного, передал ее своему сыну Такежану.

Ловкие политики, потомки Кунанбая, ведя большую предвыборную игру, выясняя настроение родовой верхушки, привлекали на свою сторону нужных людей. С этой целью также устраивались родовые сборища, съезды аткаминеров, на которых «равнодушных, колеблющихся, сомневающихся следовало привлечь на свою сторону, а против тех, кто может навредить, заранее принять меры»¹

Таким образом, подкуп стал решающим фактором в ожесточенной предвыборной борьбе различных партий. Например, задавшись целью провалить на выборах Оспанана, группа биев, старшин семи родов тобыкты, стремилась привлечь на свою сторону выборщиков елюбасов: «...на них нужно было действовать уговорами, взятками и подарками, обещать выгодные должности после победы на выборах и добиться от них клятвы, что они опустят шары до того, кого им назовут»².

На этом и множестве других аналогичных примерах можно убедиться, что выборы местных органов власти в условиях патриархально-феодального строя и колониального угнетения носили ярко выраженный феодальный характер: в них участвовали и могли быть избранными лишь представители господствующего класса.

Старшим султаном совместно с окружным приказом заранее подбирались выборщики из состава биев, султанов, аульных старшин и других представителей местной знати. Народ же присутствовал на выборах лишь в роли любопытствующей толпы, не могущей выразить свою волю.

Антинародный характер подобных выборов М.О. Ауэзов дает почувствовать в ряде описаний. Вот одно

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 41.

² Там же, стр. 48.

из них: «Урядники, старшины, посыльные широким полукольцом оцепили «выборочную юрту», не допуская к ней напирющую толпу».

В рассматриваемый период народ уже испытывал на себе всю тяжесть двойного, феодально-колониального гнета. Уставом 1822 г. было определено, что казахское население должно выплачивать царскому правительству ясак — одну голову со 100 голов скота.

Размеры ясака и других казенных сборов определялись, как можно судить по эпосе, для различных аулов елюбасами совместно с представителями колониального аппарата управления степью. Причем при сборе налогов аткаминеры стремились к тому, чтобы основная часть распределялась по юртам худородных бедняков.

Кроме официальных налогов в казну с казахского населения взимались так называемые «черные сборы», поступавшие в распоряжение волостного.

«По существу это было просто взяткой, которую управитель вымогал у населения вдобавок к казенному жалованию. Эти поборы не имели ни установленных размеров, ни определенных сроков. Народ окрестил их «черными сборами». Этой доходной статьей волостной не мог пользоваться один: волей-неволей приходилось делиться с теми, кто помогал ему выколачивать «черные сборы». Отобрав у народа множество всякого добра овец, коней, денег, аульные старшины, елюбасы и родовые старейшины делили с волостными добычу, получая каждый свою долю»¹

На это классовое единение господствующей верхушки в ограблении народа обращалось внимание и во многих литературных источниках.

«Потратив массу сил и средств на выборы и принадлежа к одной партии, и волостной управитель, и бии стремятся к одной цели — залечить свои выборные раны и вознаградить за понесенный ущерб, чего можно достигнуть лишь в том случае, если рука руку моет»²

Однако дележ добычи, при котором проявлялись страшная жадность и стяжательство аткаминеров, протекал далеко не мирно. Так, на съезде в ауле Оспана

¹ Н. Максимов. Народный суд у киргизов. «Журнал юридического общества», кн. VIII, 1897. стр. 52.

² Там же.

«общее согласие, с которым аткаминеры обсуждали, сколько нынче можно взять у народа, сразу же исчезло, едва речь зашла о доле каждого из них в будущей добыче.

Шубар, как волостной, и поддерживаемые им другие кунанбаевцы показали такую жадную хватку, что остальные уходили обиженными, затаив злобу»¹

При раскладке и сборе податей, поступавших в казну, волостные управители путем всяческих махинаций взимали скот в большем количестве, чем полагалось по числу семей. Это было одним из главных источников дохода волостных управителей и других представителей местной власти. Недаром Абай, поразившись, что табун Такежана достиг 500 голов, делает следующий безошибочный вывод: «15 лет назад мы с Такежаном выделились из Большого дома; каждому досталось по 80 голов. Видно, Такежан нососался на должности волостного»²

Кроме того, в своей повседневной деятельности старшие султаны, волостные управители, бии и другие представители местной власти широко практиковали взяточничество при решении спорных вопросов. Творя напрасный суд, казахские плутократы сделали взятку серьезным источником дохода.

Так, Кунанбай на правах старшего султана, находясь в Каркаралинске, «разрешил» целый ряд конфликтов между представителями разных волостей. В результате по пути его следования домой он получает взятки в форме щедрых подношений от лиц, решивших с его помощью выгодные для себя дела.

«Чем ближе к тобыкты, тем число подношений все увеличивалось. Теперь уже мало кто из свиты не вел за собой коня».

Когда табун, следовавший за Кунанбаем, достиг 100 голов, юному Абаю впервые открылись истинные источники богатства отца — подношение, иначе говоря, взятка за решение дел. Для него становится ясно, что средства на мечеть, построенную Кунанбаем, добыты путем лихоимства: «Мечеть, воздвигнутая за взятки, продолжает стоять. Не рухнет под тяжестью позора!».

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 45.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 1. М., 1958, стр. 688.

М.О. Ауэзов показал, какой необыкновенно широкий размах получило взяточничество. Один из персонажей романа говорит, что феодалы берут овец отарами, коней — косяками, не отстают от них и городские начальники. Взяточничество всячески поощрялось русскими чиновниками-колонизаторами, также наживавшимися за счет народа. Сын Кунанбая Исхак отдал 20 отборных коней за должность волостного уездному начальнику Казанцеву, в течение многих лет получавшему взятки за покровительство сыновьям Кунанбая. Не случайно, приехав на выборы волостного, когда была выставлена кандидатура Оспана, одного из членов семьи Кунанбая, он сразу же получил богатые дары; его жене «была преподнесена соболья шуба, крытая черным шелком, а в железную шкатулку Казанцева легли пачки заботливо перевязанных кредиток»¹

Взяточничество, подкуп были нормой во взаимоотношениях феодально-родовой верхушки и колониальных властей, причем соперничающие группы старались превзойти друг друга в подкупе русского начальства.

Недаром Кунанбай, недовольный слабой поддержкой майора, его заместителя по Каркаралинскому приказу, которого казахи наделили прозвищем «пискенбас» («варенная голова»), с беспокойством говорит: «Похоже, у этой «варенной головы» зоб крепко набит взятками... Божей и Байсал через Баймурына набили-таки ему брюхо»²

На это Алшинбай, другой крупный представитель феодальной верхушки, отвечает: «Боже мой, да разве есть тут начальник, который не брал бы взяток? Разве не берут они все и справа и слева, разве не глотают в два горла?»

Перетянув в конце концов на свою сторону майора с целью сокрытия противозаконных поступков, связанных с разгромом аула Божья, Кунанбай отваливает майору «изрядный кусок»: трех вороных коней для выезда и 500 рублей³

М.О.Ауэзов показывает, что, занимаясь подкупом вышестоящего начальства, волостные управители с лихвой компенсировали свои расходы за счет народа.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 47, 49.

² М. Ауэзов. Абай, кн. I М., 1958, стр. 113, 143.

³ Там же, стр. 163.

Окружной приказ, во главе которого стоял Кунанбай, подчинялся Пограничному управлению в Омске, последнее — Главному управлению Западной Сибири. С 1854 г. Семипалатинская область находилась в ведении «Особого управления Семипалатинской области» во главе с военным-губернатором, также фигурировавшим в романе.

Таким образом, с середины XIX века местное управление все более тесно сливалось с колониальным, было поставлено на службу последнему. Колониальная политика проводилась в жизнь с помощью аппарата принуждения самодержавного государства.

Через все произведение четко проходит мысль, что в основе колониально-феодальной эксплуатации казахских трудящихся лежал союз местных властей с колониальными и их взаимная поддержка. Этот союз казахской феодальной верхушки с представителями царского самодержавия на местах был, таким образом, главной опорой проведения колониальной политики. Не случайно во время ссоры Кунанбая с майором в Каркаралинске бий Алшинбай, примиряя их, говорит: «Вы — опора друг друга. Будете согласны — сумеете править народом».

Фактический материал эпопеи, претворенный в художественные образы, живые естественные картины народного бытия, убеждает, что политическая власть находилась, как правило, в руках тех представителей господствующего класса, которые уже кроме экономического господства пользовались поддержкой царского колониального аппарата. В этой связи не раз подчеркивается, что у Кунанбая длинные руки, он богат, он связан с внешним миром, с внешними властями, они с ним считаются, ценят его.

* * *

Эпопея «Путь Абая» содержит также богатый материал для изучения этнографии казахов второй половины XIX века.

Из романа вытекает, что весь быт казахского дореволюционного аула был полностью подчинен пастбищно-кочевому скотоводству, как преобладающей отрасли хозяйствования. Все особенности жилища с его внутренним убранством, своеобразие одежды, предметов оби-

хода, пища и др, обязаны своим происхождением условиям кочевого скотоводческого хозяйства.

Большой интерес для этнографов представляют описания зимних и летних жилищ, их устройства, назначения отдельных предметов, их изготовления, особенностей быта людей разных сословий.

Очень важно, на наш взгляд, и то обстоятельство, что материальная культура казахов показана в романе в развитии, отражающем изменения в быту, происшедшие после присоединения Казахстана к России. В этом отношении характерны отдельные стороны быта жатаков, городских казахов.

Произведение содержит богатые сведения об одежде казахов второй половины XIX века: зимняя и летняя одежда мужчин, женщин, девушек с ее большими отличиями в зависимости от принадлежности к различным социальным группам.

Особенно тщательно описана одежда женщин, соответствовавшая возрасту, времени года и назначению, наряды жениха и невесты во время свадьбы, траурное убранство участниц похоронных обрядов. Интересны наблюдения над особенностями одежды различных родов и племен. Например, отличия покроя тобыктинского махлая от головных уборов племени уак.

В художественное повествование органически вплетены данные о прикладном искусстве, связанные с развитием домашних промыслов и художественных ремесел в Казахстане во второй половине XIX века: ювелирного, кузнечного, плотничьего, кожевенного, портняжного, шорного и др.

Глубокое проникновение в жизнь аула дало автору возможность отразить народные обычаи. Из них особенно красочно воссозданы свадебные обряды, народные празднества, связанные с рождением ребенка, поэтические картины молодежи в лунные ночи с песнями у качелей, в которых так ярко проявлялись музыкальность народа, любовь к поэзии, его духовный облик. Эпопея дает представление о похоронном ритуале, верованиях казахов.

Уже краткое перечисление названных выше различных сторон народного быта убеждает в том, что богатейший материал эпопеи по этнографии казахов XIX века невозможно вместить в рамки настоящей работы. Он может стать предметом самостоятельного изучения этнографов.

Вместе с тем необходимо отметить, что помимо своего познавательного значения все эти детали быта, т.е. вся материальная культура и народные обычаи, сами по себе несут важную функцию в создании неповторимых атрибутов эпохи, помогающих наглядно воспроизводить колоритные особенности обстановки, дух времени. Описание деталей быта в эпосе не является лишь средством воссоздания исторической экзотики, они важны автору для изображения характерных картин жизни общества, той типической среды, в которой разворачивается действие романа. Этим обусловлен и выбор лишь исторически типичных деталей.

Люди представлены в романе во всей полноте и своеобразии. Совершенно отчетливо видны их внутренний мир и внешний облик, их образы становятся благодаря бытовым деталям более убедительными, живыми. Этнографическая точность, подлинность созданного в романе быта — одно из важных условий реалистического изображения персонажей и эпохи, их соответствия исторической правде.

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ НА РУБЕЖЕ ДВУХ ВЕКОВ И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ В ЭПОПЕЕ

К концу 60-х годов царское правительство приступило к усиленной колонизации Казахстана. Российский военно-феодалный империализм стремился распространиться на новые территории.

Среди ряда реформ, объективно способствовавших развитию капитализма в России, была реформа 1868 г., включающая Казахстан в единую для всей России систему управления.

Временное положение 1868 г. облегчало задачу колониального освоения Казахстана и отражало экономические интересы русских помещиков и промышленной буржуазии. Проведение в жизнь Временного положения 1868 г. внесло серьезные изменения в область административного управления, земельного вопроса, судопроизводства и налоговой системы.

Новое административное устройство имело целью нивелировать местные особенности, разрушить старые родовые связи. Во Временном положении совершенно не принималось во внимание родовое деление казахского общества, в основе его лежал исключительно территориальный принцип. В результате были созданы четыре новые области: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская, подчинявшиеся генерал-губернаторствам. Семипалатинская область входила в так называемое Западно-Сибирское генерал-губернаторство. Генерал-губернатор сосредотачивал в своих руках всю полноту административной и военной власти.

Во второй книге эпопеи дана весьма характерная для того времени картина появления семипалатинского генерал-губернатора со своей свитой на Карамолинском межплеменном съезде, показаны подобострастие и страх перед ним волостных управителей и других аткаминеров.

По Положению 1868 г. области делились на уезды, последние на волости и аулы, которые также рассмат-

ривались как административные единицы. Управление осуществлялось русской областной и уездной администрацией. Лишь во главе волостей стояли выборные от казахского населения волостные управители, а административные аулы возглавляли старшины, назначаемые волостным управителем.

«В пределах волости управитель сосредотачивал в своих руках распорядительную и полицейскую власть. Он наблюдал за сохранением «спокойствия и порядка», за сбором податей и т.д.

В его обязанности входило приведение в исполнение решений суда биев...»¹

Такого рода конкретная деятельность волостных управителей разносторонне отражена в эпопее, где четко проведена мысль, что в послереформенный период волостные управители становятся главной опорой царского самодержавия в колониальном угнетении казахского народа.

Уже в период подготовки реформы, в начале 60-х годов, волостные управители все более начинали опираться в своей деятельности на царский колониальный аппарат управления, в распоряжении которого находилась и военная сила.

В этом отношении характерны размышления Кунанбая, который в борьбе с конокрадами Балагазом и Абылгазы, занимавшимися хищением скота у родовой знати и помогавшими беднякам, ищет уже новых приемов в осуществлении своих карательных функций.

«Упорство Балагаза и Абылгазы заставило Кунанбая призадуматься. По старой привычке ему надо было бы устроить набег и отнять все имущество у обидчиков, но сейчас, когда большинство бедствовало и голодало, делать этого было нельзя; мог разгореться нешуточный пожар.

Есть другой путь — жалоба по начальству. Самое лучшее — вызвать отряд, изловить преступников при помощи урядников»²

После реформы некогда огромные районы управления (округа и крупные волости) оказались раздробленными

¹ Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX-начале XX века. Алма-Ата, 1963, стр. 43.

² М. Ауэзов. Абай, кн. I, М., 1958, стр. 47, 361.

на значительно более мелкие административные единицы, усилились позиции царской администрации на местах.

Разбивая крупные роды на различные волости, царское самодержавие наносило сильный удар по родовым устоям казахского общества с его авторитетом родовых старейшин, выступавших полновластными хозяевами в значительных районах.

Эту тенденцию раньше других усмотрел такой дальновидный политик, как Кунанбай Ускенбаев.

«С того дня, как вышел новый закон о волостных правлениях, Кунанбай твердо решил отказаться от должности. Когда существовало ага-султанство, управлявшее целым округом, Кунанбай прельщался властью. Потом последовало понижение — он стал старейшиной тобыкты, но даже и тогда все племя было под его рукой: «Разожмешь пальцы — на ладони, сожмешь — в кулаке». Но теперь руки начальства протягиваются все дальше и глубже. Единого тобыкты не существует — он разбит на 3 волости. Быть правителем одной трети — не велика честь! А отказавшись от должности и стоя в стороне, можно сохранить большое влияние на все племя»¹

Реформа значительно усилила колониальный гнет, развившийся, в частности, в увеличении налогов: кибиточный сбор с хозяйства вместе с земским сбором составили 3 руб. 50 коп. в год, вместо 1 руб. 50 коп., взимавшихся ранее.

Основная тяжесть этих налогов ложилась на плечи казахских трудящихся, так как размеры налога не зависели от материального положения плательщиков.

Реформа 1868 г. усиливала не только колониальный, но и феодальный гнет, ибо распределение налогов между аулами находилось в руках волостных управителей, перекладывавших всю их тяжесть на бедные и зависимые аулы.

С большой художественной силой автор изображает, как страдал народ от непосильного налогового гнета царизма, в частности при сборе недоимок покибиточной подати.

«Вопли, стоны и слезы стояли в окрестностях аула бокенши, борсаков, жигитеков. Здесь выколачиванием недоимок занимались урядник и пристав...» Эти царские

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 56, 369.

чиновники-взяточники вместе с родовой верхушкой «впи-
вались нынче своими клыками в живое тело народа».

Тяжелое положение бедноты, полная беззащитность ее перед царскими сборщиками налогов предстают перед глазами читателей во всей своей безысходности.

«Грозная буря налетела на семьи бедняков. Ни одной из белых юрт она не коснулась даже легким дуновением. Зато дырявые черные юрты и нищие шалаши она треплет, как свирепый степной ураган. Лишь доильщиков, пастухов, табунщиков, немощных вдов и сирот выбрала в жертву эта беда»¹ И хотя весть о предстоящем сборе налогов «прилетела в аулы иргизбаев в знойный летний полдень, она заледенила сердца январским морозом». Привез ее старшина одного из административных аулов с двумя посыльными, которые «по дороге избивали табунщиков, если те не очень торопились сменить им коней. Врываясь в аулы, они скакали, не разбирая дороги, пугая детей, разгоня стада и дразня собак. Одно их появление уже вызывало в людях страх и смятение».

Среди сборщиков налогов с огромными медными бляхами на груди и кожаными сумками особенно свирепствовали наряду с царскими чиновниками казахские шабарманы, наглые, задиристые слуги богатого и влиятельного волостного. Произвол и насилие воцарились в аулах во время сборов налогов. Так, один из царских чиновников Сойкин, которого казахи не случайно называли «Сойкан-хищник», «исхлестал до крови нагайкой пятерых бедняков борсаков, которые не к сроку пригнали скот». Сами аульные старшины говорили о нем: «Наш Сойкин без плетки и взяток дня не проживет»².

Налоги определялись в деньгах, а так как у бедняков они не водились, то сборщики налогов оценивали скот на деньги по собственному усмотрению.

Глубоко потрясает отчаяние бедняков, потерявших последнее достояние. «С помощью плетей и нагаек шабарманы, старшины и стражники выгоняли из аулов последних овец, коров и лошадей бедняков. В юртах в страхе кричали дети, плакали матери, проклинали насильников старики. Но ничто не могло удержать этот поток, уносивший из аулов опору жизни»³

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 157, 161.

² Там же. стр. 162.

³ Там же. стр. 163.

И люди идут к богачам за помощью, попадают в новую кабалу. В дореволюционной исторической литературе не найти таких выразительных описаний беспросветной нужды казахских бедняков, какие имеются в романе. Печальными тенями тянутся к байским юртам доведенные до отчаяния люди. Так, например, у старухи Ийс «требуется недоимки, а скота у нее — только вот это одна серая коровенка. Неужели в последний раз она доит ее? «Чем же завтра я накормлю сирот? Что я им дам?» — всхлипывала она. Старуха Ийс, чтобы сохранить последнюю корову, идет за помощью к Азимбаю, который отказывает ей, решив, что, оставив Ийс без коровы, еще крепче привяжет к своему хозяйству, «навсегда накинёт на нее петлю неволи».

Особенно велики были злоупотребления при сборе так называемой «черной подати» (кара-шагын) на содержание волостной администрации и другие общественные нужды. Эта «черная подать» была совершенно бесконтрольна и нередко превышала официальные налоги.

По тексту романа можно проследить, как представители административных аулов занимались распределением сборов со своих одноаульцев. Оберегая родственников, они всю тяжесть налогов раскладывали на юрты бедняков. Это классовое единение господствующей верхушки образно показано М.О. Ауэзовым.

«Когда дело касалось простого народа, аткаминеры, обычно грызшиеся между собой, как аульные собаки, и здесь вели себя, как собаки, когда те завидят волка: они бок о бок кидались на общего врага»¹

Классовая сущность налоговой полиции царизма особенно сильно проявилась в сговоре казахских степных воротил и царских чиновников совместно грабить народ. Достаточно вспомнить, как волостные управители и аульные старшины стремятся договориться с чиновниками, чтобы вместе с недоимками за прошлый год собрать и «черные сборы», которые будут поделены между ними.

«Пусть это не пойдет в царскую казну, зато кое-что попадет в карманы тех, кто поможет аткаминерам получить свои доходы!... Собранное будет поделено так, чтобы остались довольны все, начиная с самого Никифорова (уездного начальника — Л.А.)»²

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 42.

² Там же. стр. 45.

Заручившись согласием русских властей, «словно вороны или беркуты, завидевшие издали мертвечину и слетающиеся к ней с далеких вершин Догалана, Орды, Шуная, Ортеке, бии, старшины и другие властители степи съехались на жайляу Қзылкайнар, чтобы начать свирепое нашествие на народ»¹

М.О. Ауэзов, говоря о своем стремлении развернуть в эпопее убедительную картину эпохи, среди многих характерных явлений исторического процесса обращает внимание на эту консолидацию сил царского самодержавия и эксплуататорской верхушки казахского общества. Он прямо пишет: «Урядники и приставы смыкаются с реакционными консервативными силами в степи»²

Наряду с этим М.О. Ауэзов изображает безвыходное положение народа, испытавшего на себе двойной гнет со стороны царизма и казахского господствующего класса.

Так, Карамолинский чрезвычайный межплеменной съезд был созван для разбора множества жалоб, поступивших на волостных управителей и других воротил от возмущенного их злодеяниями народа. Но, рассчитывая на неизменную поддержку царских колониальных властей, все эти степные заправилы «заранее объединились, крепко держась друг за друга. Жалобы простых аульных казахов должны быть снова положены под сукно и лежать там годы; как лежали до этого съезда»³

Эпопея «Путь Абая» не оставляет сомнения в том, что царизм был заинтересован в сохранении патриархально-феодальных отношений, сдерживавших развитие производительных сил в Казахстане, открывавших возможности для жестокого колониального грабежа. Колониальная политика была направлена на превращение Казахстана в аграрно-сырьевой придаток метрополии, задерживала его всестороннее общественно-экономическое развитие.

Вместе с тем объединение Казахстана в хозяйственно-экономическом отношении с Центральной Россией втягивало его в общероссийский, а через него и в мировой

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 163.

² М. Ауэзов. Моя работа над романом об Абаяе, «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 105.

³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 336.

рынок, открывало возможности для воздействия российского капитализма, на отсталую экономику Казахстана, приводило к подтачиванию основ натурального хозяйства, разрушению хозяйственной замкнутости и обособленности казахского народа.

Хотя процесс проникновения капиталистических отношений в Казахстан шел медленно, вступая в противоречие с патриархально-феодальными устоями общества, и в конце XIX века был далек от завершения, становление новых форм хозяйства коснулось, как будет показано ниже, всех сторон казахской экономики.

В результате ускорившегося в последней четверти XIX века процесса разложения патриархально-феодальных отношений, сопровождавшегося расширением узурпации общинных земель феодально-родовой верхушкой, и под воздействием проникающих в степь капиталистических отношений углубляется классовая дифференциация казахского аула.

Основная масса скота и пастбищ сосредоточена в руках байства. Обезземеливание казахских трудящихся-скотоводов обуславливает более интенсивную, чем в середине века, их пауперизацию. Этот процесс нашел верное отражение в документальных свидетельствах эпохи, в которых резко обозначены все возрастающее накопление богатств земли и скота — в руках байства и страшное обнищание народа, вынужденного нередко оставлять скотоводство, переходить к земледелию, уходить на промыслы, батрачить.

Статистические сведения, связанные с обследованием хозяйства Семипалатинской области, довольно точно освещают эти социальные сдвиги.

«Хозяйства сильно измельчали. Главная масса их (до 90%) принадлежит к неимущим, бедным и маломощным, совсем безлошадным и владеющим всего 1-10 лошадьми... Эта масса влачит жалкое существование кочевников-полупролетариев и добывает средства к жизни не столько от своего кочевого хозяйства, сколько от посторонних доходов и заработков, которыми занимается свыше 4/5 всех хозяйств»¹

Так, например, Даркембай, говоря о себе и ему подобных бедняках, жалуется Абаю: «Овец у меня и вот

¹ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, стр. 7.

у них по 20, много по 30 голов, и с этой горсточкой мы не можем найти себе пристанища...»¹

В описаниях быта аульной бедноты, безусловно сквозят личные жизненные наблюдения автора. Например, в бедном ауле Базаралы «были только серые ветхие юрты или простые шалаши. Небольшая юрта Базаралы, с потемневшей, зачиненной во многих местах кошмой, стояла посредине аула. Внутри не было ни сундуков, ни кроватей, ни тюков. Как во всех бедных семьях, у которых не хватает верблюдов для перекочевков, здесь было облегчено все, даже сама юрта»²

Глубоким знанием жизни дореволюционного аула, проникновением в самую суть экономики кочевого хозяйства отмечен анализ имущественного положения бедняков, выраженный в горьких раздумьях Абая об обнищании народа.

«Летом на просторах жайляу; в самое обильное время года, казалось, что народ обеспечен и достаточно жизнеспособен, но джут раскрыл всю его бедность и беспомощность. Ведь большинство хозяйств владеет лишь двумя-тремя десятками овец и тремя, много четырьмя головами крупного рогатого скота. И этот скот должен пропитать своих владельцев в течение круглого года: он служит тягловой силой, его бьют на котел, продают на нужды хозяйства, он дает одежду и покрывает все расходы домашнего очага. Даже когда этот скот и не терпит урона — какое убожество... Вот нагрянули нужда, бедствие, джут — и Абай своими глазами убедился, какое жалкое существование влачит родной народ»³

Обнищание народа, его тяжелая жизнь волнуют Абая, особенно бросается в глаза бедность зависимых семей, обслуживающих аул Такежана. Среди них выделяется страшной нищетой семья пастуха Исы, единственная кормилица которой — серая коровенка в холодные осенние дни уже перестала давать молоко. Старая Ийс утром грела воду, опускала туда затвердевший сухой творог, и это было пищей на весь день.

Глядя на жалкую лачугу Исы, на юрту с прорехами в кошме, с нищенской утварью, где тряслись от холода

¹ М. Ауэзов. Абай. кн. I, стр. 313.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 197.

³ М. Ауэзов. Абай, кн. I, стр. 320.

полуодетые голодные дети, Абай, подумал: «Могут ли люди жить хуже, чем здесь? Какая нищета! Идет зима с лютой стужей, а тут полуголодные люди в лохмотьях, без крова...» Старуха Ийс, мать Исы, жалуется Абаю: «...Собакам в байской юрте лучше живется, чем нам».

Эти и подобные им картины эпопеи дают возможность увидеть в казахском обществе того времени резко обозначившиеся два социальных полюса — эксплуататорскую байскую верхушку и огромную массу эксплуатируемых и зависимых крестьян, переходивших к земледелию и оседлости или пытавшихся продолжать вести кочевой образ жизни с ничтожным количеством скота, что неминуемо обрекало их на тяжелую кабалу у баев.

В последней четверти XIX века в Казахстане большое распространение получили отхожие промыслы, развитие которых было непосредственно связано с проникновением капиталистических отношений, с расположением натурального кочевого хозяйства, обострением и углублением классовой дифференциации казахского общества, выбивавшей тысячи семейств из колеи скотоводческого хозяйства и вынуждавшей их искать новых средств к существованию. Наиболее значительный процент бедняков был занят в таком виде промыслов, как сельскохозяйственный наем, выражавшийся в батрачестве у баев, русских кулаков и казачества. Свободная рабочая сила становилась товаром. Значительная часть казахской бедноты, лишенная земли и других средств производства, превращалась в наемных батраков, продающих свою рабочую силу.

Одновременно на другом полюсе укрепляет свои позиции байство, переходившее к применению наемного труда наряду с сохранением патриархально-феодалных форм эксплуатации.

В условиях господства патриархально-феодалных отношений в Казахстане этот вопрос имел свою специфику и проходил в замедленном темпе по сравнению с Россией.

Вполне понятно, что художественное произведение не может дать точных сведений о масштабах применения вольнонаемного труда в байских хозяйствах и связанного с ним процесса проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство Казахстана. Однако отдельные характерные стороны этого сложного

процесса художественно отражены. М.О. Ауэзовым, неоднократно упоминающем об уходе лишившихся средств производства шаруа на работы по найму у баев. Вот отдельные примеры развития батрачества, говорящие одновременно о применении наемного труда в байских хозяйствах. «Кодар принял к себе старика-родственника, пришлого бедняка Жампеиса, который добывал себе на пропитание работой по найму»¹ Или другое упоминание такого же рода. «Лишившись кормильца, осиротевшая семья Балагаза рассыпалась, как стайка голодных воробьев, старшие дети работают батраками у зажиточных соседей...»²

На это расширенное применение наемного труда в ауле указывает и следующее донесение уездного начальника Кошкина: «Базаралы и Абай, натравив толпу батраков, работающих по найму нищих и другое население, сорвали выборы»³

Такого рода факты дают основание сделать заключение, что определенная часть аульной бедноты, лишившись хозяйства, нередко уходила от продажи своей рабочей силы в отдаленные районы. Так, брат Кодара, такой же бедняк, как и он, «жил в батраках далеко, на землях сыбана». Или «у Даркембая был младший брат. Коркембай... тот давно ушел в далекие края к русским и стал жить среди них, нанимаясь в работники».

Документальным подтверждением этого ухода бедняков в работники могут служить «Материалы по обследованию киргизского хозяйства Семипалатинской области», где на примере многих административных аулов Семипалатинского уезда и Чингизской волости, в частности, многократно отмечалось развитие отходничества. Достаточно сказать, что из одного аула Абая Кунанбаева в Жидебае из семи хозяйств три «отпускали батраков», несмотря на то, что остальные четыре хозяйства, в том числе самого Абая, нанимали батраков для сельскохозяйственных работ, среди которых главную роль играло сенокосение⁴

¹ М.О. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 61.

² Там же. стр. 525.

³ Там же. стр. 544.

⁴ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, Семипалатинский уезд, стр. 164-165.

Таким образом, уход бедняков в батраки стал в казахском ауле обычным явлением, получившим все большее распространение. По данным статистики, в Семипалатинском уезде в 1889 г. ушло на отхожие промыслы 6643 человека¹

Имущественная дифференциация особенно углубилась после значительных джутов, выбросивших на рынок наемного труда массу полностью лишившихся средств производства шаруа. Этот процесс нашел отражение в «Пути Абая», где говорится о разорении в результате невиданного по силе джута многочисленных бедных аулов, расположенных, в частности, вокруг Семипалатинска — выше и ниже по Иртышу: «Такие многолюдные поселки, как Шоптигак, Жоламан, Озерке, а в низовьях Байгели-шагал, Карашолак, Кажебай, Жалпак совсем в разор пришли. Люди разбрелись по городам на заработки, а кто и побираться».

Массовый приток наемных рабочих в город, особенно после сильнейшего джута 1904 г., нашел отражение во второй книге эпопеи. «...В город из всех окрестных сел и аулов валом валят. Если у них неурожай, есть нечего, куда же им деваться? Вот они и идут к городским богачам за одни харчи. А баям только того и надо»²

Широкое распространение наемного труда как в сельском хозяйстве, так и в промышленности Семипалатинской области в последней четверти XIX века подтверждается и многочисленными архивными источниками³

В последней четверти XIX века получил широкое развитие торговый обмен между промышленными районами России и Казахстана, способствовавший росту товарного производства и разрушению натуральной замкнутости хозяйств.

Насколько быстрыми темпами развивалась торговля Семипалатинской области, свидетельствует отчет генерал-губернатора области за 1864 г., в котором отмечалось, что «торговля с киргизами производилась преимущественно меновая на скот, кожи, овчины, шерсть, козий пух, волос, армячину и кошмы. Количество произ-

¹ «Обзор Семипалатинской области за 1889 г.», стр. 39.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 718.

³ ЦГА Каз, ф. 15, оп. I, д. 471, лл. 7-70.

водимых товаров и вообще оборот торговли увеличивается с каждым годом до такой степени, что в 1871 г. весь оборот доходил только до 657 357 рублей, а в отчетном же (1874 г.)— до 1 218 315 рублей»¹

На десяти крупнейших ярмарках Семипалатинской области в 1881 г. было продано мануфактурных, бакалейных товаров, невыделанных кож, шерсти, верблюдов, лошадей, баранов, муки, зерна и пр.— всего на сумму 2 450 820 рублей².

Наибольшее значение имели Ботовская (Куяндинская) и Черская летние ярмарки в Семипалатинской области, неоднократно упоминаемые в эпопее. На Ботовской ярмарке «первый предмет торговли — скот, пригоняемый из разных мест киргизской степи. В 1887 г. было привезено разного товара и пригнано скота на 1 466 280 рублей, торговля производилась главным образом меновая... Второе место по торговым оборотам занимает Черская ярмарка, существующая в Семипалатинском уезде на урочище Карамола... Главный предмет торговли на этой ярмарке тоже скот, скупаемый исключительно гуртами, и жировой товар. Сюда же приезжают и торговцы городов Семипалатинска, Павлодара, Омска и Бийска с мануфактурными товарами для продажи их и для закупки скота»³

Эта тесная связь казахского хозяйства с рынком в последней четверти XIX века бросалась в глаза многим современникам. «Базар и ярмарка настолько глубоко въелись даже в хозяйство чистых кочевников и настолько прочно связали его с капиталистическим мировым рынком, что порвать эту связь уже совершенно невозможно»⁴

Таким образом, казахи поставляли на ярмарки скот и продукты животноводства, приобретая привозимые из России промышленные изделия: мануфактуру, сахар, галантерею и пр.

Развитию торговли, в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что через Семипалатинскую область

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 8, д. 13200, л. 238, об.

² ГАОО, ф. 3, оп. 10, д. 17056, лл. 54, 55 об.

³ ЦГА Каз. ф.15, оп.1, д.471, лл.7-70.

⁴ В.А. Тресвяцкий. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России, вып. I. Степной край. Пг., 1917, стр. 76.

в силу ее выгодного географического положения велась крупная транзитная торговля с Западным Китаем и Средней Азией.

Такой широкий размах торговли, несомненно, свидетельствовал о зарождении казахского торгового капитала. Рост товарного производства проявлялся в байских хозяйствах в разведении скота для продажи с целью наживы, поэтому родовые воротилы всячески старались увеличить свои табуны.

Крупные скотовладельцы выступают в эпопее поставщиками скота на рынки Семипалатинской области. Например, Уразбай пригоняет в Семипалатинск целый косяк коней для продажи.

М.О. Ауэзов обращает внимание на разведение скота в байских хозяйствах для продажи на ярмарках торговых пунктах, как на типичное явление того времени. Обогащение байства, вставшего на путь товарного искусства, рост капитала в руках баев-феодалов создавали необходимые условия для дальнейшего широкого проникновения в аул товарно-денежных отношений.

Таким образом, проникновение капиталистических отношений в казахскую степь внесло изменение в расстановку здесь классовых сил: появилось байство, переходившее к эксплуатации наемного труда.

М.О. Ауэзов создает типичные образы казахских баев-скотопромышленников, обогащавшихся путем торгово-ростовщических операций. Один из них — Нурке, волостной управитель из Кокенской волости, принадлежавший к влиятельнейшим в степи богачам, «был известен и в городе, как богатый торговец скотом... с ним считались не только все волости, расположенные по берегам Иртыша, но и русское областное начальство»¹

В этой связи необходимо отметить отражение в эпопее и такой характерной приметы времени, как появление национальной (казахской и татарской) торговой буржуазии, складывавшейся с развитием торгово-ростовщического капитала. Ее добротные одно-и двухэтажные каменные дома в Семипалатинске под тесом или железной крышей тянулись цепочкой по берегу Иртыша. Здесь наряду с торговыми магазинами таких русских купцов, как Плещеев, Дерев, располагались магазины Хамитова,

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 129.

Негматулина, Тухфатулина и других татарских и казахских купцов. Одна из героинь романа Салтанат — дочь богатого торговца Альдеке.

В этом плане характерна для того времени и такая картина. «В половине зимы в Каркаралинск приехал крупный семипалатинский купец Тинибай. Целая вереница ямщиков везла за ним тюки мануфактуры и других ценных товаров. Он приехал на скупки шкур».

Кунанбай породнился с Тинибаем, выдав дочь замуж за его сына. Сватовство Кунанбая и Тинибая, безусловно, носило характер взаимовыгодной сделки. Кунанбай дал согласие на этот брак, остро нуждаясь в деньгах для подкупа чиновников, расследовавших его деяния в связи с разгромом аула Божея. Тинибай открыл кошелек свату, и царские чиновники быстро пошли на уступки. Вместе с тем в торговых операциях Тинибая «Кунанбай и Алшинбай были всегда большой опорой. Для выгодного размещения мануфактуры в долг, под залог скота, купец всегда должен пользоваться поддержкой главарей племен и местных правителей. Тогда впоследствии за овцу он может получить бычка, за бычка — вола, а за ягненка — овцу: старейшины и правители сумеют взыскать недоимки»¹ Не случайно и упомянутый выше Нурке считал сыновей Кунанбая немалой опорой в своей степной торговле. Тяжба Такежана была удачным поводом сблизиться с ними, и Нурке не скупился на расходы по содержанию и угощению многочисленных гостей² Эти взаимоотношения персонажей исключительно интересны, так как в них наглядно показано, как происходил процесс концентрации капитала в руках торговцев, пользовавшихся помощью и поддержкой степных воротил.

Для сбора пушнины и других продуктов животноводства в уплату за розданные в долг промышленные товары по всему Казахстану ездили наемные сборщики и перекупщики товаров — алыпсатары. Широкое распространение деятельности алыпсатаров было тесно связано с быстро растущим спросом российского рынка на казахский скот и животноводческое сырье.

Бай-торговцы пользовались исключительно наемной рабочей силой. Среди наемных байских работников были

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1. М., 1958, стр. 23, 245.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 129.

и ямщики, свозившие своим хозяевам собранные алыпсатарами сырье и скот. Об одном из них рассказывается в романе. «Зимой и летом он гоняет хозяйские подводы. Он и сейчас нанялся ямщиком у бая — полуказаха Матели. На этот раз его ямщики на 20 подводах везли пушнину, собранную со всех волостей, до самой китайской границы»¹

Из романа видно, что торговля в Казахстане носила ярко выраженный характер неэквивалентный, ростовщический характер, так как промышленные товары сбывались по ценам, намного превышающим их действительную стоимость, а скот и сырье скупались за бесценок. Отдельным скупщикам-алыпсатарам удавалось путем займов у баев вести параллельно с байскими и самостоятельные ростовщические операции с кочевниками-казахами и, нажив небольшой капитал, превращаться в независимых торговцев. В большинстве же случаев алыпсатары находились в полной зависимости от бая, у которого им удавалось получить кредит для самостоятельной торговли.

Так, в Семипалатинске из массы торговцев, едва сводящих концы с концами, выделялась «небольшая кучка алыпсатаров, вроде Конырбая или Кодыги, которая уже вывела себе домишки под тесовой кровлей и заслужила доверие кредиторов. Такие брали в долг товаров на три, а то и на все пять тысяч»². Однако разбогатеть удавалось немногим, большинство мелких торговцев разорялось и попадало в еще большую зависимость от бая. В особенно тяжелом положении находились ямщики, перевозившие байские товары в разные концы степи. Так, например, брат лодочника Сеиля, скопив деньги на коня и подводу, поступил ямщиком к войлочнику Сейсеке, для того, чтобы возить его грузы в Китай и на Макарьевскую (Нижегородскую) ярмарку. Много ямщиков обманул Сейсеке при оплате за подводы, придираясь к качеству привозимых из Китая кож и шерсти, взимая за порчу или пропажу груза. Также он поступил и с братом Сеиля, который к тому же обморозился и искалечился в пути.

Исключительно верно поняты и раскрыты в романе отношения зависимости алыпсатаров от баев-торговцев. Тысячи городских казахов кормились тем, что вели ме-

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 631.

² Там же, стр. 694.

лочную торговлю с воза в степных аулах. Имея лишь лошаденку с телегой, они шли за товаром к именитым баям, вроде Сейсеке, а те вели к русским купцам Дерову, Плещееву, Михайлову-Малышеву, либо к таким татарским богатеям-магазинщикам, как Вали или Исхак. Приведа к магазинщику 10-15 нищих алыпсатаров, Сейсеке казался им благодетелем: «ведь каждому из них он даст товаров в кредит на 100, 300, 500, а иногда, правда, очень редко, на всю 1000 рублей». В действительности бай закабалял алыпсатара. «За привод оптовых покупателей в магазин Сейсеке получает скидку на забираемые ими товары по 8 коп. с рубля. А передавая эти же самые товары Еспергену, накладывает ему 12 коп. на рубль. Так, бай, за здорово живешь, получает чистого барыша по 20 коп. с рубля. Одновременно он еще и закабаляет алыпсатара, вяжет его по рукам и ногам»¹

В случае неуплаты долга бай передавал вексель, подписанный алыпсатаром нотариусу, от одного имени которого трепетали все городские торговцы и алыпсатары. Если же алыпсатар был не в состоянии возвратить деньги, его домишко и все имущество продавалось с молотка. Об этой зависимости писатель образно говорит: «Мелкий торговец, таким образом, живет по воле бая, как овца на аркане. Двухэтажные, под нарядными зелеными и красными крышами дома богатеев высились среди низкорослых лачужек жатаков, как гнезда коршуна над птичьим двором»².

Положение мелких торговцев-алыпсатаров, форма их зависимости от богатых купцов и баев воспроизведены М.О. Ауэзовым с таким знанием и достоверностью, что невольно думается, — он воспользовался здесь личными впечатлениями и воспоминаниями современников, так как в исторической литературе этот вопрос освещен скудно.

Широко развернувшаяся в Казахстане деятельность алыпсатаров, скупка ими скота и сельскохозяйственного сырья у казахов-кочевников, перепродажа им промышленных товаров — все это говорило о проникновении товарно-денежных отношений в замкнутое прежде кочевое натуральное хозяйство и способствовало укреплению торгово-экономических связей Казахстана с Россией.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 669.

² Там же, стр. 670.

Проникновение товарно-денежных отношений, экономическая связь с рынком становятся характерными особенностями развития казахского хозяйства в последней четверти XIX века. Этот процесс пронизывает всю вторую книгу эпопеи, где не раз встречаются описания, подобные следующему: «Близилось время, когда аулы снимаются с осенних пастбищ, находящихся не так уж далеко от города, и уходят на дальние зимовья, в горы Чингиза. И как всегда, почти из всех аулов тобыкты в город пришли караваны верблюдов и телег со шкурами, с войлоком, с шерстью осенней стрижки. Тобыктинцы разместились в домах казахов на «той» и на «этой» стороне (так назывались части города, разделенные Иртышом), не спеша занимаясь продажей привезенного и закупкой на зиму муки, чая, мануфактуры»¹.

Производство на рынок играло, таким образом, решающую роль в разложении казахского натурального хозяйства. Эта связь с рынком прослеживается на многих сторонах народной жизни. Например, Базаралы, советует жатакам: «А летом займитесь сеном, мало разве здесь пустоет урочищ, лугов, осенних выпасов? Хоть одной косой косить будете — все-таки сена запасете, город недалеко, на базар свезти можно, деньги выручить, прикупить что нужно»². В другом случае, передавая жатакам отнятых у Такежана во время барымты коней, он вновь предлагает: «Эти 40 коней оставьте на тягло, у вас их искать никто не станет. Будете возить на них в город на продажу сено, купите еды и одежды».

Таким образом, вторая книга «Пути Абая» дает определенное представление о переменах, происходивших в казахском натуральном хозяйстве, которое все более начинало носить денежный характер, что полностью соответствовало экономическим сдвигам, имевшим место в казахском хозяйстве в последней четверти XIX века, и зафиксировано многими источниками.

Поскольку деньги в основном были сосредоточены в руках баев-скототорговцев, то казахская беднота, обращаясь к последним за займами для уплаты податей и обеспечивая своего хозяйства необходимыми товарами, попадала в еще большую кабалу к баям-ростовщикам.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 57.

² Там же, стр. 23.

Проникновение товарно-денежных отношений усугубляло имущественную дифференциацию казахского общества.

Последняя книга эпопеи «Путь Абая» потрясает масштабами народных бедствий, связанных с кризисом кочевого скотоводства, особенно обострившимся в конце XIX-начале XX века и выразившимся в невиданных по разорительным последствиям джутам.

В рассматриваемый период в Казахстане произошло значительное сокращение пастбищных пространств как за счет узурпации феодалами общинных земель на правах фактической частной собственности, так и в результате насильственных земельных изъятий, производившихся царизмом на нужды колонизации края.

Ограничения в пользовании землей неминуемо подрывали основы кочевого скотоводства, которое в силу своего экстенсивного характера, опираясь исключительно на естественную кормовую базу, могло существовать и развиваться лишь при наличии обширных земельных пространств. Для прокорма в зимнее время одной головы скота требуется примерно 8-10 га естественных пастбищ лучшего качества¹. Между тем недостаток пастбищных земель, в первую очередь зимних, земельные изъятия царизма, преграждавшие традиционные пути перегона скота и доступы к водопоям, с особой силой сказывались в последней четверти XIX-начале XX века, резко ограничив возможность дальнейшего развития экстенсивного кочевого скотоводства. Кроме того, на протяжении всего романа можно проследить полную зависимость примитивного кочевого скотоводства от колебаний климатических условий и урожайности трав при круглогодичном содержании скота на подножном корму. Даже хозяйства, частично, запасавшие на зиму сено для скота, в условиях джута остро нуждались в большом количестве пастбищ, лишь комплексное использование которых могло несколько сократить потери скота.

«Зимние запасы кормов — это первая забота здешних жителей, но у них есть и еще один выход на случай приближения джута. Уже с начала холодов зимовщики начинают внимательно следить за погодой, за состоянием

¹ А. Алекторов. Экономическое положение оседлого и кочевого населения Семипалатинской области. «Оренбургский листок», 1890, № 26.

снегов, заранее готовясь к борьбе со стужей. И если, как вот теперь, декабрь стоит лютой, на Бауыре оставляют только самый истощенный, слабый скот, а всех коров и овец пригодных на выгон, отправляют на укрытые от ветра далекие пастбища Чингиза, Жидебая и Акшоки. Бесконечной вереницей тянутся в сторону горных ущелий стада, оберегаемые своими хозяевами и пастухами»¹

Угроза одного из тяжелейших джутов, воспроизведенных в эпопее, появилась уже в декабре (1903 г.), так как летом суховеем пожгло травы, и их небогатые запасы, скрытые под сугробами, десятидневный мороз с ветром утрамбовал в глыбы литого стекла. «В таких случаях надо ставить скотину на стойловый корм, но такого корма ни у кого нет, тем более в засушливый год.

После угона скота на зимовье остались лишь полугодовальные ягнята, старые овцы, стригуны, телята, кое-какие верблюжата послабее, словом, те животные, которым не под силу был суровый зимний перегон»².

Недостаточность даже обширных пастбищ во время джута подтверждается и таким примером из эпопеи: во время джута табунщик Абая вынужден был покинуть свои пастбища и повести табун в низину, на землю соседнего рода ажы, так как, по слухам, летом там была хорошая трава. У ажинцев лошадей было мало, и потому они не пожалели для Абая своей земли, тем более что он обещал уплатить за пастьбу»³

Следовательно, ограниченные возможности для расширения пастбищ (так как наличие необитаемых свободных земель ушло в далекое прошлое) вследствие ущемления в пользовании прежними угодьями неминуемо приводили к сокращению поголовья скота на душу населения. Между тем, в целом в связи с ростом населения общее количество поголовья увеличивалось, что еще более усугубляло кризис кочевого хозяйства.

Обеднение народа, показанное в романе, убедительно подтверждают и следующие данные, характеризующие резкое сокращение скота на душу населения по Семипалатинской области за последние 20 лет XIX века:

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 701.

² Там же. стр. 703.

³ Там же. стр. 735.

1880 г.— 7,4; в 1884 — 4,5; в 1891 — 4,1; в 1896 — 4,1; в 1900 г.— 4,3 голов скота¹

В условиях возрастающего недостатка пастбищных земель последствия джутов для скотоводческого хозяйства казахов сказывались особенно губительно, приводя к резкому сокращению количества скота и массовому обнищанию кочевников. Так, например, в 1884 г. в Семипалатинской области погибло от джута 412 тыс. голов скота².

В эпопее также говорится и о джутах начала 80-х годов, унесших огромное количество скота.

Сильное обнищание населения Семипалатинской области, воспроизведенное М.О. Ауэзовым, подтверждается и конкретными историческими источниками, в одном из которых отмечается, что скотоводы Семипалатинской области «в общем народ бедный, многие обеднели вследствие значительных потерь от часто повторявшихся падежей скота, в особенности в начале 80-х годов, зимы которых были особенно несчастными для киргизского скотоводства»³

В последней части эпопеи подробно описан исключительно тяжелый по своим последствиям джут, имевший место в Семипалатинской области в 1904 г.

С середины марта обычно в степи начинали чернеть проталины. Но в весну этого года, названного годом великого джута, «непрерывно дующий белый буран продолжает сыпать снег, поверхность степи словно вылизанная ветрами, однообразно гладкая, как яйцо. Начиная джут... Скот, опустошив все запасы, голодает. Начался падеж. В скотных дворах и за дворами обледелой горой громоздятся трупы овец. Во множестве падали от бескормицы и коровы... Кое-как держатся лишь сильные, взрослые верблюды. А тощие верблюдицы, старые животные, двухгодовалые верблюжата и одногодки, еле-еле дотянувшие до конца зимы, теперь устилают своими трупами окрестности зимовок»⁴.

¹ «Россия». Полное географ. описание нашего отечества под ред. П.П. Семенова, т. XVIII, Киргизский край. СПб., 1903, стр. 240.

² Там же.

³ ЦГА Каз, ф. 15, оп. I, д. 471а, лл. 7-70.

⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 733.

Спасая падающих от истощения животных, женщины ходят с мотыгами в руках по морозу, ища корма, откапывают кустики чия, верблюжьей колючки.

В эпопее много и других интересных деталей, основанных на глубоком проникновении автора в экономику кочевого хозяйства, отражающих многовековой опыт народа в спасении скота во время джута.

Среди картин тяжелейшего труда табунщиков в зимнее время, особенно в период джута, выделяется борьба за сохранение косяка Абая. Его табунщик Алтыбай в лютый мороз во время сильнейшего степного бурана идет впереди косяка, сменяя под собой крепких лошадей, выдвигая во главу косяка группу наиболее сильных коней, за которыми медленно двигается остальной табун. «Однако, несмотря на все заботы табунщиков, лошади продолжали падать. Всюду была гололедица, наступившая сразу после осенних ливней, когда преждевременный мороз внезапно сковал землю. Целыми днями разгребая снег на жестком морозе, выбиваясь из сил, лошади наталкивались на лед. Двухдневный путь верхового косяк Алтыбая прошел за месяц»¹ Он двигался из Кзылмолинской волости в Акшоки к аулу Абая. Автор показывает жалкое состояние голодающего, изнуренного морозом и бескормицей скота, во всем косяке Абая, не осталось ни одного мало-мальски упитанного коня. «Двигаясь по дороге к родным местам, табун прямо на глазах таял. Немало конских трупов было похоронено в белом буране»²

В отличие от прежних джутов, которые периодически повторялись через каждый 10-11 лет, падежи скота в последней четверти XIX века в периоды джутов приняли такой размах, какого казахи прежде не знали. Так, джут 1904 г. охватил значительную часть Семипалатинской области. «В середине марта весь край облетела печальная весть. Говорят, что находившиеся в отгоне табуны лошадей уже косит белая гибель. Говорят, что косяки, отправленные на жайлау в так называемые внешние районы, растерялись в буране и теперь пропадают. Говорят, что много коней погибло среди скал, попадало с обрывов, либо провалились в сугробы. Говорят, что из тысячи,

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 737.

² Там же, стр. 736.

полутора тысяч голов иного табуна едва выжило триста, двести, а то и полтораста. Если зима еще затянется, останется от всего конского хозяйства только юрта пастушья»¹

К началу мая уже со всей ясностью определились размеры страшного по своим последствиям джута, лишившего тысячи семей источников существования. «С первых же дней мая из уст в уста пошли губительные вести: «Такой-то аул из 400 коней, отогнанных на пастбища, получил назад только 23; 3-4 аула, отправивших в Аягуз косяк в 1000 голов, увидели теперь всего 27 лошадей... Из всех табунов, которые с начала замы паслись на землях аука и керая, возвратились только 50 голов»².

С большой впечатляющей силой показана борьба табунщиков Абая Алтынбая во время сильнейшего снежного урагана за спасение последних оставшихся в живых животных. Косяк Абая был почти у цели, когда снежный ураган, против которого не могли выстоять измученные животные, заставил его пойти по ветру, Табунщик пытался в снежной буре задержать, приостановить табун. Но никакая сила не могла остановить устремившихся в пространство коней. По дороге гибнут, валятся ослабевшие лошади. Кроме того, 20 голодных волков набросились на косяк ослабевших коней. И наконец, весь косяк, преследуемый волками, обрушивается в глубокий овраг. Пастух Алтыбай, не думая о себе, пытается спасти животных от волков и погибает. Остальные лошади рассеялись по степи, обреченные на смерть.

«Скакуны, дойные кобылицы, породистые жеребцы, любимцы детей, украшенные перьями и амулетами, двухлетки, трехлетки и пятилетки — все остались в голой снежной степи, похороненными в сугробах».

Глубокое впечатление оставляет описание народного бедствия в результате этого тяжелейшего джута. Множество людей погибло от голода, многие уходили в города и селения для работы по найму или просили милостыню в поисках спасения.

Необходимо, однако, оговориться, что эта страшная картина народного разорения в результате джута, осно-

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 734.

² Там же, стр. 749.

ванная на воспроизведении конкретного события, вместе с тем представляет художественное обобщение кризиса кочевого хозяйства. На эту особенность своего творческого подхода к явлениям истории указывал и сам автор. «Нередко конкретное явление я изображаю сгущенным до символа, как, к примеру, в картинах джута, эпизоде с гибелью коней, олицетворяющих гибель всего прежнего уклада кочевой степи, целой эпохи, уходящей вместе с Абаем и его близкими»¹

Массовый падеж скота в период небывалых по своим губительным последствиям джутов в последней четверти XIX века привел к тому, что большинство крестьян сумело сохранить лишь незначительное количество скота, недостаточное для ведения кочевого хозяйства, и вынуждено было искать дополнительные источники существования.

Вместе с тем исторически правдиво воспроизведя обстоятельства хозяйственно-экономической жизни народа, М.О. Ауэзов делает их основой реалистического изображения эволюции мировоззрения героя — демократа, просветителя.

Абай глубоко задумывается над тяжелым положением народа, для которого часто повторяющиеся джуты стали неизбежным бедствием, напряженно ищет выход из этой зависимости казахского народа от стихийных сил природы. Он говорит: «Народу нужно просвещение, знания. Ему нужно учиться и воспитываться... Настало время, когда спокойно дремать, надеясь на бескрайние кочевья, на широкие выпасы, не приходится. Уже пора учиться у народов, которые опередили нас!»²

Исходя из миропонимания Абая, М.О. Ауэзов изображает его поиски как поиски просветителя, задумывающегося о будущем своего народа и отчетливо осознающего необходимость радикальных перемен в его жизни.

Процесс хозяйственного сближения Казахстана с Россией, сопровождавшийся разложением патриархально-феодальных и проникновением капиталистических отношений в экономику Казахстана, привел во второй

¹ М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 373.

² М. Ауэзов. Абай, кн. I, М., 1958, стр. 29, 343.

половине XIX века к серьезным изменениям и сдвигам в различных областях казахского хозяйства.

Перемены коснулись прежде всего скотоводческого хозяйства, которое, главным образом в северных и северо-восточных районах Казахстана, в значительной степени приобрело полуоседлый характер, основывающийся на сочетании скотоводства и земледелия.

Эти изменения в казахской экономике, связанные с развитием земледелия и оседлости, можно достаточно полно проследить на примере второй книги эпопеи.

Более интенсивное развитие земледелия в этот период, безусловно, было подготовлено социально-экономическими предпосылками, названными выше, среди которых большое значение имело развитие товарно-денежных отношений, поколебавшее устои замкнутого натурального хозяйства, усиление-колониально-феодалного гнета и массовое обеднение казахского крестьянства, усугубленное кризисом экстенсивного кочевого скотоводства.

Хотя земледелие в Казахстане и получило некоторое развитие еще в первой половине XIX века, общий уровень его был крайне низок, роль его в кочевом скотоводческом хозяйстве была подсобной.

В последней трети XIX века уже начавшийся в предшествующий период процесс перехода части казахского народа к земледелию и оседлости получил дальнейшее развитие. Решающую роль при этом наряду с отмеченными выше причинами сыграла земельная теснота, связанная с усилением процесса концентрации земли в руках байства и значительными земельными изъятиями, производившимися царизмом в связи с усиленной колонизацией края. Захватывая в свое пользование лучшие пастбища, сенокосные угодья, опутывая бедноту кабальной зависимостью, байство ставило рядовых кочевников в невыносимые условия, приводившие к их неминуемому разорению, связанному с потерей большей части скота. Недостаток скота делал невозможным продолжение прежнего образа жизни, вынуждал оседать и искать средства к существованию в занятии земледелием.

Если раньше земледелие служило лишь подспорьем скотоводству, то в последней четверти XIX и начале XX века его значение в хозяйстве резко поднялось. Оно становилось нередко главным источником существования шаруа. От кочевого образа жизни большинство таких хозяйств постепенно переходило к полуоседлому, сочетая

его с земледелием и ремеслом, и оседлому земледельческому хозяйству.

Процесс оседания и обращения к земледелию, широко представленный в эпосе «Путь Абая», нашел достаточно полное отражение и в документальных свидетельствах эпохи.

Уже в 70-х годах XIX века в донесениях царских чиновников отмечалось, что кочевое население Семипалатинской области «все более и более привыкает к употреблению в пищу хлеба, а вместе с этим все более и более сознает важность земледелия»¹

В 1871 г. по Семипалатинской области казахским кочевым населением было собрано яровой пшеницы 23 619, овса — 14 225, ячменя — 5 233, проса — 12 463 пуда. В 1882 г. из 25 312 семейств Семипалатинского уезда земледелием занимались 2 822 семейства, т.е. 11%²

Достаточно сказать, что Арчалинская, например, волость Семипалатинского уезда, по данным 1 893 г., была почти сплошь распахана казахами-земледельцами, причем до 900 кибиток казахов поселилось на арендных началах на землях, принадлежащих казачеству³. Из материалов романа со всей наглядностью вытекает, что к земледелию обращалось прежде всего та масса казахского кочевого населения, существование которой уже не могло быть обеспечено одним скотоводством. В Семипалатинском уезде наибольшее распространение земледелие у казахов получило в Бельгагачской волости, «в сосновых лесах которой казахские аулы перемешались с русскими поселками»⁴. Районами значительного обращения к земледелию автор называет также Кокенскую и Уаковскую волости. «Кокенцы, хотя и жили почти рядом с тобыктинцами-скотоводами, но кочевали редко, они предпочитали заниматься хлебопашеством и ремеслом. Аулы их резко отличались от аулов соседей: возле каждой юрты трудолюбивого кокенца стояла телега или таратайка; селились они на маленьких пастбищах и в отличие от соседей скотоводов — большими аулами»⁵

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/909, д. 90, 1876, л. 45.

² ГАОО, ф. 3, оп. 10, д. 17056, лл. 33 об-34.

³ ЦГА Каз, ф. 15, оп. 1, д. 1834, л. 122-148.

⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 133.

⁵ Там же, стр. 577.

Характерной чертой времени стало появление аулов из представителей разных родов. Обедневшие кочевники, лишившись скота, поселились в аулах жатаков, видя в обращении к земледелию единственный источник существования. «В аулах Копсакау, в Балта-Орак, Жалпак, Хандар, Крык-уйли с уаками жили бедняки из родов бура, найман, жалыкпас, бассентиин, керей и даже самого рода тобыкты. Этим людям больше всего на свете нужен был мир, без которого невозможен никакой труд»¹

В таком же ауле жатаков на урочище Ерали поселяется и Даркембай, уйдя из рода бокенши. Он говорит: «Теперь уж мне до смерти жить здесь... Тут около сорока таких же нищих, как я. Напрасно, я всю жизнь работал на Суюндика и Сугира... Нет разошелся мой путь с ними! Вот и я решил: чем бродить одному с седлом за спиной, лучше буду жить одной жизнью со всеми». По-новому звучат его слова, свидетельствующие о разрушении родовых представлений в связи с переходом к земледелию и оседлости: «Все эти сорок хозяйств — мои родичи. Не по крови, а по жизни. Нас сроднили общая доля и общее горе»²

Рассказывая об основных принципах подхода к изображению явлений прошлого, М.О. Ауэзов говорил, что всем поступкам и сознанию своих героев он всегда стремился дать социальные мотивировки. Поэтому, объясняя переход жатаков к активным формам классовой борьбы, связанным с переходом к земледелию и ослаблением патриархально-родовых предрассудков, М.О. Ауэзов показывает, что исходным моментом для этого явился «новый исторический сдвиг в сознании жатаков»³

Следовательно, уход аульной бедноты из-под власти своих феодалов был глубоко прогрессивным явлением и в том отношении, что, ускоряя процесс разложения патриархально-феодальных методов эксплуатации, способствовал пробуждению классового самосознания аульной бедноты.

В самом тобыкты все большее количество кочевников также находит выгодным сочетать скотоводство с зем-

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 577.

² Там же, стр. 529.

³ М. Ауэзов. Моя работа над романами об Абае. «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 104.

леделием либо делать земледелие главным источником существования.

В долинах Ойкодыка, Большого и Малого Каскабулака, в долине за холмами Сарыадыр «стояли многолюдные аулы бедняков-жатаков возле засеянных ими хлебных полей. В этих аулах готовились в скором времени собрать плоды своих тяжелых трудов. Здесь на 20 десятинах созрели посевы 60 семей, в том числе и посевы Абылгазы и Даркембая. Тут же впервые посеяли хлеб и несколько десятков бедняков, которые лишь недавно откочевали из байских аулов, чтобы заняться хлебопашеством»¹

Переход к земледелию и оседлости для аульной бедноты в ее бедственном положении был жизненно необходимым фактором. Даркембай рассказывает Абаю, что в оседлом ауле Копжатак поселилась и занялась земледелием аульная беднота из родов анет, карабатыр, котибак, кокше, мамай.

В последней четверти XIX века в связи с обострением аграрного вопроса выражавшейся в разгроме байских аулов, переход к земледелию нередко бывал ускорен ответными байскими репрессиями, вынуждавшими целые аулы возмещать баям потерянный скот. Так, после решения биев, обязавшего жигитекскую бедноту отдать Такежану за каждого уничтоженного его коня по два пятилетних, «целый аулы, словно поверженные бурей, не могли двинуться с места. Как кочевать, если нет коней? Оставалось или разбрестись по другим аулам, идти в батраки, или осесть на землю, забыв о кочевках»². Хотя в целом в Семипалатинской области оседание на землю шло более медленными темпами по сравнению с другими районами Казахстана, наибольшее развитие земледелие получило в отдельных волостях Семипалатинского и Усть-Каменогорского уездов. Надо сказать, что в романе жатаками называются лишь вконец разорившиеся кочевники, вынужденные искать средства к существованию в земледелии. Между тем в рассматриваемое время к земледелию и оседлости обращалась часть середняцких и даже байских хозяйств.

Под влиянием растущего спроса на хлеб вследствие роста городского населения и повышения потребности

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 230, 247.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 1, М., 1958, стр. 530.

в хлебе внутри степи в 80-90-е годы XIX века в отдельных районах появились байские хозяйства, в которых при ведущей роли скотоводства значительное место занимало и земледелие, сразу приобретающее товарный характер.

Следовательно, в последней четверти XIX века к земледелию обратились все социальные слои казахского общества. В этом отношении интересно отметить, что в 1895 г. в Семипалатинском уезде насчитывалось 14 527 хозяйств, занимавшихся земледелием, что составило 62,7% по отношению к общему числу хозяйств уезда¹

В областные и уездные правления в последней четверти XIX века поступало большое количество прошений от кочевников о переводе их в оседлое состояние и предоставлении им возможности заниматься земледелием. Подавая такие прошения, обнищавшие кочевники указывали на крайне тяжелое положение, выход из которого они видели в переходе к земледелию.

Проблема оседания остро поставлена и в эпопее. В этой связи в настоящей работе особо будет освещен вопрос об отношении к оседанию и земледелию феодально-байской верхушки казахского общества, оказывающей упорное сопротивление этому глубоко прогрессивному явлению.

Одновременно интересно отметить и другую сторону этого процесса, М.О. Ауэзов, верный исторической правде, показывает, как сильны были еще традиции кочевого образа жизни в сознании народа, которому нелегко было перейти к ломке многовекового уклада жизни. Так, например, Базаралы жалуется Абаю, что его маленькому аулу с небольшим стадом вполне хватило бы выпасов и на зимовье, но традиции кочевки были так сильны, что «разве людей удержишь?... Только и приговаривают: «Вон откочевал аул Байдалы, вот снимается Жабай, аул Бейсемби уходит... Ну и нам надо двигаться. Знаешь, Абай, я за эту свою болезнь прямо возненавидел обычай кочевки»².

Живучесть старых традиций в сознании народа отражена и в споре Базаралы с Ерболом. Последний го-

¹ «Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области» в «Памятной книжке Семипалатинской области на 1898 г.» Семипалатинск, 1899, стр. 26.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 199.

ворит: «Чего же ты хочешь: чтобы кочевой казах превратился в оседлого мужика. Думаешь, отучить его от дедовского способа хозяйства?».

Однако Базаралы, вернувшийся из ссылки и мыслящий по-новому, отвечает ему, что дедовский-то способ и довел народ до нищеты. Большой болью за бедствующий народ наполнены слова Базаралы: «Кто в этом мире беднее и голее всех! Дети казахов! Посмотри на русских: у них есть города, деревни... А что у нашей бесчисленной бедноты? Одно утешение, что степи широки и пустыни безлюдны — катись куда хочешь, как перекасти-поле, пока тебя гонит степной ветер...»¹

Большое место уделено в романе показу жизни городских жатаков, этого нового социального продукта рассматриваемой эпохи.

Кто такие городские жатаки Семипалатинска? «Сброд из сорока родов», — говорит о них один из персонажей романа, старик Жуман.

Рабочие слободки в Семипалатинске не случайно назывались Верхние и Нижние жатаки, там поселились кочевники-казахи, «пришедшие в Семипалатинск искать счастья». Жатаки поселились также в Заречной слободке Семипалатинска.

«В Семипалатинской области это стремление киргиз к оседлости жизни помимо устройства зимовок сказывается еще и в постоянном заселении ими инородческих пригородных слободок, примером которых может служить Заречная слободка на левом берегу р. Иртыша, против г. Семипалатинска»²

Эта была наиболее пауперизированная часть казахского общества, совершенно порвавшая родовые связи, двинувшаяся с начала 80-х годов в города и окрестные села для продажи своей рабочей силы в хозяйствах кулаков и городского населения, занимавшегося земледелием. Социально-экономическое положение этой группы казахского крестьянства объективно делало ее резервом для формирования казахского сельского и промышленного пролетариата.

Развитие земледелия и оседлости было тесно связано с сенокосением, роль которого в последней четверти

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 199.

² ЦГА Каз, ф. 15, оп. 1, д. 471, лл. 7-1.

XIX века все более возрастала даже в кочевом хозяйстве. Сено приберегалось для скота на случай джута, степных буранов, излишки его шли на рынок. На всех зимовках делались запасы сена на зиму. Так, Оспан напоминает Абаю, зимующему в Акшоке, о необходимости накопить как можно больше сена на урочище, расположенном рядом с его зимовкой.

В ауле Абая Кунанбаева Жидебае, по данным названной выше экспедиции, сенокошением занимались к тому времени уже 60 лет. В ауле сына Абая Магавьи в урочище Акшоке косили уже 25 лет и т.д.¹

Борьба за покосы играет важную роль в жизни народа. Достаточно вспомнить столкновение на урочищах Шуйгенсу и Азберген между Такежаном и жатаками этих аулов из-за скошенного ими сена, которое Азимбай, сын Такежана, хотел отобрать силой.

О значительном обращении к сенокошению в крае говорят также данные: в 1900 г. в Семипалатинской области было собрано 16 000 000 пудов сена. Но как отмечалось составителями сборника «Киргизский край», этого количества весьма недостаточно не только для зимнего скота, но и на случай джута»².

Прогрессивное воздействие русских крестьян-переселенцев сказывалось в изменении многих сторон казахского быта. Стали возникать постоянные оседлые поселения, приближенные по своему типу к русским селам.

Особенности быта казахских оседлых аулов, в частности в районе Семипалатинска, вдоль Иртыша, как новое явление, также не случайно стали объектом внимания автора. «Жители их занимались земледелием и торговлей... жили они в бревенчатых домах, окруженных надворными постройками»³

Для последней четверти XIX века характерным явлением стало оснащение состоятельных хозяйств, занимавшихся товарным земледелием, более совершенными сельскохозяйственными орудиями. В целом же коренной и существенной замены архаической техники новой не

¹ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, Семипалатинский уезд, стр. 162-165, 192-193.

² «Россия». Полное географическое описание нашего отечества под ред. П. Семенова, т. XVIII, Киргизский край, СПб, 1903, стр. 248.

³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 552.

произошло и в конце XIX века в силу нищеты казахских трудящихся масс. Аульцая беднота довольствовалась в основном рутинной техникой, которую она дополняла более совершенными земледельческими орудиями.

Так, Даркембай, занявшись земледелием, научился готовить сельскохозяйственный инвентарь. «Работа Дакена для жатаков — большая помощь. Он и соху и телегу починит, сделает и лопату, и косу, и мотыгу, и топор...»¹

Тяжел был труд бедняков-жатаков, не имевших необходимого количества рабочего скота и сельскохозяйственных орудий для обработки пашен. Даркембай, рассказывая о хозяйствовании жатаков-егинши его аула, говорит: «Бороны только две. А семей 60. Лошадей совсем мало... Люди поле руками делали».

Таким образом, показывая различные категории обедневших кочевников, М.О. Ауэзов на большом конкретном материале воссоздает картины массового обезземеливания народа.

Ввиду того, что в романе не уделено внимание развитию земледелия в байских и середняцких хозяйствах, бедняки-егинши показаны как самостоятельные хозяева вне различных форм эксплуатации их баями, с которыми они вступали в кабальные сделки из-за недостатка земли и рабочего скота.

Уже самый переход кочевников-бедняков к оседлости и земледелию усиливал борьбу за землю, встречал упорное сопротивление богатой и влиятельной верхушки аула, не желавшей допустить не только некоторого ограничения себя в свободе, но и самого перехода части кочевников в иное податное сословие, так как последнее давало возможность частично освободиться из-под власти феодала. Чтобы воспрепятствовать оседанию кочевников-бедняков, бай устраивали потравы их посевов. Так, Азимбай, сознательно направив тысячный табун Такежана на посевы бедноты, с ненавистью говорит о жатаках-земледельцах: «Ковыряют землю. Что выдумали: ни отцы, ни деды не занимались этим! Выгнать их пора с нашей земли... Стоит лишь два-три раза подряд уничтожить их поля и прикрикнуть: «Не ройте землю, словно собаки перед чьей-то смертью!» — и они сами куда-нибудь откочуют». Пустив коней в сторону посевов жатаков,

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 220.

Азимбай с табунщиками улеглись спать. «Этот мирный отдых в ночной степи, такой невинный на вид, на самом деле был гнусным преступлением»¹

С гневом и болью за безжалостно растоптанный тяжелый труд бедняков-жатаков говорит автор об этой сознательной потраве посевов табуном Такежана: «...те самые колосья, которых нынче днем боялись коснуться осторожные руки маленьких детей, сейчас вминались в землю копытами. Спелые зерна пожирались, уничтожались широкими зубами коней. Тяжкий труд, горький пот, трепетные надежды бедноты — все это было растоптано табуном...»².

Когда жатаки со слезами пошли к Такежану и Майбасару, те с бранью прогнали их. «Вы только кочевья портите, всю землю перепахали, все пастбища испоганили!»— кричал Майбасар... А Такежан добавил: «Пусть у нас одни предки,— я вас за родичей не считаю, вы для меня не тобыктинцы, отступаюсь от вас! Коли вам нравится рыть носом землю, проваливайте к мужикам в Белагаш, делайтесь там русскими»³

Байские барымтачи угоняли и тягловой скот у жатаков, чтобы лишить их возможности обрабатывать пашни.

Бедняки-жатаки были крайне беспомощны перед лицом произвола феодально-родовой знати. Об этом образно говорит Даркембай, жалуясь Абаю на постоянные потравы посевов байскими табунами: «...Ведь мы здесь одиноки среди злодеев, как кустик чия среди горячей степи. Хоть бы подумали, кого обижают? Ведь у их же порогов мы все исчахли... Им же, их отцам служили...»⁴

Таким образом, активное сопротивление развитию земледелия прежде всего оказывали крупные баи, занимавшиеся исключительно товарным скотоводством. Не случайно материалы упомянутой выше экспедиции зафиксировали, что аул бая Медеу (сына Уразбая), так упорно преследовавшего мирных хлеборобов-уаков, совершенно не занимался земледелием⁵

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 244.

² Там же, стр. 245.

³ Там же, стр. 681.

⁴ Там же, стр. 681.

⁵ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, Семипалатинский уезд, стр. 147-148.

В эпопее нашло отражение и такое важное по своим последствиям событие, как усиление переселенческого движения русского крестьянства в Казахстане. Если в середине XIX века в Казахстане насчитывались лишь десятки или сотни крестьян-переселенцев (казачество, хотя и было более многочисленно, земледелием занималось в ограниченных масштабах, особенно в Сибирском казачьем войске), то, по данным переписи 1897 г., в нем проживало в общей сложности более полумиллиона русского и украинского населения, занятого преимущественно в сельском хозяйстве. Безусловно, разносторонний опыт русских и украинских крестьян не мог быть не замечен казахскими егинши.

Упоминания о русских поселках, в которых казахи работали батраками, о крестьянских поселениях в Бельгагачской степи, особенно благоприятной для земледелия, где русские поселки перемежались с аулами казахов-земледельцев, часто встречаются во второй книге эпопеи.

Крестьяне-переселенцы, проделав огромные расстояния до мест водворения, приходили нередко в состояние полной нищеты. Особенно тяжелым было положение самовольных переселенцев, не получавших даже мизерной продовольственной или денежной помощи от правительства в неурожайные годы. Поэтому уже в 90-х годах имело место обратное переселение разорившихся крестьян, которое еще более обострило аграрный кризис в стране. Прогнивший строй царской России был бессилён организовать переселенческое дело. М.О. Ауэзов обращает внимание на это массовое обнищание крестьян-переселенцев, особенно в неурожайные годы. «Бросались в глаза жалкие лохмотья хлеборобов-переселенцев, приехавших в богатое Семиречье из далекой России и оставшихся здесь без крова над головой, без куска хлеба»¹

В последней книге романа также изображается беспросветная нужда русских переселенцев, скопившихся в Семипалатинске в результате неурожая и засухи в Семиречье, откуда они ушли, надеясь, что в большом городе будет легко прокормиться. Не имея ни жилья, ни теплой одежды, ни еды, эти люди нанимались к баям и русским кулакам за мизерную плату.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 543.

Русский политический ссыльный Федор Иванович Павлов правильно объясняет Абаю смысл переселенческой политики царизма. Он говорит, что царское правительство стремилось переселить на окраины малоземельных, разоренных дотла, голодающих крестьян, которые уже бунтовали прошлым летом или могут взбунтоваться снова. «Темных людей бессовестно обманывают легкими посулами: «Джетысу, мол, край богатый, земли много, хлеб сам родится — приходи и владей». Вот эти самые голодающие, обманутые мужики и наводняют сейчас Семипалатинск»¹

Тяжелое положение бедняков-переселенцев, которое увидел Абай в Семипалатинске, нашло отражение и в донесениях царской администрации того времени. Так, степной генерал-губернатор просил в марте 1891 г. приостановить на два года переселение в Степной край, так как «участки свободных земель под водворение переселяющихся еще не приведены в известность и не обмежованы, а массы прибывших уже в край переселенцев не устроены и терпят крайнюю нужду»².

Писатель, несомненно, придавал большое значение рождению братской солидарности русских и казахских трудящихся на почве общих в ряде случаев хозяйственных и классовых интересов. В этом свете принципиально важен следующий эпизод: во время нападения азимбаевцев на аул жатаков 20 человек переселенцев, остановившихся на ночлег в их ауле, с оглоблями бросились им на помощь. Переселенцы же помогали жатакам составлять акт о потраве на имя Семипалатинского уездного начальника. Жатаки трех аулов вышли провожать русских крестьян в путь со словами благодарности за помощь.

Упомянутый эпизод вымышлен автором, но он основан на многих аналогичных подлинных исторических фактах, зафиксированных в дореволюционной истории Казахстана. В таких случаях вымысел автора, как исторически достоверный, точно соответствующий конкретной исторической обстановке и логически вытекающий из нее, лишь помогает воспроизвести действительность с большой рельефностью и яркостью. Авторская фантазия, основанная на глубоком понимании закономерностей

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 722.

² ЦГА Каз, ф. 15. оп. 1834, л. 39 и об.

исторического процесса и его ведущих тенденций, совершенно необходима при обобщении, художественной типизации явлений рассматриваемой эпохи.

Базаралы помогли бежать из ссылки русские люди — ссыльные Кирилл и Сергей. Во время его продвижения по Сибири на родину ему также помогали русские крестьяне из бедняков: кормили, указывали дорогу, пускали обогреться, переночевать.

Подобных фактов дружбы русских и казахов, случаев так называемого «тамырства» в романе немало.

Достаточно вспомнить, что грузчик Сеит имеет товарищей среди русских рабочих, дружит с соседом кузнецом Кириллом, не раз оказывавшим ему помощь в трудную минуту.

Таким образом, эпопея «Путь Абая» также дает основание заключить, что в результате массового переселения русских крестьян в Казахстан сложились условия для экономического сближения казахской и переселенческой земледельческой бедноты, одинаково подвергавшейся эксплуатации на кабальных условиях баями и русским кулачеством.

Переселение крестьян ускорило переход казахского народа к земледелию и оседлости, помогало казахским земледельцам усваивать более передовые формы хозяйствования и, в конечном счете, способствовало дальнейшему росту производительных сил Казахстана. Хозяйственные контакты между казахским крестьянством и переселенцами имели важные результаты и для последних, заимствовавших у казахов их трудовые навыки, связанные с разведением скота, орошаемым земледелием.

Однако переход к земледелию, начавшийся в ряде районов еще задолго до прихода русских крестьян в Казахстан, был внутренним, органическим процессом, вызванным к жизни определенными потребностями в самом казахском хозяйстве. Хотя в отдельных районах переход казахов к земледелию и произошел под непосредственным влиянием русских крестьян, у которых они перенимали навыки ведения земледельческого хозяйства, в целом в Казахстане развитие земледелия не было принесено извне русскими крестьянами, оно было лишь значительно ускорено в своем развитии и сопровождалось рядом важнейших качественных изменений.

При переходе к оседлости и земледелию происходила эволюция казахского кочевого хозяйства, которое принимало скотоводческо-земледельческий полуседлый характер.

Вместе с тем М.О. Ауэзов, говоря о земледелии, совершенно не стремится преувеличивать масштабы его развития.

В соответствии с объективной исторической достоверностью кочевого скотоводства с его патриархально-феодальными устоями представлено в эпосе как доминирующая отрасль производства, которая, хотя и переживала состояние глубокого кризиса, однако продолжала сдерживать широкое проникновение и развитие более прогрессивных производительных сил.

В последней четверти XIX — начале XX века усилился насильственный захват феодально-родовой верхушкой общинной земли на правах фактической частной собственности, что сопровождалось значительным обострением классовой борьбы.

Процесс растущей монополии господствующего класса в пользовании общинными землями стал особенно очевиден, когда «ослабились родовые покровы, маскировавшие феодальные отношения, когда земельная теснота обусловила юридическое закрепление точных районов кочевья за теми или иными феодалами, когда феодалы имели мощную поддержку в лице царского правительства. Теперь феодал не говорил о родовой собственности на пастбища, он присваивал их открыто, объявляя себя собственником. Часто пастбища становились объектом купли-продажи, аренды и других сделок¹».

Материалы обследования хозяйства казахов Семипалатинской области многократно констатирует аренду и продажу земли. Так, в отношении группы аулов рода анет Чингизской волости отмечалось: «Сдача в аренду и продажа — обычное явление»²

Следовательно, захват феодальной верхушкой зимовых пастбищ с примыкающими сенокосными угодьями в частную собственность, начавшийся уже в предшест-

¹ Т.М. Кулытелеев. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, стр. 30.

² Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, Семипалатинский уезд, стр. 74.

вующую эпоху, в последней четверти XIX века все более углублялся и расширялся, распространяя уже и на летние пастбища, находившиеся ранее в бесспорном общинном пользовании.

Этот процесс интересно раскрыт и в романе об Абаяе, где показано, что за феодальной борьбой между родами в отличие от прежних времен ясно видны интересы феодально-родовой верхушки, монополюльно владеющей «спорными» между родами землями. Особенно ясно это проступает в положении бедняков Кокенской волости, занимавшихся земледелием, которые в течение полувека подвергались земельным притеснениям со стороны сильного племени тобыкты, вернее, его господствующей верхушки.

Так, еще Кунанбай завладел урочищами кокенцев Жымба, Аркалык, Кушикбай. Другими тобыктинскими воротилами были захвачены урочища Акжал, Торе-Кудык, Каракудык, Обалы, Когалы, из-за которых разыгралось жестокое побоище. Умело вскрывая и в этом случае социальную суть земельного спора, М.О. Ауэзов показывает, что незаконно захваченными землями монополюльно владели лишь отдельные крупные феодалы. Например, Жиренше, владелец тысячного табуна, отец которого Шока забрал у уаков коней Бильды, местность Акжал; отец Абралы, занявший урочище Обалы и Когалы; отец Уразбая тоже вопреки воле хозяев поселился на Каракудыке и Торе-Кудыке. «И без того жизнь у кокенцев была тяжелой: земли для посевов не хватало, они давно уже бедствовали, лишившись плодородных пастбищ, отнятых у них тобыктинцами. Распахать бы эту широкую, протянувшуюся на много верст равнину, сколько можно было бы собрать хлеба! Но как распашешь, когда на ней пагутся шеститысячные табуны Уразбая и других богачей»¹

Особенно острая борьба за землю разгорелась после того, как кокенцы обратились к русской администрации, решив во что бы то ни стало вернуть себе земли, отнятые у них тобыктинцами. «На Жалпаковском чрезвычайном съезде было вынесено справедливое решение, предложившее тобыктинцам немедленно вернуть захваченные земли их настоящим хозяевам. Тобыктинские воротилы подожгли юрту, где находились бумаги русских чинов-

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 578.

ников с решениями съезда. Чиновники уехали, земельный спор остался решенным наполовину. Кокенцам удалось восстановить бумаги, и землемер начал отрезку земли»¹ Тогда Уразбай посылает кокенцам угрожающий сале́м, требуя прекращения работы землемера и примирения, т.е. отказа от земель, на которые они претендуют. Однако уаки решили искать справедливости.

Собирая жигитов для нападения на кокенцев, Уразбай говорит о них: «Кто такие уаки? Однолошадные, нищие хлебоборы с несмазанной скрипучей телегой! Собрались из сорока родов! Ну, берегитесь теперь, косари, пахари, плотники, однолошадники!»²

Заставляя тобыктинцев составить отряд для нападения на кокенцев, Уразбай и другие воротилы обманывали народ — распространяли слухи, что борются за его интересы, за то, чтобы земли, которые хотят вернуть уаки, принадлежали всему народу, всему племени тобыкты.

Словами «за народ», «за нашу землю» Уразбай прикрывал свои темные корыстные замыслы. Однако рядовые тобыктинцы, часть из которых вынуждена была принять участие в походе, в душе были против затеи степных воротил. О пробуждающемся классовом самосознании и крушении прежних патриархально-родовых иллюзий говорят трезвые голоса бедняков: «Неимуший тобыктынец сроду и не бывал на таких тучных пастбищах, как Каракудык, Торе-Кудык и Жымба». Или «Мой конь травинки там не сорвал, а я сам глотка воды не выпил»³

Приведем текстовый материал эпопеи, свидетельствующий о концентрации земли у феодально-байской верхушки и насильственном обезземеливании бедноты слабых родов, а также дающий наглядное представление о классовом единении феодалов, выступающих в содружестве против рядовых шаруа, у которых они забирали землю.

«Из 2 тысяч семейств тобыкты спорными пастбищами и выгонами пользовались только 30 баев — они-то и сидели в юрте Уразбая, представляя тобыктинские аулы. Как во время Кунанбая, так и сейчас при Уразбае, силь-

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 568.

² Там же, стр. 570.

³ Там же, стр. 571.

нейшие главари родов тобыкты притесняли своих соседей, хлеборобов уака, отнимая у них земли.

Зимой, лишь только выпадал снег, богачи-тобыктинцы выгоняли свои табуны в 50-60 тысяч лошадей на хорошо защищенные от ветров обильные пастбища, захваченные у кокенцев. Сейчас эти богачи поспешили в Каракудык, потому что их корыстные интересы завязались в один узел с интересами Уразбая, владельца трех тысяч коней»¹

Эти данные романа и им подобные наравне с историческими источниками говорят о разной неравномерности и пользовании землей родовой верхушки и рядовыми шаруа. «Одни киргизы пользуются огромными пространствами, другие — маленькими участками (до 4 десятин на мужскую душу), встречаются группы киргизов вовсе безземельных, иногда сотнями кибиток»²

Насильственный захват земель нередко сопровождался кровавыми столкновениями. Так, сто жигитов, посланных тобыктинскими воротилами, вооруженные соилами, секирами, пиками, напали на кокенские аулы, стремясь угнать их табуны. Но кокенцы встретили тобыктинцев с оружием. Всю ночь шло кровопролитное сражение. Тобыктинцы, думавшие угнать табуны, принадлежавшие кокенцам, вынуждены были бежать.

Жизнь народа воспроизводится автором во всех ее проявлениях: труде, участии в феодальных междоусобицах, классовой антиколониальной борьбе. М.О. Ауэзов изобразил, как отразились на судьбе народа социальные и политические явления, характерные для казахского общества того времени. Одновременно писатель раскрыл и отношение народа к этим явлениям, его заветные мечты и чаяния. Автор показал, как фактически сложившееся право феодала монопольно и неограниченно пользоваться общинными землями пришло в резкое противоречие с интересами рядовых общинников, которые, занимаясь земледелием им и сенокосением, тем самым препятствовали феодалам свободно распрягаться всей общинной землей. Поэтому так обострился аграрный вопрос в конце XIX — начале XX века, когда баи, стремившиеся пасти свои многотысячные стада на всей общинной земле, пользовавшиеся сезонными пастбищами, стали встречать ог-

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 571.

² ЦГА Каз, ф. 369, оп. 1, д. 4969, св. 562, лл. 43-47.

раничения в связи с переходом части этих земель под пашни и сенокосы оседлых поселений егинши. Это обстоятельство привело к ожесточенной борьбе за землю в казахской степи. Как уже отмечалось, байство жестоко преследовало земледельческую бедноту, прибегало к потраве урожаев зерновых культур, сенокосов.

Воссоздание в эпопее «Путь Абая» различных форм патриархально-феодальной зависимости казахского крестьянства, резкого ухудшения положения народа в связи с дальнейшим размахом узурпации общинных земель феодальной верхушкой казахского общества способствует раскрытию конкретно-исторической обстановки описываемой эпохи и ее все растущих конфликтов между эксплуатируемыми и эксплуататорами во всей их внутренней необходимости, диалектической закономерности классовой борьбы.

Выше было показано, как тысячный табун Такежана, вытоптал большой урожай бедняков-жатаков. Эта была умышленная, заранее продуманная потрава. Такими средствами, по мысли баев, можно было заставить бедняков отказаться от земледелия, разрушить районы складывающейся оседлости.

Не менее острый характер носила борьба за покосы, так как в полuosедлых хозяйствах Семипалатинской области особенно ценились сенокосные угодья.

Так, семь аулов бедняков рода жигитек жалуются, что Азимбай насильно забирает у них половину покосов на урочищах Шуйгенсу и Азберген. Он отнимал сено и в прежние годы, и теперь третий раз производит самовольный покос на их угодьях, несмотря на сопротивление хозяев. Бедняки жалуются на это беззаконие Абаю, говоря, что их «скот — земля, не шерсть стрижем мы, а сено», и «эта земля всегда была причиной... бед... Раньше от Кунанбая народ терпел унижения и насилия из-за земли. Умер Кунанбай, а кунанбайство не сгнуло»¹ Ища защиты у Абая, бедняки поясняют: «А для нас это сено — большая подмога. Своего скота в наших аулах нет, так мы брали на зимний прокорм скот у крепких аулов. А он накидывается на наше добро каждый год. Без спросу скосит и увезет»².

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 77.

² Там же, стр. 19.

Абай потребовал, чтобы Такежан вернул жигитекам сено, но Такежан отказался и передал им угрозу: «Если жигитеки вздумают свезти его (сено — Л.А.)» к себе, пусть знают: возвращаясь на зимовье, я останавлюсь около их аулов и снимусь с места только тогда, когда мой скот сожрет все сено, которое они у меня увезут»¹

Однако жигитеки, решили оказать активное сопротивление беззаконию Такежана, развести по своим зимовкам принадлежавшее им сено. Узнав о этом, Такежан не пошел на свою зимовку Мусакул, а повернул к зимовьям тех семи жигитековских аулов, которые увезли к себе сено с Шуйгенсу и Азбергена. «Впереди каравана ехали Такежан и Майбасар, с ними около дюжины наглых, готовых на все жигитов. Всадники остановились на небольшом холме, по склону которого тянулись низкие, сложенные из дерева загородки загонов для скота. Здесь же стояли и скирды сена, вызвавшего раздор. За караваном на холм поднялись тысячные стада Такежана. Неумолимой лавиной они навалились на жалкие заросли чия, на заповедные пастбища небогатых аулов, сохраняемые на зиму. Овцы и коровы разбрелись по ним, уничтожая траву, верблюды и коровы покрупнее, вытянув шеи через низкие загородки, жадно пожирали сено из стогов»² И караван Такежана начал ставить здесь юрты с твердым намерением потравить все корма жигитеков, уничтожить все заготовленное сено.

Касаясь обострения аграрного вопроса в целом, М.О. Ауэзов сумел отразить и такое новое явление, связанное с проникновением в казахскую степь капиталистических отношений, как аренда земли. Земля уже также становилась товаром. Об этом говорят, например, такие факты. Во время джута Абай просит разрешения у ажинцев, имевших немного скота, уступить ему часть пастбищ с обильными, оставшимися под снегом кормами, обещая уплатить за пастьбу³

Аренда земли получила большое распространение в Семипалатинской области, особенно в Бальгагачской степи, где как неоднократно упоминается в романе, казахские селения перемежались с русскими поселками.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 83-84.

² Там же, стр. 90.

³ Там же, стр. 735.

Казахи приходили в этот плодородный и благоприятный для земледелия район из других волостей края и арендовали здесь землю. Аренда земли, как распространенное в Казахстане явление, зафиксирована во многих архивных и литературных источниках, относящихся к концу XIX-началу XX века. Так, во всей Семипалатинской области, по данным 1903 г., арендовалось 100 тыс. десятин земли, принадлежавшей Кабинету, казакам и крестьянам Томской губернии (в первую очередь, в Бельгагачской степи), причем казаками арендуется около 1/5 части этого пространства¹

Обострение аграрного вопроса в конце XIX — начале XX века и связанный с ним процесс углубления кризиса кочевого хозяйства во многом были усугублены реакционной колониальной аграрной политикой царского самодержавия, выразившийся в массовом расхищении казахских земель и усилении колониального гнета.

Переселенческое движение в Казахстан в начале XX века рассматривалось царским правительством как притупление предохранительного клапана и притупление аграрных противоречий в центре России² выразившихся в массовых аграрных движениях и нарастании революционной ситуации в стране. В 1903 г. у казахов Семипалатинской области было изъято 235 300 десятин³ а к 1906 г.— 536 124 десятины⁴

Многочисленные источники убедительно свидетельствуют, что при создании переселенческого фонда нередко имело место насильственное лишение казахских шаруа, перешедших к земледелию и оседлости, обработанных ими пашен. Так, в Семипалатинском уезде для переселенцев был выделен Джартагский участок, расположенный в 90 верстах от Семипалатинска, на котором «имеющиеся в низинах пашни ... все отошли будущим переселенцам»⁵

Резкое углубление имущественной дифференциации аула и узурпации баями общинной земли в последней

¹ «Россия» Полное географ. описание нашего отечества под ред. П.П. Семенова. т. XVIII. Киргизский край, стр. 225.

² Там же, стр. 327.

³ ЦГА Каз, ф. 64, д. 1259, св. 81, л. 27.

⁴ В.А. Тресвяцкий. Указ. работа, стр. 98.

⁵ ЦГА Каз, ф. 15, оп. 1, д. 1834, лл. 122-148.

четверти XIX — начале XX века явились основой для роста недовольства народных масс.

С большой художественной убедительностью раскрывается М.О. Ауэзовым подлинный исторический конфликт, те противоречия и их активные проявления, которые являются ведущими, наиболее значительными для данной эпохи. В эпосе вскрыта вся совокупность причин, вынуждавших народные массы подниматься на защиту своих жизненных интересов. Глубоко достоверная картина народной жизни в эпосе дает возможность воочию убедиться, что острая нужда в земле, особенно в сенокосных угодьях, которые все более расхищались баями, стала главным содержанием борьбы. Это была борьба за землю между феодально-родовой верхушкой, широко практиковавшей захваты общинной земли в свое монопольное распоряжение, и казахской беднотой, переходившей к земледелию и оседлости, для которой земля становилась единственным источником существования.

Уже в первой книге эпоса мы видим проявление борьбы в выступлениях одиночек-бунтарей, угоняющих скот у Кунанбая и других заправил рода иргизбай, чтобы помочь народу, голодающему после джута.

Один из них Балагаз, говорит о себе, объясняя, почему он встал на путь конокрадства: «Он (Кунанбай — Л.А.) разбогател на моей бедности. Где моя земля? Где мое имущество?... А мои близкие сохнут от голода — для них это спасение от голодной смерти! Я отнимаю у богача и отдаю неимущему... Я не вор, я — мститель!». После поимки Балагаза Кунанбай отправил его и жигитов, помогавших ему, в Семипалатинскую тюрьму. Раньше к таким мерам никто не прибегал, но Кунанбай пошел на риск, так как «их поведение было слишком вызывающим и ставило под угрозу общую веру в безграничность его собственной силы и власти...

В деле Балагаза Кунанбай видел не простое конокрадство... Что же получится, если весь народ, голодный и бедствующий, пойдет за ними? Кунанбая охватила дрожь при одной мысли об этом. Эта опасность сама вела к необходимости беспощадных, быстрых и решительных действий. Кунанбай рассчитывал запугать народ, жестоко наказав бунтарей в назидание другим»¹

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, М., 1958, стр. 379.

Классовая борьба находила проявление и в огромном количестве народных ходатайств о смягчении участи Балагаза. Абай рассказал адвокату, что жигитеки брали скот только у богачей и делились добычей с голодающим после джута народом. «Узнав все эти подробности, Андреев задумался. Ему вспомнились имена Робин Гуда, Карла Моора, Дубровского»¹

Таким образом, во всех этих ситуациях автор, верный принципам историзма, стремился вскрыть обусловленность действий представителей различных социальных групп, их идеологии.

В первом томе эпопеи есть эпизод, когда Семипалатинский уездный начальник, ведя расследование по делу Оралбая, обвиняемого в конокрадстве, допускает грубый произвол и насилие — избивает допрашиваемых: Базаралы и биев Уразбая, Жиренше, Асылбека. Вмешательство Абая, а затем взрыв народного возмущения, вызванного еще и другими злоупотреблениями, связанными с подготовкой к выборам, сорвали последние; заключенные были освобождены, выборные юрты разрушены и сожжены, народ, прибывший на выборы, откочевал, оставив в голой степи уездного начальника с его свитой и растерянного волостного управителя Бекежана.

Развернуть все эти красочно воспроизведенные эпизоды столкновения народа с царскими чиновниками, действовавшими по произволу, дали основание следующие факты, добытые М.О. Ауэзовым на родине поэта.

«Бір ояз қолма-қол сияз құрғызып тентекке ... дүре салғызып жібереді. Оразбайды біреу шағып, оған 25 қамшы дүре соққызды. Жабай шақса керек... Жиреншені Орман шағып, ертең бергізейін дегенде, екі солдат ала жөнеледі. Жалаңаштап жаңа дүре соғарда Абай кеп аман алып қалады. Давковский деген әне Атымтайға дүре соғады. Ол бақырып жатыпты. 15 шыбық соғыпты»².

«Один уездный начальник, лично проводя съезд, непокорных выпорол розгами. По заявлению одного из жаловавшихся, Уразбай получил 25 ударов. Вероятно, жаловался Жабай. На Жиренше жаловался Орман, ему (Жиренше) предназначалось наказание на завтра, но два

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, М., 1958, стр. 390.

² Архив ЛММА, папка № 29, л. 150 об.

солдата, схватив, повели его. В тот момент, когда его хотели высечь, вошел Абай и освободил его. Уездным начальником был Давковский. Избили розгами Атымтая. Он кричал. Он получил 15 ударов розгами».

Для воссоздания картины народного возмущения, вызванного диким произволом русских колониальных властей, М.О. Ауэзов использовал скупое свидетельство, записанное писателем С. Бегалиным на родине Абая.

«Екінші шербешнай Арқатта болды. Онда олардың үйі өртенеді. Тобықты өртеді деседі»¹

«Второй чрезвычайный съезд был в Аркате. Там сожгли юрту уездного начальника. Говорили, подожгли тобыктинцы».

Таким образом, уже на основании этих материалов (а их можно умножить) видно, что, беря за основу отдельные действительные факты истории, засвидетельствованные в воспоминаниях современников или архивных источниках, М.О. Ауэзов творчески осмысливает их, добивается художественной типизации, дополняя, обогащая их своим авторским домыслом, с целью более точного, более яркого отражения сути эпохи, художественной и исторической правды.

Каким бы богатым историческим материалом ни располагал автор, главной его задачей является превращение этого материала в зримые образы эпохи.

А. Толстой писал по этому поводу: «В каждом художественном произведении; в том числе в историческом романе, в исторической повести, мы ценим прежде всего фантазию автора, восстанавливающего по обрывкам документов, дошедших до нас, живую картину эпохи и осмысливающего эту эпоху. В этом конкретное различие между художником и исследователем. Ученому нужна цепь последовательных фактов, чтобы рассказать об истине. Художник берет на себя смелость, или дерзость, — на основании даже незначительных осколков своей фантазией, своей интуицией смело и уверенно рассказать об эпохе»².

Автором показаны такие наиболее распространенные проявления борьбы шаруа, как отказ от выполнения рас-

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 108.

² А. Толстой. Поли. собр. соч., в 15-ти томах (1946-1953 гг), т. 13, стр. 592.

поряжений волостных, самовольный уход от баев на наемные сельскохозяйственные работы к русским и казачеству, на промыслы и промышленные предприятия.

Пробуждение самосознания трудящихся-казахов проявляется в многочисленных жалобах их на байский произвол, которые они адресуют местным органам царской власти. Отстаивая свои права на землю, они пишут о насильственном захвате баями призимовочных территорий, принадлежащих беднякам, составляют жалобы на потравы сенокосов и пашен и посылают их в уездную администрацию или в поисках справедливости апеллируют к чрезвычайным съездам биев, проходившим при участии русских колониальных властей. Так, жатаки с помощью русских переселенцев составили акт о потраве пашни и передали уездной администрации жалобу на Такежана; 50 бедняков-жатаков, пострадавших вновь от потрав пашен такежановскими табунами, едет требовать возмещения за убытки на Балкыбекский межплеменной съезд.

Выше было показано, как Азимбай произвел насильственный покос на земле семи аулов жатаков на урочищах Шуйгенсу и Азберген. Жатаки же развезли незаконно скошенное сено по своим зимовкам, впервые решившись оказать коллективное сопротивление такежановскому аулу. В ответ на это Такежан, приведя свое тысячное стадо к зимовьям жатаков, пустил его уничтожить заготовленное сено и заповедные зимние пастбища жатаков.

Народ решается на активное выступление против ир-гизбаевских воротил. Возглавил борьбу Базаралы. Объединяя бедняков для похода против Такежана, Базаралы собирает в аулах Миалы и Байгабыла жатаков, которые имели лошадей и могли выступить верхом. Он говорит: «Оттуда начнется поход... Годы мечтал я об этом... Это будет поход бедняков, таких же, как я, как вы, поход мести!». Сорок пять жигитов во главе с Базаралы напали на табунщиков Такежана, охранявших его многочисленный табун. Сломив их сопротивление, отряд Базаралы угнал весь табун Такежана. В эту же ночь Базаралы роздал коней беднякам-жатакам. Такежановский табун был поделен между неимущими аулами, раскинувшимися на широком пространстве урочищ Шуйгенсу, Азберген, Караул — до отдаленного Колденена у Чингизских гор¹

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 101.

Но, посылая коней, Базаралы предупреждал, что их можно употребить только на мясо. «Приказ его был выполнен точно: во всех аулах жигитеков-бедняков, на Шуйгенсу, Карауле, в горах Чингиза, резали присланных коней. Огромный табун Такежана исчез в одну ночь»¹

Невиданно смелый набег поразил всех.

«...Не только нынешнему поколению тобыкты, но и старикам не приходилось быть свидетелями разгрома... При прежних набегах табуны угонялись лишь как залог, до выяснения решения, никогда не уничтожались, степная знать говорила, что Базаралы научился этому на каторге»².

В глазах множества простых людей Базаралы предстал человеком, отомстившим богачам за обиду, оскорбления и лишения. Это было активное проявление классовой борьбы, недаром Абай говорит: «Подобного дела в тобыкты еще никто не совершал. Оно означает многое. Это подвиг гнева». Старик Даркембай верно сказал об этом походе бедняков, что «начал его народный гнев, дошедший до кипения»³

Надо сказать, что в основе описаний активных форм классовой борьбы, которую возглавил Базаралы, созданных творческим воображением писателя, лежат, например, следующее, отрывочные сведения, записанные М.О. Ауэзовым со слов Ермусы:

«Тәкежан жылқысын аларда Айдос Орданың кезеңінен тапқан. Бірақ жігітек Орданың шығыс жағымен кеткен.

Базаралы жаныңда сапысы, мойнында мылтығы кісілерін тосып, құмалақ сап қолды болды-ау деп қорқып отырады»⁴

«Когда угоняли коней Такежана, жигитеки ушли восточной стороной Орды, Базаралы с саблей, с ружьем на шее, спрятав своих людей, встревоженный, гадал на кумалаках, думая, что с (жигитеками) что-то случилось».

Или другое скупое свидетельство, записанное от Мадияра и повествующее о последствиях нападения на Такежана, когда весь род жигитек понес ответственность

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 102.

² Там же, стр. 103.

³ Там же, стр. 233.

⁴ Архив ЛММА, папка № 29. л. 134.

за барымту. Решение суда всей тяжестью обрушилось на жигитекскую бедноту, которая должна была возместить убытки, причиненные Такежану.

«Қунту болыс болудың арты тым-тырақамен бітеді дейді. Жітітектен көп мал шығады. Кедей боп қалады»¹

«Конец Кунту как волостного управителя был бесславным. Жигитеки лишились большого количества скота. Обеднели».

Прибегая к обобщению в образе Базаралы новых черт, отражающих развитие прогрессивных тенденций в борющихся социальных и политических силах рассматриваемого периода истории казахского народа (последняя четверть XIX века). М.О.Ауэзов стремился к типизации персонажей, выступающих как бы представителями своего времени, определенной социальной среды, ее идеологии.

Большое внимание к подлинным свидетельствам источников, исследовательский и творческий подход к ним автора в период работы над образом Базаралы создавали основу для конкретно-исторического изображения этого образа в романе, с глубокой социальной мотивировкой его поступков.

Прослеживая развитие самосознания Базаралы после его возвращения из ссылки, М.О.Ауэзов, опираясь на эти скудные, но весьма важные в биографии героя факты, смело идет на творческое домысливание его образа. Он превращает Базаралы в сознательного борца, объединяющего и поднимающего степную бедноту на борьбу со своими угнетателями. Базаралы говорит в романе: «Будь что будет, пусть ждет меня казнь, но я познал великое счастье: увидел силы народные, таящиеся под гнетом жизни... Пусть сейчас и не даст облегчения людям наш побег — никто в народе не жалеет о содеянном. Наоборот, люди почувствовали, какой великой силой они обладают, если смело встают на борьбу... Великое счастье — увидеть, как пробуждаются силы народа»².

Таким образом, наиболее активной в тот период формой классовой борьбы, проявлявшейся в вооруженных столкновениях, был угон беднотой байского скота в ответ на насилие.

¹ Архив ЛММА, папка № 29, стр. 109.

² М. Ауэзов. Абай, кн.2, М., 1958, стр. 128-129.

Так, после потравы азимбаевскими табунами посевов жатаков, последние захватили 30 коней из его табуна и с помощью русских переселенцев отразили нападение азимбаевских жигитов, требовавших возврата коней.¹ При этом народ принял решение: «Если байские аулы придут с мирными переговорами, они смогут получить обратно своих коней, оплатив жатакам все убытки. Если же нет — кони останутся у жатаков»².

Такежан, объединив своих близких сородичей, решил разгромить аул жатаков, посмевших вступить с ним на путь вооруженной борьбы.

«К полудню иргизбай сели на коней. Собралось более 150 всадников. Это были вооруженные солдаты с шок-парами, байские сыновья и их приспешники — молодые повесы...

Все это войско двигалось к аулам бедняков неторопливо и грозно. Было видно, что иргизбай действительно решились выполнить свое обещание — разметать аулы жатаков».³

Этот эпизод раскрывает пробуждение классового сознания у обездоленного люда. На помощь «жатакам потянулось множество неимущих из бедных аулов, расположенных поблизости, на урочищах Ойкодык, Киндикты, Корык, Шолпан, Ералы. Некоторые сидели верхом на клячах, но большинство ехало на верблюдах и на волах, забравшись по нескольку человек им на спину, а еще больше людей шли пешком. Но не было ни одного человека без соила или шокпара. И эти истощенные, оборванные люди несли в сердцах справедливый гнев...»⁴

Кровопролитное вооруженное столкновение было предотвращено лишь появлением Абая с большой группой сородичей, вставшего на сторону жатаков и добившегося в результате переговоров прекращения конфликта. Причем 30 коней из такежановского табуна остались у жатаков, как возмещение за потраву.

Воссоздавая исторический облик народа, М.О. Ауэзов стремился раскрыть его национальный характер. Массовые сцены активного проявления народного протеста яв-

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 249.

² Там же, стр. 252.

³ Там же, стр. 258.

⁴ Там же.

ляются наиболее важным художественным средством для воспроизведения исторического облика народа. Типизированный образ народа особенно ярко представлен автором, в частности, в лице названного выше Базаралы. В этом образе — сила, богатырский характер народа, его талантливость и духовная красота, вера в светлое будущее.

Но и сам «народ, умный, мужественный, талантливый, с трудом, на ощупь пробивающийся к свету справедливости, встает рядом с Абаем как равный ему герой эпопеи. И каждое лицо в этом собирательном образе — своеобразный и полноценный характер «этот», которого безошибочно узнаешь в толпе»¹ Таким образом, художественно обобщенный образ народа, широко представленного в массовых сценах, вместе с тем создается в результате выделения отдельных личностей с глубокой психологической разработкой их характеров, проявлением в них лучших черт, присущих народу.

Характерно проявление народного гнева против Уразбая, в течение многих лет жестоко угнетавшего своих обедневших и зависимых сородичей.

Поводом для взрыва накапливающегося годами народного протеста послужили дикий произвол и насилие, учиненные Уразбаем по отношению к грузчику Сеиту.

Объединившись, 500 человек бедняков из рода сактоголак совершили набег на аул Уразбая, на которого обрушилась вся сила народного мщения. «Докатившись до аула Уразбая, грозная лавина набега разнесла его вдребезги. Жигиты угнали весь целиком трехтысячный табун, принадлежавший Уразбаю и его сыновьям. 500 всадников ураганом пронеслись взад и вперед по аулам Уразбая сметая и громя все на своем пути»²

Ярким примером того, как дорабатывал и домысливал автор крайне скупые, отрывочные сведения, сохранившиеся в памяти народа, могут служить сообщения Архама Исхакова, творчески использованные автором при описании народного протеста, возглавленного Базаралы, против произвола и насилий Уразбая.

¹ З.С. Кедрина. Мухтар Омарханович Ауэзов (1897-1961), в кн.: М.О. Ауэзова. Путь Абая, кн. 2., (послесловие) М., 1965, стр. 17.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 647.

Архам Исхаков сообщил М.О. Ауэзову лишь следующие факты: «Оразбай жылқысын алу, 1899 ж. Қарасу, Сақтоғалақ — Қаражан, Байғұлақ онда өлген. Бейсембай старшынды Оразбай тірідей көрге көмген. Жүрбембет, Салмұрын, Таңатарға қосылып кетеді. 5 мың жылқыны тиіп алып кетеді»¹

«Угон коней у Уразбая был в 1899 г. Тогда погибли Сактоғолак, Каражан, и Байгулак. Старшину Бейсембая Уразбай закопал в землю живым. Жүрбембет, Салмұрын ушли, объединившись с Танатаром. Угнали его (Уразбая — Л.А.) пятитысячный табун».

Основываясь на подлинном свидетельстве одного из самых крупных степных воротил, о невиданном ранее в этих краях народном мщении, М.О. Ауэзов дал обоснование действиям своих героев, их психологии. Домысливая с помощью творческой фантазии эти скудные факты, М.О. Ауэзов развертывает широкую картину протеста, выявляя естественный ход событий, проникая в самую сущность изображаемой им действительности. На этом и многих подобных примерах можно убедиться, что исторический источник в творческом методе М. Ауэзова как правило и является первоосновой вымысла. К. Паустовский отмечал в связи с этим: «Только очень наивные люди думают, что вымысел враждебен реальности. На самом деле именно благодаря фактам воображение получает толчок и помогает писателю проникнуть в самую суть исторического процесса»²

В цитированном выше источнике упоминается старшина Бейсембай, которого Уразбай живым закопал в землю. Этот факт, сам по себе говорящий об исключительной жестокости Уразбая, был переосмыслен автором эпопеи. В целях большей исторической правдивости и более четкого раскрытия злодеяний Уразбая М.О. Ауэзов развертывает эпизод несколько иначе. Дикую расправу Уразбай чинит над грузчиком Сеитом, приехавшим в аул Уразбая к своим родственникам. Причем поводом к расправе послужило исполнение Сеитом стихов Абая, избличавших жестокость степных воротил подобных Уразбаю.

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 69 об.

² К. Паустовский. Чувство истории. «Вопросы литературы», 1965, № 9, стр. 58.

Это тот случай, когда авторский домысел более верно отражает историческую правду, чем действительное событие. Факт личной вражды Уразбая с представителем его же класса — неким старшиной Бейсембаевым, будучи не типичным, не характерным, не мог способствовать раскрытию внутренней закономерности, связи исторических фактов. Расправа же Уразбая над приезжим из Семипалатинска рабочим, являясь вымышленным эпизодом, дает более верную социальную мотивировку взрыва народного возмущения.

Такого рода вымысел не есть произвол автора. Он целиком порожден определенной исторической концепцией, положенной в основу произведения, и зависит от идейно-эстетических воззрений писателя. Кроме того на данном примере можно проследить и основные принципы работы М. Ауэзова над историческим первоисточником — для него характерно не буквальное следование за документом, не добросовестный пересказ художественными средствами, а стремление к раскрытию внутреннего социального смысла исторических событий.

С помощью творческой фантазии на основе единичных фактов происходит глубокое обобщение явлений. Вымысел позволяет, как писал М. Горький, вскрыть «общий смысл сотен мелких фактов».¹

Это положение более детально разворачивается и в следующих суждениях К. Федина: «Сам... процесс типизации явлений... есть процесс творческий. Его результат есть создание образов, буквально-воображаемых картин, рисующих нам как бы квинтэссенцию действительности или правды жизни». Он заключает далее: «фантазия помогает найти обобщение».²

Таким образом, М.О. Ауэзов с точностью ученого-историка отражает в романе основные черты социально-экономических условий жизни народа. Это дает основание заключить, что в основе социальных конфликтов романа лежит не надуманные коллизии, а реальные противоречия характерные для рассматриваемой эпохи.

Стремясь к верному воспроизведению исторической действительности, М.О. Ауэзов писал: «Мне казалось пра-

¹ Цитир. по А. Мансурову. Творческая фантазия и художественная правда. «Звезда Востока», 1958, № 1, стр. 186.

² К. Федин. Писатель, искусство, время. М., 1957 г., стр. 376.

вильным, чтобы ведущее место здесь заняли социально-исторические столкновения, а как фон давались бы бытовые сцены, которые в прежних книгах (в первых книгах эпопеи — Л.А.) нередко имели самодавяющее значение».¹

Вместе с тем эпопея верно отражает единение представителей господствующего класса, недавних непримиримых врагов в феодальной межродовой борьбе, перед лицом восставшего народа — общего грозного врага. Такежан в первый же день набега послал гонцов во все богатые аулы, ко всем баям, биям, аткаминерам, старейшинам всех родов тобыкты с вестью о случившемся.

Таким образом в основе эпопеи лежит объективный исторический конфликт, важнейшие противоречия эпохи.

Народ предстает в эпопее как борец с реакционными силами своего времени, как решающая сила исторического процесса. Не отступая от исторической объективности в создании целостной картины борьбы, М.О. Ауэзов со всей страстностью художника проявляет сочувствие к страдающему и поднимающемуся на борьбу народу несущему двойной гнет. В этом действенном проявлении растущего самосознания угнетенного народа, активных форм его борьбы против социального и национального гнета, свободолюбии, нашедших художественное отражение в романе, раскрывались важнейшие черты национального характера народа, так многогранно воссозданные в эпопее.

Полувекковая история народа, воскресшая в романе и показанная в развитии, отражает и отдельные изменения в общественной жизни степи пореформенного периода.

Так, новое административное устройство, укрепившее позиции царского самодержавия в Казахстане, привело к значительному ограничению феодальных междоусобиц, тяжело отражавшихся на положении трудящихся, на долю которых выпала расплата за набеги.

Предостерегающе звучат слова Абая, адресованные тобыктинским главарям, готовившим вооруженное нападение на мирных хлеборобов уака: «Времена соила и

¹ М. Ауэзов. Моя работа над романами об Абае. «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 108.

набегов проходят, что в свое время довелось узнать Кунанбаю. Давно пора это понять и Уразбаю. Если же вы не согласны со мной, поезжайте, деритесь; на собственный шкуру испытайте, чем кончаются такие дела в наше время».¹

На Аркатском межплеменном съезде, проходившем при участии русской уездной администрации, благодаря авторитетному выступлению Абая в защиту прав уаков, кунанбаевские воротилы потерпели полное поражение.

Новым явлением в жизни казахского общества, наносившим удар его косным вековым устоям, было стремление казахских женщин к независимости, к свободе в решении своей личной судьбы, их выступление против реакционных патриархально-феодалных обычаев аменгерства.

Если раньше женщины гибли в неравной борьбе за свои права, не находя никаких путей к спасению, то в последней четверти XIX века протест женщины, обратившейся в русский суд за защитой от жестоких феодальных обычаев, в ряде случаев заканчивался, ее избавлением от насильственного брака.

Так, Макен, убежавшая в Семипалатинск с Дарменом, не желая подчиниться старому обычаю, по которому на нее имел право брат умершего жениха, подает прошение уездному начальнику и председателю окружного суда. Она ищет защиты у русских законов, которые «все же лучше защищают личность человека, чем законы шариата в степи»,² угрожавшие им бесчеловечной расправой.

Дело Макен решает Семипалатинский уездный начальник, склонный к «либеральному заигрыванию с местным населением, сменивший старых бурбонов и держиморд, вроде Казанцева».

Надо сказать, что, хотя суд над Макен Азимовой является вымышленным эпизодом, он верно отражает новую тенденцию — обращение отдельных казахских женщин за защитой к русскому законодательству, более прогрессивному в семейном праве по сравнению со средневековыми нормами шариата и адата, утвердившими бесправное положение женщины.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 567.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 450.

Пробуждающееся стремление казахских женщин к личной свободе зафиксировано и в ряде архивных документов рассматриваемой эпохи. Любое из их прошений, будучи типичным само по себе, в основных моментах совпадает с делом Макен Азимовой, являющимся авторским вымыслом.

Так, степной генерал-губернатор послал акмолинскому губернатору отношение, в котором сообщал, что «не желая подчиниться насильственному замужеству, киргизка Полудинской волости Петропавловского уезда Тулкубаева обратилась... с прошением о предоставлении ей личной свободы в выборе жениха...».¹

Во второй половине XIX века усилилось экономическое угнетение Казахстана российским промышленным капиталом. Колониальное положение Казахстана обусловило развитие его промышленности по двум линиям: первичная обработка сельскохозяйственных продуктов и горнодобывающая промышленность, возникшая на базе ценнейших месторождений полезных ископаемых Жезказгана, Караганды, Алтая, и др.

В результате стремления российского капитализма использовать Казахстан как сырьевую базу и рынок сбыта промышленных товаров преобладающую роль в крае играли промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственного продукта. В этом отношении не является исключением и описываемый в романе Семипалатинск, промышленность, которого была представлена кожевенными, мыловаренными заводами, шерстомойками, пимокатными мастерскими, бойнями, овчинными, пивоваренными и прочими предприятиями.

Особое место в Семипалатинске занимали предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. Обрабатывающая промышленность была отсталой, носила скорее ремесленный, кустарный характер, а усовершенствованное техническое оборудование почти не применялось.

Все фабрично-заводские предприятия были мелкими, концентрация рабочих на них совершенно незначительна. Не случайно, когда потребовалась помощь, лодочник Сеиль обратился к грузчикам Затона, где было значительно больше рабочих, обслуживающих Иртышское пароходство.

¹ ЦГА Каз, ф. 64, оп. 1, д. 537, л. 5 и об.

Вместе с тем, с проникновением капиталистических отношений в Казахстане начинает складываться национальная буржуазия которую колониальные власти, защищающие интересы русских капиталистов, не допускали к разработке месторождений полезных ископаемых. Поэтому формирующаяся национальная буржуазия вкладывала свои капиталы в торгово-растовщические операции, фабрично-заводские предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. Это явление отмечено и в романе М.О. Ауэзова. К примеру, татарский купец Мусин — хозяин паровой мельницы, Хасен — владелец бойни и другие эксплуататоры казахских рабочих, основатели чисто капиталистического найма.

Развитие обрабатывающей промышленности в Казахстане поднимало товарность скотоводческих и земледельческих хозяйств, способствовало расширению рынка сельскохозяйственной продукции.

«Казахская беднота, покинувшая разоренные аулы в поисках куска хлеба, находила в Затоне спасение от голодной смерти — работу, пусть изнурительную, тяжелую, но все же она давала возможность прокормить жену, детей и престарелых родителей. И люди прибывшие в Затон из аулов, радовались, что могли существовать, не протягивая руки за подаванием»¹

Как и русские рабочие Семипалатинска, жатаки, выходцы из ближайших к городу волостей, построили себе лачуги на узких улочках, примыкавших к заводам.

«Среди здешнего трудового лица больше всего было грузчиков. Во время навигации они перетаскивали на спине тысячи пудов клади, а как только кончалось летняя страда, переходили на поденную черную работу».²

В эпопее, с большей достоверностью отражающей быт городских жатаков, говорится, что последние образовали на окраинах Семипалатинска несколько поселков, названных их именами: Бас-жатак — Верхние-жатаки и пр.

Городские жатаки из слободы Бас-жатак в основном работали на кожевенных заводах, шерстомойках и других мелких предприятиях города, выполняя черную работу с крайне низкой оплатой труда.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 448.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 447.

«Большинство здешних казахов занималось тяжелым трудом, жило впроголодь. Измученные изнурительной работой бедняки поздно вечером возвращались домой и валялись с ног от усталости, едва переступив порог».¹

Тяжелое положение городских жатаков занимавшихся поденной работой, отражено автором в картинах жизни нескольких семей.

Так, лодочник Сеиль в зимнее время, когда лодка не кормит, ходил на поденную работу на бойню к мяснику Хасену.

«Лодочник занимался убоем баранов... Сын Жумаш тоже работает у Хасена: дубит кожу; уходит на бойню рано утром, возвращается поздно вечером, а зарабатывает гроши».²

Такая же постоянная нужда и в доме Дамежан в Бас-жатаке, хотя все семья работает по найму с утра до позднего вечера.

С большой художественной убедительностью и достоверностью отражено в эпосе одинаково бесправное положение как казахских, так и русских рабочих находившихся в тяжелой кабале у русских капиталистов, торговцев, баев. Один из героев эпоса ссыльный народовец Павлов, рассказывая, как холера косит грузчиков Затона, рабочих кожевенных заводов, шерстомойки, пинокатных восклицает: «Вот где собачьи условия жизни! Неудивительно, что именно там свирепствует холера».³

Из высказываний автора о своей работе над эпосом известно, какое важное значение имело для него изображение борьбы купцов, промышленников и баев с городской беднотой — лодочниками, грузчиками Затона, рабочими боен, и шерстомоек. «Недавно пришедшие из степей,— писал М.О. Ауэзов,— и превратившиеся в еще не организованный, но все же городской пролетариат, эти последние представляли собой интерес для меня, как писателя.

Именно в их среде можно было наблюдать становление черт нового национального характера».⁴

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 447.

² Там же, стр. 524.

³ Там же, стр. 406.

⁴ М. Ауэзов. Указ. статья «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 106.

Русские и казахские рабочие, находившиеся в тесном общении на фабриках и испытавшие жестокую эксплуатацию, начинали все более ясно ощущать общность своих интересов, объединяться для совместных выступлений против общих врагов.

Из наиболее крупных совместных выступлений казахских и русских рабочих, сыгравших важную роль в развитии революционного движения в Казахстане накануне революции 1905 года, могут быть названы следующие: забастовка речников Иртышского пароходства в 1900 г.;¹ крупная забастовка на воскресенских горно-промышленных предприятиях в Экибастузе в 1903 г.;² на которых было занято свыше 3000 человек; волнения казахских и русских шахтеров на Карагандинских угольных коях, происшедшие в том же 1903 г. и продолжавшиеся несколько дней.³

Стремление казахских трудящихся воспринять из русского революционного движения наиболее сильные стороны отражено в романе в раздумьях Базаралы: «Сколько молодых крестьян пригнали на каторгу за эти годы! Все они бунтовали против баев... Они борются не по-нашему, не в одиночку — собирают народ и обрушиваются на врага целой лавиной».⁴

Под впечатлением этих рассказов и на основании собственного опыта бедняки — участники набега на Такежана «почувствовали, какой великой силой они обладают, если смело встанут на борьбу».⁵

Через Абдрахмана, обучавшегося в Петербурге, в аул Абая доходили сведения о первичных стачках русских рабочих на фабриках Морозова в Орехово-Зуеве в 1885 г. и других выступлениях пролетариата в городах России.

В рассматриваемый период, в силу неразвитости местной промышленности, казахский пролетариат был еще малочисленен. Но само его появление и переход в ка-

¹ В.И. Семеновский. Рабочие на Сибирских золотых промыслах, т. 11, 1898, стр. 70.

² Е. Дильмухамедов. Революционное движение горнорабочих Казахстана. Алма-Ата, 1955, стр. 29.

³ Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 286.

⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 94.

⁵ Там же, стр. 128.

питалистических предприятиях к наемному труду, объединивший казахских рабочих с русскими создав условие для их совместной борьбы — имело важное историческое значение. Не случайно поэтому М.О. Ауэзов, стремившийся дать верное изображение исторического развития Казахстана второй половины XIX века наряду с изменениями в экономике и общественной жизни, воссоздал отдельные стороны этого процесса.

Концепция романа ясно раскрывается и в высказывании автора о работе над эпопеей: «Чем дальше продвигается роман через жизнь Абая к нашему времени, тем ближе в моем представлении должна сходиться линия развития казахского общества с судьбами русского крестьянства, с общероссийской общественной борьбой».¹

Эпопея «Путь Абая» содержит интересный материал для изучения развития казахских городов. Так, если в первой книге романа такие города, как Семипалатинск и Каркаралинск представляют лишь торгово-административные центры, то в последней книге отражена и возросшая их роль в промышленном и культурном развитии края. Причем в последней четверти XIX века значительно увеличилась численность казахского населения в городе, которая росла главным образом за счет разорившихся кочевников.

В романе Семипалатинск показан всесторонне. Особенно много внимания уделено характеристике различных слоев его населения. Это и представители господствующей верхушки города — царские чиновники, купцы, казахские баи, алыпсатары, представители духовенства, и простой трудовой люд — рабочие промышленных предприятий, грузчики Затона, кустари-ремесленники (портные, кожевники, сапожники, столяры и пр.).

«Возникновение городских центров и рост городского населения были положительным явлением в социально-экономической жизни казахов. Оторванные от патриархально-феодальной среды казахи приобщались к городской культуре. Вчерашний кочевник, опутанный патриархально-родовыми пережитками, приобретал облик городского жителя».²

¹ М. Ауэзов. Указ. Статья. «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 104.

² Е.Б. Бекмаханов. Указ. работа, стр. 215.

Влияние города ощутимо сказывалось во всем быте казахов, прежде всего на строительстве зимовок. Еще более оно проявлялось в аулах, расположенных недалеко от Семипалатинска.

«Жизнь побережных аулов сильно отличалась от степной. Жители их занимались хлебопашеством и торговлей, привыкли к городу, где часто бывали на базаре и на ярмарке. Быт их тоже не походил на тобыктинский, жили они в бревенчатых домах, окруженных надворными постройками».¹

Важным центром культурной жизни области являлся Семипалатинск. В городе постепенно росло число культурно-просветительских учреждений. Так, в 1903 г. здесь было 16 начальных учебных заведений с 1570 учащимися, а из средних учебных заведений — мужская и женская прогимназии».²

В этих начальных школах, как показано в романе, начинают обучаться дети казахской бедноты и сынки некоторых баев, понимавшие выгоду русского образования для будущей карьеры своих отпрысков. Многих детей из аульной бедноты привез в город и устроил в школу сам Абай.

В конце XIX века в русские школы стали отдавать своих детей и представители господствующего класса.

Город становится средоточием русской и складывающейся казахской интеллигенции. «В те годы довольно часто можно было встретить молодых казахов, получивших, подобно Данияру, русское образование и носивших европейскую одежду. Они работали толмачами, писарями, фельдшерами и ветеринарами».³

Таким образом, в эпопее нашло отражение растущее стремление к просвещению среди разных слоев казахского общества.

Проделанный выше анализ эпопеи «Путь Абая» обнаруживает стремление ее автора отобразить все сферы социальной, экономической, бытовой и культурной жизни народа во всем ее национальном своеобразии, основываясь на тщательном изучении фактических данных архивных и литературных источников по истории

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1. М., 1958, стр. 552.

² «Россия», т. XVIII, Киргизский край, стр. 406.

³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 736-745.

Казахстана. И «по сей день ни одно произведение еще не воссоздавало так живо, глубоко и всесторонне до-революционную казахскую жизнь, как всеобъемлющая эпопея Ауэзова. Трудно указать на какую-либо существенную сторону или даже характерную особенность жизни казахов, их быта и нравов, психологии, окружающей природы, которые бы не нашли своего отражения на большом эпическом полотне Мухтара Ауэзова».¹

Выявляя из огромного количества фактов и отдельных сторон исторического бытия народа важнейшие закономерности в развитии общества, М.О. Ауэзов художественно воспроизводит прогрессивные силы, которым принадлежала решающая роль казахского общества.

В этом плане все изображение образа Абая М. Ауэзов подчинил главной идее — определению тех его черт, которые имеют подлинно историческое значение. Он сделал его носителем прогрессивного начала, потому что, он видел будущее своего народа в приобщении к передовой революционно-демократической русской культуре, в сближении с русским народом, что объективно совпало с прогрессивным ходом истории.

Творчески восприняв традиции исторического романа в создании образа Абая во всем его национальном своеобразии М. О. Ауэзов, так же как и В. Шишков, А. Толстой, З. Злобин, С. Бородин, Н. Рыбак в работе над художественным воплощением Е. Пугачева, Петра Первого, Степана Разина, Д. Донского, Б. Хмельницкого, исходил из понимания того, что каждый из этих образов могут представлять большую художественную значимость лишь как типические фигуры, прогрессивно двигавшие историей своего народа.

Понимание закономерностей социально-экономической жизни общества позволяло автору отобразить такие процессы, как расположение патриархально-феодальных отношений, проникновение в аул элементов капитализма, обострение аграрного вопроса, переход к земледелию, оседлости, что определило характер изложения всего материала романа.

Таким образом, историзм эпопеи «Путь Абая» проявляется в глубоко достоверном конкретно-историческом

¹ М. Каратаев. Казахская литература. Сборник статей. М., 1960, стр. 133.

отображении эпохи, в стремлении к раскрытию ее глубинных процессов и внутренних противоречий.

Образное, художественное решение этих задач в сюжетном развитии романа немыслимо без вымысла. Однако творческая фантазия автора должна быть на уровне современных знаний в области литературоведения, истории, экономики, этнографии, и других смежных дисциплин, связанных с проблематикой истории Казахстана XIX века.

М.О. Ауэзов, сочетая в своей работе точность историка и творческую фантазию художника, сумел добиться соответствия правды исторической и правды художественной. Ему удалось слить вымысел с реальной историей, которое, говоря словами Белинского, давало возможность наиболее ярко, рельефно и достоверно отобразить суть рассматриваемой эпохи, создать исторические характеры. «В творчестве Ауэзова органически переплетены,— отмечал Наир Зарьян,— широкая эрудиция историка и мудрая интуиция художника. Благодаря этому его произведения приобрели большую познавательную и воспитательную ценность».¹

Изучение эпопеи «Путь Абая» обнаруживает, что в ней художественно воссозданы все стороны жизни казахского общества второй половины XIX века, глубоко вскрыты сложные внутренние противоречия исторического процесса в самых глубинах народной жизни; показаны ведущие закономерности развития общества, живо отражающие дух далекой исторической эпохи.

Масштабность «Путь Абая» обусловлена и всесторонним изображением жизни народа, его исторической судьбы на протяжении полувека. Сюжет эпопеи полностью организован ходом самой истории, многоплановым и многообразным течением жизни народа с ее сложнейшими переплетениями человеческих судеб и событий, борьбы прогрессивных и реакционных сил.

В соответствии с традициями лучших исторических романов, художественным открытием которых было воспроизведение истории, как реальной жизни народа, раскрываемой в борьбе и труде, во всей сложности социальных противоречий эпохи, народ предстает в эпопее как творец истории, как главный ее герой. Особенно

¹ Н. Зарьян. В кн.: «М. Ауэзов. Сборник статей к его 60-летию». Алма-Ата, 1959, стр. 22.

жизненны и впечатляющи массовые сцены взрывов народного возмущения; в них показаны сила восставшего народа, его мужество и самоотверженность, утверждающие решающую роль народных масс в историческом процессе.

Литературная критика единодушно отмечала, что главным идейно-художественным открытием М. Ауэзова явилось то, что он свое произведение посвятил не только воспроизведению жизни Абая, но и воссозданию судьбы своего народа в один из важных поворотных периодов его истории.

«Мухтар Ауэзов отважился поставить перед собой задачу не только очень сложную и большую — по временному охвату по новизне и неисследованности материала, но и совершенно новую — по идейным устремлениям. Написать роман-биографию казахского поэта-акына, жившего в XIX в. и умершего перед первой русской революцией, в 1904 г. так, чтобы эта книга стала частью биографии самого народа кочевников...»¹

Следовательно, М. Ауэзов не только создал многогранный образ целого народа, но и изобразил его в движении к будущему, т.е. отразил процесс формирования и развития его духовной мощи, «могучую силу пробуждающегося ими исторических деяний народа».²

Воспроизведение непосредственной жизни народа, раскрытие его решающей роли в историческом процессе, отсюда эпичность, масштабность всего произведения, главные художественные принципы исторического романа, основу которых составило усвоение традиций горьковского историзма. Их обогащение и развитие шло по разным путям в лучших исторических романах последующего времени. Главной особенностью историзма эпопеи М. Ауэзова, его самобытностью, новаторством явилось именно отмеченное выше органическое воспроизведение образа выдающейся творческой личности через судьбу народа, полувековую его историю.

Сливая изображение героя с воспроизведением эпохи, его народа М.О. Ауэзов достигает в образе Абая значительного обобщения, олицетворяя в нем лучшие на-

¹ М. Каратаев. Казахская литература. Сборник статей. М., 1960, стр. 121-122.

² Там же.

циональные черты казахского народа. Эта глубокая типизация образа народа в лице выдающегося его представителя — одно из главных достижений в развитии исторического жанра. Именно потому, что в романах такого плана как «Степан Разин» С. Злобина, «Емельян Пугачев» В. Шишкова, «Путь Абая» М. Ауэзова развитие и становление национального характера героя тесно связано с развитием и жизнью народа в наиболее сложные, значительные по своим событиям, переломные этапы исторической эпохи. Через сложное и глубокое раскрытие национального характера героя происходит и раскрытие национального своеобразия его народа. Несомненно, в национальном характере героя, отражающем важнейшие черты той или иной нации — путь к пониманию национального своеобразия литератур». ¹

Именно эти, названные выше важнейшие черты «Путь Абая» и обусловили его эпический характер.

Глубокая достоверность в показе эпохи дает все основания рассматривать «Путь Абая» как надежный исторический источник, позволяющий делать интересные наблюдения, выводы и обобщения в изучении экономической и общественной жизни казахов, показанной в диалектическом развитии на протяжении полувека.

Художественные задачи, связанные с таким глубоким и многогранным воспроизведением народной жизни, потребовали от М. Ауэзова многолетнего, напряженного творческого труда носящего характер научного мышления и выразившего в углубленном изучении исторических источников при работе над научным исследованием.

Проделанный выше анализ самого характера исследовательской работы М. Ауэзова в период создания эпопеи говорит о том, что та концепция истории, которая положена в ее основу, не была лишь перенесена из трудов историков, а во многом была разработана и творчески отражена, как результат длительных поисков, обобщения источников, самостоятельных выводов. Это переплетение научно-исследовательских и художественных методов исторического процесса отмечает и историк А. Нусупбеков: «В эпопее об Абае ярко проявилась гармония науки и художественной литературы. Читая и пе-

¹ З. Османова. Путь Абая. «Новый мир», 1959, № 6, стр. 220.

речитывающий исторический роман Ауэзова все больше убеждает, что в М. Ауэзове блестяще сочетались аналитический ум ученого и талант большого художника».¹

Вместе с тем эпопея «Путь Абая» убедительно свидетельствует всем своим богатейшим материалом, что автор сумел многогранно воссоздать правду истории благодаря глубокому пониманию важнейших закономерностей исторического процесса, черты эпохи нашли точное воплощение в художественном произведении благодаря вымыслу, основанному на глубоком постижении истории на реальных фактах и событиях.

Проделанный выше анализ эпопеи убеждает, что в творческом решении проблемы соотношения истории и вымысла М. Ауэзов безусловно исходил из классического определения, выработанного еще русской демократической критикой — «внести в историю свой вымысел, но вымысел этот основать на истории».²

Таким образом творческий домысел автора — важнейший компонент исторического романа, лишь тогда плодотворен и научно обоснован, когда опирается на точные данные исторических источников или исследований.

¹ А. Нусупбеков. М.О. Ауэзов в советской историографии. «Известия АН КазССР», серия общественная, 1968, № 3, стр. 62.

² Н. Добролюбов. Полное собр. соч. ГИХЛ 1934 г., стр. 530. Цитирую по книге С. Петрова Советский исторический роман, М., 1960, стр. 458.

Глава III

АБАЙ КУНАНБАЕВ И ЕГО СРЕДА

Изучение исторических романов, как правило, показывает что, их героями становятся исторические личности, сыгравшие прогрессивную роль в истории своего народа: Емельян Пугачев из одноименного романа В. Шишкова, Степан Разин из романа Ст. Злобина, Богдан Хмельницкий из «Переяславской рады» Н. Рыбака, Петр I А. Толстого, Пушкин Ю. Тынянова и т.п. В этом проявляется одна из характерных сторон в развитии исторической романистики — подлинная история и деятельность выдающихся лиц занимает первенствующее положение в сюжетном построении художественного произведения. Вымышленные персонажи и события отступают на второй план.

Герой романа-эпопеи «Путь Абая» — великий казахский поэт и просветитель Абай Кунанбаев, внесший огромный вклад в духовную культуру своего народа, сыгравший исторически-прогрессивную роль в приобщении казахского народа к революционно-демократической культуре, в сближении с русским народом.

Рассмотренные выше изменения, происходившие в экономической и культурной жизни Казахстана конца XIX — начала XX века, ясно обнаруживает стремление автора исторически достоверно показать новые прогрессивные духовные запросы в мировоззрении и творчестве Абая порожденные и закономерно обусловленные исторической обстановкой, в которой он жил.

Воссоздавая полувековую историю казахского общества в развитии со всеми ее прогрессивно-экономическими сдвигами, М.О. Ауэзов одновременно воспроизвел и ту реальную историческую основу, с которой было связано становление и развитие личности Абая.

На это обстоятельство обращает внимание К. Симонов в докладе о прозе на II съезде писателей СССР: «поставив образ великого казахского просветителя Абая в центре

романа, автор в то же время широко и щедро дал картину народной жизни. А без такой картины, кстати, и не могло быть правдивого повествования об Абая как исторической личности, ибо велик он прежде всего был тем, что правильно и прозорливо понял нужды и перспективы развития своего народа».¹

Социальные устремления великого казахского поэта и мыслителя, сложившиеся под влиянием приобщения к передовой демократической русской культуре, были направлены на защиту интересов трудового казахского народа, выражали его нужды и домыслы.

Не дойдя в силу исторической ограниченности своего времени до последовательного революционного демократизма Н.Г. Чернышевского, призывавшегося к насильственному уничтожению существующего строя, А. Кунанбаев, однако, всем своим творчеством и общественной деятельностью страстно обличал социальную несправедливость окружающей его жизни, разоблачал все слои господствующего класса. Защищая интересы трудового народа, он призывал его к борьбе за свои права, глубоко веря, что просвещение создает условия для лучшей жизни, приведет к уничтожению общественных пороков, хозяйственному и культурному развитию края. Просвещение казахского народа, которое Абай по своему глубокому убеждению рассматривал в приобщении казахов к экономической и культурной жизни русского народа, должно было, заставить людей изменить отсталый образ жизни. Хотя борьба Абая за освобождение народа от социального угнетения посредством просвещения была сама по себе утопична, ее значение в духовном пробуждении народа, росте ее национального и исторического самосознания было чрезвычайно прогрессивным. Поэтому творчески решая вопрос о взаимоотношениях героя и народа, героя и истории М. Ауэзов писал: «Абай народен тем, что стал духовным оком своего народа и видел далеко, мысля и чувствуя как народ, он указал ему на его будущее».

В творчестве Абая, как в историческом фокусе отразилось все, что волновало умы народа. Никто до Октябрьской революции в истории казахского народа

¹ К. Симонов. «О советской художественной прозе» в кн.: Всесоюзный съезд советских писателей. М., 1956.

напряженно, многосторонне и ответственно не мыслил о судьбе казаха-труженика, «о кровавых ранах общества», о его будущем, как Абай. Он стал, пользуясь выражением Белинского, тем талантом, который должен быть «органом сокровенной думы всего общества; его, быть может, еще не ясного самому ему стремления».¹

Эту мысль М. Ауэзов приводит и в других своих высказываниях, связанных с созданием образа Абая: «Абай — зрячее око, Абай — отзывчивое сердце. Абай — мудрость народа — в моих поисках, в целом, является воплощением чувств, волевых порывов народа, души его, всего сокровенного в нем. Во имя такого замысла и был взят мною образ Абая».²

Приобщившись к демократической русской культуре, Абай впервые распространил ее лучшие образцы в окружающей его среде, сделал их понятными и близкими широким кругам народа, что, несомненно, способствовало духовному пробуждению, расширению кругозора, росту самосознания трудящихся казахов.

М.О. Ауэзов поставил своей задачей глубоко и всесторонне показать через образ Абая — его эпоху, характер общества. Образ Абая стоит в центре сюжета эпопеи и в целом обусловлен самим ходом истории, который может быть показан ярко и убедительно лишь через судьбы отдельных личностей — героев романа и других представителей его времени.

М. Ауэзов впервые в казахской литературе применил эти новые композиционные принципы воспроизведя Абая и его эпоху. Причем решающим здесь являются не жизненные связи Абая с кем-либо из представителей народа, а его духовная общность с народом, единство его устремлений к свободе и счастью. «Хотя основным героем эпопеи и является конкретно-историческое лицо — Абай Кунанбаев, ведущим началом ее выступает народ. Достоверность, жизненная правдивость, эмоциональная наполненность образа Абая во многом определяется тем, что герой показан в тесной связи с народом, и в своих

¹ «История Казахской ССР», т. 1. Алма-Ата, 1957, стр. 470.

² Десять незабываемых дней. Декада казахского искусства и литературы в Москве — декабрь 1958. Каз. Госиздат художественной литературы, А-Ата, 1961, стр. 239.

действиях, в борьбе и творчестве опирается на народные массы и выражает их кровные интересы».¹

Следует отметить, что воспроизведение жизни и деятельности Абая в социальном, бытовом, психологическом, творческом аспектах было бы схематичным без достоверного показа его жизненной среды. Избегая модернизации в изображении Абая, М.О. Ауэзов показывает, что поэт-просветитель вышел из недр господствующего класса — был сыном могущественного старшего султана Кунанбая Ускенбаева. Это обстоятельство приводило в ряде случаев и к противоречиям в мировоззрении поэта.

В романе показано становление личности Абая, развитие его прогрессивных, демократических воззрений; отражен его путь к народу, интересы которого он защищал, будучи выразителем народных стремлений и чаяний. Вся борьба Абая с темными силами того времени, его думы о будущем народа представляют поэта носителем прогрессивных тенденций в историческом развитии казахского народа.

Как при воссоздании эпохи Абая М.О. Ауэзов пользовался широким кругом исторических источников, так и при воспроизведении жизни и деятельности поэта он должен в основном опираться на зафиксированные историей факты его биографии, т.е. правдиво изображать его жизнь. В отличие от писателя, создающего вымышленный образ героя литературного произведения, М.О. Ауэзов обязан был исходить из исторически достоверных сведений о жизни и деятельности Абая Кунанбаева, хорошо известных в настоящее время казахской литературоведческой и исторической наукам. Писатель не мог здесь произвольно изменить главные события биографии Абая, силой своей фантазии нарисовать иную судьбу и деятельность героя, отличные от действительных. В этом, собственно, и проявляется одна из специфических черт жанра исторического романа: как правило, он строится на документальной основе, сюжетом его являются события, имевшие место в истории, а основными героями — подлинными историческими лицами.

Многие вопросы творчества поэта, сведения о его жизни и деятельности, освещенные М.О. Ауэзовым в

¹ М. Каратаев. Казахская литература. Сборник статей. М., 1960, стр. 159.

целом ряде статей, опубликованных в 30-50-е годы, были впоследствии обобщены им в монографическом исследовании «Абай (Ибрагим) Кунанбаев».

Специальный раздел этой монографии посвящен описанию жизненного пути поэта на основе добытых М.О. Ауэзовым и другими исследователями, (как филологами, так и историками) подлинных биографических данных о нем.

Сопоставление важнейших фактов биографии Абая, зафиксированных в указанной монографии, с отражением жизненного пути поэта в эпосе показывает, что писатель полностью исходил из исторически достоверных сведений о жизни поэта, да и не мог отойти от правды истории, так как это привело бы к слишком вольному изображению жизни выдающейся исторической личности. Поэтому нам представляется нецелесообразным сопоставление здесь действительных биографических данных о поэте с воспроизведением в романе. Однако исследования в эпосе на основе использованных автором исторических источников и воспоминаний современников, дают возможность получить представление о методах творческой переработки документальных свидетельств эпохи. Такой анализ в ряде случаев позволяет увидеть как в произведении, основанном на жизненных фактах, «действительность жизненная переходит в действительность искусства».¹

Создавая художественную биографию Абая Кунанбаева, автор стремился, как это было показано в предыдущем разделе, не только к верному воссозданию образа выдающегося деятеля казахской культуры второй половины XIX века, но и к исторически достоверному воспроизведению эпохи. Именно этими задачами и обусловлен весь отбор фактического материала, который писатель использовал при работе над романом. Очень интересно в этом отношении отметить, что на полях рукописей с записями воспоминаний, сделанных М.О. Ауэзовым на родине Абая и содержащих факты из жизни поэта и его окружения, лишь против некоторых из них стоит знак NB — пометка писателя, относящаяся к материалам, которые он в ходе художественного отбора

¹ М. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». В кн.: М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 362.

считал принципиально важным. Изучение этих записей и работы над ними дает основание сделать вывод, что М.О. Ауэзов использовал лишь исторические факты и преднамеренно опускал отдельные эпизоды жизни поэта, его высказывания, приписанные ему современниками, но не представлявшие интереса для художника, стремившегося к обобщению типических черт героя и его времени.

Так, изучение архива М.О. Ауэзова обнаруживает, что писатель совершенно не использовал в романе довольно богатый материал, раскрывающий отдельные стороны поведения Абая в быту, некоторые моменты его личной жизни, в частности историю его женитьбы на Еркежан, вдове Оспана. Интересным дополнением в этом плане являются краткие тезисы М. Ауэзова к выступлению о романе «Путь Абая», сохранившееся в архиве. Отмечая, что биография Абая не ясна, т.е. не может быть детально изучена в виду отсутствия письменных источников, М.О. Ауэзов утверждает и «не важен его точный путь — календарный со всеми годами, деталями. Это ли делает ценным Абая для нас? Он ценен творениями. Он ценен не биографией в целом, а тем что звучит для нас, для грядущего в его биографии. Значит всю биографию писать не надо. Это не биографический роман, нужен роман о творческой личности... Это новый жанр».¹

Именно потому, что это роман о творческой личности, М.О. Ауэзов подчеркивает важность вопроса психологии творчества. Абай «поэт — борец; он накапливает жизненные впечатления для дальнейшей борьбы путем творчества,— и все, что способствует обогащению его эмоциональной природы важно в ближайшей и дальнейшей перспективе романа».²

Вместе с тем в отборе материала, касающегося жизни Абая, всего его облика, четко прослеживается стремление М.О. Ауэзова выделить лишь те явления или черты поэта, которые были характерны для него как выразители прогрессивных тенденций того времени.

«История заставляет людей совершать самые разнообразные и далеко не всегда характерные поступки, а

¹ Архив ЛММА, папка № 401, стр 182.

² Архив ЛММА, папка № 401, стр. 121.

литература — только характерные. Поэтому писатель вводит в произведение не всякую историю, не всякую жизнь, подтверждающие его правоту факты, из истории и жизни»,¹ — пишет А. Белинков. На эту сторону творчества исторического романиста прямо указывал и М.О. Ауэзов, делаясь своим опытом работы над романом об Абая: «В моих романах например, множество добытых мною фактов жизненных биографии Абая остается в стороне. Одни факты я развернул, другие вовсе опустил, потому что не имеют существенного значения в том историческом здании, которое я стремился возвести в своих книгах».²

Отказ от использования такого рода данных нередко был связан с тем, что содержали заведомо ложные или сознательно тенденциозные, сугубо пристрастные сведения, исходившие от врагов поэта или от потомков, поддерживавших эти измышления. Достаточно указать на клеветнические показания о будто бы учиненных им незаконных земельных захватах, несправедливых судебных решениях и пр.

Однако, изучая сомнительные, искажающие действительность опросные сведения исходившие от врагов ненавидевших Абая за демократические убеждения, защиту интересов народа, М.О. Ауэзов не всегда отбрасывал их, а подходил к ним критически. В этих целях он выявлял отдельные достоверные штрихи, которые как подлинные документальные свидетельства эпохи могли быть использованы в романе при творческом подходе к ним автора.

М.О. Ауэзов прямо говорил, что ему «требовалось сопоставлять порой противоречивые факты и каждый раз исследовать их самому чуть ли не по всем правилам юридических и исторических наук».³

При сличении противоречивых документов историческому романисту необходимо, как писал А. Толстой, выработать «особое историческое «чутье», которое развивается практикой».⁴

На эту специфическую трудность художественного осмысления фактов в работе над историческим романом

¹ А. Белинков. Юрий Тынянов. М., 1960, стр. 161.

² М. Ауэзов. Указ работа, стр. 358.

³ Там же, стр. 360.

⁴ А. Толстой. Полное собрание сочинений в 15-ти томах (1946-1953 гг.), т. 13, стр. 496.

обращал особое внимание и Ст. Злобин, который писал, что «стоит громадных усилий от варианта к варианту работать над отбором фактов, заменить буквальную точность факта обобщенным художественным образом, хронологическую последовательность событий заменить трансформированным сюжетным построением, придавая всей книге облик и сущность исторического романа».¹

Особенно трудна и ответственна задача художника в определении единственно верного, социально обоснованного существа действительных отдельных исторических прототипов героев романа. В этом отношении интересен подход М.О. Ауэзова к истории деяний Кунанбая, связанных с казнью Кодара.

В аулах иргизбаев, потомков Кунанбая, прочно утвердилась версия о справедливости решения Кунанбая и безусловной виновности Кодара. Эта версия была хорошо известна автору еще с юности. Однако в период работы над изучением исторических сведений опросного характера, полученных им и от представителей других родов племени тобыкты, М.О. Ауэзов разбирается в истинном положении дел, заключающемся в том, что «Кунанбай был просто напросто заинтересован в захвате земель, принадлежавших Кодару и его роду».²

Абай Кунанбаев предстает в начале эпопеи тринадцатилетним мальчиком. Таким образом, автор фактически прослеживает весь его жизненный путь начиная с детства. Хотя все эпизоды, связанные с детством Абая, безусловно, являются авторским вымыслом, тем не менее они служат раскрытию характера будущего поэта, изображению становления его личности. Достаточно привести пример казни Кодара, которая, как писал М.О. Ауэзов, опалает своим страшным зрелищем открытую душу ребенка, не подозревавшего до этого о существовании зла, становится исходным моментом в драме всей жизни Абая,³ впервые увидевшего отца в страшном обличье убийцы.

В разработке становления личности Абая М.О. Ауэзов как и другие авторы лучших советских исторических романов героями которых были крупные исторические

¹ С. Злобин. Задачи романа. «Вопросы литературы», 1965, №9, стр. 53.

² М. Ауэзов. Указ. работа. стр. 361.

³ Там же.

фигуры (Пушкин у Ю. Тынянова, Петр I — у А. Толстого, Радищев у О. Форш, Пугачев у В. Шишкова и др.) исходил из принципа показа своего героя в развитии, в духовном росте, связанном с воздействием окружающей среды, социальных противоречий эпохи. Причем первенствующая роль в показе исторической личности в развитии от истоков под «воздействием самых разнообразных сил, преимущественно социального порядка»¹ принадлежит Ю. Тынянову («Пушкин») и А. Толстому, решительно отвергнувшим «вульгарно-социологическое понимание исторического деятеля как готового с юных лет продукта данной классовой среды».²

Они впервые художественно обосновали принципы изображения в развитии исторической личности. Исторические романисты следующих времен во многом пошли по той дороге, которую, если так можно выразиться «утоптал» А. Толстой.³

Если о последних годах жизни Абая сохранилось много воспоминаний в памяти его современников и их потомков, то о юности поэта М.О. Ауэзов почти не располагал сведениями, за исключением отдельных скупых фактов, сохранившихся «в потускневшей памяти стариков», да нескольких строк из поэтических посланий Абая любимой девушке Тогжан.

Любопытно, что М.О. Ауэзову довелось увидеть Тогжан, когда она уже была старухой. Созданный в эпосе изумительный по своей красоте, чистоте, и обаянию образ Тогжан, кроме поэтических строк Абая и приводимыми ниже скупыми фактами, был творчески переработан автором, дополнен его фантазией.

«Сүйіндіктің қызының аты Тоғжан. Сүйіндіктің тоқалы Қантжаннан туған. Әппақ сұлу кісі болған. Кейін Аққозы алған».⁴

«Дочь Суюндика звали Тогжан. Она родилась от его младшей жены Кантжан. Была белолицей красавицей. Позже на ней женился Аккозы».

¹ Ю. Андреев. Русский советский исторический роман 20-30 годы М.-Л. 1962, стр. 123.

² Петров С.М. Исторический роман в русской литературе. М., 1960, стр. 170.

³ Ю. Андреев. Ук. сл. стр. 123.

⁴ Архив ЛММА, папка № 29, л. 131.

Реальные жизненные факты из биографии поэта нашли отражение в одних из самых поэтических страниц эпопеи, рассказывавших о первом свидании Абая с Тогжан, рождении дружбы с Ерболом, который, рискуя своей жизнью, помог Абаю перебраться через реку когда неожиданный ледоход отрезал ему путь из аула Суюндика.

«Бір жолда қыз қойынында жатқанда таң атып, су тасып кетіп өте алмайды. Ербол сонда жүрген малшы, соны Абай шақырып алады. Бұрын таныс емес. Судан өткізіп сал дейді. Ербол өгізге мініп, ананы байталға мінгізіп өткізіп салады... Ербол Абайды сонда құтқарған».¹

«Однажды (Абай — Л.А.) остался у девушки до рассвета. Утром обнаружилось, что река разлилась и он не сможет перебраться через нее. Он растерялся.

Абай увидев пастуха Ербола позвал его, хотя раньше они не были знакомы. Он попросил его помочь перебраться через реку. Ербол сел на быка, а Абая посадил на кобылицу-трехлетку и переправил... Так Ербол избавил Абая от беды».

Эти сухие и отрывочные строки под пером М.О. Ауэзова оживали в ярко развернутые картины: волнение, счастье Абая во время свидания с любимой, бурный весенний ледоход, страх Ербола за судьбу друга, оказавшегося отрезанным разбушевавшейся рекой в враждовавшем с его родом ауле, их переправа через реку и самообладание Абая в минуты серьезной опасности. Так подлинные жизненные факты в процессе художественной переработки преобразуются автором в факты искусства, оставаясь в то же время зрелыми и глубоко индивидуальными образами.

М.О. Ауэзова заинтересовало также отмеченное современниками неодобрительное отношение Кунанбая к дружбе Абая с Ерболом, происходившим из бедной семьи.

«Құнанбай: «Ерболдың басын Ыбырай алады, Ыбырайдың басын Ербол алады. Күндердің күнінде көресіңдер деген екен».²

«Кунанбай: «Увидите, со временем они (Абай и Ербол — Л.А.) погубят друг друга».

Современники отмечали почтительное отношение Абая к старшим.

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 175 об.

² Архив ЛММА, папка № 29, л. 135.

«При виде почтенных людей сходил с лошади, снимал шапку и почтительно здоровался складывая руки на груди».

«Жақсыларды көргенде атынан түсіп, тымағын қолтығына алып, қолын қусырып сәлем береді».¹

Нам думается, что подмеченное современниками такое качество, было принято во внимание автором и при описании встречи Абая с враждовавшими Кунанбаем старейшинами, которых он уважительно приветствовал. Из воспоминаний других лиц, также использованных автором, становится ясно, что возникшее недоверие к юноше сменяется, одобрением аксакалов, почувствовавшие искреннее уважение в его приветствии. Пожалуй самым полным и значительным архивным историческим источником можно считать следственное дело Абая Кунанбаева связанное с ложным доносом некоего Буробаева, обвинявшего его в противозаконных действиях в бытность волостного управителя.

Как известно, молодой Абай, пытаясь найти применение своим силам в общественно-полезной деятельности, становится волостным управителем Коныр-кокшетобыктинской волости с 1875 по 1878 годы.

Абай тогда верил в возможность помощи народу, облегчения его положения, если у власти будет стоять честный и справедливый правитель. Деятельность его в этом отношении исключительно верно отражена в следственном деле, начатом по заявлению Буробаева.

Последний обвиняет Абая Кунанбаева в сборе незаконных поборов, взяточничестве, превышении власти и других злоупотреблениях.²

Кроме того, Буробаев жаловался на запрет волостного управителя Абая, пользоваться ему урочищем Таймаккуль.

Буробаев намеревался завладеть сенокосными угодьями, обвинив Абая в несправедливом покровительстве Сасыкбаеву, с которым у него (Буробаева) было столкновение из-за пользования зимовкой. По сведениям семипалатинского уездного начальника, Абай Кунанбаев давал следующие объяснения по поводу этих обвинений: «Буробаев жалуется на запрещение ему кочевать на уроч.

¹ Архив ЛММА, папка № 29. л. 135.

² ЦГА Каз. ф. 64. оп. 1, д. 1430, св. 90, лл. 24-38.

Таймак-куль, как поступившем во владение старшины Аюбаеву... Уроч. Таймак-куль, хотя было прежде общею кочевкою и пустопорожним местом, а ныне по недостатку зимовых стойбищ волостными выборными отведено старшине Аюбаеву в числе четырех кибиток под зимовку, вследствие чего, он — управитель, запрещал Буробаеву кочевать и вытравлять корм на этой местности. Что же касается выводов Буробаева, будто бы местность та принадлежит ему с родственниками, то это совершенная ложь, так как он имеет свою зимовку в горах Орды на уроч. Карадар, а на Таймак-куль никто зимовки не имел, местность была общей кочевкою киргиз, и он, Буробаев, на то место не имеет никаких данных и к присвоению его в свою собственность».¹

Кроме того, из следствия вытекает, что ссылка на 37 свидетелей, подписавших заявление Буробаева против Абая, подложна, а упомянутые свидетели заявили, что «против управителя и старшины ничего противозаконного доказать не могут».²

Следующие пояснения семипалатинского уездного начальника, разбиравшего жалобу, со всей наглядностью раскрывают смысл ложного доноса на Абая.

«В Коныр-кокше-тобыктинской волости почти ни один управитель не мог благополучно выслужить одно трехлетие... Все они по интригам киргиз этой волости отдаваемы под суд и следствие, но впоследствии оправданы. Происходило это потому, что каждому влиятельному лицу или самому хотелось быть управителем, или же (он — Л.А.) был во вражде с выборными управителями; в настоящее время почти нет ни одного состоятельного или влиятельного лица в волости, не бывшего под судом и следствием. Бывший уездной начальник Измайлов во избежание этих неурядиц предложил обществу избрать в управители человека посторонней волости и указал им Ибрагима Кунанбаева, который, как ему, так и всем, знавшим его, был известен за человека крайне распорядительного, умного и честного, в чем Измайлов несколько не ошибся: общество Коныр-кокше-тобыктинской волости действительно согласилось с доводами Измайлова и единогласно выбрало Кунанбаева управителем».

¹ ЦГА Каз. ф. 64. оп. 1, д. 1430, св. 90, лл. 24-38.

² Там же.

телем... Почти за все время управления Кунанбаевым волостью (в течение двух с половиной лет) волость отличалась большим порядком; прежде в ней происходили чуть не ежедневно баранты и часто убийства, в последнее же время — ни одного уголовного следствия, что единственно относится к влиянию Кунанбаева... Настоящая же причина подачи просьбы Буробаевым объясняется следующим: в волости образовалась партия, которая желала видеть управителем своего приближенного, в виду предстоящих выборов подучили Буробаева подать просьбу на Кунанбаева, надеясь, что Кунанбаев попадет под суд и тем будет лишен возможности баллотироваться на будущее трехлетие; но, не видя поддержки в обществе и боясь запутаться, сами отказались от дальнейшего преследования дела, и сам Буробаев не знал, что ему делать, с своей же стороны уездный начальник Кареев вполне разделяет взгляд Измайлова на управителя Кунанбаева, что это лучший из управителей не только уезда, но и области».¹

Объемистое следственное дело Кунанбаева завершается отказом Буробаева от своих обвинений, как вымышленных, и признанием что «он никогда лично ничего не имел против Кунанбаева, но Кунанбаев в бытность свою волостным управителем, строгим своим обращением по преследованию баранты и конокрадства вооружил против себя некоторых влиятельных лиц в волости и особенно киргиза Каратая Сапакова, который, сгруппировав всех недовольных Кунанбаевым, предложил подать на Кунанбаева просьбу, дабы, очернить его в глазах начальника, хотя на время избавиться от его управления волостью; на общем совете недовольных были придуманы преступления, собраны деньги на ходатайство, и он, Буробаев, был выбран ходатаем и послан в Семипалатинск, и что выставленные им свидетели — все более или менее близкие родственники Сапакова и враги Кунанбаева».²

Абай Кунанбаев также отмечал, что Буробаев — «только орудие более влиятельных киргиз».³ В итоге следственное дело Абая Кунанбаева решением местной царской

¹ ЦГА Каз. ф. 64. оп. 1, д. 1430, св. 90, лл. 24-38.

² Там же.

³ Там же.

администрации было прекращено, как основанное на ложном доносе.

Нами были приведены обширные отрывки из указанного выше источника, хорошо известного М.О. Ауэзову по публикации Ф. Киреева¹ чтобы показать — использование подобных документальных фактов помогало автору с достоверностью раскрыть в романе отрицательное отношение к Абаю феодальной верхушки тобыкты. Стремление просветителя-демократа оградить народ от незаконных притеснений, особенно в земельном вопросе, вызвало со стороны феодалов резкое противодействие. Они пытались «обезвредить» Абая, оклеветав и устранив его с должности волостного управителя.

Данные цитированного исторического источника и другие документальные свидетельства такого рода в эпопее «Путь Абая» творчески переработаны и органически слиты с закономерными, вытекающими из ткани повествования дополнениями, созданными воображением писателя. Оттолкнувшись от фактического материала и увидев в нем всю глубину социального конфликта эпохи, конфликта Абая со своим классом, художник далее развертывает эту тему и доводит ее до исторически достоверной кульминации — покушения на Абая, подготовленное феодалами.

Творчески работая над материалами действительности, писатель вводит в повествование вымышленные эпизоды, которые отнюдь не противоречат логике характера Абая, его идеалам, его действительности, а напротив, дают возможность глубже показать значение Абая, его роль в истории своего народа. Отбирая из биографии Абая наиболее важные факты, М.О. Ауэзов нередко усиливал отдельные стороны его характера или действительности, чтобы с большой художественной выразительностью воспроизвести в нем типические черты его облика.

Это в первую очередь относится к тем документальным свидетельствам, которые давали автору основание развить одну из основных тем романа: Абай — защитник народа.

Так, например, располагая сведениями, что Абай присутствовал на Карамолинском чрезвычайном съезде.

¹ Ф. Киреев. Новые данные к биографии Абая. «Казахстан», 1947, кн.: 7. стр. 133-139.

М.О. Ауэзов воспроизводит историю борьбы Абая против злоупотреблений при взимании «черных сборов». Он изображает приезд генерал-губернатора на Карамолинский съезд, униженное подобострастие волостных управителей перед ним и полный достоинства разговор Абая с генерал-губернатором о тяжелом положении народа, о его справедливом протесте против беззакония и злоупотреблений царских чиновников. Подобные эпизоды, созданные воображением художника, даны в романе с точным соответствием духу той эпохи и психологии героя, что автор заставляет верить в их реальность: если даже их и не было в документальной биографии Абая, но они вполне могли бы быть в жизни.

Исторически достоверно, что на Карамолинском съезде Абай был избран верховным бием. Исходя из этого факта М.О. Ауэзов домысливает все обстоятельства, заставившие генерал-губернатора рекомендовать Абая на должность верховного бия. Писатель убедительно и логично показывает, что решающим фактором здесь явилось огромная популярность Абая в степи и любовь к нему народа, видевшего в нем своего защитника, с которым в данной ситуации царский чиновник нашел неразумным не считаться.

В романе показано, что защищая права бедняков, страдавших от набегов барымтачей, Абай требовал, к примеру на Аркатском съезде возмещения урона от их хозяев баев, вроде Уразбая, которые держали специальных барымтачей. Творчески отражая это явление в романе, М.О. Ауэзов использовал показания Архама Искакова о присутствии Абая как верховного бия на Карамолинском съезде, где он принимал непосредственное участие в составлении «ереже» (свода законов), и настоял на включение в него ряда новых статей.

«Абай төбе басы болады. 105—110 статья жасайды Абай. Сонда Абай кіргізген ереженің бірі: ұрының малы жетпегенде ағайыны тартпасын, сүйеушісі тартсын деген дейді».¹

«Абай был верховным (бием — Л.А.). 105—110 статьи пишет Абай. Одним из пунктов, введенных тогда Абаем: когда вор сам не в состоянии возместить ущерб в краже

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 170.

скота, должны платить не его родственники, а тот, кто ему покровительствовал (т.е. нанимал для барымты — Л.А.)».

Несомненной удачей М.О. Ауэзова является воссоздание образа Абая Кунанбаева в самой тесной связи с его эпохой, в столкновении с различными социально-политическими силами. Причем отсутствие документально зафиксированных историей фактов его биографии дополняется художественным вымыслом, дающим возможность проследить процесс становления его личности. Так, располагая скудными сведениями о детстве и юности поэта, автор прибегает к вымыслу, чтобы в убедительной художественной форме показать обстоятельства жизни и духовный рост Абая, которые сделали понятным и закономерным его дальнейший жизненный путь к высотам творчества. Убедительность художественной типизации связана здесь с умением автора найти точное соотношение между художественным вымыслом и исторически достоверными фактами.

Раскрывая формирование характера Абая, его мировоззрения, писатель показывает своего героя в действии, в борьбе с реакционными силами своей эпохи.

Такой подход к воспроизведению облика выдающейся личности является единственно верным, поскольку он дает возможность наиболее точно представить ее жизнь как отражение исторической эпохи.

Изображая многие стороны жизни казахов в конце XIX — начале XX века и идейную борьбу Абая, М.О. Ауэзов в полном соответствии с исторической правдой показывает, что Абай не мог не столкнуться с проникновением в Казахстан реакционного религиозно-политического течения панисламизма, проповедавшего наряду с пантюркизмом государственное объединение под властью турецкого султана. Турецкая буржуазия, стремясь укрепить свои позиции в борьбе за колонии с более сильными капиталистическими державами, пыталась использовать религиозно-политические течения для объединения под своей эгидой мусульманских народов с колониальных окраин России. Пантюркистская и панисламистская пропаганда в Средней Азии и Казахстане особенно широкий размах приняла со времени организации в Константинополе политической партии «Единение и прогресс».

В начале XX века усиление деятельности панисламистов нашло свое проявление в активной агитации за создание самостоятельной духовной организации в Казахстане с подчинением муфтию, как части духовной иерархии всех мусульман с центром в Турции.

В ряду крупных городов Казахстана при некоторых мечетях усилиями панисламистов создавались конспиративные типографии, где печатались призывы к созданию муфтията и пропагандистская литература панисламистского толка. Для панисламистской пропаганды использовался каждый повод, даже создание русско-казахских школ представлялось в подобных прокламациях как один из методов обращения казахов в христианство.¹

Автором и распространителем подобных посланий был, в частности, кокшетауский мулла Шаймардан Кошегулов, один из убежденных панисламистов Акмолинской области. При его аресте был произведен обыск и обнаружены почтовые расписки об отправлении корреспонденции нескольким лицам, в числе которых был и Абай Кунанбаев. В связи с этим семипалатинский генерал-губернатор в апреле 1903 года предписывает уездному начальнику: «В виду производящегося ныне дознания по поводу распространения среди киргизского населения противоправительственных прокламаций и необходимости обнаружения содержания как упомянутого письма, так и вообще корреспонденции Ибрагима Кунанбаева предлагаю вашему высокоблагородию тотчас же по установлению переправы через р. Иртыш отправиться по месту жительства названного Кунанбаева, произвести у него тщательный обыск и всю взятую у Кунанбаева корреспонденцию представить мне».²

Из секретного донесения семипалатинского уездного начальника военному губернатору Семипалатинской области становится известным, что в результате тщательного обыска, произведенного в апреле 1903 года в зимовке Ибрагима Кунанбаева, была изъята вся принадлежащая ему корреспонденция. При этом было обнаружено письмо из Кокшетау, адресованное Ибрагиму Кунанбаеву неизвестным лицом, с просьбой побудить киргиз Семипалатинского уезда и присоединиться к киргизам

¹ ЦГА Каз, ф. 15, оп. 2, д. 399, лл. 8,9.

² Там же.

Акмолинской области, обратившейся к правительству с ходатайством об учреждении особого магометанского духовного собрания для киргиз.

Письмо это, по объяснению Абая получено им от неизвестного лица. В документе говорится, что «Кунанбаев письмо это передал своему сыну Турагулу, который в свою очередь передал таковое чингизскому волостному управителю «на цыгарки», в не для какой-либо цели, так как ни отец, ни он сам никакого значения этому письму не придавали».¹

Царские власти вели активную борьбу с панисламистской пропагандой, подрывавшей позиции царизма на колониальных окраинах России. Поэтому при новом известии о поступлении на имя А. Кунанбаева письма от Ш. Кошегулова семипалатинский военный губернатор обратился к степному генерал-губернатору, с ходатайством о получении в Министерстве почт и телеграфов разрешения на «выемку письма на имя Кунанбаева, хранящегося в Аркатской конторе».²

Обнаруженные нами ЦГАОР СССР документы свидетельствуют, что Абай Кунанбаев представлялся властям крупной политической фигурой того времени, так как директор департамента полиции в Петербурге из всех адресатов Кошегулова заинтересовался именно им и просил о «препровождении ему в подлиннике задержанного аркатской почтово-телеграфной конторой письма, отправленного из г. Кокчетава Акмолинской области 7 марта сего года Кошегуловым на имя Ибрагима Кунанбаева».³

После ареста Кошегулова степной генерал-губернатор Сухотин телеграфировал семипалатинскому генерал-губернатору, что в «аркатской почтовой конторе есть письмо, адресованное Кунанбаеву из Кокчетава от Кошегулова; ввиду прекращения вредной агитации, зная Кунанбаева как разумного, понимающего человека, прошу уездному начальнику присутствовать при получении Кунанбаевым письма и уговорить его передать нам письмо».⁴

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 1903, ед.хр. 50.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦГА Каз. ф. 15, ед. 2, д. 399, л. 64.

А. Кунанбаев, получивший письмо до ответа из Петербурга, добровольно передал его семипалатинскому уездному начальнику.

Содержание упомянутого письма Кошегулова было впервые опубликовано Ф. Киреевым.¹ Оно носило политический характер и преследовало главным образом две цели. Во-первых, склонить Абая к лагерю панисламистов как «высокоуважаемого, всеми чтимого человека», «народного руководителя», чтобы использовать в своей пропаганде его авторитет и огромное влияние на народ. Во-вторых, Кошегулов стремился выяснить позицию Абая в данном вопросе. Однако Абай не ответил ни на одно из писем. Это молчание достаточно красноречиво характеризует его позицию: он видел прогрессивную историческую перспективу для своего народа только в сближении с русским народом, его демократической культурой, борьбой за социальную справедливость.

Недаром на запрос степного генерал-губернатора Сухотина «собрать и доставить возможно обстоятельные сведения о личности Кунанбаева» семипалатинский генерал-губернатор сообщает, что в политическом отношении он считает А. Кунанбаева, «человека умного и не фанатика, ...благонадежным и неспособным вмешиваться в какие-либо интриги мусульманских заправил». «В суждениях своих, — пишет он далее, — во время бесед Кунанбаев обнаруживает полное понимание государственных интересов и правильные взгляды на цивилизаторскую миссию России в азиатских владениях и с негодованием осуждает попытки мусульман-фанатиков противодействовать правительству в его стремлениях».²

Этот документ дает возможность убедиться в твердой и ясной позиции Абая по отношению к панисламистам и их стремлению обособить казахский народ от русского с помощью крайнего религиозного фанатизма.

Естественно чиновнику царского колониального аппарата, толкующему взгляды Абая как призвание цивилизаторской миссии России в ее восточных колониях, не дано было понять всей глубины философских и политических взглядов Абая — просветителя и демократа, увидевшего две России и выбравшего Россию демокра-

¹ «Казахстан», 1950, № 21.

² ЦГА Каз, ф. 15, оп. 2, д. 399, лл. 74, 86.

тическую, без царского самодержавия, против которой боролись лучшие демократические силы его времени.

Знакомство автора эпопеи с подлинными историческими свидетельствами, а также глубокое изучение социально-политических взглядов своего героя позволило ему сделать ряд художественных обобщений творчески домыслить реакцию Абая на усиление панисламистской пропаганды в Казахстане в начале XX века.

Эпопея на примере Семипалатинска дает наглядное представление о социальных группах, которые были заинтересованы в распространении панисламистской пропаганды. Это прежде всего казахское и татарское духовенство — имамы, кари, хальфе и другие наставники из наиболее крупных мечетей, расположенных по обоим берегам Иртыша.

Идея муфтията нашли также поддержку у казахского и татарского купечества, крупных городских богачей — владельцев промышленных предприятий, отдельных представителей казахской служивой интеллигенции.

Стремясь привлечь Абая на свою сторону, казахские панисламисты раскрывают перед ним свои цели — создание «единого всероссийского религиозного центра — «муфтията», подчиняющегося муфтию, который станет верховным пастырем всех мусульман города, мало того всей Семипалатинской области, — и более того — всего казахского народа... Признавая муфтия своим главою, ему должны также подчиняться все приверженцы ислама в Казани, Уфе, Оренбурге, Троицке, Омске». Таким образом, «тридцатимиллионное мусульманское население Российской империи, братья и сестры в истинной вере станут еще ближе друг другу, сплотятся в единую семью...».

В Стамбуле, в стране халифата, находится духовный оплот всех правоверных — шейх-уль-ислам. К нему должны присоединить и российскую мусульманскую общину»¹

С этой целью идеологами панисламизма составлялись петиции и приговоры от имени всех мусульманских народов, живущих на территории России. Добиваясь их широкой поддержки, собирая подписи среди городского и сельского населения, верхушка казахского духовенства

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 687.

в Семипалатинске обращается, как показано в эпосе за помощью к Абаю, человеку, пользующемуся уважением и любовью у народа, возглавляющего на него в связи с этим большие надежды.¹

Исключительно интересны и имеют познавательное значение достоверные детали этой компании — показ на примере Семипалатинска активной деятельности местного духовенства, посещавшего даже рабочие поселки, кварталы бедняков, не говоря о проповедях в мечетях и других местах скопления народа, где они с благоговением произносили титулы «хальфе-султан» и «шейх-уль-ислам», призывая население присоединить свои голоса за создание муфтията.²

Этот вопрос был настолько принципиален и важен для Абая, что исходя из известных документальных свидетельств М.О. Ауэзов показывает своего героя высказывающим отдельным представителям городского трудящегося люда Семипалатинска свое глубоко отрицательное отношение к панисламистской пропаганде.

Абай говорит пришедшим к нему за советом простым прихожанам мечетей: «Пусть горжане никаких приговоров не составляют и подписей своих не дают. Пусть отговариваются тем, что казахи испокон веку не были богомольны, а потому и муфтия не желают... Клич к объединению под знаменем ислама не подходит, потому что не приближает нас к просвещению, а отдаляет от него».³

Эта сцена, безусловно, является авторским вымыслом, но из всего выше сказанного можно заключить, что она по своей исторической достоверности может быть приравнена к фактам подтверждаемым документами. Это тот прием в работе исторического романиста, о котором писал А. Толстой, отвечая на вопросы начинающего автора: «Можно ли присочинить биографию историческому лицу? Должно. Но сделать это так, чтобы это было вероятно, сделать так, что это (сочиненное) если и не было, то должно было быть».⁴

Исходя из известных исторических фактов, глубокого понимания особенностей эпохи и биографии Абая

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 688.

² Там же, стр. 689.

³ Там же, стр. 692.

⁴ А. Толстой. О литературе. М., 1966, стр. 322.

М.О. Ауэзов творчески домысливает их развитие, воссоздает естественно вытекающие из них возможные последствия. Умело пользуясь своим правом художественного вымысла, он доводит до логического завершения острую идейную борьбу Абая против проникновения панисламизма в Казахстан. Писатель приводит Абая к открытому спору в главной мечети города со сторонниками муфтия — духовенством, представителями национальной буржуазии, готовых подчинить казахов «чужой и враждебной им власти муфтия».

Обосновывая свою позицию, Абай говорит Абишу: «Они хотят, чтобы я забыл, как, выйдя, из невежественного аула, сделался просвещенным человеком. Они хотят, чтобы я отвернул тот луч света, который осветил мне в темной степи тропинку к русской книге, открыл мне глаза на мир. Если прислушаться к голосам тех, кто шлет мне послания от имени ислама, я должен превратиться в современного дервиша, в нового Суфи-Аллаяра, должен унижить самого себя, сжечь свои произведения... Они хотят отравить ядом ислама всех казахов, используя для этой цели меня как свое орудие. Они намерены задержать в путях невежества все последующие поколения нашего народа».¹

Естественно, что этот монолог Абая вымыслен автором. Но он также может служить образом того, как достоверно и убедительно звучат сцены, отдельные эпизоды, раздумья поэта целиком построенные автором на творческой трансформации исторических документов. Наряду с литературным наследием Абая они дают основание для раскрытия главного направления идеологической борьбы поэта с реакционными силами своего времени.

М.О. Ауэзов, отражая в своем произведении поступательный ход истории, показывает, как Абай, будучи выразителем прогрессивных тенденций своего времени, отвергает панисламистскую пропаганду, несущую казахам невежество и отсталость, и призывает к просвещению, к истинному пути освобождения народа.

В этой борьбе с наиболее жестокими и дикими угнетателями народа из феодальной среды, с реакционным духовенством идет становление характера Абая, растет его политическое самосознание.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 488.

Большого драматизма достигает повествование той части эпопеи, где рассказывается об эпидемии холеры в Семипалатинске, вспыхнувшей в 1892 г., и борьбе Абая с представителями мусульманского духовенства города, неслыханно обогащавшимися на похоронных обрядах. Сцены, рисующие столкновения Абая с духовенством, здесь вымышленны. Однако они вполне допустимы и правомерны, так как находятся в полном соответствии с критическим отношением Абая к духовенству, алчность и продажность которого он не раз высмеивал в своих стихах. Вместе с тем Абай не мог оставаться равнодушным к тяжкому бедствию народа и, как просвещенный человек, искал пути облегчения его страданий. Борьба поэта с духовенством, выраженная в призывах к отказу на время эпидемии от традиционных мусульманских похоронных обрядов, способствовавшие еще большему распространению болезни, соответствует с предписаниями Министерства внутренних дел по медицинскому департаменту, касавшиеся временных правил «о погребениях умерших от холеры магометан» от 10 августа 1892 г., с которыми Абай наверняка был знаком.

В романе показано, что в борьбе Абая за облегчение положения народа в момент эпидемии большую роль сыграли советы его друзей — политических ссыльных, среди которых, были и врачи. Это обстоятельство также имело под собой реальную почву, вспомните дружбу Абая с ссыльными врачами Н. Долгополовым, его супругой А. Шур и др.

Такого рода вымышленные факты не искажают исторического облика Абая, а напротив глубоко раскрывают его тесное общение с народом, показанное в живых сценах, его кровную связь с терпящей лишения и страдания городской беднотой. Здесь авторский домысел помогает с большой художественной выразительностью выделить те наиболее прогрессивные черты в деятельности Абая, которые сделали его просветителем и демократом, защитником народа, выразителем его чаяний.

Большое место в эпопее занимает просветительская деятельность Абая. Для ее воспроизведения М.О. Ауэзов использовал как достоверные исторические факты, известные из его биографии, так и само литературное наследие Абая.

Отмечая эти основные черты просветительства, в творческой и практической деятельности Абая Кунанбаева,

нельзя упускать из виду те конкретно-исторические условия, в которых он провел свою жизнь.

Так, Абай, обличая уродливые пережитки патриархально-родового строя в общественных отношениях, безжалостную эксплуатацию трудового народа баями, допуская произвол и насилие, объективно выступал против патриархально-феодалных устоев казахского общества.

При изображении повседневной жизни Абая, его влияния на окружающих М.О. Ауэзов также опирался на конкретный жизненный материал. Например, в текст романа в творческой переработке автора были включены следующие факты, относящиеся к просветительской деятельности Абая. По воспоминаниям Архама Искакова, «... «Черный век и Марта», «Четыре мушкетера», «Рустем», «Рассказы о Петре Великом...», «Тысячу и одну ночь» впервые рассказал народу Абай».

«...«Шерней бек¹ Марта», «Төрт мушкетер», «Рүстем», «Петр великий жайынан ертеке», «Мың бір түнді» елде алғаш айта бастаған Абай».²

В романе воспроизводятся пересказы Баймагамбетом, уже со слов Абая, названных здесь и других произведений русской и западноевропейской классики. Эти сцены основаны на личных впечатлениях Ауэзова, которому в юности довелось быть одним из слушателей Баймагамбета.

Дополнением здесь служили и воспоминания Дильды, первой жены Абая, в передаче Катпы Курамжанова.

«Абайдың айналасы кітап болады дейді: үйде отырғанда оқып отырады. Көзіне очки киеді. Немесе кітап үстіне лупа жүргізіп отырады».³

«Окружением Абая были книги. Находясь дома, он всегда читал. Надевал очки или читал книгу через лупу».

Абай не только сам овладел русским языком, но и обучал своих детей и близких. Об этом, в частности, можно судить по донесению семипалатинского военного губернатора: «Один из сыновей Кунанбаева по окончании курса Михайловского артиллерийского училища был про-

¹ Искаженное русское «Черный век».

² Архив ЛММА, папка № 29, л. 167 об.

³ ЦГА Каз. ф. 15, оп. 2, д. 399, лл. 87-88.

изведен в офицеры и, будучи на службе, умер в Туркестанском округе. Ныне замужняя дочь Кунанбаева окончила курс науки в киргизском интернате, все остальные дети пишут и читают по-русски. Грамоте обучал их отец. Кунанбаев весьма интересуется русской литературой, выписывает книги, газеты и журналы».

По данным Архама Исхакова, племянник Абая Кайтай Исхаков, находившийся у него на воспитании с 12 лет, также начал обучаться русскому языку у самого Абая.¹

Основываясь на воспоминаниях современников, М.О. Ауэзов изображает Абая пропагандистом своих просветительских взглядов не только в поэзии, но и в жизни, в беседах со своими земляками о значении жизни, новых форм хозяйствования, новой морали. Он пытался расширить их кругозор, знакомя в форме пересказа с отдельными образцами русской и западноевропейской литературы.

Среди такого рода мемуарных источников первостепенное значение имеют факты, которые были непосредственно использованы в эпопее.

Так, по данным Ермусы:

«Келдібек баласы Ниязбек (Жәкен) медреседе оқып, қалада Абайға келгенде: «не оқисың?» дейді. Нақу оқимын дегенде, «жыңды болуға аз-ақ қалыпсың» дейді. «Еңбек үйренем десең егін сал» дейді. Кейін Ермұса санайды, жақсы егінші болған».²

«Абай был в городе, к нему пришел Ниязбек, сын Келдибека, обучавшийся в медресе. Абай спросил его, что он изучает. Ниязбек ответил, что изучает наху. Абай сказал, что ему — Ниязбеку до помешательства остается уже немного, и посоветовал: «Если хочешь обучаться труду, займись земледелием». Впоследствии как отметил Ермуса, Ниязбек стал хорошим хлеборобом».

Изображая Кокпая Жанатаева, пришедшего в сопровождении слушателя медресе Алпеима уговаривать Абая присоединиться к панисламистски настроенным казахским муллам, М.О. Ауэзов показывает, как Абай высмеивает Алпеима:—«великовозрастного бородатого дядю, не постеснявшегося пойти в ученики в медресе при глав-

¹ Архив ЛММА, папка № 29, п. 71 об.

² Там же, л. 53.

ной мечети, муллой которой стал Кокпай». М.О. Ауэзов пишет: «Абай повернулся к Алпеиму и спросил:

— Ну-ка, скажи, Алпеим, какой ты сейчас премудростью занимаешься?

— Изучаю арабскую грамматику, наху,— ответил Алпеим, осторожно выжидающим взглядом уставившись на Абая.

— Э, смотри, жигит, так недолго и помешаться. Ведь у самих арабов есть поговорка,— и Абай процитировал по-арабски: «Кто долго учит законы — фикху, тот помнеет, кто долго учит наху последний ум потеряет». Он рассмеялся и продолжал: «Это не я говорю, а арабские ученые-богословы, которых ты зубришь». И помолчав добавил: «Ох, Алпеим, отец твой был разумным человеком, ведь это он первый посеял хлеб на Такыре. И тебе бы лучше всего было поехать домой, в степь, да заняться полезным трудом».¹

М.О. Ауэзов принимал во внимание опубликованные архивные документы,² свидетельствующие об активном, непосредственном участии Абая в развитии земледелия у казахского населения, и связанное с этим его обращение о сохранении земли егинши к царской администрации, занимавшейся земельными изъятиями, связанными с переселенческой политикой царизма.

В романе, как известно, нашло яркое проявление положительное отношение Абая-просветителя к развитию земледелия у казахов. Достаточно вспомнить как Абай защищает интересы бедняков-жатаков, постоянно страдавших от байских потрав их полей. Эта линия романа была построена автором на основании воспоминаний современников и выше названных архивных документов, а также на главном источнике эпопеи — поэтическом творчестве самого Абая.

Как известно, Абай во многих своих произведениях выступал горячим сторонником перехода казахов к земледелию, оседлости, промышленному труду, как более прогрессивным формам хозяйствования. В тех случаях, когда Абай говорит о своих произведениях об общественно-полезном труде (еңбек), он главным образом имел в виду земледелие.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 684.

² «Среди архивных документов (новые материалы об Абаяе Кунанбаеве)». «Советский Казахстан», 1956, № 9, стр. 125-128.

Так, стало пословицей двустишие известного стихотворения Абая «Сегіз-аяқ»:

Если трудишься, не лентясь
Будешь сытым ты каждый час!¹

Так же он говорит:

Егіннің ебін
Сауданың тегін
Үйреніп, ойлап мал ізде...²

С юных лет трудись,
Сеять хлеб учись,
И достаток приобретай,
Приумножишь скот...

Абай поощрительно относится и к развитию ремесла у казахов.

Подобных примеров в эпосе много, все они построены на конкретном жизненном материале, сообщенном современниками.

Так, по сведениям А. Исхакова: «Абай өнерпаздарға көмекші. Сыбызғышы, домбырашы, құмалақшы, дойбышыларды қатты сүйеп-күшейткен, ұсталықты, ісмерлікті қатты қостаған».³

«Абай помогал людям, владеющим ремеслом (искусством). Он поощрял домбристов, играющих на сыбызге, кузнецов, мастеров по игре в тогузкумалак, шашки».

Отмеченное современниками заботливое отношение Абая к музыкально одаренным людям, творчески использовано М.О. Ауэзовым в романе. Он ярко показал, что аул Абая был своеобразным духовным центром края: куда постоянно стремились поэты, музыканты, певцы.

«Аул Абая как бы притягивал к себе искусство — самые различные образцы его можно было встретить на дружеских вечерах в Большой юрте. Тут бывали талантливые акыны, певцы, виртуозы-домбристы, мастера красноречия, щедрые на шутки и остроты».⁴

¹ Абай Кунанбаев. Лирика и поэмы. М., 1940, стр. 78.

² Там же.

³ Архив ЛММА, папка № 29, л. 70 об.

⁴ М. Ауэзов. кн. 2, М., 1958, стр. 143.

Среди таких талантливых певцов и музыкантов особенно выделялся Муха, который, обучившись игре на скрипке, исполнял отдельные произведения русской и западноевропейской классики. Известно, что он был одним из лучших исполнителей «письма Татьяны» и других произведений Абая.¹

В работе над образом Мухи М.О. Ауэзов использовал фактические данные о реально существующем талантливом музыканте Мухаметкали Адильханове, записанные писателем Сапаргали Бегалиным на родине Абая. В этих материалах подробно рассказывается биография Мухи, его история обучения музыке.² Особенно интересны страницы его жизни, когда ему покровительствовал Абай. Муха поселяется в ауле Абая и в течение ряда лет находится среди окружавшей поэта одаренной молодежи.

«Мұқаны Абай әдейілеп Семейге жіберіп, ән-күй үйреніп музыканттық талантының өркендеуіне көп көмектеседі. Мұқаны Мәскеу, Петербургке жібермек болып, әдейілеп киім тіктіріп даярлап жүрген кезінде елдің ша-тағынан ойы іске аспай қалады».³

«Абай специально посылал Муху в Семипалатинск, чтобы тот развивал свои музыкальные способности, обучаясь песням, музыке. Он намеревался отправить Муху в Москву и Петербург, специально для этого заказал одежду на него, но из-за беспорядков в степи эта мысль осталась неосуществленной».

Все эти сведения нашли довольно точное отражение в романе, где о Мухе говорится следующее: «В среде молодых друзей и учеников Абая Муха появился не очень давно. Сам он был не из этих мест, он происходил из рода кандар племени уак. Там он полюбил одну девушку, но так как родители ее противились свадьбе, Муха, по совету Магаша, увез ее и поселился в тобыктинских аулах. Искусный певец, скромный и веселый Муха понравился Абаю, стал одним из его любимцев...

Абай внимательно следил за игрой Мухи. Было ясно, что Муха не обладал настоящей техникой, очевидно, он лишь кое-чему подучился у какого-нибудь заурядного

¹ М.С. Сильченко. Абай, 1945, стр. 78.

² Архив ЛММА, папка № 29, лл. 233—235.

³ Там же, лл. 232—235.

скрипача, но в нем чувствовалось редкое дарование и музыкальность».¹

Приведенные выше отрывки воспоминаний об Абае, сохранившиеся в памяти его современников и их потомков, свидетельствуют о том, как бережно в течение многих лет М.О. Ауэзов по крупицам собирал разносторонние сведения об Абае, в том числе и о его повседневной жизни. Художественное обобщение и отражение этих сведений в романе способствовало созданию многогранного живого образа поэта.

В этой связи не случаен и отбор писателем материала, говорящего о сочувственном отношении Абая к угнетенному положению женщин в казахском обществе, о его борьбе за облегчение ее доли, его активных выступлениях против отсталых феодальных устоев в области семьи и брака.

Так, в эпосе Абай неоднократно защищает права женщин. Например, он становится верховным бием в деле девушки Салихи, освобождает ее от брачных обязательств, связанных с законами шариата. Далее Абай оказывает смелую поддержку и помощь Макен и Дармену, бежавшим из степи в город под его защиту. Он советует им прибегнуть к русским законам брака как более прогрессивным по сравнению с мусульманскими.

Эти события непосредственно связаны с подлинными ситуациями, имевшими место в биографии Абая. В разных источниках сохранились сведения об участии Абая как верховного бия в споре родов из-за девушки Хадиши, принявшем в свое время огромные масштабы. М.О. Ауэзов подробно записал воспоминания Ермусы, об этом событии:

«Хадиша қыз дауы. Абайдың сабалуына осы себеп болған. Хадиша Байғұлақ туысқаны. Жуантаяқ қызы. Айттырған жері Есполат. Осыны абыралы Жолдыбай (жігіт) алып қашпақ болады. Бес жігіт сақтоғалақ аңдып тұрып ұстап алады. Осы жанжал. Абай қыз-жігітті алғызады. Екі аяқта бір кісен. Қыз кеп есіктен өлең айтады. Абай билік айтады. Қызға теңдік береді. Осыдан Есполат жесірі кетіп қас болады. Жуантаяқ қызы кетіп қас болады. Абен, Оразбай осы тұста ұрандасады».²

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 144.

² Архив ЛММА, папка № 29, лл. 55, 56 об.

«Спор из-за девушки Хадиши. Это послужило причиной избиения Абая. Хадиша родственница Байгулака из рода жуантаяк, была засватана родом есполат. Ее хотел похитить абралинец Жолдыбай. Пять жигитов из рода сактоголак, подкараулив, схватывают его. В этом суть ссоры. Абай требует к себе девушку и юношу. У обоих ноги были связаны одними железными путами. Девушка, войдя в дверь, запела песню. Произнося судебный приговор Абай дает девушке свободу. Потеряв невесту, род есполат становится враждебным Абая. Жуантаяки то же во вражде с Абаем из-за ухода девушки. Абен, Уразбай в этот момент дают клятву (т.е. объединяются против Абая —Л.А.)».

Если обратиться к первому тому эпопеи, то легко проследить что цитированные выше сведения почти полностью легли в основу разбирательства Абаем спора между двумя родами из-за девушки, самовольно расторгнувшей брачный договор. Но все эти сухие факты в романе обрели плоть и кровь, дополнившись авторским вымыслом.

М.О. Ауэзов воссоздает историю вражды между родами, описывает взаимные набеги с угоном скота. После разрыва сватовства сыбанцы стали угонять скот у кереев. «Каждая сторона старалась захватить не меньше угнанного. Набег сменялся набегом... Всякий, кто был способен поднять соил, ввязывался в борьбу. Вокруг неудачного сватовства затянулся крепкий узел вражды».¹ Далее автором подробно раскрываются мотивы, по которым спорящие стороны обратились на Балкыбекском съезде к Абая, чтобы он на правах верховного бия решил тяжбу. Подробно описан ход следствия по делу Салихи. Интересно построена сцена беседы Абая с Салихой, раскрывающая горячее стремление девушки к свободе, ее твердое решение уйти из жизни, но не покоряться судьбе, став третьей женой старика. Психологически тонко и убедительно М.О. Ауэзов показывает, как перед мысленным взором Абая возникает картина гибели девушки бросившейся в реку с высокого утеса. Мысли и видения теснились в душе Абая, и размеренные слова сами сложились в строки:

¹ М. Ауэзов. Абай, к. 1, М., 1958, стр. 729.

«...Пусть тело мое целует не старый муж, а волна!—
Сказала и в темные воды со скал метнулась она...»¹

Так, в тесном сопоставлении с реальными фактами из биографии Абая М.О. Ауэзов рисует рождение известного стихотворения Абая «У хана девушка жила».

Вместе с тем, воображением художника воссоздается вся сложная атмосфера суда биев, предшествовавшая окончательному решению судьбы девушки. Здесь же и начало разрыва Абая с Жиренше и Уразбаем, помощниками главного бия, принявшие крупную взятку от одной из сторон, дабы решить дело против Салихи. И наконец само разбирательство на Балкыбекском съезде, закончившееся справедливым решением Абая, который наряду с освобождением девушки строго продумал все меры по взаимному материальному удовлетворению сторон. Подчеркивая прогрессивные тенденции в деятельности Абая, М.О. Ауэзов показывает, что основная масса народа согласна с его неожиданным и смелым решением. Несмотря на проклятия части степной аристократии, и киреи, и сыбанцы «оценили Абая как человека новых мыслей, смело ломавшего старые казахские обычаи».²

Даже в отношении всецело вымышленных персонажей, к примеру как Дармен, автор также стремился опираться на реальный исторический материал, что придавало большую убедительность и жизненность его персонажам. Так, бегство Дармена с любимой девушкой Макен в Семипалатинск под защиту Абая, будучи вымышленным эпизодом, находит не одно яркое подтверждение правомерности такого вымысла в самом материале биографии Абая. Выше упоминалось о талантливом музыканте Мухе, который, бежав с любимой женщиной, нарушившей обычай аменгерства, нашел приют и покровительство у Абая. Аналогичный эпизод был записан М.О. Ауэзовым со слов Катпы Курамжанова:

«Ахмет Шәріп Молдажан ұлының қатын(ын) алып қашып, Абай қолына келіп үш жыл тұрып қайтқан. Бұл орысша, қазақша оқыған адам. Жетім бала есебінде оқуға түскен. Қызметін тастап Абаймен танысқандықтан соның ауылына үш жылға кетеді»³

¹ М. Ауэзов. Абай, к. 1, М., 1958, стр. 732.

² Там же, стр. 739.

³ Архив ЛММА, папка № 29, л. 208.

«Ахмет Шарип, похитив жену сына Молдажана, приехал к Абаю и прожил у него три года. Это был человек грамотный, по-русски и по-казахски обученный. Как сирота был определен на учебу. Познакомившись с Абаем, он уезжает на три года в аул, оставив свою службу».

Для характеристики нового отношения Абая к положению женщины в семье, особенно невесток, интересно следующее сообщение Тумабая:

«Келінін, қызын жасырмайды. Пакизатты ұзатарда жаулық кигізерде «Балам ақ ноқта деген осы»,— дейді. Пакизат киіп-ап әкесіне қарайды. Абай анау шыққан соң көзінің жасын іркіп ап».¹

«Невесту и дочь не держал в заперти. Когда провожали Пакизат к жениху, он подавая ей жаулық сказал: «Дочь моя, это и есть так называемая белая узда». Пакизат, надев его, смотрит на отца. После ее ухода у Абая на глазах показались слезы».

В романе нашли отражение и новые отношения, установленные Абаем в своей семье. Возьмем сцену приезда Абиша с женой в Семипалатинск, где его ждал Абай. Перед отъездом на службу в Верный Абиш заехал к отцу. «Абиш в новеньком офицерском мундире вбежал в комнату отца и громко отдал ему салема. Магиш постеснялась войти вместе с мужем и задержалась за дверью. Абай не принял салема сына. «За этим порогом осталась твоя жена,— печально сказал он.— Не кажется ли тебе, что это унижает тебя — офицера, и меня, твоего отца? Приведи ее сюда и внуши ей, что я не тот свекор, которого должна страшится невестка».² О щепетильности Абая в этом отношении, подмеченной М.О. Ауэзовым, свидетельствует групповой фотоснимок Абая с семьей, где он запечатлен с сыновьями, женой и невесткой.

Немало внимания уделил писатель и воспроизведению взаимоотношений Абая с виднейшими акынами его времени, используя при этом, следующее воспоминание Катпы Курамжанова:

«Абай Қоңыр көкшеге болыс боп тұрғанда Байкөкше ақын бұл отырған үйге кіре береді. Абай:

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 190 об.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., стр. 403.

Тақыр жерге қауындап шөп бітеді,
Қай адамға мал мен бас көп бітеді,—

деп осының аяғын отырмай айтып жіберші дегенде,
Байкөкше:

Қай жігітті пысық деп болыс қойсаң
Қашан түсіп қалғанша жеп бітеді,—

деп отыра кеткен».

«Когда Абай был волостным в Коныр-кокше, к нему в дом зашел поэт Байкокше.

Абай проимпровизировал:

На голом месте буйно вырастает трава,
У некоторых людей много детей и богатства,—

и сказал гостю,— продолжи конец этого не сядясь (двустихия — Л.А.).

Тогда Байкокше ответил:

Если изберешь какого-то жигита волостным за ловкость, то

До тех пор, пока его не сместят, будет он наживаться,— и сел».

В романе этот эпизод подвергся интересной творческой трансформации, придавшей ему более глубокий социальный смысл. Перед началом Балкыбекского чрезвычайного межродового съезда Оспан как хозяин юрты Кунанбая приглашает к себе на угощение всех волостных управителей двух уездов, среди которых находились Абай и акын Байкокше. Попросив акына спеть, волостные остались недовольны его песней, говорящей об угнетении народа власть имущими. Абай замечает тогда, песни Байкокше тем ценны, что в них голос народа. Отрицая право акына говорить от имени народа, Такежан бросает ему вызов. «Ну, коли так, спой мне в четырех строках все, что говорит народ»,— с издевкой сказал Такежан. Остальные подхватили эти слова, осыпая акына и Абая колкими насмешками.

Абай, подзадоренный, с улыбкой взглянул на Байкокше.

— Ну что же, тянуть нечего, Байеке, я начну, а ты заканчивай! Давай ответим им, что говорит про них народ!— и он громко начал:

Густой травой жайляу в низинах покрыт,
На легкое счастье родится иной жигит...

Акын сидел на корточках. Он привстал, насмешливо поднял брови и быстро закончил в лад Абаю:

Поставят за ловкость его волостным —
Он только взятки берет, пока не слетит!

— Вот, что говорит народ! — добавил он и, взглянув на Такежана, громко расхохотался.¹

В воспоминаниях современников об участии Абая как верховного бия в суде девушки Хадиши говорится, что это дело послужило причиной разрыва поэта с Уразбаем. Последний подготовил покушение на Абая.

Покушение на Абая действительно произошло летом 1897 года, во время волостных выборов на урочище Кошбике и было организовано старшиной Уразбаем Аккуловым и группой ненавидевших Абая представителей степной знати.

М.О. Ауэзов принял во внимание отдельные детали этого события в частности сцену, когда один из участников нападения, опасаясь за жизнь поэта, пытался прикрыть его от ударов своим телом.

«Абайды сабағанда үстіне жығылған. Оны талқан қып ұрған. Бір ай қалжа жеп жатып тұрған».²

«Когда Абая избивали, один из нападавших, чтобы защитить его, упал на него сверху. Его — защищавшего, жестоко избили. Целый месяц отлеживался».

Подобные достоверные и важные штрихи в воспоминаниях современников М.О. Ауэзов в ряде случаев включал в повествование почти без изменений как материал, придающий точность и историческую правдивость описанию событий, имевших место в жизни поэта.

В эпосе этот эпизод отражен следующим образом: «Но среди злодеев нашлось несколько человек, которые, увидев, что Абая хотят забить насмерть, ужаснулись и пожалели поэта — они нарочно падали на него, стараясь прикрыть от ударов своим телом».³

Автор в данном случае отошел от буквального следования за исторически задокументированным фактом,

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, М., 1958, стр. 703-704.

² Архив ЛММА, папка № 29, л. 75.

³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 620.

В котором отражена лишь внешняя сторона конфликта. Согласно документу, причиной избиения Абая было принятое им решение судьбы девушки Хадиши, неприемлемое для его противников. Писатель же переосмысливает эти сведения, прибегает к творческому домыслу, чтобы вскрыть более глубокие причины покушения на Абая, достигнуть большой значимости художественного обобщения в раскрытии социального конфликта поэта со своим классом.

На этом примере ясно видно, что в отдельных случаях точное следование документальному источнику, зафиксировавшему случайный, частный факт, дает значительно меньше оснований для исторически верного обобщения и осмысления явлений и поступков людей, т.е. для создания художественной правды, чем авторский домысел или вымысел, раскрывающие подлинную суть событий.

Необходим автору не только вымысел для отражения в романе малоизвестных периодов или обстоятельств жизни исторической личности, в данном случае Абая Кунанбаева, но он играет также важнейшую роль в исторически верной типизации жизненных фактов и явлений, отдельных представителей воссоздаваемой автором эпохи.

Для раскрытия социальных конфликтов эпохи, борьбы самого Абая автору приходилось домысливать события, сталкивать Абая с вымышленными персонажами, додумывать многое в его взаимоотношениях с родными и близкими ему людьми. Воображением дополнены картины его борьбы с врагами, например Уразбаем, описаны детали острых конфликтов с отцом Кунанбаем и др. Совершенно очевидно, что вымысел особенно в таких исторически важных аспектах не произволен, а целиком подчинен концепции истории автора, которое зависит от его идейных установок.

Так М.О. Ауэзов широко пользовался художественным вымыслом при показе взаимоотношений Абая с людьми из народа, такими, как его любимый ученик Дармен, как Даркембай, пастух Иса, старики-жатаки и др. Здесь авторская фантазия служила отражению тесной связи Абая с народом, защитником интересов которого он выступал.

Эта связь с народом выглядит в романе реальной и жизненно убедительной в значительной степени благо-

даря тому, что народ представлен здесь не абстрактной безликой массой. Его обобщенный образ складывается из многих конкретных персонажей со свойственными им типичными чертами, глубоко индивидуальным внешним и психологическим обликом, своими человеческими судьбами, контактами с Абаем. Вместе с тем выразитель страданий и чаяний простого люда Абай не изображен как герой, стоящий над народом. Напротив, деятельность и стремления поэта находятся в полном соответствии с прогрессивным ходом исторического развития народа.

Однако, как вымысел, так и домысел автора при работе над историческим романом не могут быть произвольными, независимыми от правды исторической действительности, представленной в произведении.

Внимательное рассмотрение вымышленных эпизодов романа «Путь Абая» показывает, что все они даются с глубоким обоснованием и верностью правды жизни, правде истории, поэтому они кажутся не менее достоверными, чем эпизоды, построенные на документальной основе.

В этой связи М. Ауэзов говорил об ответственности труда художника, которому необходимо увидеть за различными и по разному понятыми современниками фактами истинную сущность явлений, движущие силы исторического процесса. Особенно важным условием художественного вымысла М.О.Ауэзов считал социальное обоснование психологии и поступков персонажей. Это главным образом и определяло многие черты додуманые при характеристике Абая как исторического образа, который в ряде обстоятельств действовал отлично от поступков своего реального прототипа. Образ Абая, созданный М. Ауэзовым по признанию критики является не простой суммой положительных черт, а перерастает в органический синтез глубоко индивидуальных качеств, свойственных только Абаю, достойных только его исполинской фигуре. «Вот почему образ Абая обладает исключительной силой убедительности и эмоционального воздействия, а черты, присущие Абаю, являются, с одной стороны, постоянными, порожденными существующей реальной действительностью качествами, а с другой стороны, качествами, рожденными чаяниями народа. Ум, характер, нравственные устои, передовые общественно-политические взгляды, эстетический кодекс формируются на длительном жизненном пути, в непримиримой борь-

бе, кристаллизуются и совершаются в народной среде, под прямым влиянием передовых идей эпохи и живого воздействия лучших представителей народа. Благородные качества и достоинства, свойственные Абаю — это то лучшее, новое, что присуще народу. Поэтому мы имеем полное право заявить, что в развитии характера Абая ярко выразились существенные черты формирующегося национального характера казахского народа».¹

Интересно проследить методы работы М.О. Ауэзова над документальными свидетельствами эпохи на примере воссоздания им образов других действующих в романе лиц, представляющих окружение Абая и прежде всего ту среду социальных верхов, от которых он приходит к народу. Отвечая на вульгаризаторскую критику романа, видевшую народное лишь в изображении жизни бедных семей аула, М.О. Ауэзов утверждает, что «Абай должен быть показан в правдивой, характерной для него исторической среде и в этой среде он должен быть изображен как выразитель дум, чаяний и стремлений народа... А люди бедных слоев аула показываются в романе во все годы жизни Абая, во все моменты зарождения и роста в ней общественного сознания».² Именно это конкретная историческая среда и время определили формирование и становление личности поэта. Это обстоятельство совершенно закономерно для любого исторического романа, в центре которого стоит подлинная историческая личность. Поэтому и многие персонажи из окружения Абая должны были иметь своих реальных жизненных прототипов, а автор исходить из них.

Рассмотрение эпопеи в этом плане обнаруживает, что среди сотен ее персонажей вымышленные фигуры составляют единицы, подавляющее же большинство героев — подлинно существовавшие личности. На это указывал и сам автор: «В романе документально историчны имена действующих лиц, за очень немногим исключением речь идет о личностях, реально существовавших, так же как существовали их роды, колена, племена».³ О биографиях и деталях этих личностей М.О. Ауэзов был пре-

¹ М. Каратаев. Первая Казахская эпопея. В кн.: Сборник статей о казахской литературе, Алма-Ата, 1958, стр. 154.

² Архив ЛММА, папка № 400, стр. 8.

³ М. Ауэзов. Указанная статья. стр. 360.

красно осведомлен, так как провел большую и кропотливую собирательскую работу на родине поэта.

Глубоко вникая в суть социальных противоречий эпохи М.О. Ауэзов ставил своей задачей отразить полувековую историю народа в конкретно-исторических образах, которые несли в себе характерные черты эпохи и объективно представляли основные тенденции исторического процесса.

Именно эта борьба прогрессивных и реакционных сил в казахском обществе, воссозданная посредством ярких и исторически достоверных образов, является основным содержанием эпопеи «Путь Абая». В этом свете каждый ее художественный образ, имея в большинстве случаев своего конкретного прототипа, в той или иной мере типичен, наделен определенными социальными признаками и соответственно выражает определенные интересы. Хотя образы, основанные на конкретных сведениях, представляют собой широкое художественное обобщение, выявление достоверной исторической основы, на которой базировался автор, в ряде случаев представляет возможность яснее определить присущие ему принципы художественной типизации. Материалы источников дают возможность показать, как использовал М.О. Ауэзов отдельные конкретные документальные свидетельства эпохи для воспроизведения образа главного врага Абая — Уразбая, в действиях которого, направленных против народа и Абая, нашла выражение напряженная борьба господствующего класса феодалов с прогрессивными силами истории.

В отличие от Кунанбая, представляющего казахскую феодальную верхушку середины XIX века, Уразбай — выразитель интересов казахского байства последней четверти XIX века, порождение новой эпохи, связанной с проникновением в Казахстан капиталистических отношений. Уразбай представлен в романе как один из наиболее жестоких феодалов, не знающих никакой узды в угнетении народа. Недаром Абай называет его злодеем, лютым волком степи, истязателем народа.

Эти черты Уразбая воскресают и в скупых характеристиках, данных ему современниками и записанных М.О. Ауэзовым.

«Оразбай — ауызды, қақсап отыратын, қара қабан кісі еді».¹

¹ Архив ЛММА, папка № 29. л. 133.

«Уразбай — властный, назойливый, многословный — напоминал черного кабана».

Уразбай выступает лютым врагом Абая, на которого он переносит всю свою ненависть после смерти оскорбившего его Оспана. Раскрывая в романе этот объективно имевший место в истории характер взаимоотношений Уразбая и Абая, М.О. Ауэзов писал: «Мстительный, жестокий, решительный, он (Уразбай — Л.А.) считал, что если уж враждовать, то враждовать надо так, как Кунанбай, прибегая в борьбе к любым средствам. Последнее время он только и был занят тем, что расставлял сети против Абая. Он не жалел скота и коней на взятки городским начальникам и толмачам. В степи он привлекал к себе сторонников не только в тобыкты. За последние годы Уразбай добился того, что его имя было на устах всех волостных, биев и аткаминеров керея, уака, наймана, буры...»¹

Развивая ход дальнейшего проявления усиливавшейся враждебности Уразбая по отношению к Абаю, автор показывает, как Уразбай исподволь готовит покушение на поэта. Опутав Абая сетью интриг, внеся раздор в его семью, который привел к полному разрыву Абая с его старшим братом Такежаном, и заручившись гарантией безнаказанности со стороны властей в лице крупного царского чиновника Азимхана, одобдившего его черный замысел, Уразбай решает осуществить убийство Абая.

М.О. Ауэзов стремился к наибольшей жизненной конкретности в изображении персонажей, для чего он достаточно полно использовал и подлинные черты реально существовавших действующих лиц. Это помогало ему избежать социологического схематизма в показе своих героев.

Так, по его записям со слов очевидцев: «Уразбай — ақшыл, үлкен, Медеуге ұқсас, семізіше, ақ көзі соқыр, сақалы шамалы, ер пішінді кісі».²

«Уразбай, бледный, крупный, похожий на Медеу (его сына, которого М. О. Ауэзов видел — Л.А.), полноватый, слепой на один глаз, с редкой бородой, мужественного вида».

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2. М., 1958, стр. 331.

² Архив ЛММА, папка № 29, л. 144.

Этот портрет использован М.О. Ауэзовым при создании образа Уразбая, но он дополнен творческой фантазией художника, оживившей образ, придавшей ему особенную полнокровность, жизненную конкретность и убедительность. Так, к примеру, чтобы показать Уразбая в момент, когда он затевал одно из своих новых злодеяний, писатель находит выразительный жест, делающий фигуру персонажа зримой. Уразбай сидит, поглаживая свою редкую бородку, любуясь сверкающими в ней седыми волосами, которые казались ему признаком зрелой мудрости. Важное значение в раскрытии внутреннего содержания принадлежит и реалистически точному портрету персонажей, способствующему более глубокому осмыслению их образов.

Конкретно-историческое и в то же время ярко индивидуализированное изображение отличает и образы других представителей господствующего класса, как, впрочем, и большинство персонажей романа. Каждый из них, будучи типичным представителем своего класса, тем не менее имеет свои индивидуальные черты, делающие его самобытным, живым, жизненно убедительным.

Таков, например, брат Абая Оспан, которого он выделял среди своих родных как более близкого себе человека, считая его по природе добрым и отзывчивым.

По воспоминаниям Катпы Курамжанова и других современников, Оспан предстает прямым, открытым человеком, обладающим редкой физической силой. Сохранилась память о его щедрости, гостеприимстве, отзывчивости. Так, например, он оказывает приют молодому жигиту, скрывающемуся с любимой девушкой, не желавшей выйти замуж за старика и смело решившейся на нарушение степных порядков.¹

При воссоздании образа Оспана М.О. Ауэзов использовал подлинный его фотопортрет из известного группового снимка, а также воспоминания Мадияра, так описывавшего его облик.

«Оспан — қара, семіз. Көзі алақандай, мойны жуан, басы үлкен. Мойын кеуде тұтас, сақалы сүйқыл».²

«Оспан — смуглый, полный, с большими глазами, толстой шеей и крупной головой. Шея слита с туловищем, редкая бородка».

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 235.

² Там же, стр. 144.

К скупым портретным штрихам Оспана, взятым из воспоминаний его сородичей М.О. Ауэзов добавляет живые сочные краски, вводит ряд эпизодов, рассказывает о его детстве, когда шло формирование характера героя и уже проявились присущие ему качества: смелость, доброта и одновременно вспыльчивость, упрямство, своенравие.

Образ Оспана получился исключительно ярким, самобытным, «Оспана порядком побаивались. Высокий ростом, мощно, как богатырь, сложенный, он производил большое впечатление на встречающихся с ним людей. О нем ходило множество рассказов, похожих на легенды. Говорили, что повалил на землю быка, кинувшегося на него, пинком в нос оглушил злую овчарку-людоеда пытавшуюся его растерзать. Было известно, что он вытащил из колодца упавшего туда годовалого верблюжонка, ухватив его за горбы. Зная, что его могучая сила сочетается с решительным характером и порою бешеной вспыльчивостью, редко кто пытался ему противоречить.

С другой стороны, многих привлекали открытый характер Оспана, его щедрость и гостеприимство. Об этом тоже ходили легенды. Говорили, что, если кто-либо проедет мимо его аула, Оспан посылал за ним вдогонку и с шутовой обидой спрашивал его: «Чем провинились перед тобой мои овцы, что ты не желаешь отведать их мяса?»¹

Вместе с тем на примере образа Оспана можно конкретно проследить приемы типизации персонажей романа. При всем внешнем сходстве Оспана с его жизненным прототипом М.О. Ауэзов на первый план стремился выделить его социальную суть, те черты, которые идейно связали его с другими представителями господствующего класса того времени, он являет собой обобщение их типических черт. Так, диалектически раскрывая положительные и отрицательные черты Оспана, автор показывает, что весь образ мыслей и поступков, нрав Оспана, порождены его средой и обусловлены ею. Поэтому совершенно закономерно, что М.О. Ауэзов изображает его и как типичного представителя феодальной верхушки общества. Оспан, будучи волостным управителем, спокойно предоставляет царским чиновникам с помощью

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 204.

казахских шабарманов безжалостно грабить и разорять народ, собирая «черные сборы» с неслыханными злоупотреблениями в целях личной наживы.

Выслушав горькие упреки Абая, Оспан, чтобы оправдаться перед ним, устраивает на съезде своей волости суд над конокрадами-грабителями народа. Собрав всех биев, старейшин, елюбасов волости, Оспан первый решился привлечь к ответу Уразбая, «который, подобно другим богачам и воротилам, создавал свое богатство откровенным грабежом... Все жалобы потерпевших оставались без последствий: ни один волостной не рисковал привлечь Уразбая к ответственности. Оспан был первым, кто решился на это».¹ Это решение вскоре привело Оспана к крупной ссоре с Уразбаем, о которой в руках писателя оказались лишь следующие краткие сведения, сообщенные ему Архамом Исхаковым и Тумабаем:

«Оспан 400 үйге сияз жасатады. Оразбай келмейді. Балтабектің жылқысы ұрланады. Арап пен Күсенге Оспан жақындарың ұрлатады деп абақты кеседі. Оразбай қалаға қашады. Оспан қаладан байлап ала келеді Күсен екеуін. Оспан 91 жылы өлді. Әлгі уақиға 90-жылы».²

«Оспан устраивает съезд для 400 домов. Уразбай не приходит. У Балтабека украдены кони. Оспан упрекнул Уразбая, что украли его близкие. Арапа и Кусена он решает отправить в тюрьму. Уразбай перебирается в город. Оспан привозит его из города связанным вместе с Кусеном. Оспан умер в 91-м году. Это событие произошло в 90-м году».

Опираясь на эти записи М.О. Ауэзов воскресил их в одном из эпизодов романа, рассказывающем об обмане и насильственном возвращении связанного Уразбая в аул Оспана.

Пленение Оспаном Уразбая и уничтожение последнего были столь неслыханны, что молва об этом мгновенно разлетелась по всему племени тобыкты, память потомков надолго сохранила воспоминания об этом событии.

В эпосе показано, что, когда Оспан с биями, елюбасарами, старшинами, писарями и посыльными приезжал в аул Уразбая, чтобы ускорить съезд по его делу, связанному с покровительством конокрадам, выяснилось, что

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 188.

² Архив ЛММА, папка № 29, л. 107.

последний бежал в Семипалатинск с жалобой на самоуправство Оспана.

Почернев от гнева, Оспан закричал: «Теперь я не успокоюсь, пока не достану Уразбая! Хотя бы он сквозь землю провалился, я его разыщу и притащу сюда связанного, как козленка!». Застав Уразбая уже в канцелярии уездного начальника, Оспан хитростью выманивает его на улицу, подводит к повозке, силой заталкивает в нее и увозит из города. Выехав в безлюдную степь за Иртышом, Оспан привязывает Уразбая на задок повозки и в таком виде с позором возвращает его в аул. Все эти события воплощены творческой фантазией автора в живые и колоритные сцены.

Показывая решительность и силу характера Оспана, автор раскрывает и классовую обусловленность его помыслов и действий. Не только непререкаемый авторитет Абая и его осуждение толкнули Оспана на такой смелый шаг, как пленение Уразбая, в эпосе дается верное и убедительное классовое обоснование поступков Оспана, в которых отражена идеология его среды. М.О. Ауэзов объясняет, что добиваясь своего избрания на должность волостного, Оспан всем обещал быть справедливым управителем. «Он понимал, что если ему удастся укротить неукротимых воров, изворотливых грабителей, то влияние его в волости упрочится».¹

Оставаясь типичным представителем господствующего класса, Оспан не мог действовать иначе, как силой, самоуправством, со всей страстью отдаваясь личной вражде, которая ничего не могла дать народу. Недаром Абай осуждает методы его борьбы: «Оспан правильно решил устроить на него (Уразбая — Л.А.) облаву. Но бороться с ним надо было так, чтобы он отдал чужое добро, вернул народу награбленное. А Оспан обратил все в личную борьбу, словно он борется лишь во имя своей мести. И вышло так, что сцепились во вражде и тяжбе два соперника, не поделившие власть».² Таким образом, М.О. Ауэзов стремился, отделяя второстепенные, несущественные данные, относящиеся к Оспану, выделить наиболее характерные его черты, позволяющие при всем своеобразии его самобытной природы воссоздать

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 204.

² Там же, стр. 207.

его как типичный для данной эпохи образ, отличающийся как исторической достоверностью, так и большой художественной убедительностью.

В этой связи интересны высказывания Романа Роллана, обратившего внимание на самые существенные стороны в художественном воспроизведении исторических характеров. Он писал А. Толстому: «Меня особенно поражает в вашем искусстве, твердом и правдивом, то как вы лепите ваши персонажи в окружающей их обстановке. Они составляют неотъемлемую часть воздуха, земли, света которые их окружают и питают, и вы умеете одним взмахом кисти выразить тончайшие оттенки среды»¹, т.е. «умение лепить характеры в окружающей их обстановке и на редкость сочно, многогранно живописать среду»²

При изучении воспоминаний современников М.О. Ауэзову нередко приходилось принимать во внимание их субъективный или тенденциозный характер.

Насколько критическим был подход автора к таким источникам, можно проследить на следующем примере. По рассказу Алимбая, молодой Абай среди своих современников особо выделял Асылбека, сына Суюндика, старейшины рода бокенши.

«Абайдың ең зор қызмет еткен, ең сыйлаған кісісі жалғыз Асыл ағаң ығи, сөз сұрап отырғызып өзі тыңдайды да отырады»³

«Человек, которому Абай много сделал (хорошего) и которого больше всех уважал, был Асыл-ага. Абай его постоянно расспрашивал и выслушивал».

Основываясь на этом сообщении, писатель показывает дружелюбное отношение Абая к Асылбеку, он называет Асылбека главным бием на Балкыбекском чрезвычайном съезде и надеется на его честность и справедливость.

Однако после назначения Асылбека волостным управителем (по рекомендации Абая) Абай горько разочаровывается в нем. Проявив себя как типичный

¹ Цитируется по Н. Додоновой. Проблемы исторического характера в романе А.Н. Толстого «Петр I». Научные работы и сообщения. (Отделения общественных наук АН Уз.ССР) 1963, кн. 6, стр. 421.

² Там же, стр. 422.

³ Архив ЛММА, папка № 29.

представитель господствующего класса Асылбек не меньше чем его предшественник подвергает народ насилию, злоупотребляя своим положением и поддержкой должностных лиц волостного управителя.

Так идеализация некоторых лиц, вызванная субъективным отношением рассказчиков к отдельным историческим прототипам эпопеи, неукоснительно снималась М.О. Ауэзовым, обнажившим сущность своих героев, чьи поступки и мировоззрения были полностью обусловлены породившей их социальной средой.

М.О. Ауэзов писал по этому поводу: «Предстояло за конкретными фактами, по-разному истолкованными современниками, увидеть и понять истинную сущность, движущие силы исторического процесса. И здесь социальное обоснование поступков людей, о которых я писал, приобретало особое значение, определяя и их психологический облик»¹

Во второй книге эпопеи большое значение придается появлению образа «людей нового, неведомого прежней степи склада», отражающих прогрессивные общественные устремления своего времени. Через судьбу этих персонажей автор стремится показать важные сдвиги в историческом развитии народа. Здесь наряду с вымышленными персонажами — Дарменом, Даркембаем и др. — большое значение имеют образы Абдрахмана (сын Абая) и Базаралы, прототипами которых были подлинные исторические личности. Так, в отношении последнего было известно, что тот побывал в сибирской ссылке и, судя по его дальнейшим действиям, вернулся оттуда «политически зрелым человеком». В эпопее воспроизведены новые формы борьбы в степи, активные проявления народного возмущения, во главе которых стоял Базаралы. Кто же был его историческим прототипом и каким образом М.О. Ауэзов трансформировал, дополнял и перерабатывал данные связанных с ним источников?

По воспоминаниям современников, Базаралы, сын Каумена, из рода жигитек — реальное лицо. Уже описание его внешнего облика показывает, что это был видный человек.

¹ М. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». В кн.: М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 360.

«Базаралы — дәл Кеңесары сықылды, бірақ өте сұлу, тентекбас, қалжыңқой»¹

«Базаралы был похож на Кенесары (сын Базаралы — Л.А.), но очень красив. Слыл шутником, озорником».

Ермуса также отмечал: «Базаралы биік, сұлу, тік бойлы»²

«Базаралы был высокий, стройный красивый».

По данным Мадияра: «Базаралы Ысқақ болыс болған кез ед деді. Он шақты жылқы үшін айдалған Тобыл губернасына барып 10 жылдан соң келген»³

«Когда волостным был Искак, Базаралы из-за десяти лошадей (очевидно, угона — Л.А.) сослали в Тобольскую губернию, откуда он вернулся через 10 лет...»

По свидетельству Алимбета: «Базаралы 15 жыл айдауда болған. 52—50 шамасында келді. Сақалды күзеп тастаған екен»⁴

«Базаралы пробыл в ссылке 15 лет, вернулся, когда ему было около 50—52 лет, остриг бороду».

Исходя из этих отрывочных сведений М.О. Ауэзов в первой книге романа подробно воссоздает историю Базаралы: несправедливое обвинение его в связи с делом Оралбая, ссылка, которую сумели добиться кунанбаевцы стоящие у власти в племени и пр.

Именно о таких, по крупницам собранных сведениях писал автор, рассказывая о работе над эпопеей: «Отрывочные данные, которое мне удалось собрать о тех или иных событиях, в каждом отдельном случае нужно было дорабатывать, изображая возможные допустимые для той эпохи и среды ситуации»⁵

В воссоздании характера Базаралы, его индивидуальных черт большое значение имели отдельные воспоминания о нем сохранившиеся в памяти народа. О его остром, насмешливом уме, находчивости так привлекавшем Абая, говорят записи, органически вошедшие в художественную ткань повествования.

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 144 об.

² Там же, папка № 29, л. 132.

³ Там же, папка № 29, л. 149.

⁴ Там же, л. 132.

⁵ М. Ауэзов. Указанная статья. стр. 360.

«Бесбайдың әйелі Балбала. Соның қыз кезінде Базаралы (көңілдесі) Торғайлар қамап барып, байлап алып, өгізге мінгізіп әкеліпті. Майбасар қалжақтап: «Саған азғана торғай қылды-ау Базым-ай»,— дейді. Сонда Базаралы іле жауап береді: «Ай, Майым-ай, ол торғай қырғи болып шықты ғой, екеуміздің біріміздің басымызға мініп, біріміздің (артымызға) шоқайды ғой»,— деп тоқтатып кетіпті»¹

«Балбала, жена Бесбая. До ее замужества между ней и Базаралы, были близкие отношения. Торгаи его окружили, связали, посадили на быка и привезли. Майбасар сказал ему, насмехаясь: «Мой Базаралы, тебе отомстили маленькие торгаи (букв. воробьи — Л.А.). Тогда Базаралы, посмотрев на него, ответил: «Ай, мой Майбасар, этот торгай (т.е. воробей) оказался подобен ястребу, мне на голову сел, а тебе зад выклевал»,— и этим заставил его замолчать».

В романе рассказ об избиении Базаралы торгаями — родственниками жениха девушки Балбалы, М.О. Ауэзов также заканчивает насмешливыми вопросами Майбасара. Изображая сочувствие Базаралы, Майбасар хотел унижить его перед гостями Абая, особенно перед красавицей Нурганым — младшей женой Кунанбая.

«Покосившись на жигита прищуренным глазом и пренебрежительно усмехнувшись, Майбасар продолжал с явным злорадством:

— И по лицу тебе плеткой съездили, Базым? Сбесился этот торгай, что ли? Ну и наглый воробей — на такую голову сел!

Базаралы подавленный и сдержанный, вдруг вспыхнул и сверкнул глазами.

— А для тебя новость, что торгай из воробья соколом стал? Не ты ли сам помог ему обнаглеть? Ты же первый посадил его на свой зад! Ну, конечно, сокол сперва тебе зад исклевал, а потом и мне на голову взлетел!

Отомстив обидчику, Базаралы зло расхохотался. Остальные подхватили его смех: все помнили, как несколько лет назад Майбасар был позорно выпорот теми же «бескасками» — Манасом и его братьями (торгаями — Л.А.). Майбасар только буркнул себе под нос, совсем смутившись:

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 149.

— Ох, проклятый, чтоб твоему языку угли горячие лизать...

Абай довольный находчивостью друга, поддержал Базаралы.

— Молодец, Базеке!, — сквозь смех воскликнул он. — Тебя с твоим языком не только плеткой, и пулей не сразить!»¹

В памяти народа сохранилось следующее суждение Жиренше: «Базаралының бағын ұрлық пен ойнас қайырды дейді Жиренше»².

«Базаралы погубили его воровство и озорство».

Для всестороннего раскрытия образа Базаралы писатель использовал высказывания о нем не только его друзей, приятелей, но и его врагов. Вот отрывок из романа, явно говорящий об этом: «Богатырски сложенный, красивый Базаралы, смелый и острый на язык, превосходный певец, считался у старейшин «неугомонным забиякой...». «Конь, отбившийся от табуна, — говорили о нем старики. — Слова его пусты, хотя едки и язвительны».

В другом случае автор говорит о том, что Базаралы был гордым и самолюбивым, с необыкновенно красивым лицом, богатырского сложения, большими выразительными глазами. С невольной завистью и восхищением говорит о нем Кунанбай: «Удивительный он, этот Базаралы! Красив и умен, как ни один жигит в нашем крае! Только думы его — недуг его...»

Со всей страстью своей смелой натуры Базаралы отдается борьбе, которая ограничивается разгромом аулов баев. И здесь его фигура как народного руководителя становится особенно значимой и убедительной.

Таким образом, конкретно-историческое изображение героя помогало писателю избежать схематизма и модернизации в его художественном воплощении. Базаралы не выступает в романе как носитель определенной идеи, а органически сочетает в себе историческую типичность с ярко выраженной индивидуальностью. Его образ отличается пластичностью, жизненностью. Наделенный лучшими чертами, положительного героя он является одной из главных фигур представляющих в романе

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, М., 1958, стр. 474.

² Архив ЛММА, папка № 29, л. 149.

художественно-обобщенный образ народа. Это человек с твердым характером, сильный духом, самоотверженно вступающий в борьбу за интересы простых людей. В концепции образа Базаралы, а также других персонажей романа выражающих прогрессивные тенденции своего времени, в том числе и Абая, автор показал в полном соответствии с историей казахов второй половины XIX века, специфику национального характера в его движении к будущему.

Одним из таких героев в романе является сын Абая — Абдрахман. Это тоже реальное историческое лицо. В воссоздании его образа наряду с воспоминаниями современников и потомков Абая М.О. Ауэзов использовал и подлинные документы, связанные с пребыванием Абдрахмана в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге. Личное дело юнкера указанного училища Абдрахмана Ускенбаева, обнаруженное академиком А.Маргуланом в архиве Центрального Артиллерийского музея в Ленинграде, было передано им в 1948 году Мухтару Омархановичу и сохранилось в его личном архиве.

Эти ранее неопубликованные материалы содержат точные данные биографии Абдрахмана и дают возможность составить общее представление о его характере, отношении к учебе, кругу знакомых.

Абдрахман родился в декабре 1869 года. Начальное образование получил в Семипалатинском городском, а затем Александровском Тюменском училищах.

В августе 1889 года он приехал в Петербург с намерением поступить в Политехнический институт. Однако из-за слабой подготовки по специальным предметам он попал лишь в Михайловское артиллерийское училище. При одной из аттестаций юнкера Ускенбаева в училище отмечалось, что он: «Характера довольно ровного, добродушного и самостоятельного. Развитие и умственные способности хорошие. К службе относится в высшей степени добросовестно и принятые порядки, предъявляемые требования и приличия всегда старался соблюдать. С товарищами жил дружно, а с некоторыми даже очень близко сошелся»¹

Личное дело Абдрахмана дает представление об истории его болезни и ходе его лечения в период обучения

¹ ЦГВИА, ф. 310, д. 947, л. 29 об.

в училище. Еще при поступлении в училище отмечалось его слабое здоровье. В 1889 году он заболевает туберкулезом и почти всю зиму проводит в лазарете. После безрезультатного лечения кумысом в Оренбургской степи и на родине, Абдрахман, получив денежное пособие был отправлен в Одесский военный госпиталь, а оттуда в Абастуман на Кавказ¹

Однако, несмотря на тяжелое заболевание и значительные пропуски в учебе, А. Ускенбаев успешно заканчивает в 1892 году училище получив звание подпоручика и назначается на службу в Ташкентскую крепостную артиллерию. В дальнейшем, проходя службу в Верном, Абдрахман готовится к поступлению в Артиллерийскую академию, но осложнение туберкулеза помешали осуществлению его планов. Абдрахман умирает в очень раннем возрасте.

Как известно, все эти факты были использованы автором в эпопее, чтобы убедительно показать как русское образование, поездки, связанные с лечением и службой расширили кругозор Абиша и не прошли бесследно для его пытливого ума.

Художественно домысливая эти скудные сведения, М.О. Ауэзов сумел извлечь из них материал, помогающий глубже раскрыть идейное значение образа Абдрахмана. Он писал: «Я упоминаю в романе об осведомленности Абиша относительно Морозовской стачки, крестьянского движения в России, хотя сведения об этом у меня нет. Я считаю, что просвещенный и передовой молодой человек того времени мог иметь определенное отношение к этим событиям, а вернувшись в степь, рассказать об этом отцу»²

Из личного дела Абдрахмана известно, что у него были друзья среди петербургских студентов. Он знал о демократических взглядах отца и был связан через него с политическими ссыльными в Семипалатинске. Естественно, он мог интересоваться движением народовольцев, занимавшим в 80-е годы прошлого века важное место в общественной жизни страны. Кроме того, важнейшим источником для понимания личности Абдрахмана явились

¹ Архив Артил. исторического музея, ф. ГАУ, I отд. III стол., ед. хр. 664, лл. 3, 4.

² М. Ауэзов. Указанная статья. стр. 363.

полные глубокой печали стихи Абая посвященные памяти сына, в котором «поэт видел человека будущего, носителя и поборника всего передового»¹

Все эти факты биографии Абиша, отраженные в романе, делают вполне закономерными его высказывания о русской культуре, о ее благотворном влиянии на казахское общество. М.О. Ауэзов вкладывает в уста своего героя следующие строки: «Да, и этот аул (т.е. аул Абая — Л.А.), и я сам, мы говорим: «Правда — у русских, Кааба — у русских». И говорим верно. Но у каких русских? Не у Казанцева и Никифорова, не у губернатора и урядников, а у других русских. У тех, кто хочет помочь нашему отсталому, несчастному народу... Кто принесет в нашу невежественную степь просвещение, знания... И сами мы тоже должны помогать народу понять, кто у него друзья и кто враги. Надо говорить ему правду о темных силах степи...»².

Таким образом, здесь авторский домысел идет в русле его концепции истории, что придает эпосе особую идейную четкость и целостность.

В последней книге романа большое внимание уделяется другому сыну Абая — Магауие. Младший сын Абая из-за слабого здоровья не мог получить образование в городе, но под влиянием просветительской деятельности Абая стал достаточно образованным человеком своего времени.

Из биографии Магауии известно, что он создал ряд своих поэтических произведений на темы, предложенные ему Абаем. Этот момент отражен в воспоминаниях Архама Исхакова, использованных М.О. Ауэзовым при работе над романом³

Большие надежды, связанные с Магауией, его смерть, горе Абая, о котором с такой впечатляющей силой сказано в эпосе, воспроизведено автором на основе воспоминаний Архама:

«Қысыр сауған жылы жазғытұрым Мағаш ауру болды. Мартта Абай Мағаштың қасында болам деп, Ақшоқыға

¹ М. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». В кн.: Абай Кунанбаев (статьи и исследования), Алма-Ата, 1967, стр. 363.

² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, М., 1958, стр. 305.

³ Архив ЛММА, папка № 29, л. 195.

кетіп қалды. Майдың 12-де Мағаш өлді. Өлгенде өзі Мағаштың қасында болды. Жылап бардық, Дәулеткелді жылап келгенде:

«Ойбай-ай бергішім-ай, жомартым-ай»,— дегенде, Абай: «Келе ғой алғышым-ай, қайт дейсің-ай»,— деп көптің үсті болса да жаңағыны айтады. Мағаштың өлімі ерлік пен ездікті сынайтын өлім ғой. Ез күнде өледі, ер бір күнде өледі,— деген»¹

«Мағаш заболел в том году, когда зимой доили кобылиц. В марте Абай, сказав, что будет около Магаша, уезжает в Акшоки. 12 мая Магаш умирает. Абай все время возле него. Все плакали. Даулеткельды вошел с плачем: «О, мой щедрый!», Абай: «Подойди, любивший получать (пользовавшийся его щедростью), что же делаешь»,— так перед всеми и высказался. Он сказал: «Смерть Магаша является мерилом, определяющим мужество и никчемность. Никчемный человек умирает каждый день, а мужчина (мужественный человек)— лишь однажды».

Эти воспоминания о скорби Абая и всех, знавших Магауию, а также данные о последних днях Абая, особенно хорошо сохранившиеся в памяти народа, были использованы М. О. Ауэзовым для воспроизведения наиболее волнующих страниц последней книги эпопеи. Безысходное горе Абая, уходящего из жизни и отвергнувшего лечение, сливается со страданиями народа, гибнувшего от разорения, связанного с невиданным джутом.

К воспоминаниям очевидцев писатель обращается и при воссоздании образов других персонажей, составляющих окружение Абая. Он тщательно записывал рассказы об их внешности, отличительных свойствах характера, фиксировал основные даты их жизни.

Характерными образцами подобного рода записей могут служить следующие отрывки:

«Жиреншенің сақалы үлкен, беті, көзі, мұрны, томпағырақ. Қалжыңбас, күлекеш, аузы тоқтамайтын»²

«У Жиренше выдвинутое вперед лицо, длинная борода, выпуклые глаза и выдающийся вперед нос. Он был насмешливый, слыл хохотуном, любил безостановочно говорить».

¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 195.

² Архив ЛММА, папка № 29, л. 133.

«Байсал 59-да өлген, 75-жылдар шамасында өлген. Байсал арам кісі емес еді. Қара күрең, қара торы жіңішке кісі еді».¹

«Байсал умер приблизительно в 75-м году, в возрасте 59 лет. Он был небольшого роста, красивым, смуглым. Его считали неплохим человеком».

«Байдалы Байсалдан бұрын өлген. Сүйіндік те Бөкейден кейін өлген».²

«Байдалы умер раньше Байсала. Суюндик же умер позже Божея».

«Қаратай қатты семіз болған, бұғағы түсіп тұрады екен. 1875—76 жылдарда Қаратай өлген»³

«Каратай был очень полным, свисал двойной подбородок. Каратай умер в 1875 или в 1876 году».

М.О. Ауэзов использовал в романе и меткие народные характеристики царских чиновников.

«Сұлу майыр, семіз майыр, піскен бас майыр, сақалды майыр, айғыр майыр, қаражақ майыр»⁴.

«Красивый майор, полный майор, майор — варенная голова, бородатый майор, майор — жеребец, чернощекий майор».

Таким образом, большинство персонажей романа имело своих жизненных прототипов, но автор располагал о них крайне незначительными сведениями, сводившимися главным образом к упоминанию их имен, описанию внешнего облика, определением социального положения и некоторыми данными жизни.

Опираясь на эти факты, писатель силой своего воображения создал живые образы людей с их глубоко индивидуальным физическим, духовным обликом, с четко выраженной социальной принадлежностью, со свойственными им чертами характера, психологическими особенностями показанными в закономерном развитии. Решающую роль здесь сыграл и авторский вымысел, основанный на глубоком понимании реальной исторической обстановки того времени. Поскольку «без вымысла искусства не существует»⁵

¹ Архив ЛММА, папка № 29, стр. 149 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 116.

⁵ Г. Ленобль. Писатель и его работа. М., 1963, стр. 100.

Большая историческая правда в их обрисовке и типизации представляет эти персонажи во всем многообразии и неповторимости их облика, делая их далекими от схематизма бесплотных носителей социальных признаков.

Вместе с тем в романе все эти вымышленные или имеющие реальных прототипов персонажи обобщены. Причем, чем глубже в образе раскрыты психологические черты и социальные корни присущие рассматриваемой эпохе, тем большую художественную убедительность и историческую достоверность приобретает герой эпопеи. Таким образом, полное и разностороннее изображение в романе эпохи Абая во многом было обусловлено созданием целой галереи живых, правдивых, многообразных социально-исторических портретов ее типичных представителей. «Исторический роман не дублирует историю, а изображает характер, нравы, духовный мир, поступки и действия людей, участвовавших в исторических событиях»¹

Исторической достоверностью эпопеи «Путь Абая», ее поэтическому воссозданию способствовало и само творчество Абая. Оно явилось одним из важных источников всей эпопеи.

Надо сказать, что этот вопрос по своей сложности и глубине должен быть предметом самостоятельного исследования. Начало ему уже положено в разделе монографии Е.В. Лизуновой «Современный казахский роман»—«Поэзия Абая»—«главный документ» романа-эпопеи. Автору, впервые поднимающему этот вопрос, на конкретном сопоставлении поэзии Абая и текста эпопеи удалось показать, что М.О. Ауэзов в воссоздании ведущих художественных образов романа почти во всем объеме представил творчество Абая. Особенно интересно, исследование Е.В. Лизуновой в той части, где ею проанализировано использование поэзии Абая в изображении творческой психологии поэта, эволюции поэтического таланта.

Проделанный нами анализ эпопеи показывает также, что в ней получило полное и разностороннее художе-

¹ В. Попов. О роли фантазии в создании художественной правды советского исторического романа. В сб: Проблемы реализма и художественной правды, Львов, 1961 г., стр. 188.

ственное раскрытие большое количество новых тем, которые Абай Кунанбаев впервые ввел в свою поэзию. Поэт широко и всеобъемлюще воспроизвел все слои современного ему казахского общества, вскрывая его состояние в социальной, экономической, правовой, семейной и культурной сферах.

¹ С большой остротой и резкостью Абай говорит о тяжелых для народа последствиях непрекращающейся родовой вражды, вызванной раздорами феодалов в борьбе за выгодные должности волостных управителей или биев.

Разорен мой родной народ,
Расколот, разобщен.
Мне жить спокойно не дает
Вражда со всех сторон¹.

Абай высмеивает волостных управителей в целом ряде сатирических стихов, вскрывающих антинародную сущность, продажность, стяжательство этих покорных ставленников царизма.

Управитель начальству рад,
Он не может от счастья вздохнуть,
Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь².

Можно легко проследить тесную связь между этими строками из стихов со сценой величайшего раболепия волостных управителей перед генерал-губернатором, прибывшим на Карамолинский чрезвычайный съезд, воспроизведенный М.О. Ауэзовым в эпосе «Путь Абая».

В стихотворениях «Кулембаю», «Управитель начальству рад», «Жылуы жоқ бойының» («В тебе нет теплоты»), посвященном управителю Мукурской волости Дутбаю, «Вот я стал волостным» отражены многие общие черты, присущие послушным слугам колониальных властей. Это — интриги, подкупы, взяточничество, кляузы на противников в период выборов, злоупотребления властью, стяжательство, насилие и произвол по отношению к народу, лавирование между разными феодальными группировками, угодничество перед царскими чиновниками и др.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 224.

² Там же, стр. 36.

Так, в стихотворении «Кулембаю» Абай высмеивает волостного управителя, вскрывая его темные дела от самого избрания, которого он достиг с помощью взяток и интриг, до угрозы предстоящего смещения с должности и предания суду за злоупотребления властью и насилия:

Подсчитай проступки свои,
Все, что сделать тебе довелось,—
Ведь законники и хитрецы
Понимают каждый вопрос!
Лучше всякую бросить власть,
Покуда еще не пришлось
За решетку тебе попасть¹

В стихотворении, посвященном Дутбаю, Абай с большим разоблачением говорит о вероломстве, лицемерии волостного, преследующего свои цели:

Белы, как снег, его слова
Черно, как грязь, нутро...²

Образы волостных — реальных современников Абая в эпосе М. О. Ауэзова точно подмечены меткими абаевскими характеристиками на волостных управителей типизированные в сатирических стихах поэта.

Выше отмечалось, что в эпосе показано усиление байства, быстро приспособившегося к новым экономическим условиям, связанным с разложением патриархально-феодалных и проникновением капиталистических отношений. Такого нового бая, занимавшегося товарным скотоводством и применявшего новые способы эксплуатации, Абай воспроизводит в стихах «Бай не пожалеет бедняка», «Баи живут, охраняя накопленные богатства», «Как без труда в руках народ держать» и др.

В стихотворении «Звереет бай, скудеет край» А.Кунанбаев говорит о бае — волостном управителе, как смертельном враге народа, угнетающем и преследующем его:

Правитель тут
Презренный плут,
Народ обирает свой...

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 94.

² Там же, стр. 237.

Он каждый шаг
Его сторожит везде...¹

В стихотворении «Ноябрь — преддверие зимы» особенно сильно звучит разоблачение беспощадного отношения бая к бедняку, эксплуатируемому всей байской семьей. Бай, сберегая выпасы, продолжает оставаться на осенних пастбищах, не торопится на зимовку.

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану,
Жена, бедняка, ткет чекмень, от холода дрожа.
И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло...
Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка —
Благодари скорей его, семью его и род...
Бай не поможет бедняку, зачем его жалеть?
А если даст кусок — гляди: длинна у бая плеть.
Трудись бедняк, проклятый долг сторицей возврати,²
Ведь баю жить и богатеть, тебе — в могиле тлеть².

Глубоко волнующее, реалистически точное описание социальных контрастов дореволюционного аула данное Абаем в этом и других стихотворениях, безусловно было принято во внимание М.О. Ауэзовым при воссоздании в романе быта степных воротил, (в частности Такежана) в сопоставлении их с крайней нищетой и бедственным положением сородичей.

Решающую роль в воспроизведении в эпосе просветительской деятельности Абая помимо достоверных фактов из его биографии, воспоминаний современников сыграло и само творческое наследие Абая, где выражены его просветительские и демократические взгляды.

Выступая против жестокости и угнетения народа, социального зла в целом, против отсталых форм хозяйствования и реакционных норм шариата закрепляющих угнетенное положение женщины в семье, Абай призывал народ к овладению знаниями, ремеслами.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 124—125.

² Там же, стр. 85.

Выше отмечалось отражение названных проблем, поднятых Абаем в своем творчестве, в романе «Путь Абая». «Для общественной среды, окружающей Абая в то время, само осуждение, отрицание, неприятие, освещенных веками жизненных устоев феодально-родового быта явилось позитивной программой. Все это по-новому воспитало молодое поколение в духе народно-демократических идей, составляющих новую для степи сущность социальной программы деятельности Абая.

Многие раздумья поэта о путях улучшения жизни народа связаны с его надеждой на просвещение. В стихотворении «В интернате» Абай с удовлетворением отмечает:

Да! Сегодня в интернате:
Много наших сыновей.

В эпосе широко использованы и мысли Абая о просвещении, выраженные в его прозаических назиданиях. Так, в 33-м слове он призывает молодежь к просвещению, говоря: «Стремитесь к знаниям, стремитесь к ним страстно»¹

В 42-м слове он развивает эту свою заветную мечту: «Надо взять детей у родителей, отдать их в школы, научить одних одной специальности, других — другой. Надо создать школы, надо, чтобы учились все, даже девушки»².

Высмеивая тех, кто изучает русский язык, думая лишь о корыстных целях, о продвижении по службе в колониальном аппарате, не стремясь к знаниям, Абай с горечью говорит:

О, невежды! Что для вас
Салтыков или Толстой!
Вам бы только в адвокаты,
Лев Толстой — вам звук пустой³

В этой связи интересно сопоставить названные стихи с материалами второй книги эпоса, где Абай показан, как отмечалось выше, опекающим казахских мальчиков обучающихся в русских школах Семипалатинска.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 316.

² Там же, стр. 326.

³ Там же, стр. 66.

Известно, что в конце XIX века в русские школы стали отдавать своих детей и представители господствующего класса. Это также отражено в романе. Дети Азимбая и Какитая учатся в гимназии в Семипалатинске. Абай с тревогой думает о них. Они — Кунанбаевы, как бы из них не выросли «чванливые степные баре, хозяева драчливых и задиристых богатых аулов. Станут бедой для народа».

Исходя из творчества Абая и роли поэта в жизни казахского народа, в гуще которого он всегда находился, М.О. Ауэзов создает образ просветителя, имеющего влияние на народ прежде всего через свои стихи, близкие и понятные поэтической душе казаха.

С другой стороны, опираясь на содержание самой абаевской поэзии, М.О. Ауэзов стремился не только воссоздать образ поэта, мыслителя и борца, но и отразить в нем судьбу народа, его развивающийся исторический характер, в этот переломный в истории Казахстана момент.

Произведения Абая зрелых лет полны горьких и тревожных раздумий о тяжелой доле угнетенного, бесправного, отсталого народа.

В монологах-раздумьях поэта о судьбе своего народа явственно звучат мотивы известного стихотворения Абая:

О, казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь — на правой щеке, на левой — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет...
Из-за денег и власти кипит вражда.
Ты бессилен, а спор ведут господа.
Если накопи этой не смоешь с себя,
В унижение, в страхе ты будешь всегда¹

Используя поэзию Абая как важнейший первоисточник в воссоздании образов его современников, М.О. Ауэзов в первую очередь художественно раскрыл поэтические характеристики данные Абаем реально существовавшим личностям, которые стали героями творений поэта.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 48.

Это прежде всего относится к его сыновьям Абдрахману и Магауие. М.О. Ауэзов писал, что «Абиш — воплощение всего нового — даже в сравнении с самим Абаем»¹ Такую же характеристику Абдрахману дает и сам Абай в стихах, вызванных болезнью и преждевременной смертью сына, оборвавшей все его надежды, которые он возлагал на него²

Безысходное, глубокое горе Абая, его страдания, и тоска по сыну, в котором он видел «человека будущего, носителя и поборника всего передового, своего духовного наследника», целиком построены на подлинных переживаниях Абая, с такой силой выраженных в его поэзии.

В воссоздании образа Оспана, живой, яркой и самобытной фигуры, также использованы характеристики, данные ему Абаем. При всех недостатках Оспана, связанных с его необузданной натурой Абай все же отмечал в нем душевную доброту, прямоту, щедрость.

Наряду с конкретными историческими личностями, которым Абай посвящал свои стихи высмеивая их пороки, (Кунанбай, Кожебай, Дутбай и др.) в его поэзии присутствует много безымянных представителей народа — табунщиков, пастухов, земледельцев, ремесленников. Как верно заметила литературовед Е. Лизунова, М.О. Ауэзов наделил характерными чертами абаевских образов «многих из созданных им вымышленных персонажей, носителей типических черт своей эпохи»³

Выступая обличителем морали господствующего класса и отсталых норм жизни, Абай противопоставлял им новую мораль — воспитывающую любовь к знаниям, труду, стремление к свободе, к улучшению жизни народа.

Само собой разумеется, что высказывания поэта, его раздумья-монологи, отражающие внутренний мир прогрессивного мыслителя, раскрытие психологии его творчества, история рождения его отдельных произведений — все это основывается на поэтическом творчестве Абая, послужившем для М.О. Ауэзова главным источником в создании образа великого казахского поэта.

¹ Архив ЛММА, папка № 394, стр. 18.

² *Абай Кунанбаев*. Избранное, Алма-Ата, 1958, стр. 189.

³ *Е. Лизунова*. Современный казахский роман. Алма-Ата, 1964, стр. 305.

Можно сказать, что все черты духовного облика Абая в эпопее имеют свои основы в самой его поэзии, порожденной противоречивой исторической действительностью, в которой жил и творил поэт. Отсюда и противоречия в творчестве Абая, диалектика развития его образа, величие поэта, так образно и точно определенное например, в следующем высказывании писателя Леонида Леонова: «Нужно поистине обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрестке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом обладать, чтобы поведать своему народу о делах, видных с поднебесной высоты, и, наконец, редкостной смелостью обладать надо, чтобы возвысить этот голос в условиях, царивших здесь столетие назад... Таким был Абай Кунанбаев — человек-маяк своего народа»¹

Используя в романе-эпопее «Путь Абая» факты действительности обобщенные Абаем в его творчестве, М.О. Ауэзов в своей работе над образом стремился наиболее мотивизированно и правдиво воспроизвести психологию его творчества, отыскать жизненные истоки его поэзии. В тезисах к лекции «Об Абае» и «Путь Абая» М.О. Ауэзов писал: «Как во всей книге, так и в каждой главе опять даются жизненные, реалистические основы, жизненные истоки его творчества». Далее писатель говорил, что эти жизненные предпосылки распадаются на факты: 1) строго личные, интимные, 2) на семейные, 3) на общественные, 4) на народные, иначе исторические события. Часто они даются в переплетении, как и должно быть в любом произведении или реалистическом романе»².

Среди жизненных истоков поэзии Абая, как отмечает М.О. Ауэзов, «Есть биографически точные и дополненные воображением»³

В романе можно проследить воссоздание авторской фантазией тех жизненных обстоятельств, которые способствовали рождению определенных стихов Абая. Так, в первой книге романа Абай, пройдя через личные страдания, оказывается психологически подготовленным к выступлению против «степных волчьих законов».

¹ «Русские о казахской литературе». Алма-Ата, 1957, стр. 87-88.

² Архив ЛММА, папка № 394, л. 10.

³ Там же.

Находясь в гуще народной жизни, будучи свидетелем их бедствий, в частности, жатаков, преследуемых баями, Абай становится на сторону простого народа. Отсюда рождение стихов «о зле волостных, чиновников, баев, о страдании бедноты». На жизненно убедительном материале показано рождение «песни социального протеста, песни осуждения, борьбы»¹

Любовь Абая к Тогжан и к певице Айгерим, вдохновили его на создание самых задушевных лирических стихов, песен.

Особенно убедительно, на наш взгляд, М.О. Ауэзов отображает связь художника с действительностью, рисуя отношение Абая к творчеству А.С. Пушкина. «Моей целью в романе была не простая иллюстрация деятельности Абая-поэта, но раскрытие общественно-исторических, философских, жизненных основ его творчества. Особый интерес в этом смысле для меня представляла обращение Абая к наследию Пушкина».

В главе «На вершине» Абай читает «Евгения Онегина» и, созерцая степную природу глазами испытывающего много бед и несчастий человека, близко столкнувшегося с горькой долей казахской женщины, находит в образе пушкинской героини не просто Татьяну Ларину, но общечеловеческий идеал женщины. «Душевная исповедь Татьяны зазвучала для него голосами близких ему людей. Перед его взором возникают образы Тогжан, Айгерим, Салтанат, Салихи. И он не только воспроизводит Пушкина на казахском языке в своем переводе письма Татьяны, но воплощает в нем и свои переживания, переживания своих соотечественников»²

Однако необходимо оговориться, что хотя, большинство действующих лиц эпопеи и имеет своих жизненных прототипов, тем не менее каждое из них обобщает в себе разные черты, а не выступают лишь носителями известных по историческим источникам качеств своего прообраза.

Думается, что М.О. Ауэзов благодаря личным наблюдениям убедительно и точно отразил характеры предста-

¹ Архив ЛММА, папка № 394, л. 14.

² М. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая» В кн.: М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования Алма-Ата, 1967, стр. 367.

вителей, скажем, господствующего класса с их жестокостью, алчностью, корыстолюбием, что соответствовало духу той эпохи. Ведь, как уже отмечалось, детство и юность автора прошли в казахском дореволюционном ауле.

Но не только личные впечатления помогли М.О. Ауэзову развить в себе чувство истории. Он ощущал целостную и полную картину далекой исторической эпохи во всей ее конкретности и объемности. И большое значение здесь кроме его художественного дарования, несомненно, имел тот огромный зыскательный труд, которым он занимался многие годы создавая свою эпопею, изучая историю, этнографию, экономику, обычное право дореволюционного Казахстана.

Историческая конкретность и достоверность изображаемой эпохи являются важнейшим критерием при рассмотрении исторического романа. От этого зависит художественная трактовка образов исторических героев и вымышленных персонажей. На эту важнейшую особенность исторического романа не раз обращала внимание литературная критика. Так, Н.Асеев, в рецензии на роман Ю.Тынянова «Кюхля» отмечал: «Восстановленный по письмам, дневникам, архивным документам быт эпохи дает необходимую реальную ткань романа, на которой только и может ожить судьба ее персонажей. Эта ткань узаконивает судьбу героев, оживляет их речь, восстанавливает их жест, превращает их из «исторических личностей» в живых людей, облеченных плотью и кровью, дорогих и близких нам. Она, эта ткань, приближает к нам этих людей, бывших до сих пор далекими от нашего внимания вплотную перенося их живые черты, их страдания и восторги к нашим близоруким глазам»¹

Приведенные выше отдельные примеры убедительно свидетельствуют, что стремление к максимальной исторической точности и достоверности в воссоздании рассматриваемой эпохи не ограничивало творческую фантазию автора, скорее наоборот, придавало ей особую жизненность, поскольку она была органично связана с верно истолкованной исторической действительностью.

¹ Цитир. по кн.: М. Петров. Советский исторический роман. М., 1960, стр. 469.

М. О. Ауэзов говорил, что считал своей задачей наиболее полно показать вехи пути Абая, «воплотившего в себе передовое, исторически-прогрессивное начало жизни казахского народа в последней четверти XIX века»¹. Т.е. Абай показан здесь прежде всего как выразитель прогрессивных тенденций развития общества. Это дает основание автору связать его жизненный путь с объективно-историческими закономерностями той эпохи, показанной в развитии на протяжении полувека. Этот главный принцип в подходе к художественному осмыслению образа Абая отметила литературовед Б. Брайнина:

«Найти в образе гения самое верное, самое исторически-необходимое, прогрессивное, что делает его бессмертным, найти в сугубо индивидуальных его приметах, особенностях — это большой труд, требующий и таланта, и опыта, и высокой идейности. Ауэзов, как мы видим, блестяще справился со своей задачей, нашел именно ту идейно-художественную концепцию, которая была необходима»².

¹ М. Ауэзов. Указ. статья. «Вопросы литературы», 1959, стр. 104.

² Брайнина Б. Мудрость рождается от свершенных мечтаний. Москва, № 3, 1959, стр. 212.

Глава VI

РУССКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ — ДРУЗЬЯ АБАЯ

Важную роль в духовном росте, формировании мировоззрения Абая сыграла его дружба с политическими ссыльными.

Достоверно известно, что у Абая установились многолетние дружеские связи с ссыльным Петербургского университета, шестидесятником Е. П. Михаэлисом, народовольцами Н. Долгополовым, С. Гроссом, А. Блеком, П. Лобановским, А. Леонтьевым, Н. Коншиным. Все они отбывали ссылку в Семипалатинске.

Эти связи Абая нашли преломление в романе прежде всего в образах его русских друзей — Михайлова и Павлова. Их реальными историческими прототипами были Е. П. Михаэлис и Н. Долгополов. Но М. О. Ауэзов, учитывал более широкие связи Абая с представителями русского революционно-демократического движения, делает эти образы собирательными. В основу их наряду с подлинными историческими свидетельствами относящимися к Михаэлису и Долгополову, положены многие черты, присущие и другим прототипам, названным выше. Творчески осмысленные, дополненные воображением художника эти данные явились основой для широкого обобщения при создании образов русских революционеро-демократов.

Для того чтобы с достаточной полнотой и исторической конкретностью судить о том, какое влияние политические ссыльные оказали на Абая в жизни, какие их черты обобщил и выделил М. О. Ауэзов, необходимо рассмотреть суть их демократической деятельности того идейного и культурного багажа, с которым прибыли прототипы героев романа в Семипалатинск.

Надо сказать, что появление политических ссыльных в Казахстане связано с различными этапами истории революционного движения в России. Так, деятельность Ев-

гения Михаэлиса, первого политического ссыльного, с которым сблизился Абай Кунанбаев, была тесно связана с революционно-демократическими движениями в России 60-х годов.

Евгений Петрович Михаэлис происходил из обедневшей дворянской семьи. В 1859 г. он поступает в Петербургский университет для изучения естественных наук. Обучение Михаэлиса в университете совпадает с периодом подъема революционно-демократического движения, временем возникновения первой революционной ситуации в России (1859—1861 гг.).

Крепостное право тормозило дальнейшее развитие экономики России. В стране назрел общий социально-политический кризис, усугубленный позорным поражением царизма в Крымской войне.

Царское правительство вынуждено было пойти на проведение реформы, освобождавшей крестьян от крепостной зависимости. Однако антинародный характер реформы, фактический не давший крестьянству ни земли, ни действительной свободы, сразу же привел к еще большему обострению революционной ситуации в стране.

Исключительно широкий размах, который приняла крестьянская борьба за землю, явился основой для усиления деятельности революционной разночинной интеллигенции, разоблачавшей крепостнический характер реформы и выступивший в защиту интересов крестьян.

«Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности».¹

Реформа была подвергнута уничтожающей критике представителями демократических сил страны на страницах легальной и нелегальной печати.

Массовые крестьянские волнения в ответ на провозглашение реформы привели революционно-демократические круги к убеждению, что уже недостаточно одной литературной агитации, а нужно стать на путь сближения революционной интеллигенции с народом, необходимо искать новые формы революционной пропаганды.

Говоря о непримиримых классовых противоречиях в русском обществе, Н. Г. Чернышевский обосновал не-

¹ В. И. Ленин. т. 20 стр. 247.

обходимость его революционного переустройства силами крестьянской революции, конечной целью которой являлось построение социализма на основе крестьянской общины. Но Н. Г. Чернышевский «был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей».¹

Эта агитация, представлявшая собой революционную программу освобождения страны от крепостничества, нашла благодатную почву в среде учащейся молодежи. Особенно активно включались в революционно-демократическое движение студенты университетов Петербурга, Москвы, Казани и Харькова.

Характерной особенностью студенческих волнений 60-х годов XIX века была их тесная связь с общим политическим движением в стране и распространением революционно-демократической пропаганды.

Не случайно такие революционеры-демократы, как Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов, М. А. Антонович, М. Л. Михайлов и др., поддерживали самый непосредственный контакт с вожаками студентов Петербургского университета, приобщая передовую молодежь к революционно-демократическим идеям.

В воспоминаниях П. Л. Лаврова, Л. Ф. Пантелеева неоднократно упоминается о прекрасной осведомленности Н. Г. Чернышевского о жизни студентов Петербургского университета той поры. Л. Ф. Пантелеев говорит, что Чернышевский своими советами непосредственно руководил ходом студенческих волнений в университете».²

Один из ближайших сподвижников Н. Г. Чернышевского, активный участник революционного движения начала 60-х годов Н. В. Шелгунов отмечал исключительную роль Н. Г. Чернышевского в формировании мировоззрения передовой части студенчества: «Н. Г. Чернышевский и Добролюбов были пророками университетской молодежи, приходившей в неистовый восторг от того, что они находили в строках, а еще больше

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

² «Литературное наследство», т. VII—VIII, М., 1933, стр. 115.

от того, что читали потом между строками. Чем крайнее и сильнее статьи, тем они сильнее действовали на студентов»¹

Особый интерес при изучении этой эпохи русской истории М. О. Ауэзов проявлял, судя по кругу его чтения, к тем историческим личностям, которые сформировались как революционеры-демократы под непосредственным воздействием Н. Г. Чернышевского.

Его интересуют ближайшие сподвижники Н. Г. Чернышевского — Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов, М.Л. Михайлов, А. и Н. Серно-Соловьевичи и другие, с которыми был связан Е. Михаэлис. Будучи близким человеком в семье Шелгуновых (Людмила Петровна Шелгунова — супруга Н. В. Шелгунова, была родной сестрой Е. П. Михаэлиса) и живя в их доме в период обучения в университете, он оказался в самой гуще революционно-демократической борьбы того времени.

Как известно, деятели 60-х годов большое внимание уделяли агитации среди народа. Н. Г. Чернышевский и его единомышленники приняли решение «обратиться последовательно, но в сравнительно короткое время ко всем тем группам, которые должны были реагировать на обманувшую народ реформу 19 февраля. Крестьяне, солдаты, раскольники... здесь три страдающих группы. Четвертая — молодежь, их друг, помощник, вдохновитель и учитель».²

Н. В. Шелгуновым были написаны прокламации «К солдатам» и «К молодому поколению». Последняя была отпечатана Герценом в Лондоне по инициативе друга Н. В. Шелгунова, поэта и общественного деятеля М.Л. Михайлова. Он же и доставил их в качестве 600 экземпляров в Петербург и распространил в сентябре 1861 года.

Политическое значение прокламации «К молодому поколению» было особенно велико. Автор ее открыто и резко обличал царя, дворянство, говорил о неизбежности революции и горячо призывал молодое поколение к собиранию сил борьбы, к сближению с народом. Она, несомненно, явилась важной составной частью той

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М., 1923, стр. 36.

² М. Лемке. Политические процессы в России. М—Пг., изд. 2, 1923, стр. 318.

революционно-демократической пропаганды, которую возглавил и идейно вдохновил Н. Г. Чернышевский. Вся петербургская полиция была брошена на поиски революционных пропагандистов, но найти их не удалось. Лишь предательство В. Костомарова, которому М. Михайлов доверил ее распространение в Москве, помогло III отделению напасть на след революционеров.

М. Л. Михайлов был арестован, он назвал себя автором и единственным распространителем прокламации¹ скрыв от следствия своих помощников — Н.В. Шелгунова, Е. П. Михаэлиса, А. Серно-Соловьевича и Л.П. Шелгунову. Он пожертвовал собой, чтобы его ближайшие друзья и соратники оставались на свободе и могли продолжать революционную борьбу. Даже в своих воспоминаниях он не упоминает их. Об этой жертве Михайлова знал только очень узкий круг людей — Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Огарев, братья Серно-Соловьевичи.²

Действительная история этой прокламации оставалась тайной до тех пор, пока Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях, опубликованных в 1905 году, не рассказал о том что «автором воззвания» «К молодому поколению» был Шелгунов».³ Данные Пантелеева вскоре были подтверждены впервые опубликованным полным текстом воспоминаний Шелгунова, где он прямо писал: «Распространить прокламацию было, конечно, рискованнее и труднее, чем ее напечатать, потому что вдвоем сделать это было почти невозможно. Мы посвятили в нашу тайну брата моей жены, студента Петербургского университета Михаэлиса и Александра Серно-Соловьевича».⁴

М. Л. Михайлов был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на каторжные работы сроком на 12 лет⁵ с поселением затем на жительство в Сибири навсегда.

Насколько опасным государственным преступником считался М. Л. Михайлов, говорят архивные документы,

¹ ЦГИА России, ф. 1405, оп. 59, д. 6618, лл. 76 об., 77, 77 об.

² Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т. I. М., 1967, стр. 484.

³ Там же, стр. 17.

⁴ ЦГИА России, ф. 1405, оп. 59, д. 6618, лл. 127 об., 129—130.

⁵ «Каторга и ссылка», 1927, № 4(33), стр. 35-36.

связанные с пересылкой его на каторгу с временным пребыванием в Тобольском тюремном замке.

Из сострадания к тяжелой участи известного поэта и общественного деятеля отдельные административные лица брали М. Л. Михайлова к себе в дома из-под тюремного заключения на обеды и встречи с прогрессивно настроенной частью интеллигенции Тобольска. Такое сочувствие к «преступнику, осужденному за тягчайшее государственное преступление», вызвало возмущение в петербургских кругах. По личному указанию царя все должностные лица Тобольска, виновные в таком попустительстве, были смещены за это с должности и преданы суду.¹

Воссоздавая образ русского политического ссыльного Михайлова, М. О. Ауэзов прослеживает в романе его деятельность, начиная со студенческого периода, с которым связано формирование его революционно-демократических воззрений. Фактический материал, характеризующий участие Михаэлиса, прототипа Михайлова, в студенческом движении 60-х годов, почерпнутый М. О. Ауэзовым главным образом из мемуарной литературы того времени, полностью подтверждается и изученными нами архивными источниками из фонда Министерства юстиции ЦГИА России, содержащего следственные дела студентов Петербургского университета заключенных в Петропавловскую крепость и впоследствии сосланных.

Формальным поводом для студенческих волнений в Петербурге осенью 1861 года было введение новых правил, существенно ущемлявших права студентов университетов.

Волнение студентов Петербургского университета началось со студенческих сходок, в результате которых 25 сентября лекции были прекращены, а здание университета закрыто. Тогда студенты — 1500 человек — собрались около университета, организовали демонстрацию и двинулись к дому попечителя. У дома попечителя студентов и присоединившуюся к ним толпу окружила конная и пешая полиция, сюда же были вызваны войска. Однако столкновения с войсками не произошло, поскольку попечитель согласился выслушать демонстрантов в

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 4, д. 6464, л. 1-19.

университете. Вернувшись туда, студенты избрали для переговоров своих депутатов — Михаэлиса, Гена и Стефановича,¹ передавших попечителю требования студентов, которые тут же были отвергнуты. Прибывший же на переговоры военный генерал-губернатор объявил, что если собравшиеся не разойдутся, то он «вынужден будет употребить войска для их разогнания».²

В ночь на 26 сентября 1861 г. наиболее революционно настроенные студенты были брошены в Петропавловскую крепость. Главными руководителями этого движения следствие называет Е. Михаэлиса и Н. Утина.

Ознакомление с историей студенческих волнений в Петербургском университете в 1861 году представляло для М. О. Ауэзова несомненный интерес: оно раскрывало роль Михаэлиса в этом движении, давало писателю возможность составить представление о его личности и взглядах.

В делах следственной комиссии III отделения Е. Михаэлис безоговорочно назван в «числе зачинщиков».³

Архивные документы и воспоминания современников говорят о большом авторитете Михаэлиса среди студентов, он выбирается депутатом для отстаивания интересов студентов перед университетским начальством. К его речам прислушиваются студенты и в основной своей массе поддерживают его предложения.

Л. П. Шелгунова — активная участница революционного подполья 60-х годов, находясь в курсе всех конспиративных дел мужа, дополняет наше представление о самой личности Михаэлиса следующей интересной деталью: «У меня в ту зиму жил брат-студент, Михаэлис... Должно быть, он пользовался в университете значением, потому что раз вечером пришел Михайлову Добролюбов и сказал, что пришел познакомиться со студентом Михаэлисом, о котором много слышал Добролюбов, услышав, что в университете есть умный студент, не ждал, чтобы он пришел к нему на поклон, а сам пришел его разыскивать».⁴

¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 59, д. 6627, л. 276.

² Там же.

³ Там же, д. 6640, л. 14 об.

⁴ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания. Т. II. М., 1967, стр. 116.

Н. В. Шелгунов не раз с большой теплотой говорил об Евгении Михаэлисе: «Это был замечательно даровитый, энергичный и глубоко нравственный юноша, каких в то время, богатое людьми, было немного. Он-то был тем нервом, через который мы чувствовали биение университетского пульса. Пылкий, умный и смелый Михаэлис, несмотря на свои 18 лет, сумел выделиться настолько, что был выбран в депутаты, имел влияния и, к сожалению, попал в категорию первых пяти».¹

Как один из главных руководителей студенческого движения в Петербурге, Е. Михаэлис был сослан в Петрозаводск Олонецкой губернии, а в августе 1863 г. после самовольной отлучки из города был выслан в Тару под строгий надзор полиции.²

В 1869 году Михаэлис получает разрешение на переезд в Семипалатиск, где поступает на службу в Семипалатинское областное управление на должность помощника делопроизводителя. С 1870 года он становится младшим чиновником особых поручений этого учреждения. Выполняя служебные поручения, Е. Михаэлис нередко совершал поездки по области. Интересно отметить, что в 1871 и 1872 годы он был дважды командирован в Коныр-кокше-тобыктинскую область для проведения следствия по одному из уголовных преступлений. Как известно, знакомство Абая с Михаэлисом состоялась ранее, в 1870 году и по воспоминаниям современников широко известно, что Михаэлис бывал гостем аула Абая.

В 1882 году Е. Михаэлис, освободившись от надзора полиции, переезжает в Усть-Каменогорск, где и остается до конца жизни.

Находясь в Семипалатинске, Е. Михаэлис внес серьезный вклад в культурную жизнь города. Будучи секретарем Семипалатинского комитета, основанного в 1878 году при областном правлении он приложил много усилий для изучения природных условий, хозяйства и культуры Семипалатинской области. Несмотря на то, что его обучение в университете было рано прервано, он благодаря хорошей подготовке и широкой эрудиции, достигнутой

¹ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания. т. II. М., 1967, стр. 155.

² ЦГИА России, 1282, оп. I, д. 102, л. 204 об.

самообразованием, становится серьезным исследователем этого края. Его труды получили заслуженное признание научной общественности Сибири.

В 1880-м Е. Михаэлис избирается в члены Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. Заслуги его в разностороннем изучении края, круг его научных интересов убедительно характеризуют приводимый ниже перечень его основных работ.

В 1871-м им были открыты залежи каменного угля в Зайсанском уезде, запасы которого определялись в то время в 10 миллиардов пудов. В 1879—1880 годы Е. Михаэлис предпринял исследование верховьев Иртыша от Семипалатинска до озера Зайсан на протяжении более 700 километров и «признал его пригодным к пароходству». Кроме того, он составил навигационную карту этого участка и собрал значительный материал экономического и географического характера, который был принят во внимание при окончательном разрешении вопроса об организации в верхних плесах Иртыша пароходства, связавшую огромную приграничную с Монголией часть Семипалатинского края с Сибирью.¹

Интересны работы Е. Михаэлиса в области изучения алтайских ледников, причем им впервые были установлены границы прежнего мощного оледенения Алтая.

Е. Михаэлису принадлежат труды и в области конхиологии² Сибири, где он обследовал огромный район от Тары до Северной Джунгарии. Совместно с профессором В. А. Обручевым Е. Михаэлис заинтересовался происхождением глубоких семипалатинских песков. Он вычислил наносный характер песков и разработал ряд мер в борьбе с ними. Им был изучен золотоносный Колбинский хребет в восточной части Семипалатинского округа и точно указаны районы предстоящих разработок, что вскоре нашло применение при работах по добыче золота в этом районе.

Основная часть трудов Михаэлиса была опубликована в периодических изданиях Академии наук и Русского географического общества.

¹ Архив Семипалатинского краеведческого музея, д. № 11400, стр. 1.

² Конхиология — отдел зоологии, изучающий раковины моллюсков.

В эпопее «Путь Абая» показано, какое большое значение в судьбе Абая сыграло его сближение с политическим ссыльным Михайловым, образ которого вобрал в себя многие стороны биографии и черты характера Евгения Петровича Михаэлиса.

Это родство художественного образа со своим прототипом заметно уже в портретном сходстве Михайлова с Михаэлисом. «Это был человек лет за тридцать, с широкой темной бородой, с большим открытым лбом, который еле увеличивался залысинами, с мужественным и вдумчивым лицом».¹

Знакомство Абая с Михайловым в эпопее, как и в действительности с Михаэлисом, произошло в семипалатинской общественной библиотеке.

«Познакомившись с Кунанбаевым и заметив его недюжинные способности, Михаэлис обратил на его воспитание серьезное внимание. В продолжении нескольких лет Абай имел самое тесное общение с Евгением Петровичем. Ежегодно Абай гостил в Семипалатинске с декабря по март, проводя все вечера в беседах с Михаэлисом», — писал Б. Герасимов, известный семипалатинский исследователь-краевед.²

Интерес Абая к Михайлову, показанный в романе, не случаен: Михайлов был, «пожалуй, самый умный и образованный человек во всем Семипалатинске». В суждениях и взглядах Михайлова легко прослеживается его связь с главным жизненным прототипом. Мирозрение Михайлова так же, как и революционно-демократический образ мыслей Е. П. Михаэлиса, обусловлено его идейной близостью к соратникам Н. Г. Чернышевского.

Вполне закономерно, например, приписываемое Михайлову в романе резко отрицательное обобщающее суждение о царских чиновниках. В беседе с Абаем он говорит, что все чиновники одинаковы, как семена чертополоха, и посеяла их одна рука — царский строй.

Подробное изучение активного участия Е. П. Михаэлиса в революционном движении 60-х годов, дало писателю умело воспроизвести беседы Михайлова с Абаем о революционном движении в России, его идеологах, о

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 546.

² «Записки Семипалатинского подотдела Зап. Сиб. отдела Русского географ. общества, 1914, вып. VIII, стр. 6.

чем в жизни (это исторически достоверно) впервые по-
ведал поэту Е. Михаэлис.

Оттолкнувшись от конкретного жизненного материала, связанного с Михаэлисом, М. О. Ауэзов творчески раскрывает, как Абай услышал от Михайлова о роли Чернышевского в революционном движении России. В романе Абай узнает от Михайлова о содержании известных революционных прокламаций 60-х годов, написанных Н. Г. Чернышевским и его сподвижниками.

Так, он знакомит с содержанием прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». И что вполне правомерно, если учесть, что его прототип Е. Михаэлис не только был знаком с этими прокламациями, но и принимал деятельное участие в их распространении.

Увидев большой интерес Абая к общественной жизни, Михайлов знакомит его с историей революционной мысли в России. Он «Рассказывал ему об истоках борьбы самодержавия, говорил о Пушкине, Белинском, Герцене, о новом подъеме революционного движения, вызванном Чернышевским. О нем он отзывался с особой теплотой и уважением и Абай решил, что именно Чернышевский был учителем его друга».¹

Между прочим, Михайлов рассказывает Абаю, что, находясь в Петрозаводске, он направил прошение царю с просьбой разрешить ему возвратиться в Петербург для завершения образования. На листе прошения случайно расплылось чернильное пятно, которому молодой студент не придал значения. Царь же, оскорбившись при виде чернильной кляксы, дал указание сослать его в Сибирь.

Основанием для воссоздания этой детали в биографии Михайлова явились воспоминания Н. Шелгунова, с которым М. О. Ауэзов был знаком, судя по сохранившимся обширным выпискам, сделанным им из указанного труда.

Н. Шелгунов вспоминает, что однажды ему пришлось беседовать с князем А. Суворовым — петербургским военным губернатором в 1861—1866 гг. «Когда мы вспоминали о Михаэлисе, Суворов рассказал мне историю о злополучном чернильном жиде,² изменившем всю судьбу Михаэлиса. Не явись случайно этот жид, Михаэлис был бы возвращен в Петербург и не попал бы в Тару.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 667.

² Т.е. чернильной кляксе. Жидня — жидкость.

Михаэлис и Ген написали из Петрозаводска письмо, они слизнули пятно, государь остался недоволен и не дал просьбе движения.

— Государь не привык получать такие письма,— заметил Суворов серьезно».¹

Вся семья Михайлова — семья революционеров. Абай узнает, что сестра Михайлова Мария бросила Н. Г. Чернышевскому букет цветов как вызов палачам, царским чиновникам и полицейским, окружавшим место казни. Как известно, этот факт действительно имел место в истории. Букет цветов был брошен на эшафот Чернышевскому сестрой Е. П. Михаэлиса Марией Петровной, за что она была взята под надзор полиции.

Мария Петровна Михаэлис (в замужестве Богданович) и в дальнейшем принимала активное участие в народнической агитации среди крестьян.

Ранняя ссылка в Сибирь оторвала Михайлова от активной политической борьбы. С горечью он говорит, о себе: «Вот кабы не скосили под корень молодым, может быть, я и сумел бы сделать что-нибудь стоящее».²

Н. Шелгунов также отмечал блестящую подготовку и научные способности молодого Михаэлиса. Он писал, что, если бы не ранняя ссылка, «из него, несомненно, вышел бы превосходный профессор-натуралист и выдающийся ученый...».³

В эпоху Михайлов оказывает Абаю помощь в самообразовании. М. О. Ауэзов и здесь основывался на широко известных фактах биографии поэта, сохранившихся в памяти его близких. Известно, что Михаэлис познакомил Абая с творчеством Пушкина, Лермонтова, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Белинского, Чернышевского. Таким образом в изображении М. О. Ауэзовым приобщения Абая к русской и западно-европейской литературе, и трудам русских революционеров-демократов нет авторского вымысла. Воссоздания этих фактов биографии Абая строится на исторически достоверном, зафиксированном круте чтения Абая, нашедшем отражение и в его творчестве.

¹ Н. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания. т. I, стр. 157—158.

² М. Ауэзов. Абай, кн.: I. М., 1958, стр. 672.

³ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания. т. I, стр. 157—158.

Михайлов в эпосе говорит: «Русские книги вам.. помогут, они будут самыми верными вашими друзьями... А я с удовольствием буду вашим, так сказать, советником, по самообразованию, благо у меня есть кой-какой собственный опыт в этом деле».¹

Очень верно раскрыты в романе причины привлечения в ряде случаев на службу политических ссыльных в государственные учреждения Семипалатинска. Так, Михайлов говорит: «На службе-то меня держали не по своей охоте, а поневоле. Года два назад губернатор получил из Петербурга предписание создать здесь статистический комитет, а что статистика, с чем ее кушать, как поставить это дело по-научному, здешние чиновники и слышать не слышали... А я еще в студенческие годы в погоне за знаниями увлекался и статистикой. Ну вот, не найдя никого, для начала взяли на эту должность с малой властью и большими хлопотами меня. Но, видно, жизнь привила мне болезнь, Ибрагим Кунанбаевич, не могу я никакого дела делать по-казенному. Так и тут: увлекся статистикой, начал уже понимать всю сложность народного хозяйства в ваших условиях».²

Вся огромная и разносторонняя краеведческая работа Михаэлиса в Казахстане стоит за словами Михайлова: «...теперь я не брошу начатого дела, может быть, мне удастся принести какую-нибудь пользу этому краю».

Таким образом, беседы Абая с Михайловым имели большое значение в его духовном развитии.

Направляя просветительскую деятельность Абая, Михайлов советует ему: «Передавайте вашему народу все, что прочли сами, чему научились, что узнали... Пусть будет это слабый светильник в одинокой руке, но надо нести его в темноту!».³

Однако М. О. Ауэзов подчеркивал, что Михайлов — собирательный образ. Основываясь на реальных фактах биографии исторического достоверного лица — Михаэлиса, состоявшего в дружбе с Абаем, автор, пользуясь своим правом художественного вымысла, показывает этот образ в развитии, привносит в него черты деятелей 80-х годов.

¹ М. Ауэзов. Абай, кн. I. М., 1958, стр. 571.

² Там же, стр. 666.

³ Там же, стр. 673-674.

В 80-х годах XIX века Абай Кунанбаев, расширил свои связи с русскими политическими ссыльными, сближается с представителями народолюбцев, выступление которых относится к периоду второй революционной ситуации в России (1879—1880 гг.). Тогда значительно обострилась общественно-политическая борьба. Народничество представляло новый этап в разночинском освободительном движении. Считая своей целью свержение самодержавия путем всеобщего вооруженного восстания, народники, стремились, революционизировать народ, поднять его на борьбу. Однако это движение «хождения в народ» не могло иметь успеха в тех исторических условиях. Деятельность народников и отдельные разрозненные протесты крестьян жестоко подавлялись царскими властями.

В этих условиях в августе 1879 года произошел раскол народнической организации «Земля и воля» на две новые организации — «Народная воля» и «Черный передел».

С «Народной волей» связаны имена выдающихся деятелей русского революционно-демократического движения А. И. Желябова, А. Д. Михайлова, С. Перовской, В. Фигнер, и др., входивших в Исполнительный комитет организации. Главной целью своей работы «Народная воля» считала государственный переворот, свержение самодержавия, установление демократической республики, представление трудящимся политических свобод, передачу земли крестьянам, а заводов и фабрик — рабочим. Народолюбцы впервые поставили вопрос о необходимости политической борьбы и в дальнейшем сосредоточили на ней всю свою деятельность, занимаясь революционной пропагандой среди студенческой молодежи, военных и частично рабочих.

Несмотря на исключительный героизм и самоотверженность членов «Народной воли», им не удалось вызвать народную революцию в силу того, что ни социальное, ни экономическое развитие России того периода еще не создали условий, когда эту борьбу мог бы возглавить пролетариат. Отсутствие широких связей народолюбцев с народными массами обусловило историческую обреченность их деятельности, которая свелась к заговорщической тактике и индивидуальному террору. Вся практическая работа народолюбцев сосредоточилась в ко-

нечном счете на организации покушения на царя Александра II, после осуществления которого организация была разгромлена, а ее руководители казнены.

Другая организация революционных народников — «Черный передел» — первоначально осталась верна программе «Земли и воли». Ее члены выступали с критикой террористической деятельности народолюбцев. Однако вопреки их программе, в основе которой лежала идея борьбы за революционизирование крестьянства, чернопередельцы после безуспешной агитации в деревне постепенно переключили свою деятельность на рабочих.

После события 1 марта 1881 часть чернопередельцев сливается с «Народной волей», а наиболее подготовленные в теоретическом отношении члены ее порывают с народничеством и, пересмотрев свои прежние идейные позиции, эволюционируют в сторону марксизма. Наиболее видные чернопередельцы — Плеханов, Дейч, Засулич, Аксельрод и другие — создают в 1883 году в Женеве первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда».

Среди ссыльных народолюбцев, с которыми был дружен Абай Кунанбаев в 80-е годы, наиболее яркой фигурой был Н. Долгополов.

Нифонт Иванович Долгополов родился в 1867 году в г. Бирюче Воронежской губернии в семье канцелярского служащего. Будучи студентом медицинского факультета Харьковского университета, Н. Долгополов становится активным участником возникшего там народолюбнического кружка.

Члены кружка вели революционную пропаганду среди учащейся молодежи, интеллигенции, рабочих.¹ Поводом для ареста и ссылки Н. Долгополова в Сибирь послужило его активное участие в крупных студенческих волнениях в Харькове осенью 1878 года. Причем он был арестован в числе семи других «главных руководителей волнений в Харькове»² и приговорен к пяти годам ссылки под гласным полицейским надзором. В сентябре 1880-го прибыл в г. Курган Тобольской губернии.

Н. Долгополов, исключенный из университета с 5-го курса, был хорошо подготовленным врачом. Его знания

¹ ЦГА РК, ф. 15, по. 2, д. 88, л. 1.

² ЦГИА России, ф. 1282, д. 425, л. 63.

решил использовать городской врач Головки, с сочувствием относившийся к политическим ссыльным города. Под свою ответственность он разрешил Долгополову практиковать в городской больнице.

Курганская больница находилась в полнейшем упадке. Ни о какой квалифицированной помощи больным не могло быть и речи. С огромной энергией, работая по 18 часов в сутки, Н. Долгополов взялся за приведение больницы в должное санитарное состояние. Вскоре им, впервые в практике врачей, был введен ежедневный бесплатный амбулаторный прием, открыто хирургическое отделение со стационаром, где Н. Долгополов провел много успешных операций. Слава бескорыстного доктора была слышна далеко за пределами Кургана. К нему приезжали лечиться из Ишимского и Ялуторовского округов, Петропавловского, Шадринского и Челябинского уездов.

В феврале 1881 г. Министерство внутренних дел в ответ на ходатайство тобольского генерал-губернатора дало разрешение Н. Долгополову работать в городской больнице. Однако, когда Н. Долгополов в числе других политических ссыльных Западной Сибири, проявив принципиальность и верность своим убеждениям, публично отказался принести верноподданническую присягу при вступлении на престол Александра III, Министерство внутренних дел отменило свое прежнее решение, запретив ему практику в больнице, как лицу, проявившему «полнейшую неблагодарность в политическом отношении, распространяя безверие и недовольство существующим порядком».¹ Ввиду отказа Н. Долгополова от принятия присяги новому царю срок ссылки его был увеличен на год, считая с сентября 1881-го. Лишенный возможности работать в больнице Н. Долгополов, уже завоевавший среди населения репутацию прекрасного врача, продолжал нелегально оказывать медицинскую помощь приезжавшим к нему больным.² За нарушения строжайшего запрещения заниматься врачебной практикой он подвергся арестам на несколько суток и другим взысканиям.³

Осенью 1882-го Н. Долгополов был выслен из Кургана и временно водворен на жительство в г. Тюкалинск.

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 10, д. 16690, лл. 157, 157 об.

² Там же.

³ ЦГА РК, ф. 15, оп. 2, д. 88, л. 69.

В июне 1884-го Н. Долгополов прибыл в Семипалатинск, где оставался до конца ссылки под гласным надзором полиции. Именно в эти годы, с 1884 по 1886, он близко познакомился с Абаем Кунанбаевым. Их дружескую связь подтверждают как широко известные воспоминания современников Абая и первых его биографов, так и целый ряд архивных документов из фондов Семипалатинского областного правления. Заболев летом 1885 года, Н. Долгополов просит разрешения у семипалатинского генерал-губернатора выехать для лечения в аул Абая. «Здоровье мое крайне расстроено — от страдания лихорадкою и грудною болезнью, мне для поправления его необходимо выехать из города на летние месяцы в степь для пользования кумысом и чистым воздухом. Вследствие чего и прошу вас, ваше превосходительство, разрешить мне поездку в Чингизскую волость — в аул Кунанбая Ускенбаева — вперёд до 15 августа, 4 июня 1885 г. Н. Долгополов».¹

Разрешив поездку, генерал-губернатор уведомлял об этом семипалатинского уездного начальника «для сведения и надлежащих распоряжений за Долгополовым в означенной местности полицейского надзора».²

Ознакомившись с жизнью и деятельностью политических ссыльных женщин Семипалатинска, М. О. Ауэзов обобщил их характерные черты в образе жены Павлова — Саши. Непосредственным же прототипом Саши была Александра (Шейна) Шур, также связанная в своей революционной деятельности с «Народной волей».

Дочь могилевского купца А. Шур, по данным ее следственного дела, была хорошо образована, свободно владела немецким и французским языками, подолгу жила за границей (в Берлине, Лондоне, Швейцарии), где занималась естественными науками. Во время пребывания за границей А. Шур находилась в тесном контакте с эмигрантской учащейся молодежью. На это обстоятельство обращалось внимание в секретном донесении министру юстиции: «В настоящее время за границую сгруппировалась весьма значительное количество русских подданных — евреев, уроженцев Западного края, к которым принадлежит и Шур, играющих видную роль в

¹ ЦГА РК, ф. 15, оп. 2, д. 88, л. 69.

² Там же.

революционной ситуации не только в России, но даже в Германии и Австрии».¹

В сентябре 1878-го А. Шур при переезде через границу (она возвращалась из Швейцарии в Россию) была арестована по подозрению в исполнении важного поручения «от русских эмигрантов-социалистов».² При обыске у нее были обнаружены письма, шифрованные записки, различные шифры.

Тщательное изучение деятельности А. Шур привело следственные органы о ее принадлежности к партии «Народная воля», поручения которых она выполняла, совершая поездки из-за границы в Россию, а следовательно, и ее «крайне политической неблагонадежности»³. А. Шур была выслана в административном порядке на жительство в Курган Тобольской губернии с установлением за ней гласного полицейского надзора.

В 80-е годы Абай сблизился в Семипалатинске с ссыльным поляком Северином Гроссом, широко образованным человеком, кандидатом прав, окончившим в 1877 году петербургский университет. Гросс был сослан в Западную Сибирь за участие в тайной революционной организации польской молодежи, возникшей в середине 1880 годов.

Основа этой организации была заложена еще в 1878 году в Петербурге в связи с созданием группой студентов-поляков кружка самообразования, который уже в начале 1880-го становится центром петербургского польского революционного землячества, так называемой «гмины».

Подобные же организации усилиями передовой польской молодежи действовали в начале 1880-х в Москве, Киеве, Вильне.

Программа гмины не была четко определена, но, судя по сохранившемуся тексту черного варианта «Программы действий польских социалистов», можно увидеть, что «польские революционеры в 1880 г. находились под влиянием народнических идей, причем в большей степени «черного передела».⁴ Не случайно они уделяли большое внимание пропаганде в рабочей среде.

¹ ЦГИА России, ф. 1405, оп. 77, д. 7651, л. 5.

² Там же, стр. 8.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Там же.

В следственных материалах III отделения делается попытка выявить программу организации и ее задачи: «Польская социал-революционная партия имеет цель отделения Польши от России и устройство первой в виде федерации отдельных гмин, в экономическую основу которых должны лечь рабочие корпорации, владеющие промышленными предприятиями на правах собственности, и общинное землевладение как идеал аграрного устройства»¹

Несмотря на расхождение борьбы отдельными группами в гминах, все они сходятся в одном, что «Конечное средство осуществить идеал партии есть революция, первыми жертвами которой должны пасть нынешние владельцы промышленных предприятий и крупных земельных участков, как нетерпимые при новом экономическом строе».²

Главными органами пропаганды этих идей и были так называемые «социальные гмины» — Виленская, Киевская и пр., возникавшие преимущественно в городах, где была учащаяся молодежь, которая вовлекалась в кружки и составляла объект агитации³

В июне 1880 года в Варшаве состоялся съезд представителей различных гмин для выработки программы партии, на котором присутствовал Северин Гросс.

Существование этой тайной революционной организации царские власти обнаружили в начале 1881 года. Немедленно последовали ее разгром и репрессии. В марте того же года С. Гросс и другие руководители Виленской гмины были арестованы и подвергнуты годичному тюремному заключению.

С. Гроссу предъявили обвинение в руководстве Виленской гминой участии в ее тайных собраниях и съездах в Варшаве, установлении связи с польскими социалистами за границей, предоставлении материальных средств организации⁴.

По царскому повелению дело С. Гросса и других руководителей Виленской гмины в январе 1882-го было

¹ ЦГИА России, ф. 1405, оп. 77, д. 7651, л. 7 об.

² С. С. Волк «Народная воля» М., 1966, стр. 406.

³ ЦГИА России, ф. 1405, оп. 80, д. 8126, л. 7 об.

⁴ ГАОО, ф. 3, д. 18676, лл. 1-3.

разрешено в административном порядке, причем С.Гросса выслали в распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири для водворения на жительство под гласным надзором полиции сроком на 5 лет¹

Первоначально С.Гросс поселился в г.Ишиме, куда его доставили под полицейским конвоем².

В 1882 году в Ишиме С.Гросс женился на политической ссыльной также находившейся под надзором полиции, Анне Скалацкой, высланной из Киева в 1880, «за политическую неблагонадежность и принадлежность к преступной пропаганде»³

В 1883 году С. Гросс с женой переселился в Семипалатинске, где над ними также был установлен гласный полицейский надзор.

Абай был хорошо знаком и с сосланным в Семипалатинск студентом Петербургского университета Александром Блеком, которого американский журналист Джорж Кеннан выделял среди семипалатинских ссыльных как исключительно яркую личность.⁴

А. Блек принадлежал к передовой части оппозиционно настроенных студентов Петербургского университета, был одним из организаторов его тайного революционного кружка. В 80-е годы на центральный университетский кружок в Петербурге, тесно связанный Исполнительным комитетом «Народной воли» большое влияние оказывали чернопеределцы. Среди молодежи, на которую они опирались в Петербургском университете, в первую очередь был назван студент юридического факультета Александр Блек.

В феврале-марте 1880-го в Петербурге создается самостоятельный революционный кружок чернопеределческого направления объединяющий около 40 человек. В кружок вошел и А. Блек.

Основной задачей чернопеределцев в 80-х годах XIX века была организация пропаганды среди рабочих, в которых они видели единственный класс, способный в тех условиях к организованной борьбе и более восп-

¹ ГАОО, ф.3, д. 18676, лл. 1-3.

² ЦГА РК, ф.15, оп.2, д.63, лл. 3-4.

³ ГАОО, ф. 3, оп 13, д 18671, лл. 15 об, 16.

⁴ Д. Кеннан. Сибирь, т. I. СПб, 1906, стр. 100-102.

приимчивый к революционной пропаганде, чем крестьянство. Активным пропагандистом в рабочих кружках Петербурга был и А. Блек.

В связи с разгромом Исполнительного комитета «Народной воли» после событий 1 марта 1881 года оставшаяся на свободе часть народовольцев ищет сближения с чернопредельцами. Их объединение произошло в ноябре 1881-го, причем среди чернопредельцев, пошедших на объединение с народовольцами, упоминается А. Блек. Однако, объединившись с народовольцами, чернопредельцы в своей практической деятельности продолжали в основном заниматься пропагандой среди рабочих.¹

Петербургская организация чернопредельцев поддерживала тесную связь с тайным революционным кружком в Гельсингфорсе, который оказывал серьезную помощь чернопредельцам Петербурга в перепечатке нелегальной литературы. Связь с кружком осуществляли Кланг, Марковский и А. Блек.

А. Блек совершил последнюю поездку в Гельсингфорс летом 1882-го специально для приобретения гектографа. Благодаря содействию гельсингфорского кружка он достал два гектографа, но вывезти их в Петербург не представилось возможности: финским жандармам удалось напасть на след организации и она была разгромлена. А. Блек был арестован в сентябре 1882-го и препровожден под стражею в жандармское управление Петербурга.²

Таким образом А. Блек, судя по его деятельности и найденным у него документам в тесной связи с руководством «Народной воли» был послан в Гельсингфорс для установления контакта с местной организацией. Из материалов дознания вытекает, что петербургская полиция и ранее подозревала Александра Блека в распространении изданий «Народной воли». В результате обыска, произведенного у А. Блека в начале 1882 г., были обнаружены программы «Народной воли», устав и программа рабочей массы, «Программы Северного союза русских рабочих». Последняя была гектографирована А. Блеком с доставленного ему оригинала на приобретенном им в Гельсингфорсе гектографе.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, М., 1926, стр. 157.

² ЦГИА России, ф. 1405, оп. 82, д. 9358, лл. 4 об., 5.

А. Блеку было предъявлено обвинение в связях с революционным кружком в Гельсингфорсе, распространении революционных изданий главным образом в рабочей среде, приобретении гектографа для печатания прокламаций противоправительственного характера и попытках приобретения шрифтов для тайной типографии.¹

Дело А. Блека было разрешено в административном порядке — ссылкой в Западную Сибирь сроком на 5 лет под гласный надзор полиции, считая с мая 1883-го. В 1887 году А. Блек поселяется в Семипалатинске, где работает в Статистическом комитете.

Во время пребывания С. Гросса и А. Блека в Ульбинске с ними познакомился Джорж Кеннан, писавший о них впоследствии: «Господин Гросс был красивый мужчина лет 30, с каштанового цвета волосами, большой бородой и усами, голубыми глазами и правильными чертами лица. Он говорил очень живо, с ласковой модуляцией в голосе и имел привычку, когда его что-нибудь интересовало или волновало в разговоре, широко раскрывать свои глаза. Оба молодых человека имели ученые степени, говорили по-французски и по-немецки, а господин Блек и по-английски, оба интересовались политической экономикой и каждого из них можно было смело принять за профессора».²

Говоря о С. Гроссе, А. Блек и других ссыльных Семипалатинска, Д. Кеннан отмечал: «...У всех ссыльных, какой бы жалкой ни была в остальном их обстановка, я находил, письменный стол, книги, и газеты, как например, «*Revue du deux Mondes*» и «Русский Вестник». В доме господина Блека была небольшая, но тщательно подобранная библиотека, в которой кроме русских книг были стихотворения Лонгфелло, «Древнее право» и «Сельские общины» Мэна, «Логика» Бэна, «Политическая экономия» Милля, «История рационализма» Локка, «Опыты», «Принципы социологии» Спенсера и «История английской литературы» Тэна, «История Соединенных Штатов» Лабулэ и ряд французских, немецких сочинений по юриспруденции и политической экономии. Излишне подчеркивать, что люди читающие книги и везущие их с собою в Сибирь, не могут быть ни дикими фанатиками,

¹ ЦГИА России, ф. 1405, оп. 82, д. 9358, лл. 56.

² Д. Кеннан. Сибирь, т. I. СПб., 1906, стр. 100.

ни «невежественными сапожниками и ремесленниками», как описывал мне их один русский офицер, что это — серьезные, образованные, мыслящие люди. Если такие люди сосланы на глухую сибирскую деревню на монгольской границе вместо того, чтобы неся государственную службу, приносить пользу своему отечеству, тем хуже для государства».¹

Д. Кеннан особенно выделял Александра Блека, о котором писал, что он сразу завоевал его сердце: «Это был мужчина лет 26-28, среднего роста и атлетического сложения, с темными волосами и глазами, безбородым лицом, черты которого носили печать ума, моральной строгости и энергии».²

О широкой эрудиции, особенно в области политической экономики и права, и высоком интеллектуальном уровне усть-каменогорских ссыльных, Д. Кеннан судил по библиотеке А. Блека, самый подбор книг которой, как было показано выше, говорил об интересах ее владельца.

По данным архивных и литературных источников, Абай Кунанбаев был также хорошо знаком и с другими семипалатинскими ссыльными — А. Леонтьевым, П. Лобановским, и Н. Коншиным.

Александр Александрович Леонтьев родился в 1858 году в Петербурге, где закончил Пажеский корпус. В 1884 г. А. А. Леонтьев, тогда поручик запаса гвардии, был обвинен «в сношениях с лицами, содержащимися в Петропавловской крепости», и сослан на три года в Западную Сибирь. В том же году А. Леонтьев поселяется в Семипалатинске, куда к нему приезжает невеста — Е. Л. Михайлова, политическая ссыльная, сосланная в Омск на 2 года.

А. Блек, А. Леонтьев и С. Гросс помимо работы в Семипалатинском статистическом комитете много сил отдавали общественной библиотеке и созданию местного музея, сыгравшего благодаря их деятельности важную роль в разностороннем исследовании края. Кроме того, Семипалатинский уездный судья Маковецкий привлек их исследованию казахского обычного права, как лиц имевших превосходное юридическое образование. Пло-

¹ Д. Кеннан. Сибирь, т. I. СПб., 1906, стр. 102.

² Там же, стр. 100.

дом этой работы явились изданные в 1886 г. «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов». Этот большой фактический материал и до сего времени остается ценным источником по дореволюционному казахскому обычному праву.

В июне 1884 г. С. Гросс получил разрешение на месячную отлучку в Чингизскую волость Семипалатинского уезда.¹

Можно со всей уверенностью полагать, что Гросс посещал Абая и прибегал к его консультации в сборе материалов для названной выше работы.

Д. Кеннан обратил внимание на увлечение А. Леонтьева антропологией и этнографией казахов.

Исключительный интерес представляет и следующая запись в книге Д. Кеннана, позволяющая судить о круге чтений Абая, его знакомствах с политическими ссыльными. В честь приездов Д. Кеннана желавшего познакомиться с жизнью политических ссыльных Семипалатинска, А. Леонтьев устроил у себя скромный ужин, на который была приглашена группа политических ссыльных города. В ходе живого обмена мнениями и ответов на вопросы Д. Кеннана, А. Леонтьев рассказал о семипалатинской библиотеке, ее громадном значении не только для политических ссыльных, но и для местного населения. «Даже киргизы,— сказал он,— охотно пользуются ею. Я знаю здесь одного ученого киргиза, который читал Бокля, Миля, и Дрепэра.

— В Семипалатинске есть старый киргиз, читающий Миля и Дрепэра!,— воскликнул молодой студент.

— Да, да!,— ответил Леонтьев.— Когда я его встретил в первый раз, он меня поразил своей просьбой — объяснить ему разницу между индукцией и дедукцией. Позднее я узнал, что он изучал английских философов и читал в русском переводе всех названных мною авторов.

— Однако уверены ли вы, что он понял что-либо из прочитанного?— спросил студент.

— Я его два вечера экзаменовал по Дрепэру «Умственное развитие Европы»,— возразил Леонтьев,— и могу уверить вас, что он в нем хорошо разбирается». ²

¹ ЦГА РК, ф. 15, оп. 2, д. 63, л. 62, и об.

² Д. Кеннан. Сибирь, т. I. СПб., 1906, стр. 84-85.

Как известно, автором единственного портрета Абая с натуры был политический ссыльный Павел Лобановский.

Павел Дмитриевич Лобановский был выслан без суда в марте 1884 г. за политическую неблагонадежность — распространение прокламаций и других изданий «Народной воли» — из Ростова-на-Дону в распоряжение степного генерал-губернатора сроком на 3 года под гласный надзор полиции. Первоначально П. Лобановский был поселен в Усть-Каменогорске, затем в августе 1884-го переведен в Семипалатинск.

Джорж Кеннан дважды посетил П. Лобановского и беседовал с ним о целях и методах борьбы народовольцев, их требованиях, причем П. Лобановский высказал свое отрицательное отношение к индивидуальному террору как методу политической борьбы.

Эта беседа Лобановского с Кеннаном, перед которым он не скрывал своих взглядов, очень важна, так как доказывает, что многие политические ссыльные, будучи оторванными от революционной борьбы вынуждены были заниматься в ссылке работой для добывания средств к существованию, сохраняя верность своим убеждениям. Кеннан вынес впечатление о Лобановском, Леонтьеве, Гроссе, как о людях с непоколебимыми идеалами, людях чести и долга.

Для М. О. Ауэзова была интересна и фигура народовольца Н. Я. Коншина, с которым Абай близко сошелся, приняв участие в работе Семипалатинского областного статистического комитета.

Николай Яковлевич Коншин родился в Твери в 1862 году. По происхождению дворянин, но не имел никакого состояния. Н. Я. Коншин навлек на себя подозрения в политической неблагонадежности уже в 1884 г., когда принял участие в студенческих волнениях в Московском университете. Он был исключен из университета и по распоряжению Министерства внутренних дел выслан из Москвы с учреждением за ним секретного надзора полиции.¹

В 1886 г. Н. Я. Коншин — студент Ярославского Демидовского лицея — был арестован за участие в революционном кружке, созданном студентами лицея. Этот

¹ ЦГИА России, ф. 1405, оп. 87, д. 10212, л. 303.

кружок, объединявший часть учащейся молодежи Ярославля был тесно связан с организацией «Народной воли» в Москве.¹ При обыске у Н. Я. Коншина и других участников кружка были обнаружены различные публикации «Народной воли».

Следствие установило, что члены кружка занимались чтением таких революционных работ, как «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Программа социал-демократической группы Освобождения труда», «Социализм и политическая борьба Плеханова» и пр.²

По делу о революционном кружке Демидовского лицея было привлечено к судебной ответственности 27 человек, причем Н. Я. Коншин назывался одним из первых.

Народоволец Н. Я. Коншин прибыл в Семипалатинск в ноябре 1890 года. До этого он отбывал ссылку в Зайсанском посту. Гласный надзор полиции сохранился за ним и в Семипалатинске, где Н. Я. Коншин выполнял обязанности секретаря отделения при Областном правлении.

После окончания срока ссылки Н. Я. Коншин навсегда остался в Западной Сибири. В течение многих лет он был секретарем Областного статистического комитета и руководителем Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Ему принадлежит большое количество трудов по экономике, истории и этнографии казахов, которые до сих пор не потеряли своего значения в историографии Казахстана.³

Американский журналист Д. Кеннан пришел в изумление, узнав о существовании в таком провинциальном захолустье, каким был Семипалатинск, краеведческого музея и общественной библиотеки с читальным залом,

¹ ЦГИА России, ф. 1405, оп. 87, д. 10212, л. 168.

² Там же, стр. 216.

³ Н. Коншин. Краткий исторический очерк Семипалатинского края и «Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской обл. В «Памятной книжке Семипалатинской обл. на 1901 г.», вып. 5; его же. К вопросу о переходе киргизов Семипалатинской области в оседлое состояние. В «Памятной книжке Семипалатинской обл. на 1898 г.»; его же. Краткий статистический очерк промышленности и торговли в Акмолинской обл. на 1880—1894 и др.

со всевозможными русскими журналами и газетами, отличным подбором книг, насчитывавшим около тысячи томов. Он писал: «С удивлением я увидел сочинения Спенсера, Бокля, Льюиса, Милля, Тэна, Леббока, Тэйлора, Гекси, Дарвина, Лайеля, Альфреда, Рюссель Уэллес, Мэкензи Уэллес и сэра Генри Мэна, романы и повести Скотта, Диккенса, Маризэтта, Жоржа Элиота, Жоржа Мак-Дональда, Антония Троллоп, Жюстины Ме-Carthy, Эркман-Шатриана, Эдгара По и Брет-Гарта. Особенно много было научных сочинений и преимущественно по политической экономии; подобный подбор книг делает высокую честь интеллигентности и вкусу тех, кто его произвел и кто пользовался этими книгами. Благодаря книгам, у меня составилось лучшее мнение о Семипалатинске, чем на основании того, что я до сих пор видел и слышал».¹

Таким образом, Семипалатинская общественная библиотека к фондам которой постоянно обращался Абай, благодаря усилиям политических ссыльных города содержала наиболее передовые для того времени труды по истории, философии, лучшие образцы русской и западноевропейской литературы и периодической печати.

Можно смело сказать, что культурно-просветительская деятельность политических ссыльных придала Семипалатинску такие черты, которые отличали его от других захолустных городов Западной Сибири.

Большое значение в культурной жизни города имело создание в 1878 г. статистического комитета. Его главным назначением были обработка и обобщение статистических сведений по Семипалатинской области. Силами политических ссыльных Статистический комитет возглавил и краеведческую работу, которая объединила изучение географии, истории, экономики, этнографии, духовной культуры края.

Правила полицейского надзора за ссыльными запрещали им работу по специальности. Однако генерал-губернатор Семипалатинской области Цеклинский сделал некоторые исключения, разрешив отдельным ссыльным работать в Семипалатинском комитете, в Областном правлении и пр. Эти отклонения объясняются не столько гуманным отношением к ссыльным со стороны губерна-

¹ Д. Кеннан. Сибирь, т. I. СПб., 1906, стр. 68-69.

тора, сколько потребностью Статистического комитета в квалифицированном труде.

Для таких широко образованных людей своего времени, как названные выше политические ссыльные Семипалатинска, жаждавших практического применения своим знаниям, общественно полезного труда, вполне закономерным явился и интерес к истории, культуре казахского народа, изучение природных богатств края.

Особенно значительную исследовательскую и просветительскую работу, как отмечалось выше, провел в Семипалатинске Евгений Петрович Михаэлис. В условиях всяческих препятствий и ограничений, чинимых представителями царской власти на местах, эта работа требовала от него исключительного упорства, энергии и целеустремленности. Он был первым секретарем Статистического комитета, с большим знанием и пониманием дела возглавившим его собирательскую и исследовательскую работу. При нем комитет стал первым подлинно научным учреждением Семипалатинска.

На основе собранных Михаэлисом экспонатов при комитете в 1883 г. был открыт музей, состоявший первоначально из археологических и зоологических коллекций. Впоследствии он пополнялся разнообразными научными материалами, собранными в области, среди которых большое место занимали экспонаты, относящиеся к этнографии казахов. Как было установлено литературоведом К. Мухамедхановым, целый ряд образцов, прикладного искусства казахов был передан музею через Н. Долгополова Абаем Кунанбаевым, что документально засвидетельствовано в описях коллекций музея.

В 1886 г. по представлению Е. Михаэлиса Абай Кунанбаев становится членом Семипалатинского областного статистического комитета.

В апреле 1902 г. на базе Семипалатинского комитета, давно переросшего в серьезное научное краеведческое учреждение, имевшее свои периодически издававшиеся труды — «Памятные книжки Семипалатинской области», был создан Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. С этого времени значительно расширяется круг научно-исследовательских работ Семипалатинского подотдела РГО. Общество организует историко-этнографические, археологические и географические экспедиции, которые соби-

рают интересные, неизвестные материалы ставшие предметом изучения исследователей края. В работе общества принимали участие Г. Н. Потанин, В. А. Обручев, П.П. Семенов-Тянь-Шанский и др. Почетными членами его были академики А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, Ю.М. Шокальский, а из местных ученых — Е. П. Михаэлис, Н. Я. Коншин, Б. Г. Герасимов и Абай Кунанбаев¹

Таким образом, хотя большинство ссыльных Семипалатинска постепенно отходили от практической революционной деятельности, будучи оторванными от революционного движения в Европейской России, тем не менее часть их приняла активное участие в просветительской работе среди местного населения, что в условиях крайней отсталости колониальных окраин России, безусловно, играло положительную роль.

В эпопее «Путь Абая» выведен образ русского адвоката Андреева, с сочувственным вниманием относящегося к делам Абая и его друзей, подвергавшихся преследованию властей.

Прототипом этого либерального русского чиновника вполне мог быть Семипалатинский уездный судья Маковецкий, в течение ряда лет возглавлявший Семипалатинский статистический комитет и занимавшийся исследованием юридических обычаев казахов.

В романе Андреев показан человеком, серьезно увлекающимся сбором материалов о жизни и обычаях казахов, а также горячим сторонником просвещения, который, увидев в Абае жажду знаний, показывает ему путь к самообразованию. Он объясняет Абаю, как можно учиться, не поступая в школу. «Андреев дал ему слово, что найдет для него учителя. Абай должен твердо решиться засесть за книги и работать: если он готов на это, двери науки распахнуться перед ним».

Эти обстоятельства, безусловно, являются авторским домыслом, но они вполне закономерны и обоснованны, тем более, если учесть, что при встрече Абая с Михаэлисом в общественной библиотеке Семипалатинска поэт уже свободно читал литературу на русском языке. Писатель показывает, как закладывались основы самообразования Абая, и эти детали, будучи вымышленными

¹ А. Жиренчин. Абай и его русские друзья. Алма-Ата, 1949, стр. 78.

помогают заполнить белые пятна в биографии казахского просветителя, воссоздать последовательное развитие его личности.

Как отмечалось ранее, в архиве М. О. Ауэзова имеются выписки из различных источников, содержащие сведения о политических ссыльных — друзьях Абая. Рассмотрев данный материал М. О. Ауэзов не задавался целью воспроизвести жизненный прототип такой важной в идейном отношении фигуры эпопеи, как Михайлов, а стремился создать типический образ, обобщающий характерные черты представителей русских революционеров-демократов 60—80-х годов.

Михайлов в эпопее, безусловно, собирательный образ. Он объединил в себе черты деятелей освободительного движения 60-х годов и политических ссыльных, связанных с движением народолюбцев. Недаром в эпопее Михайлов знакомит Абая с их идеалами и борьбой. Он рассказывает Абаю о Каракозове, кружке Ищутина, убийстве царя.

Образ же другого политического ссыльного в романе — Павлова — имеет своим главным прототипом уже упомянутого выше Н. Долгополова, дальнейший жизненный путь которого дал автору возможность создать на его основе вымышленный образ одного из участников первых марксистских кружков в России.

В отличие от большинства политических ссыльных, оторванных от революционной борьбы в России и завязавшихся культурно-просветительской работой в области краеведения (Е. Михаэлис., Н. Коншин и др.) Н. Долгополов по возвращении из ссылки продолжал принимать активное участие в политической борьбе.

В 1887 г. Н. Долгополов поступил на последний курс медицинского факультета Харьковского университета и с отличием его окончил. Получив диплом, он некоторое время работал врачом на сахарном заводе в Екатеринославской губернии. В 1893-1895 гг. Н. Долгополов — хирург земской больницы в Курске. В 1896 г. он с семьей ненадолго поселяется в Туле, где произошло его знакомство с Л. Н. Толстым, которого он посещал в Ясной Поляне. В 1898 г. Н. Долгополов переехал в Нижний Новгород, где вскоре стал главным врачом Бабушкинской больницы в рабочем районе Кунавино. Здесь он близко сошелся с А. М. Горьким. «В Нижнем, около

1898 года и позже, Горький дружил с Нифонтом Ивановичем Долгополовым, врачом кунавинской больницы... Ежегодно в день рождения Т. Г. Шевченко Н. И. Долгополов устраивал у себя собрания, посвященные памяти поэта, Горький всегда бывал на них»¹

В гостях у Н. Долгополова в Нижнем бывали проездом В. Г. Короленко, А. П. Чехов, С. Г. Скиталец, Н. А. Семешко и др.

Н. Долгополов совместно с Горьким вел в Нижнем Новгороде агитационную работу среди рабочих. В одном из полицейских донесений того времени прямо говорится: «Горький ведет дело подпольно, снабжая деньгами и книжками. Доктор Долгополов — его главный помощник».

Во время революционных выступлений в Нижнем Новгороде в период революции 1905 года Н. Долгополов, организовав специальный санитарный отряд, спасал раненных рабочих в столкновениях с казаками и полицией. Оказав помощь раненым, он помогал им уходить от преследований полиции.

За активную помощь восставшим Н. Долгополов в январе 1906 г. был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Ему вновь угрожала ссылка в Сибирь, но дело закончилось высылкой в Астрахань.

В Астрахани Н. Долгополов, которому вновь было запрещено работать в больнице, оказывал бесплатную помощь многим обратившимся к нему беднякам. Дом его в Астрахани становится центром притяжения политических ссыльных города.

В 1907 г. Н. Долгополов был избран во II Государственную Думу от партии эсеров. На одном из заседаний думы он выступил с речью, в которой говорил о необходимости отмены смертной казни за политические убеждения.

Н. Долгополов опубликовал свыше 10 трудов, причем его интересы выходили за рамки медицинских проблем. Он решительно (например, на Пироговских съездах) ставил вопросы об улучшении медицинского обслуживания рабочих на фабрично-заводских предприятиях. После Октябрьской революции Н. Долгополов был избран в состав первого Астраханского городского исполнительного ко-

¹ Н. Пиксанов. Горький и национальные литературы. М., 1946, стр.30.

митета, начал читать лекции в только что открывшемся в городе медицинском институте.

В конце 1921 г. в Астрахани разразилась эпидемия сыпного тифа. Немолодой уже (65 лет) доктор Н. Долгополов все свои силы отдавал лечению больных. В январе 1922 г. он сам заразился тифом и не мог побороть болезнь.

В некрологе, напечатанном в Астраханской газете «Коммунист» 26 января 1922 г., говорилось: «Кто из рабочих Астрахани не знал Нифонта Ивановича, кто не видел почтенного старца, пробирающегося к больным по самым отдаленным окраинам, невзирая на время дня и ночи.

Рабочий, обратившийся к доктору Долгополову, никогда не получал отказа. Старый революционер, общественный деятель Нифонт Иванович до последних дней своей жизни сохранил чисто юношескую живость и энергию»¹

Умным, сильным духом, деятельным человеком предстает в романе политический ссыльный, друг Абая, Федор Иванович Павлов. В основу его образа М. О. Ауэзов взял черты реального человека — ссыльного народовольца Нифонта Ивановича Долгополова, который был связан с Абаем большой дружбой.

В романе находят отражение основные факты биографии Г. Долгополова, уже отмеченные выше: ссылка в Западную Сибирь за студенческие выступления в Харьковском университете, публичный отказ от принятия присяги Александру III, увеличивший срок его ссылки; совпадают и факты его личной жизни: женитьба на политической ссыльной Сане-Александре (Шейне)Шур, многочисленные препятствия, чинимые их браку властями, не признававшими их семьи и часто расселявшими их по разным пунктам.

Павлов, как и Долгополов, бывал гостем в ауле Абая.

В долгих беседах с Абаем, Павлов говорил о политической жизни и рабочем движении в России.

Борьбу из-за дела Макен, в которую включился рабочий люд Затона, Павлов оценил, как повод для выступления рабочего класса города. Такого рода высказывания им не случайны.

¹ «Памяти замечательного русского врача-революционера Н.И. Долгополова». «Советская медицина», 1957, № 6, стр. 137.

В эпопее Павлов появляется на смену шестидесятиникам и народовольцам, автор пишет о нем: «Этот представитель революционной русской молодежи того времени мыслится мне как один из участников группы русских марксистов конца 80-х годов¹».

Говоря о предстоящем падении самодержавия, о революционной борьбе русского народа, Павлов показывает Абаю «отрывки из статьи подпольной газеты, тайно распространяемой среди рабочих самой сильной и смелой из российских революционных партий», датированной декабрем 1899 г.

Образ Павлова — собирательный образ. Один из его реальных прототипов Н. Долгополов — покинул Семипалатинск в 1886 году. Павлов же остается с Абаем до конца его жизни. Он раскрывает ему характер начавшейся русско-японской войны. По его мнению поражение России, в этой войне, как всякое ослабление самодержавия, будет способствовать росту сил революции.

Образ Павлова в романе знаменует собой преемственность в истории революционного движения в России, когда разночинский буржуазно-демократический период освободительной борьбы, продолжавшийся с 1861 по 1895 годы сменяется пролетарским. Исторический прототип Павлова — ссыльный народоволец Н. Долгополов — не был социал-демократом. Но его активное участие в революционной борьбе, тесная связь с рабочим движением, честное служение народу до конца дней своих давали основание М. О. Ауэзову воссоздать образ ссыльного революционера, деятельность которого была уже связана с распространением марксизма в России и возникновением «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Кроме того, введение автором в роман образа социал-демократа Павлова вполне оправдано реальными событиями: в 90-х годах были разгромлены первые марксистские организации в России и большинство их членов были сосланы в Сибирь и Казахстан.

Таким образом, названные выше политические ссыльные, с которыми был связан Абай, принимали самое

¹ М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алмата, 1967, стр. 371.

активное участие в революционном движении России и явились в известной мере непосредственными проводниками идей своего времени.

Исходя из известных связей Абая с политическими ссыльными, М. О. Ауэзов показал в романе, как тесное общение Абая с передовыми людьми того времени способствовало глубокому усвоению поэтом идей русского революционно-демократического просветительства, формированию его мировоззрения и творческому росту.

Политические ссыльные, как высокообразованные, прогрессивно настроенные люди своего времени, стремились рассказать угнетенному царизмом казахскому народу в лице его лучших представителей правду о русском народе, пропагандировать демократическую русскую литературу и освободительные идеи революционно-демократического движения в России.

Изучение взаимоотношений Абая Кунанбаева с политическими ссыльными показывает, что они с большим вниманием относились к его духовным запросам, помогали ему в подборе книг, давали ответы на многие пытливые вопросы. Благодаря ссыльным, Абай далеко обогнав средневековую отсталость своей среды, достиг высот мировой духовной культуры, ближе узнал другую Россию — Россию Белинского, Пушкина, Герцена, и Чернышевского.

Практически не являясь крупными фигурами в революционно-демократической борьбе (в общероссийском масштабе), политические ссыльные оказали столь важное влияние на Абая Кунанбаева прежде всего как распространители передовой общественной мысли и литературы того времени. Сближение с ними, несомненно, ускорило знакомство Абая с русской культурой, ориентировало его на изучение творений Пушкина, Лермонтова, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Белинского, Чернышевского и др.

Абай глубоко воспринял эстетические заветы Белинского и Чернышевского о назначении и долге поэта — выражать сокровенные думы и чаяния народа. Именно эти собственные поиски путем освобождения народа от гнета самодержавия воссозданные М. Ауэзовым при изображении становления личности Абая, и сделали художественно убедительной его дружбу с русскими ссыльными, которая была необходимой и закономерной

для Абая. «В самые тяжелые и грустные дни жизни Абая к нему на помощь для разрешения мучающих его сомнений пришли умные и отважные представители русской интеллигенции. В поэте-бунтаре они увидели родного и близкого им человека»¹

М. О. Ауэзов в тезисах к выступлению о романе «Путь Абая» отмечал, что в формировании личности решающую роль сыграли два фактора: думы о тяжелом положении народа и переход с позиций своего класса к открытой защите его интересов. Отсюда и органическое, глубокое восприятие им русской демократической культуры. «... На это нацелена вся (вторая — Л. А.) книга. В романе показано, что обращение к русской литературе во многом определило формирование и развитие поэтического творчества и мировоззрения классика казахской литературы.

Не воспринимая в целом революционного учения о переустройстве общества, Абай воспринял у русских ссыльных веру в светлое будущее народа. В суровую эпоху безвременья эта вера помогла Абаю правильно ориентировать свой народ на сближение с русским народом и его демократической культурой.

¹ Всеволод Иванов. Роман о песне. «Литературная газета», 10 ноября 1948 г.

Глава V

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЗМА ПОВЕСТИ М. АУЭЗОВА «ЛИХАЯ ГОДИНА»

Анализ исторической повести М. Ауэзова «Лихая година», проведенный в аспекте исторической науки и связанный с изучением исторических основ этих произведений, дает возможность глубже раскрыть его принципы художественного отображения действительности. Раннее творчество М. Ауэзова, особенно повесть «Лихая година» требует переоценки многих сложившихся за последние десятилетия стереотипов, основанных на намеренно искаженной интерпретации событий сравнительно недавнего прошлого. В этом плане анализ повести «Лихая година» в новом свете требует более глубокого и разностороннего исследования прогрессивного значения восстания 1916 г. в Казахстане, объективной оценки особенностей движения во всей его сложности и противоречивости. Историческая повесть «Лихая година» об албанском восстании 1916 г., изданная в 1929 г., уже с 1930 г. оказалась под запретом до публикации ее в 1972 г. на русском языке в журнале «Новый мир».

Антиколониальная направленность повести вульгарно-социологической критикой 20-х годов расценивалась как антирусская, предпринятая автором с позиции буржуазного национализма.

Неоднородный характер восстания 1916 г. в Семиречье был также использован для дискредитации повести. Как известно, в ряде районов Семиречья, где руководство захватили представители байства и духовенства, движение было направлено не только против царских властей, но и русского населения в целом. М. Ауэзов в своей повести «Лихая година» со всей исторической достоверностью показал подлинно народно-освободительный характер движения, направленного против колониального угнетения, связанного и с земельными изъятиями.

В повести изображается с большой художественной силой и антинародная, реакционная сущность феодально-байской верхушки, смыкавшейся в своих интересах с царским колониальным аппаратом.

Начало творческого пути М. Ауэзова приходится на время крупных исторических перемен, социальных сдвигов, он был их непосредственным участником. Это обстоятельство, безусловно, нашло отражение в его творчестве, определило идейно-творческие предпосылки его ранних произведений. Рассмотрение творчества М. Ауэзова 20-х годов в контексте с эпохой открывает возможности для более глубокого и многостороннего осмысления его творческого пути.

Так, М. Ауэзов приступил к написанию своей исторической повести «Лихая година» в то время, когда советские писатели искали свои новые приемы художественного осмысления прошлого. В этом плане создание коллективного массового героя в изображении исторических событий, самой героики народной борьбы было одним из новаторских решений («Падение Даира» А. Мальшкина, «Железный поток» А. Серафимовича, «Разин Степан» А. Чапыгина и др.) Интерес к истории был вызван необходимостью переоценки прошлого, а именно, героической борьбы народа за свое освобождение, искаженной и фальсифицированной в буржуазной историографии.

Создание исторических романов А. Толстого, Ю. Тынянова, О. Форш, С. Сергеева-Ценского и других говорит о повышении интереса к осмыслению исторического прошлого и прежде всего значения народных движений, прогрессивных революционных деятелей прошлого, к темам роли и значения народных масс в истории, их героической борьбы за освобождение.

Интерес к исторической тематике, так широко проявившийся в литературе с начала 20-х годов, связан в послереволюционный период с ростом национального самосознания, желанием определить свое место в истории, преемственную связь с традициями освободительной борьбы своих предшественников.

В основу исторических повестей и ранних рассказов, хотя и посвященных уже современности, но и отражавших в 20-е годы многие стороны недавнего феодального прошлого, М. Ауэзов положил принцип объективного, исторического достоверного отображения истории, по-

казанной во всей конкретности и полноте. Если в основе большинства ранних рассказов и повестей наряду с жизненными наблюдениями самого автора, его личного знания эпохи, частично использовались и опросные сведения, то повесть «Лихая година» полностью построена на опросных сведениях, к которым М. Ауэзов обратился впервые и обнародовал их вскоре в художественной форме. Однако, по признанию историков¹ строго аналитический подход писателя к этим данным, основанным на своем жизненном материале, придали его исследовательской собирательной работе над источниками и самостоятельную научную ценность. Ни в то время, ни в последующие периоды в силу известных причин, когда изучение антиколониальных выступлений все менее становилось объективом внимания ученых, с такой глубиной и достоверностью история албанского восстания, в котором как в малом зеркале отразились все конфликты и противоречия национально-освободительного восстания 1916 г. в Казахстане, не нашла отражения ни в одном специально посвященном этому вопросу научно-исследовательском труде. Располагая лишь опросными сведениями, М. Ауэзов подошел к этому фактическому материалу уже как художник.

В статьях А. Нусупбекова², книги Т. Журтбаева³ исследованы и зафиксированы с хронологической точностью последовательный и тщательный характер сбора документальных свидетельств из уст народа, проделанной писателем в экспедиции по местам описываемых событий. Необходимо отметить, что М. О. Ауэзов при последующей творческой интерпретации этих материалов опирался и на домысел, основанный на его глубоком историческом чутье и знании эпохи. Недаром он говорил о себе, что может служить человеком справкой, прошедшим фактически три формации.

¹ Нусупбеков А. М. О. Ауэзов в советской историографии. «Известия КазССР», серия общественная, 1968, №3.

² Нусупбеков А. Н. Исторические истоки повестей М. О. Ауэзова «Килы заман» и «Қараш-Қараш» В кн.: «М. О. Ауэзов — классик советской литературы», Алма-Ата 1980 г.; М. О. Ауэзов в советской историографии. В кн. Нусупбеков А. «Вопросы истории Казахстана». 1989 г. Алма-Ата, «Наука».

³ Журтбаев Т. Безвременье (Бейуак), Алма-Ата, «Казахстан», 1990 г.

Поэтому исторические факты, которыми располагал автор, дополненные вымыслом или домыслом, приобретали новое качество в результате типизации этих явлений, основанной на глубоком постижении истории, позволяющей усилить их значение, допустить исторически правомерное их дальнейшее развитие.

Вместе с тем, при отборе опросных данных писатель исходил из основанной на его мировоззрении определенной концепции истории социально-экономических, политических противоречиях эпохи.

«Регистрация фактов далеко не то же, что изображение жизни. Факт очень часто заключает в себе только черту минуты. А художнику нужны черты эпохи. Факт очень часто случаен, а художнику нужна необходимость»¹

Однако, изучение даже единичных фактов, характерных деталей относящихся к рассматриваемым событиям, играет важную роль при художественном воспроизведении эпохи. Анализ повести «Лихая година» оставляет впечатление исключительной цельности, связанной с глубокой, всесторонней продуманностью их исторического содержания. Знакомство с подлинными историческими источниками, сохранившимися по делу об албанском восстании свидетельствует, что документальные отчеты и указания чиновников, зафиксировавшие эти события дают информацию не только одностороннюю, но и однобоко классовую с позиций господствующего аппарата колониального угнетения. Для создания художественного произведения значительно большую историческую объективность представляли сведения, сохранившиеся в памяти народа. Опираясь на эту фактическую базу и свое историческое чутье, М. Ауэзов и не искал других материалов для воссоздания в художественной форме этих сравнительно недавних для той поры событий. Из большого количества зафиксированных автором фактов следует отметить его глубоко выборочный подход к ним, не каждый достоверный сам по себе факт может быть объектом типизации, наоборот художественное и историческое чутье писателя порой создает, основываясь на творческой фантазии, образы и обстоятельства, которые

¹ Голубов С. Правда и вымысел в советском историческом романе. Советская литература и вопросы мастерства. Сб. статей. М., 1961, с.88.

полностью отвечают требованиям историзма и вместе с тем выражают более полно художественную правду. Сухие исторические факты, преобразованные и дополненные художественным вымыслом и домыслом автора, создают образность изображения тех или иных сторон исторической действительности, их внутренний смысл, важнейшие черты характера персонажей, побудительные причины их деяний, важнейшие детали быта и пр.

Благодаря вымыслу отдельные персонажи, имеющие своих реальных прототипов, о которых история сохранила лишь скудные, официальные сведения, наделяются автором личными чертами, раскрывая его психологию, язык и это сразу придает ему индивидуальные черты и образ приобретает убедительные жизненные детали, особенно если он логически вытекает из описываемой автором исторической обстановки. Вымысел необходим при решении проблемы типизации героев произведения, помогает с большой исторической достоверностью связать отдельные исторические события и свидетельства, причины, их породившие в зависимости от закономерностей развития данного общества.

М. Ауэзов нигде не идет на нарушение принципов историзма т. к. его творческая фантазия, связанная с вымыслом, не выходит за рамки допустимого данной исторической ситуацией.

Создавая художественное обобщение, М. Ауэзов отбирает наиболее типичные явления действительности, дополняя их теми фактами, которые нужны для воссоздания самой исторической атмосферы, создание образов, характеров. Например, им был введен в повести «Лихая година» образ Ибрая, т. к. внутренняя логика событий требовала создания такого руководителя восстания. Фактически для М. Ауэзова в период работы над повестью опросные сведения стали главным, а в ряде случаев — единственным источником, требующим к себе исключительно критического отношения, поэтому все факты воспоминаний попадают в повесть в творчески переработанном виде.

Опросные сведения использованы М. Ауэзовым с такой большой творческой переработкой, облечены в художественную форму так органично и убедительно, что воспринимаются как плод творческой фантазии автора, художественно достоверно.

Таким образом, художественный вымысел и домысел направлены на воссоздание художественной правды, при этом сам автор должен быть на уровне современных ему исторических знаний. Однако, М. Ауэзову, стремившемуся к изображению исторических событий в полном соответствии с жизненной правдой, приходилось в 20-е годы невольно опережать еще незрелую, несложившуюся историческую науку Казахстана.

Особенностью творческого метода М. Ауэзова, основа которого была заложена в 20-е годы и получила дальнейшее развитие в последующие десятилетия, особенно в период работы над эпопеей «Путь Абая» заключалась в сочетании данных архивных и опубликованных источников с материалом личных наблюдений, непосредственно в тех местах, где происходили описываемые им события. Решающую роль имели здесь и опросные сведения, почерпнутые у непосредственных свидетелей прошлого или их потомков. Этот метод, позволяющий М.О. Ауэзову правильно сопоставлять исторические факты, нашел в его творчестве самое плодотворное выражение. Поскольку Мухтар Омарханович описывал близкую и знакомую ему с детства среду, его ранние рассказы и повести, несомненно, являются «плодом изучения действительности путем непосредственного общения с ней, непосредственного наблюдения и познания ее, путем прочувствования, ощущения многих явлений, освоения их своим сознанием душой и сердцем»¹

В этом смысле в литературе существуют и другие подобные аналогии, подтверждающие плодотворность такого приема художественного осмысления исторической действительности. Например, «Роман «Петр I» не принадлежит к числу тех исторических произведений, которые пишутся их авторами на основе только чтения исторических источников, знакомства с теми или иными научными монографиями. В романе о петровской эпохе у Толстого входило непосредственное ощущение русской старины, которое поддерживалось в писателе воспоминаниями детства, его глубоким знанием русской патриархальной провинции, деревни»²

¹ Сборник статей о казахской литературе. Алма-Ата, 1957, с.166-167.

² Аллатов А. Комментарий. В кн. А. Толстой. Петр Первый. М., 1958, с. 793.

Собственная биография создавала М. Ауэзову, как и А. Толстому, основу глубокого знания бытового уклада различных классов, социальных структур дореволюционного Казахстана. Широкая реалистическая картина жизни народа изображена М. Ауэзовым с большой исторической конкретностью, поэтому уже ранние рассказы и повести содержат большой познавательный материал по социально-экономическим, правовым проблемам казахского общества, многосторонних данных по этнографии.

Историческая достоверность большинства произведений М. Ауэзова определяется его творческим методом, связанным с подлинным научным изучением и художественным осмыслением истории. Писатель обобщает, выбирает наиболее существенные, исторические типичные явления, деяния людей, их взаимосвязи, противоречия, конфликты.

Особенностью повестей «Лихая година» является то, что почти каждая их страница может быть обоснована и подтверждена подлинными архивными материалами, что успешно проделано автором книги «Безвременье» Т. Журтбаевым¹ который вместе с тем убедительно показывает, что эти данные исторических источников получили подлинно художественное отражение в повести.

Как известно, в основу повести «Лихая година» легло восстание казахов на джайляу Асы на каркаринской ярмарке в Пржевальском уезде Семиреченской области летом 1916 г. Колониальная политика царизма, выразившаяся и в крупных изъятиях казахских земель для казачества и крестьян-переселенцев, тяжело отразившихся на кочевом хозяйстве казахского населения региона, подготовило почву для роста народного возмущения. Непосредственным поводом для выступления трудящихся масс был указ царя о реквизиции инородцев на тыловые работы, восстание в Семиречье сомкнулось с народными волнениями и в других регионах, и в 1916 г. прокатилось по всей Средней Азии и Казахстану. Таким образом, исторической основой для написания повести «Лихая година» явились названные события на Каркаре и Асы 1916 г.

Как вспоминали Амре Кашаубаев и Калибек Куанышбаев в августе 1926 г., вернувшись из поездки в Каркару,

¹ Журтбаев Т. «Безвременье» (Бейуак). Алма-Ата. Казахстан, 1990.

в Кызыл-Орде они застали М. Ауэзова, прибывшего в город в связи с предстоящей постановкой «Карагоз» в только что открывшемся казахском театре. Как полагают артисты, их впечатления о поездке, сведения о восстании в Каркаре 1916 году глубоко заинтересовали писателя. Возможно, они пробудили у него интерес к этому событию, так как в августе 1927 года он совершает свою поездку по местам описываемых событий.

Посещение каркаринской ярмарки и других мест, где проходили вооруженные столкновения восставших, у М. Ауэзова было связано с публичным выступлением на ярмарке перед большим собранием народа, долгими беседами с участниками, очевидцами, их потомками. Он посетил аулы Жаменке, Узака, Серикбая и др. участников восстания. Видел аул бая Даулетбая, поддерживавшего колониальный аппарат прежде всего в лице пристава.

Имена основных персонажей повести — собственные имена реально действующих лиц, связанных с восстанием, его подавлением.

Поездка М. Ауэзова по местам восстания с целью сбора материала нашла отражение в газете «Тыльчи» 1927 г.

М. Ауэзов, по воспоминаниям современников, фиксировал не только все факты, связанные с восстанием, воссозданием образов его участников, но и совершил поездку верхом на Асы через р. Чилик, горы Сарытау, джайляу Джаланаш и др. пункты, тщательно записывал названия гор, рек, урочищ, родоплеменные названия этого района Семиречья, в котором он был впервые.

Академик А. Н. Нусупбеков, отец которого также был участником восстания, исследовавший исторические истоки повести «Лихая година» и «Выстрел на перевале», писал: «В конце июля М. Ауэзов приехал в аул Серикбая, расстрелянного в 1916 г. царскими властями. Основным методом выявления фактов, событий у активных участников восстания был опросный метод. Писатель часами беседовал с непосредственными участниками событий 1916 г., брал на заметку наиболее характерные моменты сообщений информаторов с последующим их уточнением... Я имел возможность несколько раз присутствовать на беседе М. Ауэзова с интересными собеседниками — аксакалами нашего аула. Почтенные участники восстания

1916 г. рассказывали ему о людях, о событиях на Каркаре, о последствиях восстания»¹

Ч. Айтматов писал, что «Ауэзов был человеком широкого творческого понимания сути общественных процессов»² Это положение можно со всей наглядностью и очевидностью обнаружить при анализе ранних рассказов и повестей М. Ауэзова, где с большой глубиной и художественной достоверностью раскрыты важнейшие социально-экономические факторы эпохи, их развитие, прогрессивные сдвиги в общественном сознании, пробуждении, политической активности народа. Сама история создания повести «Лихая година», связанная с добросовестным и глубоким изучением автором подлинных исторических событий, послуживших сюжетом этих художественных произведений, особенно сбор опросных сведений, бесед с участниками событий, их потомков во всей полноте раскрывает особую органическую связь научно-исследовательского и художественного методов воспроизведения исторического процесса, применяемого М. Ауэзовым в своей творческой работе.

Раскрытое в полной мере в эпопее «Путь Абая» умение М. Ауэзова органически соединять научно-исследовательские и художественные методы осмысления и воссоздания художественными средствами исторического процесса проявилось в раннем творчестве писателя. В этом отношении уместно сопоставление с трудом Ю. Тынянова, который, как и М. Ауэзов, начинал как литературовед. «Это не случайный факт его творческой биографии и не только потому, что результаты деятельности Тынянова-ученого питали и продолжали питать прозу Тынянова ... Тынянов-литературовед подготовил Тынянова-художника не только по темам, но и по способам разработки их, его статьи о литературе — определенный этап в³ едином художественном росте, движении писателя»

На это обстоятельство в отношении М. Ауэзова обратил внимание и армянский писатель Н. Зарьян. «В творчестве Ауэзова органически переплетены широкая эрудиция историка и мудрая интуиция художника. Бла-

¹ Нусупбеков А. Н. Исторические истоки повестей М. О. Ауэзова. Известия АН КазССР. Серия обществ. 1977 г. №5, стр. 83-84.

² Ч. Айтматов. Слово об Ауэзове. «Простор», 1977, №12, с. 10

³ Громов П. Герой и время. Л. 1961, стр. 189-190.

годаря этому его произведения приобрели большую познавательную и воспитательную ценность»¹

Все своеобразие социально-экономических отношений в этот переломный период в истории Казахстана первой четверти XX века нашло широкое и многогранное отображение в его ранней прозе. Так, многочисленные свидетельства живучести феодально-родового строя, его традиции можно увидеть в целом ряде описаний общественной структуры казахского аула. Например, «на самой лучшей из земель красношапочников осел аул, может быть самый богатый во всем роде албан. Это было родовое гнездо предков Даркембая, отца Даулетбака. Даулетбак был самым влиятельным лицом во всем громадном верненском уезде величиной с иную европейскую державу. Жители этого аула вели свою родословную от одного общего предка. Из поколения в поколение множилось число потомков и сородичей, множилось их богатство. Ныне большая аульная семья насчитывала человек 300. И проматерь этих 300 человек старая байбише была еще жива. Многочисленными, а значит уже несчетными табунами, стадами и отарами владел сын Даркембая Даулетбак»².

В повести с наибольшей исторической конкретностью и достоверностью предстает весь социальный строй общества, противостояние антагонистических классов, разных конфликтующих сторон внутри класса феодалов в канун октября, важнейшие противоречия эпохи, антиколониальной борьбы.

Все это дает в разрезе не только целостную структуру феодально-родового строя в начале века со всеми его противоречиями, обострившимися в связи с проникновением в степь капиталистических отношений, но резко ухудшающимся положением народа.

Энциклопедический охват всех сторон полувековой истории казахского народа, воссозданной М. О. Ауэзовым в эпопее «Путь Абая», восходит к ранним рассказам и повестям, где уже была проделана автором большая работа по детальному отображению многих сторон быта. Тщательно выписаны картины жизни, быта аула, все трудности хлебопашества на неудобных землях, доставшихся

¹ Ауэзов М. О. Сб. статей к его шестидесятилетию. Алма-Ата.

² Ауэзов М. О. Собр. соч., Т. I, стр. 287.

им от предков, все детали ухода за скотом в условиях экстенсивного кочевого скотоводства. Труд табунщиков, их приемы ловли лошадей и пр. Таким образом, эпические традиции проявились в широком воспроизведении многогранной жизни аула, где народ показан в процессе трудовой деятельности, направленной на обслуживание кочевого скотоводства. Характер народа проявляется не только в борьбе с угнетателями, но и во всей сложной социально-политической обстановке, течении жизни общества.

В ранних рассказах М. Ауэзова явственно по сравнению с прозой его предшественников реалистическое начало. Воссоздание изображаемых им многообразных сторон жизни общества, характеризуются большой глубиной, точностью и конкретностью в описаниях быта, одежды, обычаев, многих сторон жизни народа.

Выбор наиболее типичных и достоверных деталей способствует и более убедительному раскрытию реалистически воспроизведенному характеру героев. Рассмотрение многих сторон общественного строя вопросов классовой борьбы и других сторон общественной жизни казахов дооктябрьской и послеоктябрьской поры, отраженных в разных произведениях малых форм показывает, что М. Ауэзову удалось воскресить эпоху с помощью ценнейших характеристик многих его сторон.

Наряду с раскрытием основных черт социально-экономического строя казахского общества М. Ауэзов дает изображение и основной отрасли его производства — пастбищно-кочевого скотоводства.

Проза М. Ауэзова 20-х годов, каких бы аспектов она не касалась, неизменно была связана с необходимостью исходить из того, что вся экономическая жизнь казахов фактически находилась в самой тесной связи с требованиями экстенсивного кочевого скотоводства, построенного на постоянном кочевании — сезонной смене пастбищ, так как скот круглый год находился на подножном корму. Вся сложная и многообразная жизнь народа, представленная в ранних рассказах и повестях протекает на фоне крайне неустойчивого, примитивного экстенсивного скотоводческого хозяйства, подчиняется его нуждам. В связи с этим встречается масса интересных наблюдений автора, описание бытовых деталей, связанных с экономикой кочевого скотоводческого хозяйства.

Таковыми, например, являются описание коша при переходе на джайляу, красочные точные детали нравов, быта, поведение людей во время кочевки, трудовых навыков при установке юрт и т. п.

Вместе с тем, в повести «Выстрел на перевале» и других ранних произведениях нашел отражение и процесс развития капитализма, формирования национальной буржуазии, протекающих в своеобразных условиях живучести патриархально-феодалных отношений. Так, в повести «Лихая година» автором художественно отражена такая сторона сложного процесса проникновения капиталистических отношений в Казахстан как широкий размах торговли, зарождения казахского торгового капитала.

Крупным торговым центром Семиречья становится каркаринская ярмарка, красочное описание которой, как центра драматических событий дается в повести «Лихая година»: «Каждое лето в Каркаре ярмарка. Один раз в год, но уж во всю ширь, во весь мах. Место знаменательное. Здесь сходятся и сплетаются в узел девять дорог всех сторон света. Сюда едут купцы из русских городов от Волги до Иртыша, едут из Хивы, Бухары, Самарканда, Ташкента и даже из Татарии и Кульджи. Едут и везут, едут и увозят. Уже более месяца как кипит большое торжище в Каркаре и будет кипеть еще месяца три. Кажется, полна долина до краев, а товары идут и текут сюда днем и ночью, подобно буйным весенним потокам с гор. Тысячные гурты овец, стада коров, табуны лошадей, ржут, мычат, блеют, топчя и потравливая албанские летовки. Каркара изнывает, стонет под тысячами и тысячами копыт, а скот гонят и гонят киргизы со снежных гор, казахи — с предгорий и он уходит в кипящий ярмарочный котел как в прорву»¹

Крупные скотовладельцы выступают в повести поставщиками скота на ярмарках Семиречья. Разведение скота, в байских хозяйствах для продажи предстает как типичное явление того времени. «Кунту — мастер доить! По девяти дорогам уплывают из Каркары отборные кони, дойные коровы, курдючные овцы. Мясо и масло, живое тягло, тонкая шерсть и толстая кожа. Капитал...»²

¹ Ауэзов М. Собр. соч. т. 1, стр. 216.

² Ауэзов М. Собр. соч. т. 1, стр. 230.

Образы обладателей крупного капитала представлены в повести. Такой фигурой является сын бая Даулетбака, приехавшего из города. «Новый человек среди сыновей их рода, постигает таинства русской грамоты и русских денег. Он богател на торговле с быстротой, завидной для степняка»¹. Казахи-переводчики, подручные колониальных властей быстро сколачивают свои капиталы, предавая интересы народа. В их лице начала формироваться первая казахская буржуазия. «Заняты пристав и его слуги одним делом. И в том же деле без слов понимают друг друга. Не зря самого ловкого, близкого к начальнику толмача зовут Жебирбаев, значит «Обиралов». Они берут со всех, кто подвернется под руку: у простого люда и волостных управителей, у пастухов и купцов. Ярмарка доит рубль, то есть большие взятки»². Социальное неравенство — в центре внимания автора. Таков, например, Тунгатар — богатый, влиятельный бай, самый крупный в роде албан. «Полторы тысячи коней выводят на летовки его пастухи. По этой причине старший сын бая ходит в жожаках народа, а внуки верховодят молодежью»³. Реквизиция для него не страшна. Побывав у русского начальства, с которым он был крепко связан, Тунгатар спокоен за своих близких.

Конкретно-исторический материал воспроизводит во многих рассказах и повестях рассматриваемого периода резкую имущественную дифференциацию казахского общества, сопровождавшуюся концентрацией огромного количества скота в руках феодалов. Это практически привело не только к узурпации ими лучших наиболее удобных пастбищ на правах фактически сложившейся феодальной собственности, но и создало необходимые условия для монопольного распоряжения всей общинной землей.

С огромной разоблачительной силой изображен автором бай Тунгатар, как олицетворение не только богача, но и страшного зла в степи. Ставши фактически палачем юной дочери своего старшего брата Узака, он предстает в повести как «мохнатый тарантул» в образе человека, раб наживы. Ходит и судит, и приговаривает и казнит, и клянется честью рода и тенью предков, помахивая

¹ Ауэзов М. Собр. соч. т. 1, стр. 290.

² Там же, стр. 231.

³ Там же, стр. 253.

ими как ниткой аркана... он извел бы родную мать и проматерь своего рода, если бы они угрожали его табунам»¹

Социальное неравенство в ауле зримо представлено и черными в дырах юртами бедняков — скотоводов-рабочников.

20-е годы характеризуются особым интересом к художественному отображению жизни и борьбы народных масс, социально-экономическим, политическим причинам народных восстаний, их сильных и слабых сторон. Особое внимание уделено и воспроизведению классовой борьбы в ее национальном и историческом своеобразии, независимо от того, были ли локальными (как в повести «Выстрел на перевале»), или значительными для данной эпохи политическими и социальными столкновениями противоборствующих сил, как в повести «Лихая година».

Присущий раннему творчеству М. Ауэзова подлинный историзм находит свое выражение и в глубоком ощущении эпохи, умении показать неразрывные связи судьбы отдельного человека и судьбы общества на фоне ведущих исторических закономерностей его развития. Вся система образов, представленная феодально-байской верхушкой общества, с которой вступает в борьбу Бахтыгул, дает полное представление об эксплуататорской сущности, его исторической обреченности.

В тесной связи с патриархальщиной в широком смысле этого понятия находилась феодальная межродовая борьба, которая была характерна для политической жизни Казахстана, рассматриваемой эпохи. В этой борьбе феодальная верхушка преследовала, как правило, узкокорыстные политические или экономические цели, однако народу междусобицы представлялись как борьба за интересы рода.

Непримиримость интересов основных враждующих сил в повести «Лихая година» определяется конкретной исторической ситуацией. Это главная коллизия пронизывает все связи, отношения персонажей повести, раскрывает всю непримиримость противостояния антагонистических общественных сил — восставшего, поднявшегося на борьбу за свои права народа и колониальных властей с поддерживающей их феодальной вер-

¹ Ауэзов М. Собр. соч. т. 1, стр. 260.

хушкой казахского общества. Анализ использования М. Ауэзовым таких первоисточников как опросные сведения, личные наблюдения показывают, что в основе его исторических произведений лежит такой принцип обработки материалов, где решающим фактором является раскрытие истинной социальной сути исторических событий. Обобщая материал, связанный с албанским восстанием, М. Ауэзов вскрывает все общественные, экономические, политические причины, вызвавшие рост народного протеста. Решающее значение придает она и раскрытию классовой обусловленности действий тех или иных персонажей. Художественно отображая все эти обстоятельства, писатель дает им толкование, исходя из политических и социально-экономических факторов эпохи, сущности исторического процесса.

Острые конфликты между баем и обманутым, и преданным им батраком, ставшим бунтарем, мстителем, народный протест против произвола царских властей и другие проблемы общественной жизни рассмотрены автором в историческом аспекте, выявлены основные закономерности общественного развития, вскрыта вся сущность социальных и политических противоречий, вызвавших в жизни описываемые в произведении конфликты, столкновение противоборствующих сил, то есть художественного осмысления исторического процесса, определение его прогрессивных движущих сил. Поэтому в основу большинства рассматриваемых произведений положены реальные противоречия общественной жизни. Глубокое понимание закономерностей исторического процесса безошибочно ориентирует автора в выборе средств для характеристики обусловленных ими поступков, чувств, взглядов героев.

Поскольку в повести «Лихая година» в основе лежат истинные исторические события, то сюжет как бы обусловлен закономерностями самого исторического процесса, связанного с реальными социально-экономическими и политическими противоречиями, рассматриваемого периода. Давая оценку эпохе, историческому пути народа М. Ауэзов стремился анализировать явления в их «преemptивной связи, в органическом единстве исторических процессов»¹ Исходя из того, что «на очень малом можно раскрыть очень много»², М. Ауэзов в малых формах

¹ Ауэзов М. Мысли разных лет. Москва, 1961, с. 66.

² Там же, стр. 61.

своих ранних повестей стремился всесторонне раскрыть многие стороны жизни народа.

Так, в повести «Лихая година» отражен произвол и пренебрежение колониальных властей интересами местного населения. Например, на жалобу трех пастухов о потраве пастбищ стадами приезжего казанского купца пристав выгоняет просителей, пригрозив месячным заключением в тюрьме, заявляя, что земля не им принадлежит, а царю. Но продажность, вымогательство, взяточничество колониального аппарата обнаруживается тут же, когда пристав говорит угодливому толмачу, что за сто рублей выпустит. Тот же пристав сразу понял, что указ о реквизиции казахов на тыловые работы, если взяться умело, принесет ему большие барыши, ведь тогда род албан у него в руках: и знать, и богачи.

Будучи крупным политическим событием для этого региона, албанское восстание 1916 года смыкалось в массовом национально-освободительном движении в Средней Азии и Казахстане, а в целом — в предреволюционной ситуации в России. В книге Т. Журтбаева, в которой на основе впервые им осуществленной публикации большого количества архивных источников, относящихся к истории албанского восстания 1916 г., наряду с успешным решением других литературоведческих проблем проведен тщательный сопоставительный анализ текстового материала повести «Лихая година» с архивными и опросными данными, относящимися к этому событию. При изучении творческой лаборатории писателя в период работы над повестью Т. Журтбаевым доказывалось, что почти каждый эпизод находит подтверждение архивных и иных источников. Это обстоятельство дает основание в данной статье ограничиться лишь кратким перечнем подлинных исторических событий, послуживших основой для создания повести «Лихая година».

Исторический замысел при написании повести состоял в воссоздании истории взрыва народного возмущения в связи с усилением колониального гнета, связанного с реквизицией на тыловые работы, развитие народного восстания, его разгрома.

Известие о призыве на тыловые работы в июле 1916 года вызвал активный протест казахского населения во многих регионах Казахстана. В повести «Лихая година» описан ход народного восстания в Нарынкольском уезде Семиреченской области, во главе восставших находился

Узак Сауруков, дважды судимый до этого за борьбу с представителями колониальной администрации за незаконные действия против народа в вопросах налогообложения.

Народ, собравшийся у Саурукова, пришел за советом, там же выступил уважаемый старец Жаменке Мамбетов с призывом не давать джигитов на тыловые работы, народ призвал к вооруженному сопротивлению набору. На другой день толпа народа собралась у начальника Нарынкольского участка Подворкова с заявлением о несогласии с призывом. По приказу губернатора Семиреченской области Узак Сауруков, Жаменке Мамбетов и еще 15 человек руководителей восстания, были арестованы, закованы в кандалы и отправлены в Пржевальск. Всем им было вынесено тяжкое обвинение, хотя они даже не успели организовать каких-либо действий против колониальных властей.

Молодой волостной управитель Аубакир Султанбеков, поддерживающий руководителей восстания, также был брошен в тюрьму Пржевальска, чудом остался в живых после расстрела арестованных в камере. Он свидетельствовал, что аксакал Жаменке Мамбетов умер в тюрьме от избиения на допросах. Начальник тюрьмы дал указания расстрелять арестованных в камерах из окошечка железной двери, якобы за попытку побега. Большинство участников восстания, заключенных в тюрьму, были убиты на месте¹ Узаку и Аубакиру удалось бежать, но Узак в пути погибает от ран²

Расправа с восставшими состоялась без суда и следствия. Известие о зверской расправе над руководителями восстания вызвало подлинный взрыв народного возмущения. Они напали на канцелярию царского наместника Подворкова. Архивные источники полны сообщений местных властей о крупных столкновениях казахов с воинскими силами колониальной администрации. Например, 12 августа около 5000 казахов собрались на юго-западной стороне Каркаринской долины. «После боя киргизы отступили, когда убили их предводителя, убежавших казаки пристреливали, рубили шашками»³ Преследуемые

¹ ЦГА КазССР, ф. 76, оп. 1, д. 819, л. 25.

² Там же, стр. 18.

³ ЦГА КазССР, ф. 76, оп. 1, д. 5256, л. 108.

карательными отрядами, сжигавшими юрты, угонявшими у казахов скот, восставшие уходят за пределы уезда. Так 23 августа в урочище Кен-Су казахи, побросав более 600 юрт, имущество и скот, откочевали в Китай.

Для М. Ауэзова, как и для многих других советских писателей той поры, был закономерен интерес к воссозданию художественными средствами жизни народа в крупные, переломные моменты истории, дающие возможность раскрыть яркие и сильные истории национального характера, определить позиции разных социальных слоев общества в этот важный исторический отрезок времени, их место в истории. При решении художественной задачи изображение народного восстания, перед автором стояло много сложных проблем, но главной задачей был углубленный показ исторической активности народных масс. Идейной основой «Лихой години» является национально-освободительное движение, оно и составляет сюжет повести, через него происходит размежевание не только классов антагонистов, но и внутри господствующего класса (водораздел проходит иногда даже внутри одной семьи — родных братьев Узака и Тунгатара). Это противостояние показано в повести со всей полнотой и драматичностью.

Воспроизводя взрыв народного возмущения, вылившегося в подлинные военные действия против колониального произвола и угнетения, М. Ауэзов со всей исторической правдивостью и конкретностью сумел показать и крушение родовых обычаев и предрассудков, связанных с почитанием и повиновением главам родов, баям, смыкавшимся с русским колониальным аппаратом.

Антиколониальное восстание четко обнажило классовое расслоение, всю глубину социальных противоречий, прикрывавшихся ранее пережитками патриархально-родового строя. Даже в феодальной среде порой приходит этап водораздела, который рушит даже считавшиеся незыблемыми кровные родственные связи. Так, на стороне царских колониальных властей выступает бай Тунгатар, а один из руководителей восставшего народа — его брат Узак, уже терпевший и ранее преследования и насилие со стороны верхушки рода.

В результате этого разлома в обществе и другие представители богатой и уважаемой части рода как мудрый старец Жаменке, молодой волостной управитель Сул-

танбек, другие знатные батыры оказываются на стороне восставших. Главной силой движения становится молодежь, в основном, бедняки. Реалистически точно воспроизводится автором пробуждение ее классового самосознания, а само восстание показано во всей его внутренней необходимости. В этом нашло выражение создание с большой художественной убедительностью и достоверностью образа массового героя.

Таким образом, собирательный образ народа воссоздается прежде всего в массовых сценах, связанных с героикой борьбы, выделения наиболее ярких представителей народа — в данном случае руководителей восстания, а также через лучшие черты национального характера. В противостоянии борющихся сторон народ представлен как выразитель прогрессивных тенденций исторического процесса.

Особенно ощутимо постоянное присутствие народа в повести «Лихая година». Отбирая множество фактов при изучении народного восстания 1916 года М. Ауэзов стремился типизировать те из них, что отражали прогрессивную, ведущую роль народа в историческом процессе.

Образ народа уже в ранних повестях М. Ауэзова воссоздается во всей полноте и своеобразии. Национальный характер особенно ярко проявляется в пробуждении классового самосознания. Это отдельные бунтари как Бахтыгул и коллективный герой — народные повстанцы в борьбе с царскими колонизаторами.

Определяющие черты народа, ставшего на борьбу, — свободолюбие, бесстрашие проявились в полной мере во время стихийных выступлений в вооруженных схватках с царскими карателями.

В 20-е годы в исторической романистике в связи с обращением к теме народных волнений новаторством было создание образа коллективного героя. На этом же принципе построена повесть «Лихая година», где впервые в подлинно реалистическом произведении в казахской литературе воспроизведен народ как коллективный герой, представлен как борец за социальную справедливость. Убедительные образы многих участников восстания, показанные в напряженной обстановке нарастающего взрыва народного возмущения, раскрывают во всем неповторимом своеобразии национальный характер на-

рода. Однако, несмотря на всю героичность антиколониальной борьбы народа, автор повести, верный исторической правде, показывает и слабость этого народного движения, его стихийный характер, отсутствие традиций и опыта организованной борьбы, полная политическая незрелость, недооценка, коварство и жестокость колониальных сил угнетения, наконец, предательство своих же соплеменников из господствующей верхушки рода.

Образы руководителей восстания воссозданы в соответствии со свидетельством такого важного источника как опросные сведения, их достоверность полностью подтверждают архивные источники: «Жаменке Мамбетов первым подал мысль и склонял к тому, чтобы не дать людей для набора, и призывал сопротивляться с оружием в руках. К его мнению присоединились Узак Сауруков и др»¹

Автор, воспроизведя эти события в повести, следуя ходу истории, подчиняет ему и логическое становление личности в героике народного бунта. Это особенно ярко можно проследить на примере огромного нравственного взлета Жаменке Мамбетова, посчитавшего своим моральным долгом, как уважаемого народом старейшины, встать на его защиту. В лице Жаменке, Узака, Серикбая и других руководителей восстания М. Ауэзовым была сделана одна из первых попыток воссоздать исторические фигуры народных вождей.

В коллективном герое повести «Лихая година», М. Ауэзов стремился выделить те черты, которые могли бы составить представление о казахском национальном характере. Проникновение в суть национального характера М. Ауэзов видел в изображении героики борьбы, подлинную народность в освободительных стремлениях народа, раскрытий его творческих и духовных сил, определяющих облик и поведение. Особенно выделяются в повести «Лихая година» такие яркие, сильные, благородные личности как Жаменке, Узак, неповторимые в своем национальном своеобразии. Определение характерных черт национального характера тесно связаны и с основной задачей любого художника — создание типических характеров эпохи.

В повести «Лихая година» автору в виде коллективного героя, удалось воссоздать и образ народа как прогрес-

¹ ЦГА КазССР, ф. 109, оп. 1, д. 35, л. 58—63.

сивной движущей силы истории. Вопреки воле таких крупных феодалов, стоявших во главе племени, как Тунгатар, Даулетбак, волостной управитель Рахимбай и др., предающих народные интересы, верных проводников политики колониальной администрации, «смирный род албан» стихийно поднялся против реквизиции. Раннее творчество М. Ауэзова широко и многообразно представлено такими персонажами, которые являются результатом обобщения, созданием подлинных исторических характеров, составляющих реальную среду, в которой происходит действие. Эти качества делают их убедительными представителями своей эпохи, способствующими воспроизведению духа эпохи.

Исторически конкретное изображение жизни способствует тому, что глубоко индивидуализированные образы героев, созданных писателем на основе реальных прототипов, вместе с тем предельно обобщены. Будучи типическими героями эпохи, подлинную историческую значимость они приобретали лишь в том случае, если объективно выступали как выразители прогрессивных сил развития общества.

В повести «Лихая година» нашло отражение и такое крайне отрицательное проявление колониальной политики царизма, как разжигание межнациональной розни. Недаром уездный начальник, в повести «Сивый залив», в земельных конфликтах «поощрял драку казаков с инородцами. Эту политику он принимал всем нутром и в ней преуспел»¹

В ходе восстания, когда рост народного возмущения уже вылился в активное вооруженное сопротивление с царским карателем уездный начальник, призвав регулярные воинские части, делает ставку в борьбе с восставшими казаками уезда на богатых и зажиточных русских крестьян, из которых он собрал отряд свыше 100 человек. «Они только ждали приказа выступить в аул, с которыми враждовали из-за земли. Это была главная опора его благородия, злая сила надежней роты солдат»².

В исторической науке последних десятилетий заметно преуменьшались отрицательные последствия колониальной политики царизма. Насильственное изъятие земель

¹ Ауэзов М. Собр. соч. т. 1. с. 329.

² Там же, стр. 304.

у казахского населения, острые конфликты в борьбе за землю между казахскими шаруа и русскими крестьянами, главным образом, в лице казачества и зажиточных крестьян. Антиколониальная направленность повести была выражена со всей определенностью, чего нельзя сказать о многих последующих художественных произведениях и научных трудах по дореволюционной истории Казахстана, где на первый план выдвигались факты тамырства, дружеских, хозяйственных связей между русским и казахским населением, которые рассматривались в контексте прогрессивного значения присоединения Казахстана к России.

В ранних повестях М. Ауэзова этот процесс отражен со всей исторической достоверностью и объективностью, который полностью подтверждается архивными документами, отражающими взаимные грабежи, налеты на селения, убийства в ходе восстания, где реквизиция, проводившаяся царской колониальной администрацией, вызвала взрыв народного протеста, принявшего характер народной войны.

Таким образом, глубоко объективное, достоверное воспроизведение изображаемой эпохи связано у М. Ауэзова с научным изучением исторической действительности, дополненной личным опытом непосредственным знанием эпохи, подлинным соединением научного и художественного творчества.

Отбор собранного материала, документального и опросного характера, его художественное осмысление и обобщение были продиктованы у М. Ауэзова определенной исторической концепцией, общим взглядом на значение и исторический смысл антиколониальных движений и социальных конфликтов той эпохи. Историзм в «Лихой године» М. Ауэзова выражается в глубоко достоверном художественном освоении конкретно-исторического содержания рассматриваемой эпохи, раскрытием со всей глубиной ее социально-политических противоречий, классовых конфликтов. Историзм повести М. Ауэзова состоит и в раскрытии художественными средствами важнейших закономерностей исторического процесса, все атрибуты эпохи, нравы, социальные конфликты служат этой цели. Отсюда и взаимосвязь и взаимообусловленность многих явлений и фактов, отраженных в его произведениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая познавательное значение эпопеи «Путь Абая», литературная критика неоднократно отмечала ее родство с многосторонним энциклопедическим научным трудом по истории дореволюционного Казахстана. И это верно. Однако эпопея М.О. Ауэзова от исторического исследования отличает сам метод познания исторической действительности через художественное обобщение, воспроизведение образов самых разнохарактерных персонажей, во всей широте представляющих народную жизнь.

Исследование эпопеи, с точки зрения отражения в ней проблем истории Казахстана, нашли утверждение, что подобное возможно лишь в том случае, когда творческие поиски в художественном показе эпохи неизменно опираются на научно обоснованный, подлинный исторический материал, его критический анализ.

По признанию критиков до эпопеи «Путь Абая» в казахской литературе никому не удавалось так широко и всеобъемлюще представить дореволюционную историю казахов в художественной форме, как это проделал М.О. Ауэзов, «с его классическим открытием громадной народной жизни, почти неведомой миру...»¹

Эту мысль поддерживает К. Федин: «Полноту представления о нации нам дает искусство писателя... В молодости я жила в степях Казахстана и немало видел тогдашних кочевников-казахов, но только Мухтар Ауэзов сделал насыщенным мое знание казахского народа своим «Абаем» и близкие мне степи с их ветрами и ароматом полыни дышат теперь в такт моему дыханию, как будто я стал казахом»².

¹ Н. Погодин. Для нас Ауэзов второй Абай, В кн.: Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1972, стр. 22.

² К. Федин. Соратник. В кн.: Мухтар Ауэзов. В воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1972 г. стр 17.

На эту важнейшую отличительную черту романа об Абае не раз обращали внимание представители зарубежной критики отмечая, что знакомство с эпопеей М.О. Ауэзова явилось для них подлинным открытием незнакомого народа с его своеобразной историей, экономикой и духовной культурой¹

Изучение эпопеи «Путь Абая» обнаруживает, что в ней художественно воссозданы все стороны жизни казахского общества второй половины XIX века, правдиво вскрыты сложные внутренние противоречия исторического процесса в самых глубинах народной жизни; показаны ведущие закономерности развития общества, живо отражающие дух далекой от нас исторической эпохи.

Понимание закономерностей социально-экономического развития общества позволило автору отобразить такие процессы, как разложение патриархально-феодальных отношений, проникновение в аул элементов капитализма, обострение аграрного вопроса, переход к земледелию и оседлости, определив характер изложения всего материала романа.

Историзм эпопеи «Путь Абая» проявляется в правдивом конкретно-историческом отображении эпохи, в стремлении к раскрытию ее глубинных процессов и социальных противоречий. Образное, художественное решение этих задач в сюжетном развитии романа невозможно без вымысла. Однако творческая фантазия автора была на уровне современных знаний в области истории, литературоведения, экономики и других смежных дисциплин, связанных с проблематикой истории Казахстана XIX — начала XX вв.

Сочетая в своей работе точность историка и воображение художника, М. О. Ауэзов сумел добиться соответствия исторической и художественной правды, слияния вымысла с реальной историей, что дало возможность наиболее ярко и достоверно отобразить суть эпохи, воссоздав правдивые исторические характеры.

Масштабность «Пути Абая» обусловлена и всесторонним изображением жизни народа, его исторической судьбы на протяжении полувека. Сюжет эпопеи полностью организован ходом самой истории многоплановым

¹ О Мухтаре Ауэзове. В кн.: Казахская литература в оценке зарубежной критики. Составители Ш. Сатпаева, А. Мусинов. Вступительная статья Ш. Сатпаевой. Алма-Ата, 1971, стр. 95—145.

и многообразным течением жизни народа с ее сложнейшими переплетениями человеческих судеб и событий, борьбы прогрессивных и реакционных сил.

В соответствии с традициями лучших исторических романов, художественным открытием которых было воспроизведение истории как реальной жизни народа, в эпосе народ предстает как творец истории, как ее главный герой. М. О. Ауэзов не только создал многогранный образ народа, но и изобразил его в движении к будущему, отразив процесс формирования и развития его духовной мощи, «могучую силу пробуждающегося для исторических деяний народа»¹

Воспроизведение непосредственной жизни народа и раскрытие его решающей роли в историческом процессе являются главными художественными принципами исторического романа, отсюда эпичность и масштабность произведения. Обогащение и развитие их шло разными путями в лучших исторических романах последующего времени. Самобытностью, новаторством М. О. Ауэзова, главной особенностью историзма его эпоса явилось именно это, отмеченное выше, художественное преломление в рамках одного образа выдающейся творческой личности через судьбу народа и его полувековую историю.

Сливая изображение героя с воспроизведением его эпохи и народа, М. О. Ауэзов достигает в образе Абая олицетворения лучших национальных черт казахского народа. Через сложное и многогранное воплощение национального характера героя происходит и раскрытие национального своеобразия его народа, что в свою очередь, определяет национальное своеобразие художественного произведения. Верно отмечено — «Несомненно, в национальном характере героя, отражающем важнейшие черты той или иной нации — путь к пониманию национального своеобразия литератур»²

Историческая правда в показе эпохи дает все основания рассматривать «Путь Абая» как надежный исторический источник, позволяющий делать интересные наблюдения, выводы и обобщения в изучении экономической и общественной жизни казахов, показанной в развитии на протяжении полувека.

¹ М. Каратаев. Казахская литература. Сб. статей, М., 1960, стр. 121—122..

² З. Османова. Путь Абая. «Новый мир», 1959, № 6, стр. 220.

Художественные задачи, связанные с таким многогранным воспроизведением народной жизни, потребовали от М. О. Ауэзова многолетнего, напряженного творческого труда, выработки научного мышления, выразившегося, как это показано в исследовании, в углубленном изучении исторических источников.

Проделанный выше анализ самого характера исследовательской работы М. О. Ауэзова в период создания эпопеи обнаруживает, что та концепция истории, которая положена в ее основу, не была лишь механически перенесена из трудов историков, а во многом явилась результатом длительных поисков, творческого обобщения источников, самостоятельных выводов.

Воссоздание целостной, всеобъемлющей картины эпохи, раскрытие смысла и логики истории отличает принципиально новый творческий подход авторов исторических романов к явлениям истории, составляет истинно реалистические черты исторического романа. Причем наиболее существенным здесь является, как это можно проследить и по эпопее «Путь Абая», воспроизведение с особой художественной убедительностью самого существа исторического процесса, ведущих закономерностей развития общества на данном этапе.

Однако необходимо оговориться, что эпопея, рассматриваемая в данном случае лишь в историческом аспекте, отнюдь не является иллюстрацией к учебнику истории Казахстана. Автор не ограничивался лишь добросовестным описанием истории своего народа, а сумел всей силой своего художественного мастерства воскресить эту историю в живых типических образах и через них показать прогрессивный ход ее движения, выявить те тенденции в ее развитии, которые сближают прошлое с современностью. Поэтому проблема творческого воображения в воссоздании исторического прошлого и явилась предметом анализа данной работы.

В творческом решении проблемы соотношения истории и вымысла М. О. Ауэзов, безусловно, исходил из классического определения выработанного еще русской демократической критикой — «внести в историю свой вымысел, но вымысел этот основать на истории»¹

¹ Н. Добролюбов. Полн. собр. соч., ГИХЛ, 1934, стр. 530.

Значение эпопеи «Путь Абая» для развития казахской литературы многообразно. Здесь нашло классическое выражение единство содержания и национальной формы. Широта воспроизведения конкретной исторической действительности, развернутый показ жизни целого народа на протяжении полувека, условий формирования его национального характера — все это явилось новаторским решением впервые предпринятым в казахской литературе. Можно сказать, что данная раскладка автора возвысила значение отечественной литературы и внесла свой вклад в ее развитие.

Эта полнота и многосторонность в изображении жизни нации, глубоко достоверное воспроизведение национального характера было во многом новым явлением, оказавшим определенное воздействие на развитие национальных литератур. В этой связи «не случайно, задумываясь о художественном эпическом воплощении образа Яна Райниса, латышские писатели вспоминали Ауэзова. Не случайно татарский писатель Ахмед Файзи, создав роман о Тукае, или киргизский писатель Аалы Токомбаев, задумывая роман о Токтогуле, опирались на опыт первой казахской эпопеи»¹

Эпопея «Путь Абая», будучи закономерным итогом творческого развития М. О. Ауэзова как художника, стала результатом развития всей казахской литературы.

Вместе с тем, исследование эпопеи с ее задачами художественного осмысления истории своего народа, деятельности выдающейся личности наглядно убеждает — наряду с влиянием казахской народной традиции и достижений казахской литературы М. О. Ауэзов учитывал и опыт представителей братских литератур, работавших в том же плане: С. Айни, Айбека, Н. Рыбака и других.

Но главным и определяющим в этих творческих поисках постижения подлинного историзма наряду с огромным влиянием лучших реалистических произведений мировой и русской классики (особенно Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и М. Е. Салтыкова-Щедрина) явилось глубинное восприятие опыта М. Горького, А. Толстого, В. Шишкова, Ю. Тынянова, М. Шолохова, Л. Леонова, С. Злобина, С. Бородина, В. Яна и других корифеев русской литературы.

¹ Е. Лизунова, И. Дюсенбаев. Писатель и народ. «Октябрь», 1959, № 9, стр. 221.

История — эта такая отрасль знания, с которой в той или иной степени бывает знаком каждый. «Человек с самого детства связан живыми нитями с историческими судьбами страны, где он рожден, того общества, которое его воспитывает и которое его в свою очередь испытывает на себе воздействие мировой истории. Формирование мировоззрения человека — гражданина, члена общественного коллектива тесным образом связано с его размышлениями над путями исторического развития своей родины, других стран и народов, с определением своего отношения к населению прошлого со всеми его (темными и светлыми) сторонами, с попыткой отделить прогрессивные традиции от реакционных¹ Следовательно, глубокое знание и понимание истории имеет огромное воспитательное значение в духовном формировании личности, выработки мировоззрения.

Однако жизнь неумолимо свидетельствует, что профессионально-историческая литература не всегда может дойти до самых широких масс-читателей и может быть принята ими. Здесь важнейшую роль играет художественно-историческая литература — воскрешающая историю в зримых, незабываемых художественных образах, оказывающих огромное эмоциональное воздействие на читателей. Зачастую постижение опыта истории происходит именно через произведения литературы и искусства. В связи с этим В. Ян писал: «Что такое исторический роман? Эта книга, которую читают три дня, а помнят всю жизнь. В этом ценность настоящего исторического романа. Счастлив тот писатель, которому удалось оживить и осветить целую эпоху»².

Чем большей художественной убедительностью отличается исторический персонаж, тем сильнее его воздействие на сознание читателей. Они неизбежно будут представлять себе Петра I таким, каким его изобразил А. Толстой в своей знаменитой эпопее. А. М. Горький на этот счет прямо утверждал что «литература, насыщая

¹ Л. Черепнин. Исторические взгляды русских классиков. М., 1968, стр. 3.

² Я. Ян. Путешествие в прошлое. «Вопросы литературы», 1965, № 9, стр. 101.

идеи плотью и кровью, дает им большую убедительность, чем философия или наука»¹ Ст. Злобин писал по поводу этого высказывания: «По-моему, следует с ним согласиться. Ведь сколько бы ни писали ученые-историки о войнах с Наполеоном, о 1812 годе (а следовательно этих событий множество), широкое народное представление этих событий опирается все же на образное их изображение Л. Н. Толстым, как они представлены в «Войне и мире», самом могучем историческом романе русской и зарубежной литературы, оставшимся таковым и для наших детей»².

Однако успех подлинно художественного произведения на историческую тему возможен лишь в том случае, если художник проникая в прошлое опирается на надежный материал, указанный достоверным историческим источником и исторической наукой в целом.

О связи исторической науки и художественной литературы высказывался К. Паустовский: «Пусть на меня не обидятся историки, но роман А. Толстого дал мне гораздо больше о петровском времени, чем многие серьезные исторические исследования... Но я отдаю себе отчет в том, что не будь под рукой у А. Толстого трудов историков, ему вряд ли удалось так глубоко проникнуть в эпоху Петра. Меньше всего хотел я умалить работу историков. Значение ее неоспоримо, писатель, пишущий о прошлом, и историк не соперники. Они соратники. Они делают общее дело, только по-разному. Они реально дают нам чувство истории, чувство драгоценное»³

«Историческая книга,— как неоднократно утверждал В. Ян,— должна не развлекать, не заменять учебник, она должна воспитывать!»⁴. Поэтому он считал своей задачей «показать читателям особенно юношеству, самые героические страницы далекого прошлого страны и народов, яркие образы борцов, смело защищавших свою родину против вторжения безжалостных и грозных за-

¹ С. Злобин. Задачи романа «Вопросы литературы» № 9, стр. 52.

² Там же.

³ К. Паустовский. Чувство истории. «Вопросы литературы», 1965, № 9, стр. 58.

⁴ Л. Разгон, В. Ян. Критико-биографический очерк. М., 1969, стр. 147.

воевателей, чтобы в этих образах люди находили достойный пример для подражания.

Исторический роман, помимо того, что он обязан быть исторически точен и увлекательно написан, прежде всего должен стать учителем героики, правды»¹

Огромное эмоциональное воздействие в годы Великой Отечественной войны имели художественные произведения, где проводились исторические параллели между героическим прошлым народа в борьбе против чужеземных завоевателей и не менее грозным настоящим. Одним из таких произведений, глубоко и полно отвечающим патриотическому подъему воинов, был роман С. Бородина «Дмитрий Донской».

«Ощущение Родины — это сознание связи своей с историей своего народа»². Возможно поэтому, как свидетельствуют очевидцы, во время Великой Отечественной войны воины-казахи буквально зачитывались в окопах первым томом будущей эпопеи «Абай». Столь далекая от происходящей битвы эпоха помогла нашим воинам в тяжелые годы войны, став актуальным боевым жанром, мобилизирующим все силы на защиту родины.

Эпопея «Путь Абая» занимает особое место в формировании жанров исторического повествования в казахской литературе. Вместе с тем следует заметить, что опыт этого романа в решении проблем исторической романтики выходит за рамки казахской литературы и является плодотворным и поучительным для всей литературы в целом. В эпопее «Путь Абая» нашли свое отражение черты истинного историзма.

Новаторская сущность эпопеи «Путь Абая» проявилась и в органическом единстве национального и интернационального — в идее, образах, изобретательных средствах эпопеи. В основе этого единства лежит научное осмысление самой сути исторического процесса и его правдивое претворение в систему художественных образов.

Последовательный историзм эпопеи «Путь Абая» дает представление о важнейшей новаторской черте истори-

¹ В. Ян. Путешествие в прошлое. «Вопросы литературы», 1965, № 9, стр. 103.

² А. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 14. М., 1950, стр. 356.

ческого романа — неразрывной связи истории с современностью, с настоящим и будущим народа.

В основу творческого решения этой задачи в эпопее «Путь Абая» положен образ Абая Кунанбаева, который выступает как выразитель передовых тенденций своего времени, находящийся в соответствии с прогрессивным историческим развитием казахского общества.

Художественно воспроизведя в романе жизнь и деятельность Абая, его борьбу с реакционными силами, его стремления приобщению казахского народа к русской революционно-демократической культуре, к сближению с русским народом, писатель определил четкую историческую перспективу, придав эпопее современное звучание.

М. О. Ауэзов говорил именно об этой задаче: «Абай был одним из тех великих поэтов, которые, по определению Белинского, создали бессмертные произведения в своей эпохе, а своими идеалами и устремлениями уходили в будущее. Этим будущим для Абая стала наша эпоха раскрепощения и великого возрождения народа. Показать Абая глубоко созвучным нашей эпохе, понятным и близким нашим поколениям, т. е. таким, как он есть в своих бессмертных творениях, — самая благородная и ответственная задача моего творческого обращения к его личности»¹

Прочная связь с современностью в эпопее заключается и в художественном воспроизведении тех прогрессивных явлений в прошлом, которые получили свое развитие в настоящем, будучи принятыми как ценное достояние нашей эпохой.

Вместе с тем, изучение исторических романов, в ряду которых стоит и эпопея «Путь Абая», обнаруживает, что их характерной чертой является стремление выявить в прошлом определенные начала прогрессивных исторических тенденций, в том числе и тех ценностей в духовном наследии предков, которые понятны и дороги нашему настоящему.

Огромной ценностью в культурном наследии прошлого для казахского народа, обогатившей казахскую литературу, явилась поэзия Абая Кунанбаева. Абай сумел отразить в своем творчестве важнейшие черты исторического характера казахского народа с его стремлением к социальной справедливости, просвещению, глубокой поэтичностью, любовью к своей родной земле.

¹ Архив ЛММА, папка № 3956, стр. 100.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИА), ф. 1405 — Министерство юстиции, ф. 1282 — канцелярия министра.

Центральный государственный военно-исторический архив в Москве (ЦГВИА), ф. 400 — Главный штаб, ф. 310 — Михайловская артиллерийская академия и училище;

Архив Артиллерийского исторического музея в Ленинграде ф. ГАУ, I отдел;

Центральный государственный архив Октябрьской революции в Москве (ЦГАОР), ф. 102 — Департамент полиции, ф. 109 — Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии (1 экспедиция);

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 15 — Семипалатинское областное правление, ф. 64 — Канцелярия степного генерал-губернатора, ф. 369 — Акмолинское областное правление;

Государственный архив Омской области в Омске (ГАОО), ф. 3 — Главное управление Западной Сибири, ф. 86 — Западно-Сибирский отдел Российского географического общества (ЗОРГО);

Архив литературно-мемориального музея М. О. Ауэзова (Архив ЛММА).

I. ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Алекторов А. Экономическое положение оседлого и кочевого населения Семипалатинской области. «Оренбургский листок», 1890, № 26.

Аничков И. Упадок народного хозяйства в киргизской степи. «Русская мысль», 1902 г., кн. 5.

Аргынбаев Х. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX вв. Труды Института истории археологии и этнографии АН КазССР, 1959 г., т. 6.

Ауэзова Л. Развитие земледелия у казахов в последней четверти XIX в. «Известия АН КазССР». Серия истории экономики, философии и права. Вып. 2 (5). Алма-Ата, 1957 г.

Ауэзова Л. К вопросу о переселении крестьян и их роли в развитии земледелия в Казахстане в 70—90-х годах XIX века. «Известия АН КазССР». Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 1 (6). Алма-Ата, 1968 г.

Басин В., Бекмаханова Н., Герасимова Э. Истоки великой дружбы. Алма-Ата, 1969 г.

- Байшев С. В. И. Ленин и Советский Казахстан.** Алма-Ата, 1970 г.
- Бейсембаев С.** Ленин и Казахстан (1897—1914 гг.). Алма-Ата, 1968 г.
- Бекмаханов Е.** Реакционная роль мусульманского духовенства (вторая половина XIX в.— нач. XX в.). Вестник АН КазССР, 1949 г., № 11.
- Бекмаханов Е.** Возникновение капиталистической промышленности и зарождение рабочего движения в Казахстане. Вестник АН КазССР, 1949 г., № 6.
- Бекмаханов Е.** Джатаки. Вестник АН КазССР, 1949 г., № 8.
- Бекмаханов Е.** Присоединение Казахстана к России. М., 1957 г.
- Бекмаханов Е.** К вопросу о социальном строе казахов второй пол. XIX в. Вестник АН КазССР, 1950 г., № 2.
- Бекмаханов Е.** Байское хозяйство в Казахстане и его особенности во второй пол. XIX и нач. XX вв. В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961 г.
- Бекмаханов Е.** Очерки истории Казахстана XIX в. Алма-Ата, 1966 г.
- Бенкевич В.** Киргизское степное скотоводство и меры к его улучшению. Записки Семипалатинского подотдела Зап. Сиб. отдела Русского географического общества, 1903 г., вып. 1.
- Бижанов М.** Социальные категории казахского общества XVIII в. в трудах русских ученых. В кн.: Казахстан в XV—XVIII веках (вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969 г.
- Бромлей Ю. и Лунин Б.** научная сессия по истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. «Вопросы истории», 1954., № 4.
- Ваганов О.** Земельная политика царского правительства в Казахстане (1907—1914 гг.) «Исторические записки», 1950, т. 31.
- Влияние колонизации на киргизское хозяйство.** СПб., 1907 г.
- Востров В., Муканов М.** Родоплеменной состав и расселение казахов. (Конец XIX нач. XX в.в.) Алма-Ата, 1968 г.
- Галузо П.** Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965 г.
- Герасимов Б.** Ссылные поляки Семипалатинской обл. (краткий исторический очерк). Семипалатинск, 1918 г.
- Дильмухамедов Е.** Революционное движение горнорабочих Казахстана. Алма-Ата, 1955 г.
- Дильмухамедов Е. и Маликов Ф.** Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана. (Вторая пол. XIX — нач. XX вв.) Алма-Ата, 1963 г.
- Еренов А.** Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961 г.
- Есенгалиев Г.** Мелкие промыслы Семипалатинской области в конце XIX — начале XX вв. Изв. АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии, 1958 г., вып. 3.
- Есенгалиев Г.** О развитии промышленности по переработке сельскохозяйственных продуктов в Семипалатинской области в конце XIX — начале XX вв. В кн.: Вопросы истории Казахстана XIX — нач. XX вв. Алма-Ата, 1961 г.
- Завалишин И.** Описание Западной Сибири. М., 1867 г., т. 3.

Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской обл. за 1898 г. Семипалатинск, 1899 г.

Зиманов С. К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане. Вестник АН КазССР, 1952 г., № 4.

Зиманов С. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958 г.

Зиманов С. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв. Алма-Ата, 1960 г.

Ибрагимов И. Заметки о киргизском суде. Зап. рус. географическое общество, 1887 г., т. 23, вып. 4.

История Казахской ССР, Алма-Ата, 1957 г., т. 1.

Казахстан в канун Октября. Сб. статей под общей ред. П. Г. Галузо. Алма-Ата, 1968 г.

Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. Алма-Ата, 1964 г.

Карасаев А. К вопросу о формировании казахской буржуазной нации. Изв. АН КазССР. Серия экономики, философии и права, 1958 г., вып. 1.

Ким М. Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане. «Вопросы истории», 1947 г., № 10.

Коншин Н. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской обл. в оседлое состояние. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г., Семипалатинск, 1898 г.

Коншин Н. Заметка об одном киргизском джуге. Записки Семипалатинского подотдела. Зап. Сиб. отдела Русского географического общества, 1905 г., вып. 2.

Коншин Н. Краткий исторический очерк Семипалатинского края. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г., Семипалатинск, 1901 г., вып. 5.

Коншин Н. От Павлодара до Каркаралинска (Путевые наброски) В кн.: Памятная книжка Семипалатинской обл. на 1901 г., Семипалатинск, 1901 г.

Красовский Н. Область сибирских киргизов. Сиб. 1868 г., ч. 1—3.

Краткий исторический очерк Семипалатинского края (до 1917 года). Семипалатинск, 1927 г.

Культелеев Т. Вопросы казахского обычного права в романе Мухтара Ауэзова «Абай». Вестник АН КазССР, 1950, № 9.

Культелеев Т. Уголовное право казахов. Алма-Ата, 1955 г.

Литвинова Т. К вопросу о формировании национального торгового капитала в Казахстане. Уч. зап. каз. гос. университета, 1957 г., т. 28. Серия экон., вып. 2.

Максимов Н. Народный суд у киргизов. «Журнал юридического общества», 1897 г., кн. VIII.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей под руководством Ф. А. Щербины, Т. Х., Семипалатинский уезд. Воронеж, 1900 г.

Никитин В. Исторический очерк Семипалатинской области. В кн.: Памят. кн. Семипалатинской области на 1897 г. Семипалатинск, 1897 г.

Остафьев В. Колонизация Степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Записки Западно-Сиб. отд. Русского географического общества, 1895 г., кн. XVIII, вып. 2.

Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Семипалатинск, 1901 г.

Панкратов А. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. «Вопросы истории», 1953 г., №9.

Потапов Л. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954 г., № 6.

«Россия». Полное географическое описание нашего отечества под ред. П. П. Семенова. Т. XVIII. Киргизский край. СПб., 1903 г.

Сборник статей по Семипалатинской области. (Из памятных книжек на 1897—99 гг.) Семипалатинск. 1899.

Седельников Т. Борьба за землю в Киргизской степи. СПб., 1907 г.

Семипалатинску — 250 лет. Алма-Ата, 1968 г.

Сулейменов Б. Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867—1868 гг. Вестник АН КазССР, 1951 г., № 2.

Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX в.— начале XX века. Алма-Ата, 1963 г.

Сундетов С. К вопросу о формировании казахского сельскохозяйственного пролетариата. Известия АН КазССР, серия общественная, 1966 г., № 3.

Сундетов С. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана. Алма-Ата, 1969 г.

Толыбеков С. О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула казахов. Вестник АН КазССР, 1951 г., № 8.

Толыбеков С. Вопросы экономики и организации скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX вв. Труды Института экономики АН КазССР, 1957 г., т. 2.

Толыбеков С. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959 г.

Толыбеков С. Кочевое общество казахов в XVII нач. XX вв. Алма-Ата, 1971 г.

Тресвяцкий В. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Пг. 1917 г.

Турсунбаев А. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950 г.

Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г., Семипалатинск, 1898 г.

Шахматов В. О формах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX веке. Вестник АН КазССР, 1951 г., № 11.

Шахматов В. К вопросу о классовой и антиколониальной борьбе и ее формах в Казахстане в XIX веке. Вестник АН КазССР, 1951 г., № 8.

Шахматов В. О развитии торговли и обмена в Казахстане в первой половине XIX в. Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права. 1956 г., вып. 3.

Шахматов В. О собственности на водные источники в кочевых районах Казахстана в XIX веке. Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права, 1956 г., вып. 3.

Шахматов В. К вопросу о расслоении казахского аула в первой половине XIX в. Вестник АН КазССР, 1957 г., № 7.

Шахматов В. К вопросу о разложении казахской пастбищно-кочевой общины в XIX — начале XX вв. Вестник АН КазССР, 1958 г., № 9.

Шахматов В. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964 г.

Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973 г.

Янушкевич А. Дневники и письма. Из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966 г.

II. ЛИТЕРАТУРА ПО АБАЕВЕДЕНИЮ

Ауэзов М. Абай Құнанбаев. Мақалалар мен зерттеулер. Алматы, 1967 ж.

Абай туралы соңғы деректер. «Қазақ әдебиеті», 1961 ж. 24 март.

Антеkmан О. Общество «Земля и воля» 70-х г. Пг. 1924 г.

Ахметов З. Лермонтов и Абай. «Казахстан», 1951 г., кн. 5.

Ахметов З. Абай Құнанбаев и русская литература. Вестник АН КазССР, 1954 г., № 6.

Ахметов З. Лермонтов и Абай. Алма-Ата, 1954 г.

Бейсембаев К. Общественно-политические взгляды Абая Құнанбаева. «Коммунист Казахстана», 1954 г., № 6.

Бейсембаев К. Мировоззрение Абая Құнанбаева, Алма-Ата, 1956 г.

Бекмаханов Е. Новые материалы к творческой биографии Абая Құнанбаева. «Казахстанская Правда», 1958 г., 16 января.

Волк С. Народная воля. 1879—1882 гг. М.-Л., 1966 г.

Габдуллин Б. Идеиные истоки мировоззрения Абая Құнанбаева, ученые записки КазГУ., Т. 40. Философия, вып. 2, 1959 г.

Герасимов Б., Е. П. Михаэлис. Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сибирского отдела Русского географического общества. Выпуск 7, 1913 г.

Герасимов Б. Ссылные поляки в Семипалатинской области (Краткий исторический очерк). Записки Семипалатинского подотдела Зап. Сиб. отдела Русского географического общества, вып. 12. Семипалатинск, 1918 г.

Дәрбісәлин Ә. Қазақтың Октябрь алдындағы демократияшыл әдебиеті. Алматы, 1966 ж.

Дильмухамедов Е. и Турта В. Общественно-политическая деятельность ссыльных польских патриотов в Казахстане. Вестник АН КазССР, 1966 г., № 1.

Дюсенов М. К вопросу об истоках мировоззрения Абая. Труды ин-та философии и права. 1960 г., т. 4.

Жиренчин А. Абай и его русские друзья. Алма-Ата, 1949 г.

Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов. 1964 г.

Из истории революционного движения в России в XIX — начале XX вв. (Сборник статей под ред. М. Нечкиной). М., 1958 г.

Итенберг Б. Движение революционного народничества. М., 1965 г.

Кенжебаев Б. Қазақ халқының XX ғасыр басындағы демократ жазушылары. Алматы, 1968 ж.

Кеннан Д. Сибирь. СПб., 1906 г. т. 1.

Кеннан Д. Сибирь и ссылка. В 2-х частях. СПб, 1906 г.

Киреев Ф. Новые данные к биографии Абая. «Казахстан», 1947 г., кн. 7.

Киреев Ф. Последние годы жизни Абая «Казахстан», 1950 г., кн. 21.

Коншин Н. Материалы для истории политико-административной ссылки в Степной край. Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, вып. XIX, 1923 г.

Кунанбаев А. Лирика и поэмы. М., 1940 г.

Кунанбаев А. Избранное. Алма-Ата, 1958 г.

Левин Ш. Общественное движение в России в 60—70-ые годы XIX в. М., 1958 г.

Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов» СПб, 1908 г.

Маликов Ф и Семенюк Г. Среди архивных документов (новые материалы об Абае Кунанбаеве). «Советский Казахстан», 1956 г., кн. 9.

Маргулан А. Абай и народовольцы. «Литература и искусство Казахстана», 1939 г., № 7.

Мендрина Г. И. Медицинская деятельность политических ссыльных в Сибири. Томск, 1962 г.

Муканов С. Жарқын жұлдыздар. Шоқан Уәлиханов пен Абай Құнанбаевтың өмірі мен творчествосы туралы. Алматы, 1964 ж.

Мырзахметов М. Абай туралы жаңа деректер. «Казак әдебиеті», 1962, 12 окт.

Мырзахметов М. Братья Белослюдовы об Абае. «Простор», 1963 г., № 5.

Николадзе Н. Воспоминания о 60-х годах. «Каторга и ссылка», 1927 г., №№ 33—34.

Общественное движение в пореформенной России. (Сб. статей). М., 1965 г.

Памятники замечательного врача-революционера Н. И. Долгополова. «Советская медицина», 1957 г., № 6.

Пантелеев А. Ф. Воспоминания. М., 1958 г.

Пеунова М. Н. Общественно-политические и философские взгляды И. В. Шелгунова. М., 1954 г.

Пиксанов Н. К. Горький и национальные литературы. М., 1946 г.

«Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» (Сборник статей) М., 1960 г.

Романенко В. И. Мироззрения Н. А. Серно-Соловьевича, М., 1954 г.

Свинцова М. П. Демократическое движение студенчества в годы революционной ситуации. «Ученые записки Академии общественных наук», 1958 г., вып. 36.

Сильченко М. Созвучие просветительных идей Белинского и Абая. Вестник АН КазССР, 1948 г., № 6.

Сильченко М. Абай и русские революционеры-демократы. «Большевик Казахстана». 1947 г., № 10.

Сильченко М. Творческая биография Абая. Алма-Ата, 1957 г.

Сладкевич Н. Петербургский университет и общественное движение в России в начале 60-х годов. Труды ЛГУ. Отделение исторических наук. Л., 1948 г.

Сладкевич Н. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х начале 60-х годов. XIX в. Л., 1962 г.

Снытко Т. Русское народничество и польское общественное движение. 1865—1881 гг. М., 1969 г.

- Соболев Л.** Поэт-мыслитель. В кн.: Абай Кунанбаев. Избранное. М., 1945 г.
- Сподвижники Чернышевского.** М., 1961 г.
- Ссылные революционеры в Сибири. XIX в.— до 1917 г.** (Сборник статей). Выпуск 1, Иркутск, 1973 г.
- Суйіншәлиев Х.** Абайдың қара сөздері. Алматы, 1956 ж.
- Фатеев П. С.** Русский революционер-демократ М. И. Михайлов. В кн.: Михайлов М. И. Соб. соч. в 5 томах, т. 1, 1951 г.
- Фигнер В.** Запечатленный труд. Воспоминания в 2-х томах, т. 1—2. М., 1969 г.
- Шелгунов Н.** Воспоминания. М., 1923 г.
- Шелгунов Н., Шелгунова Л., Михайлов М.** Воспоминания, т. 1. М., 1967 г.
- Шелгунова Л.** Из далекого прошлого. Спб, 1901 г.
- Штакеншнейдер Е.** Дневник и записки. М.-Л., 1934 г.

III. ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЖАНРА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

- Абрамович Г.** Историзм в теории литературы. «Вопросы литературы», 1959 г., № 3.
- Айтматов Ч.** Ответственность перед будущим. «Вопросы литературы». 1967 г., № 9.
- Айтматов Ч.** Слово об учителе. «Казахстанская правда», 1967 г., 27 декабря.
- Айтматов Ч.** Ответь себе. «Правда», 1967 г. 5 августа.
- Айтматов Ч.** Два мастера. «Литературная газета» 1968 г., 4 сентября.
- Александрова Л.** Особенности жанра русского исторического романа. Львов. 1960 г.
- Александрова Л.** Советский исторический роман и вопросы историзма. Киев. 1971 г.
- Алиев А.** Исторические романы Абдуллы Кадыри. (Автореферат кандидатской диссертации). Ташкент, 1960 г.
- Алпатов А.** Алексей Толстой — мастер исторического романа. М., 1958 г.
- Алпатов А.** О некоторых особенностях работы Л. Н. Толстого и А. Н. Толстого над историческими образами петровской эпохи. Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия, 1957 г., № 1.
- Андреев Ю.** Еще раз о «Петре Первом». «Русская литература», 1958 г., № 2.
- Андронников И.** Труд Ауэзова. «Культура и жизнь», 1959 г., № 8.
- Антоновская А.** Заметки об историческом романе. «Литературная газета», 1938 г., 26 ноября.
- Асадуллаев С.** Историзм, теория и типология социалистического реализма. Баку, 1969 г.
- Аскарлов Т.** Эстетическая природа художественной условности. Фрунзе, 1966 г.
- Асташкевич С.** Конференция по историческому роману. «Исторический журнал», 1944, № 1.
- Ауэзов М.** Сб. статей к его шестидесятилетию. Алма-Ата, 1959 г.

- Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1972 г.
- Ауэзова Л.** Исторические основы эпопеи «Путь Абая». Алма-Ата, 1969 г.
- Ауэзова Л.** Соотношение исторической правды и художественного вымысла в образе Абая. «Вестник АН КазССР», 1971 г. № 8.
- Ахметов Х. и Дюсенбаев И.** Романы М. Ауэзова об Абаяе. «Коммунист Казахстана», 1956 г. № 11.
- Ахтанов Т.** Водораздел, которого не было... «Вопросы литературы», 1971 г., № 9.
- Базилевич К.** «Емельян Пугачев», «Большевик» 1944 г., № 6.
- Баимов Р.** Историзм и время. «Вопросы литературы», 1968 г. № 4.
- Баимов Р.** Развитие принципа историзма в башкирской литературе 20—30-годов. М., 1968 (Автореферат кандидатской диссертации).
- Баранов В.** На пути к новому методу: (О творческих исканиях А. Толстого). «Вопросы литературы», 1967 г., № 8.
- Баранов В.** Революция и судьба художника. А. Толстой и его путь к социалистическому реализму. М., 1967 г.
- Баранов В.** Время — мысль — образ. Статьи о советской литературе. Горький, 1973 г.
- Бать Л.** Эпопея народной жизни. «Труд», 1959 г., 22 апреля.
- Бахметьев В.** Вячеслав Шишков. Жизнь и творчество. М., 1947 г.
- Белинков А.** «Юрий Тынянов» М., 1960 г.
- Берг А.** Литература, наука, жизнь. «Правда», 1967 г. 16 апреля.
- Бердібаев Р.** Роман және заман (қазақ совет әдебиеті туралы зерттеулер), Алматы, 1967 ж.
- Благой Д.** Из наблюдений над романом А. Толстого «Петр Первый». В кн.: Благой Д. «Литература и действительность» М., 1959 г.
- Боголюбова Н.** Из истории советского исторического романа 20-х годов (Автореферат) Л., 1953 г.
- Бородин С.** Выдающееся художественное произведение. «Казахстанская правда» 1949 г., 17 апреля.
- Брагинский И.** Садриддин Айни. Сталинабад, 1948 г.
- Брагинский И.** Ученый поэт. «Народ Азии и Африки», 1961 г. № 6.
- Брагин А.** Книга о народе и его певце. «Казахстанская правда», 1948 г., 14 ноября.
- Брайнина Б.** Мудрость рождается от свершенных мечтаний. «Москва», 1959 г. № 3.
- Бровман Г.** Правда исторического оптимизма. «Москва», 1964 г. № 1.
- Вальбе Б.** Роман о великом казахском поэте «Звезда», 1949 г., № 5.
- Вальбе Б.** «Абай продолжает путь...» «Звезда», 1959 г. № 12.
- Вальбе Б.** «Жизнь Клима Самгина» в свете истории русск. обществ. мысли. М.-Л., 1966 г.
- Габдиров И.** Роман М. Ауэзова «Путь Абая». Ученые записки КазГУ (язык и литература), 1957 г., т. XXV.
- Гей Н.** Пафос социалистического реализма. М., 1970 г.

Голубов С. Правда и вымысел в советском историческом романе. Советская литература и вопросы мастерства. Сборник статей. М., 1961 г.

Гольцев В. О советском историческом романе и романе К. Гамсахурдия. «Дружба народов», 1950 г. № 1.

Горький М. О литературе. М., 1961 г.

Громов П. Творческий путь О. Д. Форш. В кн.: О. Д. Форш, Соч. в 4 томах, т. 1. Гослит издат. М., 1956 г.

Громов П. Человек и история. Заметки о прозе Юрия Тынянова. В кн.: Герой и время. Л., 1961 г.

Добин Е. Жизненный материал и художественный сюжет. Л., 1958 г.

Додонова Н. Проблема характера в историческом романе А.Н. Толстого. (Автореферат кандидатской диссертации). М., 1963 г.

Дүйсенбаев Ы. Мухтар Ауэзов. (Мақалалар, естеліктер). Алматы, 1974 ж.

Елеукенов Ш. Современность исторических романов. В кн.: казахский роман и современность. Алма-Ата, 1967 г.

Зегерс А. Заметки о Достоевском. «Вопросы литературы». 1963 г., № 4.

Зелинский К. Путь поэта (О романе «Путь Абая»). «Правда», 1958 г. 3 августа.

Зенюк Ю. Казахская Илиада. «Алма-Атинская правда», 1960 г., 12 апреля.

Злобин С. «Воспитательное значение советской художественно-исторической литературы». В сб.: О детской литературе. Дет. издат. 1950 г.

Злобин Ст. О моей работе над историческим романом. В сб.: Советская литература и вопросы мастерства. М., 1957 г. вып. 1.

Злобин Ст. Задачи романа. «Вопросы литературы». 1965 г. № 9.

Злобин С. Роман и история. «Дружба народов», 1966 г. № 7.

Иванов В. Роман о песне. «Литературная газета», 1948 г., 10 ноября.

Иванов В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. (Очерки по марксистско-ленинской методологии исторического исследования). М., 1973 г.

Изотов И. Из истории критики советского исторического романа (20—30 годы). Ученые записки Оренбургского государственного педагогического института. Оренбург, 1967 г., вып. 23.

Изотов И. К поэтике финала в советском историческом романе. В кн.: Проблемы мастерства в изучении и преподавании художественной литературы. М., 1967 г.

Исмайылов Е. «Абай» романы туралы. «Майдан», 1945 ж., № 2.

Қазақтың тұңғыш эпопеясы. Алматы, 1957 ж.

Казахская советская литература в оценке зарубежной критики. Алма-Ата, 1971 г.

Каратаев М. Первая казахская эпопея «Путь Абая». «Казахская правда», 1956 г., 8 октября.

Каратаев М. Первая казахская эпопея. «Новый мир», 1957 г., №9.

Каратаев М. Мировое звучание казахской эпопеи. «Советский Казахстан». 1959 г., № 6.

- Каратаев М.** Щедрый талант. в кн.: «Рожденная Октябрем». Алма-Ата, 1958 г.
- Каратаев М.** Предисловие. В кн.: М. Ауэзов. «Путь Абая», т. 1. Алма-Ата, 1960 г.
- Каратаев М.** Некоторые вопросы творчества М. О. Ауэзова. «Известия АН КазССР». Серия общественных наук, 1964 г., вып. № 4.
- Каратаев М.** Орлиный полет. В кн.: М. Каратаев от домбры до книги. М., 1969 г.
- Каратаев М.** Путь к подвигу. В кн.: Каратаев М. Казахская литература. М., 1960 г.
- Каххар А.** От жизненного факта к художественному вымыслу. «Вопросы литературы», 1965 г., № 1.
- Кедрина З.** «Абай». «Правда», 1948 г., 20 декабря.
- Кедрина З.** Живая история. В кн.: З. Кедрина. Литературно-критические статьи. М., 1956 г.
- Кедрина З.** Путь в будущее. «Дружба народов», 1957 г., № 11.
- Кедрина З.** Торжество казахской литературы. «Новый мир», 1949 г., № 5.
- Кедрина З.** Эпопея казахского народа. «Советская Россия», 1959 г., 15 мая.
- Кедрина З.** Эпопея народной жизни. В кн.: Кедрина З. Из живого источника. Алма-Ата, 1966 г.
- Климович Л.** Роман об Абае. «Новый мир», 1949 г., № 6.
- Книпович Е.** О Тынянове. В кн.: Е. Книпович. В защиту жизни. М., 1959 г.
- Книпович Е.** Пути художника (О. Форш). «Москва», 1968 г. № 4.
- Книпович Е.** Художник и история. В кн.: «Ответственность за будущее». М., 1973 г.
- Книпович Е.** Чувство истории. В кн.: «Ответственность за будущее». М., 1973 г.
- Козьмин Б.** Литература и история. Сб. статей. М., 1969 г.
- Кондюрина Э.** К вопросу о становлении метода социалистического реализма в исторической прозе 30-х годов. Вильнюс. Ученые записки Вильнюсского университета. 1958 г. № 24.
- Костелянец Б.** Проза Тынянова. В кн.: Ю. Тынянов. Соч. в 3-х томах, т. 1. Гослитиздат, М.-Л., 1959 г.
- Кудряшова Е.** Степан Злобин как автор исторических романов. Белгород, 1961 г.
- Кудрова И.** Старое и новое в изучении А. Н. Толстого. «Русская литература», 1963 г., № 2.
- Кузнецов М.** Спор об историческом романе. «Вопросы литературы», 1961 г., № 2.
- Лебединский Ю.** Путь великого просветителя. «Литературная газета», 1951 г., 13 декабря.
- Ленобль Г.** История и современность. «Дружба народов», 1959 г., № 11.
- Ленобль Г.** История и литература. М., 1960 г.
- Ленобль Г.** Ст. Злобин и его роман «Салават Юлаев». В кн.: Злобин С. Салават Юлаев. М., 1962 г.
- Ленобль Г.** Писатель и его работа. М., 1963 г.
- Ленобль Г.** Писатель, историк и критик. «История СССР», 1964 г., № 6.

- Ленобль Г.** Истинно народный... К 90-летию со дня рождения В. Я. Шишкова. «Литературная газета», 1963 г. 3 октября.
- Лизунова Е.** Эпопея о казахском народе. «Советский Казахстан», 1957 г., № 3.
- Лизунова Е.** Подвиг писателя. «Казахстанская правда» 1959 г. 24 апреля.
- Лизунова Е., Дюсенбаев И.** Писатель и народ. «Октябрь», 1959 г., № 9.
- Лизунова Е.** Мастерство М. Ауэзова-романиста. В кн.: Е. Лизунова. Современный казахский роман. Алма-Ата, 1964 г.
- Лизунова Е.** Поэт и народная эпопея. В кн.: Е. Лизунова «Мастерство Мухтара Ауэзова». Алма-Ата, 1968 г.
- Лихачев Д.** Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения. «Русская литература», 1965 г. № 1.
- Лихачев Д.** Человек в литературе древней Руси. Л., 1958 г.
- Ломидзе Г.** Единство и многообразие. М., 1957 г.
- Ломидзе Г.** Интернациональный пафос советской литературы. М., 1970 г.
- Ломидзе Г.** Ленинизм и судьбы национальных литератур. М., 1972 г.
- Лосев А.** «Емельян Пугачев» Вяч. Шишкова и проблема жанра советского исторического романа. Автореферат канд. дис. Иркутск., 1959 г.
- Луговцев Н.** Творчество Ольги Форш. Л., 1964 г.
- Макаровский Г.** Истор. роман 20-х годов и «Петр Первый» А. Н. Толстого. В кн.: «Проблемы развития советской литературы 20-х годов». Сб. статей. Саратов, 1963 г.
- Мансуров А.** Творческая фантазия и художественная правда. «Звезда Востока», 1968 г. № 1.
- Мартыненко О.** Трилогия О. Форш «Радищев». Автореферат канд. дисс. Л., 1966 г.
- Маслин Н. Юрий Тынянов.** В кн.: Черты новаторства советской литературы. М.-Л., 1960 г.
- Содружество наук и тайны творчества. Под редакцией Б. Мейлаха. М., 1968 г.
- Мессер Р.** Советская историческая проза. Л., 1955 г.
- Мессер Р.** Ольга Форш. Л., 1955 г.
- Метченко А.** Историзм и догма. «Новый мир», 1956 г., №12.
- Михеева А.** Проблема использования художественного вымысла в историческом романе С. П. Злобина «Ст. Разин». (Автореф. канд. дисс.). Томск, 1955 г.
- Мүсірепов Ғ.** «Абай» романы туралы. Кітапта: М. О. Әуезовке, Алпыс жылдығына арналған мақалалар жинағы. Алматы, 1959ж.
- Назаренко В.** Пути художественного вымысла. «Звезда», 1960 г. № 1.
- Национальное и интернациональное в советской литературе. (Сб. статей под ред. Г. И. Ломидзе) М., 1971 г.
- Невская Б.** Салем от Абая. «Простор», 1962 г. № 8.
- Нечкина М. А. С.** Грибоедов и декабристы. М., 1947 г.
- Нусудбеков А. М. О.** Ауэзов в советской историографии. «Известия АН КазССР» Серия обществ., 1968 г. № 3.
- Овчаренко А.** Роман-эпопея М. Горького «Жизнь Клима Самгина». М., 1965 г.

- Окунь С.** Историзм Ю. Н. Тынянова и современная историческая наука. «Вопросы истории», 1966 г., № 8.
- Оскоцкий В.** Роман и история. «Вопросы литературы». 1973 г., № 8.
- Оскоцкий В.** Связь времен. «Новый мир», 1972 г., № 4.
- Осипов К.** Доклад на конференции по историческому роману. «Исторический журнал», 1944 г., № 1.
- Османова З.** Путь Абая. «Новый мир», 1959 г., № 6.
- Орлов С.** О жанровом своеобразии исторического романа. Уч. записки Горьковского гос. пед. института им. А. М. Горького т. XXII, серия филологии., 1958 г.
- Паустовский К.** Чувство истории. «Вопросы литературы», 1965 г. № 9.
- Пауткин А.** Исторический роман 30-х годов. В кн.: Русская советская литература. Учпедгиз, М., 1958 г.
- Пауткин А.** Истор. георой и современность (Заметки об образе Петра у А. Толстого). Вест. МГУ. Серия 7. фил. журн., 1962 г. № 5.
- Петров С.** Проблема исторического романа в эстетике В.Г. Белинского. В кн.: «Наследие Белинского» (Сб. статей). М., 1952г.
- Петров С.** Советский исторический роман в годы Великой Отечественной войны. Ученые записки Института мировой литературы им. Горького АН КазССР. М., 1952 г., т. 1.
- Петров С.** Советский исторический роман. «Советский писатель», М., 1958 г.
- Петров С.** Исторический роман в русской литературе. М., 1966 г.
- Поляк Л.** Алексей Толстой — художник. М., 1964 г.
- Поляк Л.** Человек и история «Новый мир» М., 1967 г., № 10, с. 230—247.
- Поляков А.** Проблема изображения народа и героя в романе С. П. Злобина «Степан Разин». автореферат. канд. дисс. М., 1953.
- Поликанов А.** Факты и вымысел. «Литература и жизнь», 1959 г., 30 августа.
- Попов В.** Проблема истории и вымысла в советском романе о Ст. Разине. Автореферат канд. дисс. Львов, 1964 г.
- Попов В.** О роли фантазии в создании художественной правды советского исторического романа. В сб.: «Проблема реализма и художественной правды». Львов, 1961 г.
- Предтеченский А.** Художественная литература как исторический источник. Вестник Ленинградского университета. 1962 г. Серия истории, языка и литературы, вып. 3, № 14.
- Раджабов З.** Садриддин Айни — историк таджикского народа. Сталинабад, 1951 г.
- Разгон Я., Ян Я.** Критико-биографический очерк. М., 1969г.
- Русские о казахской литературе. Алма-Ата, 1957 г.
- Сатпаев К.** Выдающееся произведение казахской советской литературы. В сб.: М. Ауэзову. Сборник статей к его шестидесятилетию. Алма-Ата, 1959 г.
- Серебрянский М.** Советский исторический роман. Гослитиздат. М., 1936 г. или «Литературная учеба», 1936 г. № 4, 5, 9.
- Сериккалиев З.** Некоторые вопросы современного казахского исторического романа. (Афтореферат канд. дисс.) Алма-Ата, 1969г.

Сильченко М. Роман о классике казахской литературы. «Большевик Казахстана», 1948 г. № 12.

Сильченко М. Ученый в поэзии, поэт в науке. «Известия» АН КазССР, серия общ., 1967 г., № 6.

Сильченко М., Смирнова Н. Творческий путь Ауэзова. Алма-Ата, 1957 г.

Скалдина Р. Исторические романы О. Форш. (Автореферат канд. дис.). Л., 1966 г.

Скосырев П. Роман об Абая «Комсомольская правда», 1949 г., 11 апреля.

Скосырев П. Певец казахского народа. «Советская культура», 1959 г., 23 апреля, № 51.

Скосырев П. 60-летие М. Ауэзова. В кн.: Наследство и поиски. М., 1961 г.

Смирнова Н. «Абай», «Советская этнография», 1949 г., № 4.

Смирнова В. Путь Абая — путь народа. В кн.: С. Смирнова. Современный портрет. М., 1964 г.

Соболев Л. Литература, рожденная революцией. «Литературная газета», 1949 г., 7 мая.

Содружество наук и тайны творчества. (Сб. статей). Под редакций Б. Мейхала. М., 1968 г.

Содружество наук — требование времени. «Вопросы литературы». 1963 г. № 11.

Соловей Н. Советский исторический роман о Степане Разине. (Автореферат канд. диссертации). М., 1954 г.

Стариков Д. Связь времен. М., 1970 г.

Сучков Б. Исторические судьбы реализма. М., 1970 г.

Тамарченко А. Ольга Форш. Жизнь, личность, творчество. М.-Л. 1966 г.

Толстой А. О литературе. М., 1956 г.

Тынянов Ю. Из записных книжек «Новый мир», 1966 г., №8.

Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания, размышления, встречи. М., 1967 г.

Удонова З. Основные этапы развития советского исторического романа. М., 1961 г.

Усвяцева Р. Роман «Абай» во Франции. «Известия АН КазССР». Серия обществ. наук, 1966 г. № 1.

Фадеев А. О романе «Абай» М. Ауэзова. В кн.: Русские о казахской литературе. Алма-Ата, 1957 г.

Федин К. Памяти А. Н. Толстого. В кн.: К. Федин. Сочинения, т VI. М., 1954 г.

Федин К. Ю. Тынянов. В кн.: Федин К. писатель, искусство, время. М., 1957 г.

Федин К. Соратник. «Литературная газета», 1961 г. 29 июня.

Федин К. Большой мастер и учитель (К 90-летию со дня рождения О. Форш) «Литературная газета», 1963 г. 30 мая.

Федин К. Как мы пишем. М., 1966 г.

Фетисов М. Писатель и ученый. «Казахстанская правда», 1946 г., 5 марта.

Фетисов М. Казахская народная эпопея. «Известия», 1957 г., 18 мая.

Хмельницкая Т. Исследовательский роман. Историческая проза Ю. Тынянова. В кн.: Т. Хмельницкая. «Голоса времени». М.-Л., 1963 г.

Филатова А. Советский исторический роман. Итоги его изучения и перспективы. «Русская литература», 1973 г., № 1.

Черепнин Л. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., «Мысль», 1968 г.

Чичерин А. Возникновение романа-эпопеи. М., 1958 г.

Шалабаев Б. Образ народа и поэта в эпопее М. Ауэзова. В кн.: Б. Шалабаев. Казахская литература. Алма-Ата, 1965 г.

Шкловский В. Наш современник (О. Форш). «Литературная газета», 1963 г., 28 мая.

Щербина В. Социалистический реализм и исторический роман. Сборник статей. М., 1949 г.

Щербина В. А. Н. Толстой. Творческий путь. М., 1956 г.

Яковлев А. Против антиисторизма. «Литературная газета». 1972 г., 15 ноября.

Ян В. Путешествие в прошлое. «Вопросы литературы». 1965 г. № 9.

Ян В. Проблемы исторического романа. «Литература и искусство», 1943 г. 15 мая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава I. Историческая действительность в эпосе «Путь Абая»	25
Глава II. Социально-экономические изменения в казахском обществе на рубеже двух веков и их отображение в эпосе.	111
Глава III. Абай Кунанбаев и его среда	176
Глава IV. Русские политические ссыльные — друзья Абая.	240
Глава V. Особенности историзма повести М. Ауэзова «Лихая година»	275
Заключение	297
Использованная литература. Архивные источники.	306

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

АУЭЗОВА Лейля Мухтаровна

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА В ТВОРЧЕСТВЕ М. АУЭЗОВА

(на русском языке)

Редакторы **А. Акишева, Д. Шуканова**
Художественный редактор **К. Турекулов**
Технический редактор **Ф. Овчинникова**

ИБ № 325

Сдано в набор 7.04.97. Подписано в печать 28.05.97. Печать
офсетная. Формат 84x108 1/32. Усл.п.л. 16,8. Уч.-изд.л. 17,8.
Заказ № 398. Тираж 2000 экз. Цена договорная.

Государственное издательство «Санат», 480012, г. Алматы, ул.
Байтурсынулы, 65 «А».

Полиграфкомбинат Национального агентства по делам печати и
массовой информации Республики Казахстан. 480002, Алматы
ул. М. Макатаева, 41.